

ГОДЪ

ЛИ

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣотъ
ПЯТЬ руб., съ переобыкою ШЕСТЬ
рублей.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

№№ 18—19.

1912-го года 29 апрѣля—6-го мая.

Содержаніе: I. Духовенство и сельское хозяйство. Кир. Тихомировъ.—
II. Изъ жизни Орловскаго Православнаго Братства во имя св. апо-
столовъ Петра и Павла. Свящ. В. Пестряковъ.—III. О Византій-
скомъ архитектурномъ стилѣ. Н. Пальмовъ.—IV. На благословен-
номъ югѣ. Николай Колосовъ.—V. Замѣтка. Положеніе объ окруж-
ныхъ контролерахъ по свѣчной торговлѣ Воронежской епархіи.

Духовенство и сельское хозяйство.

I.

Наступила весна и взоры десятковъ миллионовъ про-
стого народа обратились къ полямъ, на которыхъ теперь
закипитъ работа. А между тѣмъ кто не знаетъ, при какихъ
тяжелыхъ условіяхъ проходить эта работа въ деревнѣ. Всѣ
знаютъ, что крестьянское хозяйство, съ его вѣками освя-
щеннымъ трехпольемъ, съ отсутствіемъ примѣненія машинъ,
стоитъ на самомъ низкомъ уровнѣ, даетъ такъ мало ему
прибыли, и такъ оно поставлено ненаучно, что вопросъ

только времени о совершенной его ликвидаціи. И наше правительство давно изыскиваетъ средства улучшить экономическую жизнь простого народа, научить его лучшимъ, основаннымъ на агрономической наукѣ, способамъ веденія сельскаго хозяйства, и избавить его чрезъ это отъ нищества и регулярно повторяющихся по разнымъ мѣстамъ нашей обширной родины крестьянскихъ голодовокъ.

Въ виду этого и Государственная Дума, и интеллигентное общество неоднократно и единодушно высказываютъ пожеланіе, чтобы въ этой культурной работѣ — оживленія крестьянскаго хозяйства—приняло дѣятельное участіе и наше сельское духовенство. Справедливость такого пожеланія едва-ли можно оспаривать. Въ самомъ дѣлѣ, кому-бы, кажется, какъ не священнику, являющемуся въ селѣ весьма часто единственнымъ культурнымъ человѣкомъ, принять живое участіе и активное содѣйствіе въ столь необходимой работѣ по оздоровленію и хозяйственному упорядоченію народной жизни въ деревнѣ? Вѣдь ему всегда такъ близко знакомъ и понятенъ народный бытъ и такъ хорошо извѣстны всѣ народныя нужды.

Въ былую пору на хозяйственныя поля выходилъ съ крестьянами и священникъ, и здѣсь пастырь и пасомые сливались въ одну семью труда, заботъ и общихъ молитвъ Господу Богу о помощи въ работѣ и урожаѣ. Бывало крестьянинъ охотно шелъ къ батюшкѣ посоветоваться: когда начинать пахать, сѣять, косить и проч. Такъ было въ старину. Теперь не то. Теперь уже многіе сельскіе пастыри тяготятся земледѣльческимъ трудомъ, считаютъ для себя униженнымъ копаться въ землѣ,—а потому забросили свои хозяйства и очень часто сдаютъ церковныя земли или „съ половины“, или совсѣмъ въ полное распоряженіе арендаторовъ, которыми эти земли безжалостно истощаются.

Но возможно ли вообще говорить объ униженности земледѣльческаго труда у насъ, въ Россіи, когда въ сознаниіи крестьянства этотъ трудъ имѣетъ особое религіозно-

нравственное значеніе, есть трудъ самый чистый, освящающій жизнь. Намъ ли стыдиться этого труда, если житія угодниковъ Божіихъ полны примѣрами трудолюбія въ формахъ самаго низкаго, чернаго труда? Вспомнимъ св. Трифона, который пасъ гусей; св. Спиридона, державшаго овчарню; Конона огородника и многихъ другихъ. А какой высокой школой труда была наша древняя монастырская жизнь!

Монастыри содѣйствовали расчисткѣ громаднхъ дремучихъ лѣсовъ, покрывавшихъ среднюю и сѣверную Россію, и превращенію первобытной лѣсной чащи и непроходимыхъ болотъ въ плодородныя полевыя и луговыя угодья. И монастыри этого времени останутся навсегда памятными по своимъ огромнымъ историческимъ заслугамъ нашей родинѣ. Но какъ монастырскій трудъ въ исторіи нашей крестьянской колонизаціи сыгралъ роль часто невольнаго, но зато всегда счастливаго ея путеводителя, такъ и сельско-хозяйственный трудъ священника долженъ имѣть въ русской народной жизни огромное моральное значеніе.

Независимо отъ того, что этотъ трудъ лишнимъ звеномъ связываетъ пастыря и пасомыхъ, онъ открываетъ ему новую область руководства надъ ними. Это руководство выразится, прежде всего, въ воспитаніи въ трудящемся уваженія къ землѣ, какъ своей кормилицѣ вѣковѣчной—неизмѣнной. Необходимымъ условіемъ прочнаго народнаго хозяйства является народное здоровье—разумѣется, духовное, нравственное. А между тѣмъ сельская жизнь въ послѣднее время настолько понизилась въ религіозно-нравственномъ отношеніи, что привлеченіе духовными пастырями пасомыхъ къ разумному труду уже само по себѣ, какъ отвлекающая отъ праздности сила, направляющая мысль и воображеніе въ сторону здоровой дѣятельности, очистила бы жизнь нашей деревни отъ того сора, который въ ней накопился. Это тѣмъ болѣе необходимо, что нашъ народъ теперь, подъ вліяніемъ экономическаго оскудѣнія и крайняго истощенія земли, вслѣдствіе примитивнаго способа обработки ея, начинаетъ избѣгать сельско-хо-

зайственнойнаго труда и устремился въ пойскахъ за легкимъ хлѣбомъ въ города. Здѣсь, находясь внѣ пастырскаго вліянія, народъ, особенно молодежь, быстро опускается религіозно и нравственно, и эта распущенность и озорство деревенскаго люда часто переходитъ ту черту, когда необходимо уже на-стойчивое и дружное общественное воздѣйствіе, чтобы съ нимъ бороться успѣшно. А вѣдь эти отравленные ядомъ испорченные элементы изъ города опять возвращаются въ деревню, разнося ядъ по ея тихимъ и до того времени мирнымъ поселкамъ. Вотъ какія послѣдствія происходятъ, когда крестьяне отрываются отъ своей кормилицы—земли. И литература художественная, и публицистика, и даже народная литература въ одинъ голосъ говорятъ о томъ, что народъ былъ крѣпокъ духомъ только до тѣхъ поръ, пока крѣпко сидѣлъ на землѣ; какъ только онъ сталъ сниматься съ мѣста и направлялся въ города и на фабрики, такъ духовное не-домоганіе, а порою и прямо болѣзнь, какъ какая эпидемія, стали распространяться въ народѣ.

Оторваться отъ земли значить—оторваться отъ здороваго народнаго корня.—Помня эту роль земли въ нашей народной жизни, духовенству слѣдовало бы показать примѣръ, какъ лучше держаться земли—этого могучаго питомника народнаго духа, а не самому показывать первый примѣръ барскаго презрѣнія къ обработкѣ народной навѣ. Участіе духовенства въ земледѣльческой культурѣ, чѣмъ оно выразится сильнѣе, тѣмъ лучше подчеркнетъ этическое значеніе обработки природныхъ богатствъ земли, какъ нашего національнаго общественнаго долга.

Часто ссылаются на то, что земледѣльческій трудъ не окупаеть тѣхъ затратъ и хлопотъ, которыя онъ доставляетъ сельскому священнику, особенно при нынѣшней повышенной заработной платѣ. Но такъ ли обстоитъ дѣло въ дѣйствительности?

Трудно найти хуже условія для сельскаго хозяйства, чѣмъ въ сѣверныхъ губерніяхъ, однако вотъ какой случай

разсказываетъ въ „Новгород. Епарх. Вѣд.“ священникъ А. Астренинъ. Прихожане одного приписного къ сосѣдней церкви прихода просили преосвященнаго дать имъ отдѣльнаго священника.

— „У васъ приходъ малъ и бѣденъ, отвѣчалъ владыка, и отдѣльному причту нечѣмъ въ немъ жить“.

— „Да вѣдь раньше, ваше преосвященство, жилъ у насъ священникъ, отвѣчали прихожане, да еще построилъ для себя хорошій собственный домъ на каменномъ фундаментѣ, приобрѣлъ собственныхъ двѣ пустоши по нѣсколько десятинъ земли, да выучилъ дѣтей въ Новгородѣ и Питерѣ“.

На такой неожиданный отвѣтъ преосвященный ничего не могъ возразить. Оказалось, что покойный священникъ на бѣдномъ и маломъ приходѣ жилъ зажиточно сельскимъ хозяйствомъ, пчеловодствомъ и садоводствомъ. Такъ обстоитъ дѣло на сѣверѣ. Про нашъ же юго-западъ, гдѣ земля—настоящее золото, если къ ней умѣло приложить трудолюбивыя руки,—не можетъ быть и рѣчи; здѣсь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ только отъ одной земли священникъ получаетъ полное и изобильное обезпеченіе. Бездоходность и малодоходность церковныхъ земель зависитъ отъ неохоты сельскихъ батюшекъ вложить настоящей трудъ въ землю, познакомиться съ сельскимъ хозяйствомъ и новыми рациональными способами его веденія. Посмотрите, много-ли на церковныхъ земляхъ хорошихъ садовъ, благоустроенныхъ пасѣкъ; развито ли травосѣяніе и устройство образцовыхъ сѣвооборотовъ? Много-ли причтовъ вообще прилагаютъ усилія къ тому, чтобы научить крестьянъ болѣе интенсивной и производительной обработкѣ своихъ полей?—Пусть сидитъ мужикъ совѣмъ въ потемкахъ и разбирается во всемъ своимъ умомъ...

Правда, каждый священникъ вправѣ сказать, что у него слишкомъ много своего прямого дѣла,—это дѣло не только церковная служба, требоисправленія, но и школа, а порою двѣ и три. Все это такъ, но вѣдь та культурная ра-

бота, которую могъ бы нести сельскій священникъ, будетъ совершаться имъ попутно, чаще всего не требуя ни лишнихъ разъѣздовъ, ни большой затраты времени и труда. Въдъ главныя сельско-хозяйственныя работы—полевыя, садовыя, пчеловодныя падаютъ на вакаціонное, лѣтнее время, свободное отъ школьныхъ занятій, и только весьма небольшая часть этихъ работъ захватываетъ учебный сезонъ. Не только въ маленькихъ приходгахъ, но и большихъ—крестьяне въ страдную пору рѣдко беспокоятъ священника въ рабочій день, они стараются пріурочивать всѣ требы къ воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, чтобы не терять золотого рабочего времени. Такимъ образомъ у священника лѣтомъ остается много свободного времени, которое онъ порою не знаетъ, чѣмъ заполнить.

Казалось-бы, сельскому духовенству и для собственныхъ выгодъ слѣдовало бы научить крестьянъ болѣе рациональной и продуктивной обработкѣ кормилницы земли. Въдъ благосостояніе сельскаго священника, благодаря необезпеченности его приличнымъ и опредѣленнымъ жалованьемъ, находится въ тѣсной, скрѣпленной вѣками, зависимости отъ благосостоянія крестьянъ. Богатъ нашъ простолюдинъ, хорошій урожай у него,—онъ даетъ хорошіе доходы и своему духовенству. Едва ли найдутся въ нашей православной Руси такіе сельскіе пастыри, которые не пожелали бы, чтобы ихъ прихожане, простые поселяне, сдѣлались бы людьми состоятельными и зажиточными?

Помогая духовному росту и возвышенію души крестьянина, наше духовенство не должно забывать и его общественной—экономической жизни. Какое бы огромное культурное вліяніе имѣло бы духовенство на народъ, еслибы приняло дѣятельное участіе въ правильной и образцовой постановкѣ земледѣльческаго труда устройствомъ сельскаго хозяйства и ремеслъ въ селахъ. Не надо забывать, что бѣдность—мать пороковъ, что мало утѣшить, ободрить словами

отягченнаго ношею жизни чловѣка, нужно постараться снять съ него ту часть этого бремени, которая надрываетъ его силы. И какъ это нужно нашей бѣдной деревнѣ!

Кир. Тиломировъ.

Изъ жизни Орловскаго Православнаго Братства во имя св. Апостоловъ Петра и Павла.

(По отчету за 1911 годъ).

Орловское Петро-Павловское Братство, вступившее въ 25 годъ своего существованія, кромѣ общихъ для такого рода учрежденій представляетъ и свои особыя черты, заслуживающія быть особо отмѣченными. Общая дѣятельность Братства выразилась въ пополненіи церковно-приходскихъ библиотекъ въ епархіи, въ содержаніи безплатной библиотeki-читальни въ г. Орлѣ, въ безмездной раздачѣ и удешевленной продажѣ духовныхъ книгъ, брошюръ и листовъ, въ содержаніи церковно-приходской школы, въ заботахъ о поддержаніи миссіи, въ организациі чтеній, бесѣдъ и лекцій въ г. Орлѣ.

Пополненіе церковно-приходскихъ библиотекъ книгами религіозно-нравственнаго содержанія поставлено Орловскимъ Братствомъ очень широко, что видно изъ того, что въ отчетномъ году на издательство и выписку такихъ книгъ и брошюръ истрчено было 5690 рублей. Книги выписывались и разсылались преимущественно миссіонерскаго содержанія.

Такъ, Братствомъ выписаны и разсланы по церквамъ такія капиталныя пособія и руководства въ противосектантской работѣ какъ: „Миссіонерскія бесѣды съ штундо-баптистами“ миссіонера Д. И. Боголюбова—900 экземпляровъ; „Опытъ православнаго противо-сектантскаго Катихизиса“ Епископа Чистопольскаго Алексія—900 экземпляровъ; „Миссіонерскій щитъ вѣры“ и „Миссіонерская Симфонія на Ветхій и Новый Завѣтъ“ по 660 экземпляровъ. Самимъ Братствомъ издана полезная и нужно потребная въ каждомъ приход-

скомъ храмѣ брошюра: „Руководственныя наставленія для участвующихъ въ церковно-богослужебномъ чтеніи“.

Въ бесплатную бібліотеку-читальню, вмѣщающую въ себѣ свыше 3-хъ тысячъ томовъ, Братствомъ выписывалось и получалось 31 газета и журналы. Къ сожалѣнію, бібліотека-читальня посѣщалась сравнительно мало; всѣхъ посѣтителей, хотя она была открыта два раза въ день, за отчетный годъ было 2037. Къ неблагопріятнымъ условіямъ пользованія братскою бібліотекою, по отчету, относятся отдаленность ея отъ центра города и совмѣщеніе съ нею, въ одной небольшой комнатѣ, иконно-книжнаго склада Братства. Отъ себя замѣтимъ, что въ числѣ журналовъ, выписываемыхъ Братствомъ въ свою читальню, полезно было бы имѣть журналы для дѣтей, по народному религіозно-нравственному воспитанію, по медицинѣ, сельскому хозяйству и по организаціи кассъ взаимопомощи, потребительскихъ обществъ и мелкаго кредита.

Не ограничиваясь распространеніемъ книгъ, брошюръ и листовъ въ самомъ г. Орлѣ, Петро-Павловское Орловское Братство имѣло 93 иконно-книжныхъ склада во всѣхъ уѣздныхъ городахъ, во всѣхъ благочинническихъ округахъ, въ большихъ торговыхъ и фабричныхъ селахъ. Резолюціей епархіального епископа на журналѣ Просвѣтительно-благотворительной Комиссіи настоятелямъ монастырей и церковей рекомендовано „составить списокъ необходимыхъ книгъ, брошюръ, листовъ, иконъ, священныхъ изображеній какъ для продажи, такъ и для бесплатной раздачи богомольцамъ. На указанныя издержки разрѣшается расходовать изъ церковныхъ суммъ единовременно отъ 10 до 15 рублей и въ обителяхъ до 25 рублей“.

Религіозно-просвѣтительная дѣятельность Братства въ видѣ чтеній, бесѣдъ и лекцій была поставлена довольно широко. Не довольствуясь устройствомъ бесѣдъ и чтеній популярнаго характера, Орловское Братство предприняло „серьезныя попытки къ духовному оздоровленію интеллигенціи и къ сближенію ея съ церковью, для чего Братствомъ былъ

организованъ цѣлый рядъ богословскихъ лекцій по жгучимъ вопросамъ, занимающимъ современное общество“.

Кромѣ мѣстныхъ силъ, въ чтеніи лекцій принялъ участіе нарочито приглашенный изъ Москвы извѣстный свѣтскій писатель, редакторъ „Религіозно-философской бібліотеки“, М. А. Новоселовъ. Имъ предложены были двѣ платныхъ (въ пользу О-ва вспомошествованія нуждающимся учителямъ и учительницамъ церковно-приходскихъ школъ Орловской епархіи) лекціи на тему: „Противорѣчія въ природѣ чело-вѣка по свидѣтельству древняго и новаго міра и разрѣшеніе ихъ въ христіанствѣ“ и „Догматика, этика и мистика въ составѣ христіанскаго вѣроученія“.

Братствомъ поставленъ на прочную почву вопросъ объ устройствѣ въ г. Орлѣ „Епархіальнаго дома“. Новое, и притомъ положительное направленіе въ рѣшеніи этого дѣла далъ вопросъ... объ эпитиміяхъ. Такъ какъ мѣстные монастыри не нашли удобнымъ, согласно указа Св. Синода, отвести для лицъ, посылаемыхъ на эпитимію, одинъ какой либо изъ мѣстныхъ монастырей, то они предпочли устроить въ г. Орлѣ подворье съ церковью для эпитимійцевъ, а такъ же для удовлетворенія прочихъ религіозно-просвѣтительныхъ нуждъ Орловской епархіи, на что и рѣшили ассигновать изъ своихъ средствъ 30 т. рублей. По 15 тысячъ рублей обязались внести Епархіальный Училищный Совѣтъ и Православное Петро-Павловское Братство; сверхъ того постановлено ходатайствовать предъ Св. Синодомъ и предъ Училищнымъ Совѣтомъ при Синодѣ объ ассигнованіи ими по 10 тысячъ рублей.

Петро-Павловское Братство стремилось войти въ тѣсную связь и единеніе со всѣми вообще церковно-просвѣтительными и благотворительными учрежденіями епархіи, давало нѣкоторымъ изъ нихъ руководственныя указанія, знакомилось съ ихъ отчетами, жизнью и дѣятельностью. Въ самомъ уставѣ Братства предположено внести измѣненіе, именно „сосредоточить въ Братствѣ религіозно-просвѣтительную и благотворительную дѣятельность всѣхъ малыхъ богоугодныхъ учре-

ждений: приходскихъ попечительствъ, братствъ, совѣтовъ и пастырскихъ собраній, какъ градскихъ такъ и сельскихъ; наконецъ, предоставить возможность принимать участіе въ благихъ начинаніяхъ Епархіальнаго Братства предсѣдателямъ или ихъ замѣстителямъ прочихъ благотворительныхъ обществъ Орловскаго края чрезъ приглашеніе ихъ въ Совѣтъ Братства въ качествѣ непремѣнныхъ членовъ по вопросамъ христіанскаго благотворенія и религіозно-правственнаго просвѣщенія“.

Мѣра эта, безспорно полезная, могущая не только объединить, но и оживить дѣятельность приходскихъ учреждений, имѣеть въ себѣ и нѣкоторую опасность подавленія и стѣсненія этихъ самыхъ учреждений излишней опекой, принудительностью и регламентаціей жизни церковныхъ живыхъ ячеекъ. Это всегда нужно помнить въ тѣхъ случаяхъ, когда идетъ вопросъ объ объединеніи многочисленныхъ и многообразныхъ учреждений.

Изъ другихъ благихъ начинаній Орловскаго Братства отмѣтимъ: проектъ съѣзда-собора представителей выборныхъ изъ братчиковъ на чрезвычайное собраніе со всей Орловской епархіи и ходатайство объ учрежденіи нагруднаго знака для братчиковъ, въ виду предстоящаго въ 1912 г. 25-лѣтняго юбилея Орловскаго Братства.

Вопросъ о нагрудныхъ знакахъ для своихъ членовъ возбуждался многими братствами; нѣкоторыя изъ этихъ ходатайствъ и удовлетворялись: въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“ были помѣщены рисунки утвержденныхъ знаковъ. Намъ думается, что въ виду наступившаго оживленія дѣятельности приходскихъ братствъ и попечительствъ назрѣло уже время выработать одинъ общій для всѣхъ ихъ знакъ съ тѣмъ, чтобы измѣнялись въ нихъ лишь названія отдѣльныхъ епархіальныхъ и приходскихъ учреждений.

Изъ источниковъ средствъ Орловскаго Петро-Павловскаго Братства обращаетъ вниманіе одинъ,—съ нимъ мы встрѣчаемся впервые,—это обложеніе въ пользу Братства лицъ, получающихъ награды по духовному вѣдомству: въ отчетномъ году эта статья дохода дала Братству довольно значи-

тельную сумму въ 767 рублей. (Какія награды и въ какомъ размѣрѣ обложены, изъ отчета, къ сожалѣнію, не видно). Если принять во вниманіе, что дѣятельность и жертвы на братскія нужды должны быть совершенно добровольными, что лица, получающія награды, несутъ значительный расходъ на приобрѣтеніе этихъ наградъ, то едва-ли указанную мѣру можно прязнать особенно цѣлесообразной и даже законной.

Свящ. В. Пестряковъ.

О Византійскомъ архитектурномъ стилѣ.

Когда изслѣдователи входятъ въ оцѣнку художественныхъ достоинствъ Византійскаго архитектурнаго стиля, они обычно останавливаются вниманіемъ на той печати вѣковѣчности, величія, важности и силы, которая неизмѣнно лежитъ на всѣхъ храмовыхъ сооруженіяхъ этого стиля. Не безъ основанія говорятъ, что указанная качества какъ нельзя болѣе соотвѣтствуютъ благодатной силѣ и мощи христіанства, ниспосланнаго въ міръ свыше, сокрушить и истребить которое отъ лица земли не возмогутъ, по обѣтованію Божію, даже врата адовы. Сила и мощь дарованы христіанству крестомъ Христовымъ, и вотъ этотъ то крестъ Христовъ и лежитъ въ самомъ основаніи византійскаго храма, какъ надежнѣйшій оплотъ Церкви и залогъ прочности храма. На сердцевину креста какъ бы спускается само небо;—свѣтлое и ясное, животворными лучами своими, оно озаряетъ храмъ, проникая сюда чрезъ многочисленныя окна, а главное—чрезъ куполь, самымъ устройствомъ своимъ еще разъ напоминающій христіанину о небѣ... Не надо обладать глубокими познаніями въ области искусства, чтобы воспринимать небесную красоту византійскаго храма и знаменательность устройства его частей. Все это безъ труда *чувствуется* даже профаномъ въ искусствѣ. Вспомнимъ, какъ нѣкогда поразилъ храмъ св. Софіи нашихъ предковъ, созерцавшихъ его съ непосредственнымъ чувствомъ полупатріархальнаго народа. Ходившіе

по разнымъ странамъ для испытанія вѣры, послы св. Владиміра такъ выражали свои впечатлѣнія по прїѣздѣ изъ Константинополя: „Прїидомъ въ греки, и ведоша ны, идѣже служатъ Богу своему; и не вѣмы, на небѣ ли были есьмы; нѣсть бо на земли такого вида, ни красоты таковыя; и недоумѣваемъ сказати, токмо вѣмы, яко всюду Богъ съ человѣки пребываетъ, и есть служба ихъ паче всѣхъ странъ. Мы убо не можемъ забыть красоты тоя: всякъ человѣкъ, аще вкусить сладка, послѣди горести не прїемлетъ“. „Ни одинъ изъ храмовъ другихъ христіанскихъ стилей, совершенно справедливо утверждаетъ покойный проф. П. А. Лашкаревъ въ своей „Религіозной монументальности“,—не можетъ указать на подобное торжество святого искусства надъ грубыми умами и чувствами варваровъ-язычниковъ, — торжество, имѣвшее значительное вліяніе на обращеніе въ христіанство цѣлаго многочисленнаго народа“¹⁾.

Изученіе особенностей визант. архитектурнаго стиля, воплотившагося въ безпримѣрномъ по художественной красотѣ и великолѣпію внутренней отдѣлки величайшемъ памятникѣ религіозной монументальности Софіи Константинопольской, тѣмъ болѣе интересно, что византійскій стиль—родной для насъ русскихъ,—кровно намъ близкій, ибо въ томъ же византійскомъ стилѣ сооружены всѣ древнѣйшіе русскіе храмы, составляющіе нашу святыню не только религіозную, но какъ бы даже и національную. Въ этомъ стилѣ построаются нерѣдко и въ наши дни грандіозныя церкви и соборы, каковымъ, напр., въ Кіевѣ оказывается воздвигнутый въ память 900-лѣтія крещенія Россіи Владимірскій соборъ.

Задачею настоящей работы мы намѣтили себѣ: 1) указать постановку въ современной археологической наукѣ вопроса о происхожденіи визант. архитектурнаго стиля, составляющаго крупнѣйшую отрасль на древнѣ обще-христіан-

¹⁾ П. Лашкаревъ.—„Церковно-археологическіе очерки, изслѣдованія и рефераты“. Кіевъ. 1898 г., с. 101—102.

скаго искусства, 2) обрисовать вкратцѣ типичныя черты этого стиля, какъ онъ проявился въ идеальномъ воплощеніи его, въ Софіи Константинопольской, и 3) наконецъ, по мѣрѣ возможности, показать, какъ эти черты видоизмѣнялись въ исторіи, въ зависимости отъ различныхъ условій времени и мѣста.

Первый вопросъ для археолога при изученіи византійскаго стиля, это,—какъ и въ другихъ случаяхъ,—вопросъ о *происхожденіи* стиля.—Въ теченіе долгаго времени, при объясненіи того, какъ образовалось и *откуда* ведетъ свое начало христіанское искусство вообще и, въ частности, отрасль его—искусство византійское, ученые изслѣдователи останавливались вниманіемъ исключительно на Римѣ. Покопившій оружіемъ себѣ весь міръ, Римъ, этотъ желѣзный колоссъ, въ теченіе двухъ первыхъ вѣковъ христіанской эры смель всю эллинистическую культуру въ завоеванныхъ имъ странахъ и повсюду замѣнилъ ее своею. „Имперское“, по терминологіи ученаго Фр. Викгофа, „искусство“ царить въ странахъ, подчиненныхъ римскимъ Цезарямъ до самаго своего упадка, начавшагося съ III в. Но и погибая, оно даетъ почву, на которой въ IV или въ V в. возникаетъ искусство собственно христіанское ¹⁾. Ф. Кс. Краусъ, при объясненіи происхожденія христіанскаго искусства, уже выдвигаетъ восточное вліяніе, идущее съ первыхъ временъ христіанской эры изъ Александріи, хотя на долю этого восточнаго вліянія онъ относитъ только нѣкоторую часть. Послѣ торжества христіанства и по водвореніи мира въ Церкви, Римъ, говоритъ Краусъ, распространилъ всюду и художественные типы, и художественный стиль, усвоенные новымъ искусствомъ. Величайшее движеніе, возникшее въ христіанскомъ искусствѣ

¹⁾ *Hartel et Wickhoff*—„Die Wiener Genesis“, Vienne, 1895. *Charles Diehl*—„Manuel d'Art Byzantin“, Paris, 1910; p. 15.

въ періодъ отъ IV по VIII в., въ Сиріи, въ Египтѣ, въ М. Азіи, въ Константинополѣ, обязано своимъ происхожденіемъ единственно Риму. По своей сущности, это художественное движеніе есть, какъ выражается Краусъ, провинціальная форма римскаго искусства въ состояніи нѣкотораго несовершенства и даже упадка. Періодъ съ IV в. по VIII в. Краусъ называетъ періодомъ „римскаго церковнаго искусства“... Свои взгляды Краусъ развиваетъ въ *Geschichte der christlichen Kunst*, первый томъ какового труда вышелъ въ Фрибургѣ въ 1896 г. ¹⁾).

Въ 1901 г. проф. въ Грацѣ I. Стриговскій издалъ въ свѣтъ трактатъ, подъ заглавіемъ: *Orient oder Rom?* Посвященный собственно обслѣдованію новооткрытыхъ памятниковъ въ Пальмирѣ, этотъ трактатъ касается и принципиальнаго вопроса объ отношеніи античнаго греко-римскаго искусства къ искусству древне-христіанскому. Стриговскій полемизируетъ къ Витгофомъ и Краусомъ. Устанавливаемые этими учеными два понятія: „римскаго имперскаго искусства“ для первыхъ двухъ вѣковъ христіанской эры и „римско-церковнаго искусства“ для періода отъ IV в. по VIII в., взаимно исключаютъ другъ друга,—находитъ Стриговскій,—и каждое содержитъ въ себѣ только половину истины. Путь къ истинѣ былъ бы проложенъ,—говоритъ Стриговскій,—если бы удалось соединить половину понятія Витгофа съ половиной мнѣнія Крауса. По мнѣнію самого Стриговскаго, главнымъ исходнымъ пунктомъ общаго древне-христіанскаго искусства, въ первые вѣка христіанской эры, была Александрія, а средоточіемъ образованія религіозно-художественныхъ типовъ съ IV в. былъ Востокъ и такіе міровые пункты, какъ: Александрія, Антиохія и Византія ²⁾.—Когда Стриговскому пришлось работать надъ этимъ капитальнымъ вопросомъ о происхожденіи христіанскаго искусства, онъ судьбою былъ поставленъ въ луч-

¹⁾ *Ch. Diehl*, *ibid.*

²⁾ *Ibid.* p. 16—20.

шія условія работы, чѣмъ тѣ, въ какихъ находились его предшественники. Въ распоряженіи Стриговскаго оказались новые археологич. матеріалы, собранные на Востокѣ и представленные въ снимкахъ учеными разныхъ частей свѣта. Не говоря объ старомъ изданіи памятниковъ Сиріи у Вогюэ¹⁾, Стриговскій пользовался снимками съ христіанскихъ монументовъ верхняго Анатолійскаго плоскогорія, сдѣланными въ 1895 г. нашимъ русскимъ ученымъ Я. И. Смирновымъ;—въ 1900 г. англійскимъ путешественникомъ Crowfoot'омъ, а ранѣе—ученою Пражскою экспедиціей, которая объѣхала Исаврію и осматривала здѣсь развалины христіанскихъ монументовъ;—нѣмецкою экспедиціей бар. Оппенгейма, посѣтившей сѣверную часть Сиріи, гдѣ древнее искусство такъ наглядно обнаруживаетъ близкое родство съ искусствомъ М. Азій;—русскою экспедиціей Археологическаго Института въ Константинополѣ и Американскою экспедиціей Н. С. Butler'a²⁾. Но вотъ это то обстоятельство, что Стриговскій не лично осматривалъ и изучалъ руины христіанскихъ монументовъ М. Азій, а судилъ о нихъ по впечатлѣнію, полученному отъ снимковъ, и составляетъ слабую сторону въ его теоріи объ исключительно восточномъ происхожденіи византійскаго искусства. Онъ не признаетъ за Константинополемъ силы худож. творчества въ той степени и мѣрѣ, при которой возможна и рѣчь о вліяніи самого К—ля и на Западъ и на Востокъ. Авторитетный историкъ визант. искусства *Charles Diehl*, подвергшій трактатъ Стриговскаго основательному разбору, указываетъ нѣсколько хронологическихъ погрѣшностей въ опредѣленіи Стриговскимъ датъ новооткрытыхъ монументовъ. Особенно бросается въ глаза такая несообразность. Стриговскій относитъ къ IV в. куполообразную базилику Kasr-ibn Wardan'a; между тѣмъ, въ самой Сиріи

¹⁾ *Vogüé*—„Syrie centrale, Architecture civile et religieuse, du I-er au VII-e siècle“, Paris, 1865—1877.

²⁾ *Ch. Diehl*, *op. c.*, p. 24.

эта базилика настолько отлична отъ другихъ, а съ другой стороны, такъ подходитъ, по общему плану, къ типу церкви Софїи Константинопольской, что дата IV в. оказывается совсѣмъ для нея невозможной, и болѣе естественнымъ представляется сдѣлать заключеніе въ данномъ, по крайней мѣрѣ, случаѣ о вліяніи не Сиріи на Константинополь, но Константинополя на Сирію и именно въ *ту* эпоху, когда, съ построеніемъ Константинополѣ Софїи, византійское архитектурное искусство достигло апогея въ своемъ развитіи ¹⁾. Самъ проф. Стриговскій не смотритъ на свою теорію, какъ на окончательно доказанную. Полное ея обоснованіе возможно лишь въ результатѣ будущихъ и продолжительныхъ работъ въ обширнѣйшей области визант. искусства. Но даже и теперь, когда теорія Стриговскаго страдаетъ крупными промахами по части хронологіи памятниковъ и шаткостью частныхъ положеній, она приковываетъ къ себѣ вниманіе первыхъ авторитетовъ археологической науки. Съ большимъ сочувствіемъ относится къ ней, напр., русскій академикъ Н. П. Кондаковъ ²⁾. Этотъ европейскій ученый и во многихъ пунктахъ *непрерѣкаемый* авторитетъ въ археол. наукѣ за Сиріей признаетъ, въ исторіи искусства, всегда только роль посредницы между Востокомъ, частіе, Александріей и Византіей и съ рѣшительностью выставляетъ это свое убѣжденіе противъ той группы изслѣдователей (сюда принадлежитъ и извѣстный русскій проф. Д. В. Айналовъ ³⁾), которые усвояютъ Сиріи самостоятельную роль, никогда по мнѣнію акад. Кондакова, ей не принадлежавшую ⁴⁾. Но этотъ же

¹⁾ *Ch. Diehl*—„Études Byzantines“, Paris, 1905, p. 344.

²⁾ См. Н. Кондакова—„Археологическое путешествіе по Сиріи и Палестинѣ“, СПБ. 1904 г., с. 12—13.

³⁾ Авторъ изслѣдованія: „Эллинистическіе основы Византійскаго искусства“, СПБ. 1900.

⁴⁾ См., напр., Н. П. Кондакова—„Русскіе влады. Изслѣдованіе древностей Великокняжескаго періода“. Томъ первый. СПБ. 1896 г., с. 9. „Археологич. путешествіе по Сиріи и Палестинѣ“, с. 89.

ученѣйшій археологъ безъ возраженій принимаетъ тотъ взглядъ проф. Стриговскаго, что „крестообразная форма пальмирской усыпальницы представляетъ намъ, наряду съ подобными же усыпальницами Александрии, прототипъ Константиновской церкви св. Апостоловъ, воспроизведенной въ ц. св. Марка въ Венеціи и послужившей также образцомъ для усыпальницы Галлы Пладиіи въ Равеннѣ и Миланской ц. S. Nazaro. Мало того, акад. Кондаковъ указываетъ на развалины открытой въ 1902 г. крестообразной базилики Херсонеса и, посвящая этой базиликѣ почти двѣ страницы интереснѣйшаго изслѣдованія въ своей книгѣ: „Археологическое путешествіе по Сиріи и Палестинѣ“ (СПБ. 1904 г., с. 12—13), называетъ крестообразную Херсонисскую базилику „замѣчательнымъ звѣномъ въ цѣпи восточныхъ образцовъ и западныхъ копій“ (с. 1^о). Впрочемъ, отъ окончательныхъ выводовъ и рѣшительныхъ сужденій въ области науки христіанской археологіи акад. Кондаковъ предостерегаетъ. „Основною задачею изслѣдователя“, говоритъ онъ, „должно быть не споръ о преобладаніи и первенствѣ Востока или Рима, но изслѣдованіе типическихъ формъ, характера и степени участія различныхъ странъ древняго міра въ созданіи христіанскаго искусства. Конечно“, прибавляетъ Кондаковъ, „это задача будущаго; но и въ настоящее время археологическія работы должны сосредоточиваться на точнѣйшемъ анализѣ художественныхъ формъ въ искусствѣ первыхъ восьми столѣтій христіанской эры. Наука христіанской археологіи должна поставить себѣ образцомъ творческую работу классическихъ археологовъ періода 30-хъ, 40-хъ годовъ XIX в., въ ихъ стремленіи возсоздать, чрезъ посредство римскихъ копій, греческіе образцы. Мы должны когда нибудь овладѣть знаніемъ особенностей стиля: римскаго, равеннскаго, искусства Коптовъ, Сиріи, Греціи, странъ М. Азіи и собственной Византіи“ (с. 11—12). „По нашему крайнему разумѣнію“, заключаетъ акад. Кондаковъ, имѣя въ виду, ближе всего постановку въ общей исторіи архитектуры памятниковъ Сиріи, по ко-

торой акад. Кондаковъ лично путешествовалъ, — „для истинно и научныхъ обобщеній *не настало еще время*, такъ какъ недостаточно опубликовано даже матеріала“. Нѣтъ, въ сущности, даже научнаго изданія памятникѣвъ М. Азій, сѣв. Сиріи, Арменіи, не изданы, какъ слѣдуетъ, памятники Константинополя, Спалато и пр. и пр. И свою вышеназванную книгу акад. Кондаковъ считаетъ только лишь за простое „изданіе матеріаловъ“ (с. 40).

При томъ состояніи археологич. науки, въ какомъ она находится теперь, когда только собираются еще матеріалы для нея, въ вопросѣ о происхожденіи византійскаго стилиа остается ограничиться повтореніемъ фразы, высказанной французомъ А. Choisy въ его *L'art de bâtir chez les Byzantins* (Paris, 1883): „Въ византійскомъ искусствѣ проявился греческій геній, работавшій въ полуазіатской средѣ надъ элементами, заимствованными изъ старой Азій“ (р. 6)¹⁾.

Крестъ, лежащій въ основѣ плана визант. храма, какъ будто бы, однако, найденъ. Онъ взятъ сюда, кажется, изъ крестообразныхъ сооружений, воздвигавшихся давно на Востокѣ надъ христіанскими могилами. А куполь? Куполь, какъ это прекрасно выяснилъ Шуази въ своемъ вышеуказанномъ сочиненіи, издавна присущъ былъ зодчеству Востока и Рима, и въ византійской же архитектурѣ онъ нашелъ себѣ лучшее примѣненіе. Историки архитектуры, напр. англійскій проф. Флетчеръ, признаютъ куполь даже „господствующимъ мотивомъ или идеею визант. архитектуры“²⁾. Куполь покрываетъ центръ храма, самое *средокрестіе*, отъ котораго въ четыре стороны идутъ концы равноконечнаго (греческаго или византійскаго) креста, заключеннаго въ квадратъ стѣнъ. И нигдѣ такъ идеально не воплотилась идея купола, какъ въ храмѣ св. Софіи въ Константинополѣ, построенной Юстиніаномъ въ

¹⁾ Ch. Diehl — „Manuel d' Art Bizantin“, p. 16.

²⁾ Проф. Банистеръ Флетчеръ и Банистеръ Ф. Флетчеръ — „Исторія Архитектуры“. Вып. II. Средневѣковая Архитектура. Переводъ съ англійскаго Р. Бекеръ. СПб. 1912 г. с. 239.

промежутокъ времени съ 532 г. по 537 г. Какъ будто бы предшествоющія Юстиніановскія постройки въ византійскомъ стилѣ: церковь св. Сергія и Вакха въ Константинополѣ (527 г.), и, отчасти, ц. св. Виталія въ Равеннѣ (начата постройкой въ 526 г.) нарочито изоцряли художественный вкусъ византійцевъ, подготавливая тѣмъ почву для созданія этой единственной во всемъ мірѣ церкви, предъ дивной красотой которой, по совершенно справедливой оцѣнкѣ Ch. Diehl'я, не идутъ въ сравненіе ни храмъ Богоматери въ Парижѣ, ни храмъ св. Петра въ Римѣ¹⁾. Сто архитекторовъ и 10 тысячъ рабочихъ трудились надъ сооруженіемъ св. Софіи, подъ главнымъ руководствомъ приглашенныхъ Юстиніаномъ изъ М. Азіи Антемія Траллейскаго и Исодора Милетскаго. Все самое драгоцѣнное, что можно было сыскать во вселенной по части матеріаловъ и орнамента—все было употреблено на храмъ св. Софіи. Когда храмъ былъ оконченъ работой, имп. Юстиніанъ, восхищенный неподобной красотой сооруженія, говорятъ, воскликнулъ: „Я побѣдилъ тебя, Соломонъ“!

Н. Пальмовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ „Manuel d' Art Byzant.“, p. 141.

²⁾ Статья можетъ послужить матеріаломъ для народныхъ чтеній.

На благословенномъ югѣ. ²⁾

*Счастливый край, идѣ блещутъ воды,
Лаская пышные брега,
И свѣтлой роскошью природы
Озорены холмы, луга...*

Пушкинъ.

На нашей необъятной родинѣ, на Руси великой, раскинувшейся на цѣлую шестую часть суши, можно прожить цѣлую жизнь и не увидѣть моря, почти только по далекимъ окраинамъ окаймляющаго нашу страну. Между тѣмъ, у вся-

¹⁾ „Manuel d' Art Byzant.“, p. 141.

²⁾ Статья можетъ послужить матеріаломъ для народныхъ чтеній.

каго русскаго человѣка естественное влеченіе къ морю, какъ къ одной изъ могущественныхъ и прекрасныхъ стихій, съ особою силою возбуждается, между прочимъ, чрезвычайно частымъ употребленіемъ образовъ моря въ церковной поэзіи и въ церковной проповѣди, что, конечно, очень понятно, такъ какъ богослуженіе наше и весь строй нашей проповѣди были заимствованы отъ грековъ, для которыхъ *θάλασσα* всегда была стихіею близкою, родною.

Что касается меня лично, то я съ давнихъ поръ искалъ случая побывать на морѣ, чтобы испытать счастье увидѣть его въ его тихой красѣ и, можетъ быть, извѣдать его угрозы при плаваніи. Не нужно поэтому говорить, что я радовался, почти какъ ребенокъ, когда прошлымъ лѣтомъ для меня представилась возможность поѣхать на Черное море.

Я ѣхалъ изъ средней Россіи, и путь для меня лежалъ черезъ рядъ интересныхъ во многихъ отношеніяхъ мѣстностей, но мое вниманіе чуть не цѣликомъ было увлечено въ сторону моря, а потому я не останавливался ни въ Тулѣ, ни въ Орлѣ, ни въ Курскѣ, ни въ Харьковѣ, каковыя города, кромѣ Харькова, впрочемъ, видѣлъ и раньше.

— Каково можетъ быть первое впечатлѣніе отъ моря?— думалось мнѣ и я старался представить море въ наиболѣе правдивомъ образѣ, будучи убѣжденъ, что, конечно, ни самая яркая картина мариниста, ни самый удачный видъ моря на фотографической пластинкѣ или на лентѣ кинематографа не даютъ истиннаго пейзажа моря. Какъ-то сама собой припомнилась фраза извѣстнаго поволжскаго дѣятеля, просвѣтителя чувашъ, И. Я. Яковлева, который, рассказывая объ одномъ изъ своихъ путешествій, говорилъ:

— Когда впервые открылся предо мной *лоскутъ* моря... Именно въ видѣ гигантскаго лоскута и я сталъ воображать море.

И, дѣйствительно, широчайшій, словно шелковый, изсиня зеленый лоскутъ блеснулъ мнѣ въ глаза, когда близъ Симферополя выглянулъ я въ окно вагона.

— Море, море,—сообщилъ я своимъ спутникамъ, большинство которыхъ также никогда не бывали на морѣ.

Но оказалось, я нѣсколько поспѣшилъ. Это было не море, а заливъ Азовскаго моря—Сивашъ („Гнилое море“), однако, дыханіе могучей стихіи сказывалось уже и здѣсь. И по ту, и по другую сторону отъ насъ воды было такъ много, что еле видны были ея границы. А вотъ и совсѣмъ скрылись онѣ изъ глазъ, и мы долго ѣдемъ по высокой насыпи, которая одна только узкой лентой безстрашно разрѣзала водную гладь. При быстромъ ходѣ поѣзда, нѣкоторыми мгновеніями создавалась иллюзія, что поѣздъ какимъ то чудомъ несется по самому водному пространству, и съ одной стороны жутко становилось, а съ другой—радостно было, что геній человѣческій такъ смѣлъ и искусенъ. Все время, пока ѣхали по насыпи, которая и справа, и слѣва омывалась водой, публика положительно не могла оторваться отъ оконъ вагона, въ полномъ молчаніи и нѣкоторой тревогой любуясь внезапно открывшимися дивными видами. Но вотъ съ правой стороны вода пропала, и сразу пошелъ по вагону шумъ разговоровъ: дѣлились впечатлѣніями, восторгались, удивлялись. Видно было, что всѣхъ обвѣяло дыханіе близкаго моря.

Скоро Сивашъ остался позади, а затѣмъ и совсѣмъ пропалъ изъ глазъ. На нѣсколько минутъ остановились мы въ Симферополѣ, который, впрочемъ, былъ почти совсѣмъ не виденъ для насъ, скрываясь за холмами и за густой зеленью своихъ садовъ.

А вотъ и Бахчисарай!

Какъ ни влекло меня къ себѣ море, все-же Бахчисарай и главное—его окрестности представляли въ моихъ глазахъ такъ много своеобразнаго интереса, что я рѣшилъ остановиться здѣсь на сутки. И я не раскался въ этомъ своемъ рѣшеніи. Въ Бахчисараѣ и его окрестностяхъ есть, что по-смотреть, есть, надъ чѣмъ пораздумать.

Очень много специфическаго, магометанскаго, восточнаго встрѣчали мы въ татарскихъ кварталахъ поволжскихъ горо-

довъ, напр., въ Симбирскѣ, гдѣ татарское населеніе представлено очень густо. Еще ярче выражень татарскій духъ въ древней столицѣ Казанскаго царства, въ Казани. Но Бахчисарай („Дворецъ садовъ“)—это словно чудомъ какимъ совершенно почти сохранившійся кусочекъ Крымскаго ханства. Здѣсь такъ мало признаковъ европейской культуры, что, вступивъ въ предѣлы города, вы чувствуете, будто на коврѣ самолетъ васъ занесло куда то далеко—далеко за предѣлы родины, въ тридцатое царство. Главная улица Бахчисарая—Базаръ—тянется на нѣсколько верстъ и поражаетъ тѣмъ, что нижніе этажи стоящихъ здѣсь домовъ не имѣютъ оконъ, не имѣютъ, можно сказать, и дверей, а представляютъ что то въ родѣ загороженныхъ съ трехъ сторонъ сараевъ, въ которыхъ, на виду проходящей и проѣзжающей публики, татарскіе кузнецы куютъ желѣзо, сапожники точають сапоги, бондари набиваютъ на бочки обручи, мясники развѣшиваютъ мясо и сгоняютъ съ него тучами кружащихся вокругъ мухъ, трактирщики отпускаятъ пиво, бухмистеры готовятъ „чебуреки“, „кабачки“ и другія мѣстные блюда... И все это грязно, пыльно, неприглядно. Тутъ же толпятся оборванные, чумазые и крикливые ребятишки, а также буквально стаями ходятъ заморенныя, вялыя, апатичныя собаки. Надъ сараями—мастерскими и харчевнями—ютятся жилые татарскіе дома съ подслѣповатыми окнами и съ черепичными крышами. Видно, какъ тамъ по хозяйству хлопчуть татарки, которыя почти не появляются на улицѣ, въ противоположность, напр., казанскимъ татаркамъ, а если появляются, то почти сплошь закутанныя въ платки и вуали.

Бахчисарай славится своей чистой ключевой водой, которая, дѣйствительно, серебристыми струями то здѣсь, то тамъ пробѣгаетъ по самимъ улицамъ. Однако, такой грязи, такой запущенности мнѣ не приходилось видѣть ни въ одномъ самомъ глухомъ уѣздномъ городѣ, ни въ одной самой захудалой деревнѣ. Весь городъ производитъ впечатлѣніе полнаго застоя и мертвящей неподвижности.

— Какой то вымирающій городъ,—замѣтилъ я своимъ спутникамъ.

— Нѣтъ, это не вымирающій городъ,—отвѣтилъ одинъ изъ нихъ, а просто городъ *по существу неподвижной* восточной культуры.

— Магометане...—проговорилъ другой:—движеніе, кипучая культурная работа тамъ, гдѣ христіанство. Китайцы, Индусы, магометане, весь востокъ прямо усыпленъ своими религіями. И какъ же отвратительна эта картина мертвеннаго застоя!

Дѣствительно, встрѣчавшіеся намъ татары были какіе то все тусклые, съ тупымъ взглядомъ, словно вылинявшіе.

Чѣмъ дальше мы ѣхали, тѣмъ запущеннѣе и неуютнѣе былъ городъ и... тѣмъ больше встрѣчалось сабакъ.

— Константинополь въ миниатюрѣ,—пошутилъ кто то.

Но вотъ и знаменитый Бахчисарайскій дворецъ.— Среди убогихъ бахчисарайскихъ лачугъ ханскій дворецъ („Ханъ-Сарай“) рѣзко выдѣляется и своими размѣрами, и красотой. Такова типичная черта былого языческаго міра. Богатство и роскошь здѣсь всецѣло сосредоточиваются во дворцахъ и около дворцовъ правителей. Все же остальное населеніе, не исключая и высшихъ дѣятелей государственныхъ, не могли и мечтать о богатствѣ. Но болѣе широкому руслу стали разливаться богатства лишь при новомъ строѣ жизни, христіанскомъ.

Долго бродили мы, руководимые проводникомъ, по пустыннымъ покоямъ дворца, вездѣ наталкиваясь на слѣды безпечной и сладкой жизни хана.

— Уборная хана,—указывалъ намъ проводникъ:—цирульня хана, спальная хана, золоченый кабинетъ: здѣсь ханъ „кушалъ фрукты послѣ обѣда“, „прохладный“ залъ, кофейный залъ, курильный залъ, общій гаремный залъ, гаремъ ханскихъ женъ...

И такъ далѣе, и такъ далѣе...

Но есть во дворцѣ и пріемный залъ, и судебный, куда изъ внутреннихъ покоевъ хана было продѣлано большое окно,

съ частой рѣшеткой, вмѣсто стеколь; черезъ это окно ханъ, не входя въ залъ судебныхъ засѣданій, могъ, однако, невидимо для судей, наблюдать за ходомъ дѣлъ въ залѣ и за справедливостью судебныхъ постановленій. При дворцѣ есть ханская мечеть Стамбуловскаго типа съ огромнымъ водоемомъ для омовенія и съ большой люстрой, называющейся „Михори—Сулейманъ“ (Свѣтило Соломоново). Въ крытомъ дворѣ помѣщается извѣстный Бахчисарайскій фонтанъ, подъ впечатлѣніемъ котораго Пушкинъ написалъ свою прелестную поэму того же имени. Фонтанъ этотъ, какъ извѣстно, устроенъ ханомъ Гиреемъ послѣ смерти польской его плѣнницы графини Маріи Потоцкой, которая, будучи заточена во дворцѣ, ни за что не хотѣла стать женою хана и все время неутѣшно плакала, пока съ горя не умерла. Ханъ, однако, такъ любилъ гордую польскую красавицу, что, въ память о ней, приказалъ сдѣлать фонтанъ, который всегда напоминалъ бы ему о слезахъ плѣнницы. Въ сдѣланномъ по этому приказанію фонтанѣ вода падаетъ внизъ не каскадами, а мелкими капельками, которыя только постепенно стекаютъ въ бассейнъ, попадая предварительно въ маленькія ванночки и уже изъ нихъ падая одна за другой внизъ.

— Кап... Кап... Кап... Кап...—падаютъ капельки изъ ванночки въ ванночку, пока не дойдутъ до бассейна, и меланхолическій, грустный звукъ ихъ паденія гулко отдается въ углахъ огромнаго и пустого ханскаго двора. Въ виду этой особенности, фонтанъ названъ *фонтаномъ слезъ*, и немудрено, что во впечатлительной душѣ Пушкина онъ пробудилъ трогательный образъ польской плѣнницы.

Журчить во мраморѣ вода, — пишетъ Пушкинъ:—

И каплетъ хладными слезами,

Не умолкая никогда.

Такъ плачетъ мать во дни печали

О сынѣ, падшемъ на войнѣ.

По сосѣдству съ дворцомъ устроена усыпальница Крымскихъ хановъ и ихъ женъ. Ханы покоятся подъ зелеными

гробницами, а ханскія жены подь красными. Вокругъ разбиты сады съ пышными цвѣтниками. Обращаетъ вниманіе бесѣдка съ татарской надписью надъ дверью: „Отворящій двери! Отвори намъ наилучшую дверь“. Въ саду сохранилась лѣстница, ведущая на террасы съ висячими садами, которые были вырублены войсками Миниха.

Долго еще, по выходѣ изъ дворца, намъ пришлось идти по грязной улицѣ Бахчисарая; но вотъ надъ зеленью садовъ показался передъ нами пріютившійся въ высокой скалѣ Успенскій монастырь. Именно—*въ горѣ* онъ пріютился: церковь и монастырскія постройки высѣчены здѣсь въ самой скалѣ, такъ что натуральныя стѣны пещеры служатъ и церковными стѣнами. И, собственно, церкви не видно со стороны. Видна только стѣна ея, выходящая изъ горы, со сдѣланными по ней окнами. Впрочемъ, кромѣ этой пещерной церкви, сдѣланной внутри скалы, монастырь имѣетъ еще церковь, такъ сказать, обычнаго типа, которая стоитъ на скалѣ. Зайдя въ пещерную церковь, въ которой мы застали только одного монаха (а всего ихъ въ Успенскомъ монастырѣ около 50 человѣкъ), читавшаго про себя Библию, мы помолились предъ Маріупольской иконой Божіей Матери, подлинникъ которой былъ, впрочемъ, еще въ царствованіи Императрицы Екатерины II, унесенъ въ г. Маріуполь.

Спустившись изъ монастыря по высокой и крутой каменной лѣстницѣ, мы по вьющейся между богатыми монастырскими садами дорожкѣ пошли по направленію къ Чуфуть-Кале, къ этому „Орлиному гнѣзду“ караимовъ, которое виднѣлось высоко—высоко передъ нами, пугая насъ своей недоступностью по величинѣ и крутизнѣ подъема. Но Чуфуть-Кале представлялся намъ столь интереснымъ во всѣхъ отношеніяхъ пунктомъ, что не обозрѣвъ его мы почитали прямо преступнымъ и потому рѣшили пренебречь всѣми трудностями пути. Однако, одинъ изъ спутниковъ не разъ останавливался на пути и въ изнеможеніи говорилъ:

— Нѣтъ, не могу. Вернемтесь назадъ.

На наше счастье, намъ встрѣтился молодой караимъ, сынъ смотрителя Чуфуть-Кале. Онъ ободрить насъ, разъяснивъ, что Чуфуть-Кале теперь уже не такъ далеко, что высота его отсюда, снизу, лишь кажущаяся.

Мы покорно склонились предъ доводами проводника и по его стопамъ продолжали подниматься.

Чуфуть-Кале—знаменитая древняя крѣпость евреевъ. Впрочемъ, теперь урочище это носить и другое названіе— „Городъ мертвыхъ“. Нѣкогда въ Чуфуть-Кале ютились караимы, эти представители еврейской секты, отвергающіе талмудъ и принимающіе только Библию. Въ Крымъ караимы бѣжали или изъ самой Персіи, гдѣ на нихъ поднимались гоненія, или изъ самой Палестины, гдѣ ихъ преслѣдовали за измѣну вѣрѣ единоземники. По теоріи же ученаго караима А. С. Фирковича (1784—1874 г.),—крымскіе караимы представляютъ собою потомковъ тѣхъ евреевъ, которые были плѣнены Навуходносоромъ и Салманассаромъ и которые пришли въ Крымъ въ качествѣ „рядовыхъ“ съ полчищами Камбиза и Кира, не разъ предпринимавшихъ походы противъ жившихъ въ Крыму скифовъ. Будучи по происхожденію евреями, караимы—тѣмъ не менѣе—всячески стараются отмежеваться отъ семитовъ, и, напр., крымскіе караимы очень желаютъ отнести себя по происхожденію къ тюркскому племени. Оставшись, послѣ походовъ персидскихъ царей, въ Крыму, караимы, если вѣрить ихъ собственной генеалогической теоріи, вслѣдствіе численнаго перевѣса въ крымскомъ населеніи хазаръ, растворились въ этомъ хазаро-тюркскомъ племени.

— Мы не израильяне уже,—говорятъ караимы,—а только потомки хазаръ, которые спаслись въ Крыму послѣ разгрома хазарскаго царства русскими князьями въ X вѣкѣ.

Желаніе караимовъ обособиться отъ евреевъ проглядываетъ всюду: въ языкѣ (еще въ недавнее время большинство крымскихъ караимовъ говорили по-татарски, какъ по татарски же и одѣвались; теперь же роднымъ своимъ языкомъ

они склонны считать языкъ русский), въ постоянномъ подчеркиваніи своей преданности русскимъ властямъ, особенно же православному Царю, и т. под. Желаніе караимовъ во что бы то ни стало не стоять въ общественномъ мнѣніи „на одной доскѣ съ израильтянами“ доходить до мелочей: такъ, въ самое послѣднее время Таврической и Одесскій гахамъ (главное духовное и административное лицо у караимовъ) возбудилъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ ходатайство о переименованіи караимскихъ *синагогъ* въ *кенассы* (отъ древне-библейскаго слова канось—собораніе).

Русскихъ караимовъ всего въ настоящее время насчитывается около 13000 человекъ. Живутъ они разсѣянно, какъ и евреи, по всей Россіи, не исключая столицъ, Сибири и Средней Азій, однако, большинство ихъ гнѣздится въ Литовскомъ краѣ („Трокскіе караимы“), а главнымъ образомъ въ Таврической губерніи („Крымскіе караимы“, которыхъ насчитывается 6160 человекъ). Среди „русскихъ“ караимовъ есть не мало лицъ интеллигентныхъ. Въ ихъ рядахъ есть профессора, педагоги, врачи, адвокаты, инженеры и т. д. Именно подъ влияніемъ этого интеллигентнаго слоя, среди караимовъ въ послѣднее время все чаще и чаще стали раздаваться голоса о необходимости борьбы съ національной косностью и темнотой, о необходимости покончить съ политикой предковъ, называющейся политикой „національной изоляціи“, о необходимости возбужденія національнаго караимскаго самосознанія и т. п. Въ цѣляхъ возбужденія этого самосознанія и объединенія разсѣянныхъ повсюду караимовъ въ одно цѣлое, съ іюня 1911 года въ Москвѣ сталъ издаваться первый печатный періодическій органъ караимовъ, подъ названіемъ „Караимская Жизнь“. Уже и простое обозрѣніе первыхъ, не особенно солидныхъ, книжекъ новаго журнала убѣждаетъ насъ въ наличности во внутренней жизни караимовъ всякаго рода нестроеній, раздоровъ, вражды, и потому трудно судить, къ чему приведетъ караимовъ пре-

кращеніе „политики національної ізоляції“ и какovy будуть результати ихъ національнаго „объединенія“.

У караимовъ есть свои ученые, „богословы“, археологи и т. п. Такъ, по сообщенію „Караимской Жизни“, нѣкто караимъ г. Ельяшевичъ общаетъ въ непродолжительномъ времени выпустить интересную, если судить по оглавленію, книгу: „Два завѣта“, гдѣ, между прочимъ, предполагаетъ объяснить непонятную пока для насъ караимскую „математическую мессіанскую формулу временъ“, имѣющую начертаніе: „ $X^2 + 2\frac{1}{2}X = 1290 + 1335$ “. (Книга имѣетъ продаваться въ Москвѣ, Б.-Грузинская, д. № 5). Археологъ же А. С. Фирковичъ, гордость крымскихъ караимовъ, съ чисто подвижническими усиліями изслѣдовалъ древніе памятники Чуфуть-Кале, при чемъ многимъ изъ нихъ приписалъ почти 2000-лѣтнюю давность. Нелишне замѣтить, что съ доводами Фирковича согласенъ и почившій недавно профессоръ Спб. духовной академіи Д. А. Хвольсонъ, также непосредственно производившій раскопки въ Чуфуть-Кале.

Дѣйствительно, сѣдая—сѣдая старина тусклыми глазами глянула на насъ, когда мы приблизились къ выстамъ Чуфуть-Кале. Немного ниже самаго Чуфуть-Кале мы осмотрѣли пещеры скиеовъ, которыя насчитываютъ за собой 2 тысячелѣтія. Пещеры вырыты неглубоко въ землѣ и внутри обложены нетесанымъ камнемъ. Ходъ въ пещеры обыкновенно шелъ сверху и очень искусно закладывался большими камнями, что, благодаря каменистой почвѣ, дѣлало скиескія пещеры невидными для непріятельскаго глаза.

Самый же городъ Чуфуть-Кале на большое пространство раскинулся надъ скиескими пещерами, во всякомъ случаѣ на нѣсколько верстъ, и представляетъ собою живописныя груды развалинъ. Однако, эти груды не имѣютъ характера хаоса, въ которомъ нельзя было бы разобраться. Наоборотъ: въ городѣ очень опредѣленно замѣтно направление улицъ, по нѣкоторымъ остаткамъ домовъ можно даже судить объ архитектурѣ былыхъ строеній, о расположеніи въ зда-

ніяхъ комнатъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранились даже печи древнихъ обитателей города со всѣми ихъ особенностями. По улицамъ идутъ дороги, устланныя камнемъ и лишь мѣстами поросшія дикою травой. При этомъ видно, что въ свое время жизнь въ городѣ была ключемъ, что было въ немъ большое движеніе: въ каменныхъ дорогахъ сохранились глубокіе слѣды отъ колесъ прежнихъ обитателей города. Ходили мы по Чуфуть-Кале съ улицы на улицу, и лишь наши собственныя тѣни слѣдовали за нами. Во всемъ городѣ теперь живетъ только семья его смотрителя.

— Городъ мертвыхъ.

Это названіе какъ нельзя лучше характеризуетъ поселеніе древнихъ караимовъ.

Семейные смотрителя Чуфуть-Кале показали намъ его достопримѣчательности: комнату, гдѣ жилъ работавшій надъ мѣстными памятниками ученый караимъ А. С. Переферковичъ. Комната отдѣлана въ восточномъ вкусѣ. Вдоль стѣнъ идутъ мягкіе диваны, устланные коврами и заваленные подушками. Теперь комната служитъ для отдыха туристовъ, посѣщающихъ Чуфуть-Кале. Далѣе намъ показали древнее судилище, гдѣ Бахчисарайскіе ханы судили преступниковъ изъ караимовъ, когда послѣдніе были уже во владѣніи хановъ. Судилище представляетъ собою довольно обширный залъ, помѣщающійся... подъ землей. Въ одной изъ стѣнъ сдѣланы небольшія окна, изъ которыхъ открывается головокружительный видъ на Салачикскую долину, лежащую на глубинѣ почти версты отъ вершины скалы, на которой расположенъ Чуфуть-Кале. Вдоль стѣнъ судилища стоятъ каменные скамьи, на которыхъ возсѣдали судьи. Рядомъ съ заломъ суда имѣется небольшое помѣщеніе съ различными примитивными, но страшными приспособленіями для пытокъ подсудимыхъ. Единственное же окно въ этомъ помѣщеніи служило для того, чтобы выбрасывать виновныхъ внизъ, на дно Салачикской долины, гдѣ они находили для себя неминуемую смерть. Показали намъ еще тюрбѣ (мавзолей), вы-

строенный надъ могилой легендарной, какъ говорятъ сами караимы, Ненкеджащъ — Ханымъ, т. е. дочери хана Тохтамыша. Мавзолей испещренъ арабскими надписями, которыя излагають исторію ханской дочери. Будучи преслѣдуема ханомъ за „неразрѣшенную“ имъ любовь, она принуждена была долгое время скрываться на высотахъ Чуфуть-Кале, но, въ концѣ концовъ, не выдержала трудной борьбы и покончила жизнь самоубійствомъ, бросившись со скалы въ пропасть. Предметомъ особой гордости караимовъ являются такъ называемыя Бюкъ-Капу, Большія или главныя ворота Чуфуть-Кале, отличающіяся, дѣйствительно, и красотой, и исключительной прочностью постройки, въ силу чего они съ незапамятныхъ временъ до настоящаго времени сохранились почти неповрежденными. Но „святое святыхъ“ караимовъ на Чуфуть-Кале — это ихъ старинная кенасса, окруженная колоннадой. При входѣ въ кенассу, бросается въ глаза доска, на которой золотыми буквами написано:

— Здѣсь стояли священныя стопы Свѣтлѣйшей Государыни Императрицы Екатерины Второй.

Дѣйствительно, Императрица Екатерина II и почти всѣ послѣдующіе русскіе государи, не исключая и благополучно нынѣ Царствующаго Государя Императора Николая II, посѣщали Чуфуть-Кале, гдѣ, для временнаго пребыванія Высочайшихъ Особъ, караимскимъ обществомъ выстроено довольно богатое зданіе дворца. Въ залѣ дворца помѣщены роскошныя портреты всѣхъ Государей и Государынь, когда либо бывшихъ на Чуфуть-Кале. Особенно много показали намъ здѣсь фотографическихъ снимковъ съ нынѣ Царствующаго Государя Императора и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны. Снимки эти сдѣланы во время послѣдняго пребыванія Государя Императора на Чуфуть-Кале въ 1902 г. Чрезвычайный интересъ представляетъ снимокъ съ Государя Императора и Караимскаго гахуна, сдѣланный на терасѣ караимскаго дворца самой Государыней Императрицей.

Какъ ни много мы бродили по Чуфуть-Кале, однако, его своеобразная красота неодолимо влекла къ себѣ, и намъ не хотѣлось уходить.

— Что это такое тамъ бѣлѣть? — неожиданно спросилъ проводника мой спутникъ, стоя на одной изъ возвышенностей Чуфуть-Кале и указывая вдаль, гдѣ, между темными линиями земли, дѣйствительно, бѣлѣла какая то широкая полоса.

— Это Черное море — отвѣчалъ проводникъ.

Море было еле видно, такъ какъ отсюда было до него около 80 верстъ, но, при напряженіи вниманія, мы увидѣли даже, что бѣлая полоса имѣетъ синеватый оттѣнокъ и что по ней плаваютъ маленькія черныя точки — суда.

И долго стояли мы на высотахъ Чуфуть-Кале. Передъ нами, въ туманной дали, синѣло море, подѣ нами лежала мистическая картина развалинъ, съ правой стороны угрожающе смотрѣла глубокая пропасть Салачикской долины, а съ лѣвой стороны, съ такъ называемой Гюсафатовой долины, гдѣ, въ тѣни деревьевъ, расположены караимскія могилы, вѣяло миромъ и тишиной. А южное ласковое небо все это держало въ горячихъ своихъ, нѣжныхъ объятіяхъ. И жаркое солнце на все бросало золотистый свой отблескъ.

Такъ не хотѣлось уходить.

Тихо, безъ разговоровъ, которые какъ то не клеились, подѣ вѣяніемъ сильныхъ впечатлѣній, спустились мы внизъ, къ Успенскому монастырю, и затѣмъ, старой дорогой, черезъ бахчисарайскую грязь, пріѣхали на ст. „Бахчисарай“.

Какъ ни много приходилось слышать и читать о чрезвычайныхъ успѣхахъ техники желѣзно-дорожнаго дѣла въ Европѣ, гдѣ поѣзда то, какъ кошки, карабкаются въ горы, то, какъ кроты, идутъ подѣ землей, однако, показалось мнѣ, и наша желѣзнодорожная техника стоитъ не такъ низко: по пути отъ Бахчисарая до Севастополя, нашъ поѣздъ то и дѣло нырялъ въ туннели, погружая насъ въ неестественную тьму и оглушая грохотомъ, отражаемымъ стѣнами туннелей. Всего на протяженіи отъ Бахчисарая до Севастополя—6

туннелей, изъ которыхъ нѣкоторые очень длинны. Близъ же Инкермана мы проѣзжали по мосту, который представляетъ своего рода чудо строительнаго искусства. Мостъ перекинуть черезъ глубокую пропасть, тянется нѣсколько десятковъ сажень, но утверждёнъ на очень тонкихъ по виду столбикахъ, соединенныхъ очень тонкими и чрезвычайно низкими кружевными перилами, и въ общемъ производитъ впечатлѣніе изумительной легкости и изящества. Если бы не собственный опытъ, то трудно было бы повѣрить, что по этому мосту проходятъ поѣзда съ десятками вагоновъ и съ тысяченудовыми тяжестями. Однако, мостъ существуетъ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ. Говорятъ, что часто нѣкоторые изъ пассажировъ настолько опасаются переѣзда черезъ ажурный мостъ, что открыто заявляютъ протесты. Во избѣжаніе какихъ либо несчастій съ пассажирами, вагоны поѣздовъ, при переходѣ черезъ мостъ, обыкновенно запираются.

Ненадолго поѣздъ останавливался близъ высокой и отвѣсной, бѣлой, какъ снѣгъ, Инкерманской скалы, въ которой такъ же, какъ и въ скалѣ близъ Чуфуть-Кале, высѣчены церкви и келіи такъ называемаго Инкерманскаго монастыря. Чувство глубокаго благоговѣнія возбуждаетъ видъ пещерныхъ храмовъ во имя св. апостола Андрея Первозваннаго, который, по благочестивому преданію, первый принесъ на Русь благовѣствованіе Христовой вѣры, во имя св. Климента, епископа Римскаго, который, какъ извѣстно, былъ сосланъ въ Крымъ императоромъ Траяномъ и здѣсь въ 101 г. по Р. Хр. былъ замученъ—потопленъ въ Черномъ морѣ. Сохраняющееся въ Крыму преданіе говоритъ, что храмъ во имя св. апостола Андрея Первозваннаго построенъ руками самого священномученика Климента, который, вообще, всемѣрно заботился о насажденіи на Крымскомъ полуостровѣ христіанства: устроилъ здѣсь до 75 церквей и обратилъ ко Христу много множество мѣстныхъ язычниковъ. На самой же вершинѣ Инкерманской скалы высится величественный храмъ византійскаго типа, построенный, по благословенію

Высокопреосвященнаго Николая, нынѣ архіепископа Варшавскаго, во имя святителя и чудотворца Николая, въ память 50-лѣтія Севастопольской обороны и въ молитвенное поминовеніе ея доблестныхъ героевъ. О Богѣ, давномъ въ твореніи Своемъ, о великихъ подвигахъ древнихъ подвижниковъ христіанства, о трудолюбіи нынѣшнихъ насельниковъ обители говорила Инкерманская скала, и неудивительно, что многіе изъ православныхъ русскихъ людей съ благоговѣніемъ смотрѣли на священную скалу, которая, напр., въ алтарѣ храма во имя священномученика Климента, непосредственно является престоломъ Божиимъ, и, по отходѣ отъ нея поѣзда, долго озирались назадъ, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ.

Николай Колосовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКА

Положеніе объ окружныхъ контролерахъ по свѣчной операціи церковей Воронежской епархіи.

Архіеп. воронежскій Анастасій утвердилъ въ видѣ опыта на три года положеніе объ окружныхъ контролерахъ по свѣчной операціи церковей Воронежской епархіи. Учрежденіе института окружныхъ контролеровъ имѣеть цѣлью помочь духовенству Воронежской епархіи ввести въ употребленіе по всѣмъ церквамъ свѣчи епархіальнаго завода. Обязанности контролеровъ возлагаются, по выбору благочинническихъ съѣздовъ, на священниковъ изъ двухштатныхъ и многоштатныхъ приходовъ. Ревизію свѣчныхъ ящиковъ и другихъ мѣстъ храненія свѣчей контролеръ производитъ въ церквахъ, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ въ годъ. Если въ церкви окажутся свѣчи частныхъ фабрикъ, контролеръ конфискуеть ихъ и представляетъ въ управленіе епархіальнаго завода

Ктитора, уличеннаго въ торговлѣ свѣчами не изъ епархіальнаго завода, контролеръ въ первый разъ подвергается вразумленію и увѣщанію, а о замѣченномъ второй разъ въ томъ же поступкѣ доносить епархіальному начальству. По истеченіи каждаго года, контролеръ представляетъ управленію епархіальнаго свѣчного завода докладную записку о положеніи свѣчной операціи въ подлежащимъ его контролю округѣ. Наблюденіе за дѣятельностью округныхъ миссіонеровъ возлагается на мѣстныхъ о. о. благочинныхъ („Ворон. Епарх. Вѣд.“).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 24-го апрѣля 1912 года

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ, Тип. Акц. Общ. печат. и изд. дѣла П. Т. Корчакъ-Новицкаго Меряигов. ул. д. № 6

ГОДЪ

III

УКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть № 20. Подписка принимается въ редакціи журнала, при Кіевской духовной Семинаріи.
ПЯТЬ руб., съ перебылкою ШЕСТЬ рублей.

1912-го года 13-го мая.

Содержаніе: I. Духовенство и сельское хозяйство. Кир. Тихоміровъ.— II. О Византійскомъ архитектурномъ стилѣ. (Продолженіе). Н. Пальмовъ.— III. На благословенномъ югѣ. (Продолженіе). Н. Колосовъ.— IV. Замѣтка. О ношеніи оружія священнослужителямъ.

Духовенство и сельское хозяйство.

II.

Подъ вліяніемъ экономическаго оскудѣнія, въ послѣднее время въ Кіевской губ. начали появляться кое-какія улучшенія въ сельскомъ хозяйствѣ и новымъ Кіевскимъ земствомъ въ цѣляхъ ихъ распространенія создаются агрономическія организаціи. Эти новыя теченія единичны, но, казалось бы, они могли бы стать массовыми и систематическими, и въ этомъ случаѣ могли бы сыграть видную и почетную роль въ дѣлѣ интенсификаціи сельскаго хозяйства въ настоящее трудное и переходное для него время. Для этого необходима соответствующая организація, которая бы рационально на-

правила разрозненные попытки сельскохозяйственных улучшений къ определенному плану, учитывала ихъ результаты, отбрасывая все случайное и несоотвѣтственное и такъ образ. создавала-бы широкій коллективный опытъ, доступный и поучительный для деревенскаго населенія.

Такая агрономическая организація могла-бы существовать и въ самомъ духовномъ вѣдомствѣ. Имѣя земли (церковныя и монастырскія), вполне послѣдовательно имѣть на нихъ свое образцовое, — опытное хозяйство и своихъ агрономовъ, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время во многихъ мѣстахъ Кіевской губ. становится уже невозможнымъ вести сельское хозяйство прежнимъ примитивнымъ способомъ. Указывая (схематически), что агрономія въ духовномъ вѣдомствѣ нужна и была бы полезна въ смыслѣ улучшенія сельскаго хозяйства, мы глубоко убѣждены, что въ близкомъ будущемъ она будетъ здѣсь имѣть себѣ мѣсто. И для той части духовенства, которая бы пожелала вмѣсто теперешняго, довольно таки неудачнаго хозяйствованія на своихъ земляхъ, заняться хозяйствомъ и болѣе доходнымъ и, главное, болѣе осмысленнымъ и интереснымъ, остается одинъ путь: примкнуть, насколько возможно, къ земскимъ экономическимъ организаціямъ. Это необходимо и неизбежно сдѣлать именно теперь, когда наше правительство рѣшило ввести въ программу народныхъ школъ курсъ теоретическихъ и практическихъ занятій по сельскому хозяйству, а церковно-приходская школа первую откликнулась на эту нужду. Еще въ прошломъ году повременная печать сообщила отрадную вѣсть, что въ Совѣтъ Министровъ уже внесенъ законопроектъ, въ которомъ намѣчаются необходимыя мѣры къ надлежащему выполненію въ церковной школѣ задачи сообщенія учащимся необходимыхъ свѣдѣній по сельскому хозяйству и испрашиваются на это нѣкоторыя дополнительныя ассигнованія.

Для духовенства такимъ образомъ открывается новая область весьма полезнаго руководства и труда въ школѣ по дѣлу оздоровленія и упорядоченія хозяйственной жизни въ

нашей деревнѣ. А для успѣшной дѣятельности въ этомъ направленіи духовенству придется, повторяемъ, стать въ близкія отношенія съ земскими агрономическими организаціями, чтобы заpastись отъ нихъ тѣми элементарными свѣдѣніями, которыя необходимо имѣть каждому образованному сельскому хозяину. Эта же необходимость представляется и для сельскаго учителя въ тѣхъ случаяхъ, когда при школѣ есть земельный участокъ.

Обычно, когда заходить рѣчь о помощи со стороны сельскаго священника или учителя крестьянину въ сельскомъ хозяйствѣ, или по части гигиены и медицины, начинаются разговоры о томъ, что нельзя человѣку, даже хорошо образованному, быть специалистомъ въ разныхъ областяхъ: и въ богословіи, и въ медицинѣ, и въ сельскомъ хозяйствѣ. Когда дѣло идетъ о настоящей научной спеціализаціи, то объ этомъ, конечно, никто и спорить не станетъ. Но въ данномъ случаѣ рѣчь совсѣмъ не о спеціализаціи. По медицинѣ, напр., ни въ какой спеціализаціи нѣтъ и нужды; достаточно было бы знанія того, какъ подать первую помощь и чего безусловно слѣдуетъ избѣгать при заболѣваніяхъ. Точно также и по сельскому хозяйству, — ни о какой особенной спеціализаціи не можетъ быть и рѣчи; рѣчь идетъ только объ усвоеніи тѣхъ элементарныхъ свѣдѣній, которыя легко приобрѣсть частью изъ книгъ, а еще лучше и цѣлесообразнѣе изъ близкаго знакомства съ земскими агрономическими организаціями.

При извѣстной некультурности деревни сочувственное и активное отношеніе къ агрономіи со стороны духовенства народомъ весьма цѣнится, и въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ существуютъ агрономическія организаціи, можно указать случаи участія въ агрономическихъ мѣропріятіяхъ духовныхъ лицъ. Это участіе выражается разнообразно. Духовныя лица являются наблюдателями на опытно-показательныхъ посѣвахъ, закладываемыхъ земскими агрономами на церковныхъ земляхъ, иногда наблюдателями на метеорологическихъ станціяхъ

(Влад. губ.). Довольно часто духовныя лица бывают членами и предсѣдателями сельско-хозяйственныхъ обществъ, кредитныхъ товариществъ и друг. кооперативныхъ учреждений. Во всѣхъ этихъ случаяхъ интересы духовныхъ хозяевъ далеко выходятъ изъ рамокъ интересовъ собственнаго личнаго хозяйства, что нельзя не признать положительной стороной дѣла, расширяющей кругозоръ духовенства, улучшающей его отношенія къ приходу и способной приобрести ему уваженіе и признательность въ кругахъ, въ лучшемъ случаѣ къ нему равнодушныхъ.

Въ заключеніе мы должны сказать еще слѣдующее. Жизнь народная неминуемо пойдетъ рука объ руку съ жизнью общества; поэтому духовенству, если оно хочетъ сохранить за собою авторитетъ народныхъ руководителей, необходимо устранить противъ себя всѣ предубѣжденія, имѣющія за собою хотя бы только нѣкоторое основаніе. Въ частности для этого и вообще по долгу совѣсти пастыря и главнаго культурнаго дѣятеля деревни—священнику необходимо стоять ближе къ народной жизни, содѣйствуя по мѣрѣ силъ развитію всѣхъ ея сторонъ. Несомнѣнно, время приведетъ къ тому, что въ рукахъ мѣстныхъ земскихъ учреждений сосредоточится не только обслуживаніе сельско-хозяйственныхъ нуждъ, но и значительная часть просвѣщенія и управленія. Дѣятельность духовенства совмѣстно съ земскими учреждениями по сельскому хозяйству могла бы получить особое значеніе, а отчужденіе и устраненіе духовенства отъ этой культурной работы можетъ отразиться большимъ ущербомъ, не только въ народной жизни, ибо все же несомнѣнно, что духовенство всегда лучше другихъ образованныхъ классовъ будетъ знать народныя нужды, но и для общественнаго положенія и интересовъ самаго духовнаго сословія; а виною этому будетъ, конечно, наше теплохладное отношеніе къ народу и его существеннымъ нуждамъ.

Кир. Тихомировъ.

О Византійскомъ архитектурномъ стилѣ.

(Продолженіе)¹⁾

По части описанія св. Софіи Константинопольской съ художественно-исторической стороны нѣтъ недостатка въ солидныхъ трудахъ, какъ—иностранныхъ, такъ и русскихъ. Назовемъ старыя капитальныя изданія Зальценберга, Фоссати и Тексье²⁾. Изъ новѣйшихъ ученыхъ подробно трактуетъ о св. Софіи рус. акад. Н. П. Кондаковъ въ ученомъ трудѣ, озаглавленномъ: „Византійскія церкви и памятники Константинополя“ (Одесса. 1886 г.); довольное число страницъ отводитъ спорнымъ вопросамъ о частяхъ этого храма и помещеніяхъ, находившихся съ нимъ по сосѣдству, проф. Д. О. Бѣляевъ во II книгѣ своихъ „Byzantina“. Прекрасный сжатый трактатъ о св. Софіи, иллюстрированный снимками и планомъ, даетъ французскій ученый Ch. Diehl въ недавно вышедшемъ въ Парижѣ весьма цѣнномъ трудѣ по исторіи византійскаго искусства³⁾. Да, наконецъ, въ каждой исторіи искусства вообще, а въ частности въ исторіи архитектуры, св. Софіи посвящается не мало вниманія. Изъ новѣйшихъ исторій архитектуры можно указать на исторію А. Choisy и исторію Флетчера, переведенныя и на рус. языкъ. Исторія искусства К. Байэ (перев. Кіевъ—1910)—общеизвѣстна.

Планъ св. Софіи К—ской, по изслѣдованію специалистовъ-архитекторовъ, представляетъ центральное квадратное

¹⁾ См. №№ 18—19 за 1912 г.

²⁾ *Salzenberg W.* „Altehrchristliche Baudenkmale Constantinopels vom V—XII Jahrhundert“. Berlin, 1854—1855 *Fossati Cav. C.*—„Aya Sophia Constantinople“. London. *Texier C. and Pullan R. P.*—„Byzantine Architecture“. London, 1864. *В. Прохоровъ*,—замѣтимъ,—во 2 кв. своего изданія: „Христіанскія древности и археологія“ за 1864 г. даетъ по Зальценбергу мозаическія изображенія *святителей* въ Софіи Константинопольской.

³⁾ Цитир. выше „Manuel d'Art Byzantin“, р. I—IX+1 337; о св. Софіи—р. 141—149.

пространство (размѣромъ 107 на 107 футовъ). Пространство это ограничено четырьмя массивными пилонами, которые связаны другъ съ другомъ полуциркульными арками. Пилоны поддерживаютъ куполь, діаметромъ въ 107 футовъ. Этотъ основной квадратъ храма и есть то *средокрестіе*, о которомъ мы вели рѣчь раньше. — Съ восточной и съ западной стороны, къ основному квадрату примыкаютъ большія полукруглыя, увѣнчанныя полукуполами пространства, въ которыя, въ свою очередь, открываются меньшаго діаметра т. наз. *экседры* или ниши, также имѣющія свои полукупольныя перекрытія¹⁾. Такимъ образомъ, получается обширный *нефъ*, длиною въ 265 футовъ и шириною въ 107, съ закругленными концами. Къ сѣверу и къ югу отъ этого нефа устроены двухъэтажныя галереи, шириною болѣе 50 футовъ. Верхній этажъ галлерей предназначался для женщинъ и потому назывался *гинекономъ*. Боковыя части, въ соединеніи съ главнымъ нефомъ, даютъ Софійскому храму общую фигуру почти квадрата. Длина зданія, не считая абсиды и нарѣксовъ, равна 250 футамъ, а ширина 237 футамъ.

Нарѣксовъ въ св. Софійи два. Первый, примыкая къ западной стѣнѣ главной части храма, представляетъ обширное помѣщеніе длиною въ 200 ф. и шириною въ 30. Этотъ нарѣксъ двухъэтажный; верхній этажъ его открытъ со стороны храма и образуетъ хоры. Къ первому нарѣксу примыкаетъ внѣшній нарѣксъ (*экзонарѣксъ*) и атриумъ, обнесенный съ трехъ сторонъ галлереею, поддерживаемой кирпичными столбами и мраморными колоннами.

Съ сѣверной и южной стороны храма, противъ четырехъ массивныхъ пилоновъ, устроены массивныя контрафорсы. Прорѣзанные какъ въ нижнемъ, такъ и въ верхнемъ этажѣ двойными арками, контрафорсы являются, въ сущности, про-

¹⁾ Надо замѣтить, *экседры* находятъ себѣ примѣненіе въ Сирійскихъ церквахъ ранѣе св. Софійи Константинопольской. См. Н. П. Кондакова „Археологическое путешествіе по Сиріи и Палестинѣ“, с. 75.

долженіемъ четырехъ основныхъ пилоновъ. Назначеніемъ ихъ служить воспринимать распоръ главныхъ подпружныхъ арокъ и купола съ тѣхъ двухъ сторонъ, гдѣ нѣтъ полукуполовъ.

Планъ св. Софіи, какъ находятъ спеціалисты-архитекторы, вполне подчиненъ принятой здѣсь *купольной* системѣ конструкціи. Все направлено къ тому, чтобы въ столбахъ и аркахъ дать опору для куполовъ, и это достигается съ такимъ искусствомъ, что зритель не замѣчаетъ тѣсной связи между куполами и ихъ опорою. Особенно—главный куполь. Опираясь прямо на пилоны, почти совершенно скрытые отъ глазъ аркадою колоннъ, главный куполь представляется заброшеннымъ на центръ храма, гдѣ перекрестье, съ такой смѣлостью, что можно было бы сомнѣваться въ его надежности. Кажется, онъ не на пилоны опирается, но, какъ мѣтко выразился въ свое время византійскій историкъ Прокопій, (VI в.), онъ привѣшенъ золотою цѣпью къ небу ¹⁾).

Масса свѣта льется въ окна (числомъ 40) въ главный куполь, возвышающійся отъ пола на 180 футовъ, при высотѣ купола въ 47 ф. и радіусѣ его основанія въ 53 фута. Обильными струями льется, затѣмъ, свѣтъ въ окна полукуполовъ восточнаго и западнаго и въ окна малыхъ полукуполовъ надъ экседрами. Кромѣ того, множество свѣта подаютъ окна на каждой продольной стѣнѣ храма, гдѣ ихъ по двѣнадцати ²⁾).

Это обстоятельство нельзя не признать знаменательнымъ,—въ немъ нельзя не усмотрѣть основной черты въ пониманіи христіанства греками. Христіанство—есть свѣтъ. Источникъ этого свѣта—Христось, самъ о Себѣ сказавшій: „Азь есмь свѣтъ міру“ и давшій чудную заповѣдь людямъ: „Ходите во свѣтѣ, дондеже свѣтъ имате“. Вдохновенное искусство, необыкновенно удачно сумѣло выразить свѣтовыми эффектами въ храмѣ греко-восточное пониманіе хри-

¹⁾ П. А. Лашкарева.—„Церк. археолог. очерки“, с. 58.

²⁾ Б. Флетчеръ—цит. соч., с. 245—250.

стианской религии, какъ религии благодат. свѣта, восторженствовавшей при Константинѣ Великомъ, надъ темными силами древнаго міра... Можно здѣсь сказать, что греко-восточная Церковь и вообще широко пользовалась свѣтовыми эффектами, даже за богослуженіемъ. Чрезвычайно величественъ и поразителенъ былъ, напр., въ св. Софій обрядъ возженія свѣтильниковъ за богослуженіемъ въ вечеръ дней в. поста, когда, въ извѣстный моментъ, архидаконъ, въ сопровожденіи 12 діаконовъ, держащихъ въ рукахъ возженные свѣтильники, появлялся въ храмѣ и, подавая знакъ къ возженію лампадъ и свѣчей у иконъ въ полутемномъ храмѣ, громко возглашалъ: $\varphi\omega\varsigma$ Χριστοῦ φαίνε: πᾶσι („Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ“) ¹⁾.

Какая громадная разница, въ этомъ отношеніи, между мрачными даже и въ часы дня готическими соборами и всегда свѣтлой, радостной Софіей ²⁾!).

Яркій свѣтъ, парящій въ св. Софій, выразительно подчеркивалъ то громадное, какъ бы міровое пространство, захватить которое было одной изъ задачъ строителей храма, какъ это объясняетъ греческій поэтъ X в. Константинъ Родій, воспѣвшій семь чудесъ Византіи ³⁾.

Итакъ, образъ *креста*, заключеннаго въ квадратъ, символизирующій четыре стороны свѣта, идею яснаго *неба* въ высокоомъ куполѣ, подающемъ преимущественный свѣтъ, идею, наконецъ, *пространства*, освѣщеннаго небеснымъ

¹⁾ См. подробнѣе объ этомъ въ нашей статьѣ въ ж. „Р. д. с. л.“ №№ 9 и 12 за 1904 г. подъ заглавіемъ: „Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ“.

²⁾ „Съ перваго взгляда видно“, говоритъ греческій историкъ Панапригонуло, „что Антемій и Исидоръ, любезные чада Іоніи, сохранили духъ азіяскаго искусства“. Привед. у Ф. А. Терновскаго въ соч. „Древне-Греческая Церковь въ періодъ вселенскихъ соборовъ“. Кіевъ. 1833, с. 238.

³⁾ О. Θ. Вульфа.—„Семь чудесъ Византіи и храмъ святыхъ Апостоловъ“—въ „Извѣстіяхъ Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ“ за 1896 г. ч. I, с. 68.

свѣтомъ со всѣхъ сторонъ: вотъ что даетъ соотвѣтственно настроенному созерцателю св. Софія! Но нельзя обойти молчаніемъ и тѣ украшенія, которыя сообщаются храму аркадами мраморныхъ колоннъ. Всѣхъ ихъ 107 въ храмѣ, столько же, сколько футовъ имѣетъ куполь въ поперечникѣ. Колонны—разной величины, сообразно съ мѣстомъ, гдѣ онѣ стоятъ. Но вотъ характерная и общая ихъ особенность: капители походятъ на опрокинутую усѣченную пирамиду или на кубъ съ закругленными нижними углами. Такія капители считаются продолженіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ изящнѣйшаго изъ орденовъ ордена Коринтскаго, происхожденіе котораго изъ Египта и изъ Азіи выяснено проф. Г. Г. Павлуцкимъ въ специальномъ изслѣдованіи о Коринтскомъ архитектурномъ орднѣ¹⁾. Абаки у капителей колоннъ украшаются извѣстными въ христіанствѣ символами птицъ, оленей, фениксовъ, но предпочтительно—крестомъ, образъ котораго имп. Константинъ увидѣлъ на небѣ предъ побѣдой надъ Максенціемъ и помѣстилъ немедленно на воинскомъ знамени. Мраморомъ, агатомъ и раковинами перла были обложены стѣны св. Софіи. Главную же красоту ея сводовъ, купола, арокъ и стѣнъ составляла роскошная мозаика. По золотому полю, разноцвѣтными кусками мозаики, приготовленной изъ стекловидной массы съ примѣсью окиси олова, были изображены, между прочимъ, въ алтарѣ: Божія Матерь въ исполинскомъ размѣрѣ, сидящая на престолѣ съ Младенцемъ—Спасителемъ;—по бокамъ отъ Нея—апостолы Петръ и Павелъ, а надъ Нею—Нерукотворенный образъ Спасителя, съ двумя ангелами по сторонамъ. Въ сводѣ купола изображенъ Спаситель, сидящій на радугѣ, а подъ куполомъ, на парусахъ, четыре херувима. Надъ большими входными дверями съ запада, внутри храма, также былъ изображенъ Спаситель, сидящій на тронѣ и благословляющій припавшаго

¹⁾ *Григорій Павлуцкій*.—„Коринтскій архитектурный ордень“. Кіевъ. 1891 г., с. 63.

къ ногамъ Его императора. Кромѣ мозаики, въ Софіи нашла себѣ примѣненіе и живопись т. н. энкавстическая. Она состояла въ томъ, что написанное красками, смѣшанными съ воскомъ, послѣ прижигалось. Секретъ этого искусства утерянъ для насъ ¹⁾. Говорить объ устройствѣ престола, алтарной рѣшетки и всей великолѣпной утвари церковной въ св. Софіи нѣтъ надобности въ данную минуту.

Художественный геній грековъ, въ своемъ развитіи и *подъемѣ*, не пошелъ далѣе Софіи Константинопольской. Не появилось другой Софіи, которая могла бы конкурировать съ Юстиніановской. Зодчіе Востока и Запада отселѣ уже только копируютъ, болѣе или менѣе удачно, въ монументальныхъ постройкахъ и ихъ украшеніи Софію Константинопольскую, приспособляя основныя черты ея плана и орнаментики къ мѣстнымъ условіямъ. Во всякомъ случаѣ, равноконечный византійскій *крестъ* въ основаніи квадратнаго плана церкви, *куполъ*, высоко поднятый на столбахъ, *арки*, поддерживающія куполъ, *мозаика* по золотому полю въ украшеніи внутренности храма, *фрески*, потомъ,—характерныя у колоннъ *капители* въ видѣ куба, на который клался *абакъ*, площадью значительно бѣльшей верхняго основанія стержня колонны, т. к. онъ долженъ былъ служить пятою для опиравшихся на него арокъ: вотъ что составляютъ обычныя особенности храмовъ византійскаго стиля, гдѣ бы мы ихъ не разсматривали: въ самой ли Византіи, на Западѣ ли, на Аѳонѣ, въ Македоніи, въ Грузіи, пожалуй—въ Арменіи, или у насъ въ Россіи.

Наличность четырехконечнаго креста въ основѣ византійской храмовой постройки не можетъ вызывать сомнѣнія. Какой бы храмъ византійскаго стиля мы ни взяли, всегда въ немъ найдемъ это спасительное для христіанъ знамя креста. Даже тамъ, гдѣ произошло расширеніе общаго плана церкви чрезъ постепенное включеніе въ систему по-

¹⁾ П. А. Лашкаревъ,—цит. соч., с. 60.

стройки, посредствомъ арокъ, внѣшнихъ упоровъ, служившихъ въ Софїи Константинопольской только для того, чтобы сообщить ббольшую устойчивость куполу,—даже тамъ, гдѣ, вслѣдствіе указанной причины, храмъ раздѣлился на 7 частей (какъ въ Софїи Новгородской) и на 9 (какъ въ Софїи Киевской), всегда мысленно можно выдѣлить основную (центральную) часть храма и понять ея крестовидный планъ¹⁾.

Вы спросите, какая же надобность была расширять храмъ такъ, что съ присоединеніемъ боковыхъ частей терялась, въ значительной долѣ, и та общая гармонія, которая плѣняетъ зрителя въ храмѣ св. Софїи К—ской, и уменьшается, въ весьма замѣтной степени, количество свѣта, къ обилію котораго такъ стремились создатели св. Софїи?—Рѣшеніе этого вопроса простое. Воздвигнуть вторую Софїю было невозможно уже по тому одному, что ни одинъ архитекторъ не въ состояніи былъ овладѣть тѣми неописуемыми по цѣнности и обилію строительными матеріалами, какіе были предоставлены въ распоряженіе зодчихъ имп. Юстиніаномъ. Вѣдь, въ сущности, *весь міръ* тогдашній былъ пре-

¹⁾ По изслѣдованію *прот. П. Г. Лебединцева*, Киевская Софїя, заложенная вел. кн. Ярославомъ въ 1037 г., первоначально раздѣлялась только на 5 частей, которыя заканчивались, съ восточной стороны, пятью же абсидами. См. рефератъ *прот. Лебединцева* подъ заглавіемъ: „О св. Софїи Киевской“ въ „Трудахъ Третьяго Археологическаго Съѣзда въ Россіи“, томъ первый; Киевъ, 1878 г., с. 68. Планъ и первоначальный внѣшній видъ Софїи Киевской представлены у *прот. Лебединцева* въ отдѣльныхъ его брошюрахъ о св. Софїи Киевской, изданныхъ на русскомъ языкѣ (теперь это изданіе—библиографическая рѣдкость) и французскомъ (Киевъ, 1888 г.), также—въ изданіи *проф. Д. Аймалова и Е. Рѣдина*: „Древніе памятники искусства Кіева. Софійскій соборъ, Златоверхо-Михайловскій и Кирилловскій монастыри“; Харьковъ, 1899 г., с. 7—8, и др. Современный намъ видъ св. Софїи Киевской,—и снаружи, и совнутри,—далеко не соответствуетъ древнему; современный видъ Софїи есть результатъ неоднократныхъ и *капитальныхъ* передѣлокъ храма, производимыхъ реставраторами, начиная отъ м. Киевскаго Петра Могила († 1647 г.) и особенно—*послѣ* него. См. *проф. С. Т. Голубева*.—„Киевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники“, томъ II; Киевъ, 1898 г., с. 425.

доставленъ къ услугамъ Антемія и Исидора!.. И вотъ, позднѣйшимъ строителямъ оставалось—или *ограничивать* размѣры храма, построяемаго съ равноконечнымъ крестомъ въ основаніи, какъ это видно, напр., даже на знаменитой церкви XI в. св. Марка въ Венеціи, планомъ для которой послужила реставрированная имп. Юстиніаномъ, но въ 1463 г. разрушенная турками, церковь св. Апостоловъ въ Константинополѣ, или же—прибѣгать къ той системѣ *боковыхъ отдѣленій*, какія стали входить въ употребленіе особенно съ эпохи императоровъ Македонской династіи, съ IX—X в., разъ это оказывалось необходимымъ въ цѣляхъ увеличенія вмѣстимости храма.

Уменьшеніе, съ одной стороны, размѣровъ храма, при сохраненіи равноконечнаго креста въ основаніи прямоугольника и трехъ нефовъ, а съ другой стороны—присоединеніе, посредствомъ системы арокъ, боковыхъ еще нефовъ къ тремъ главнымъ, если это требовалось намѣреніемъ расширить храмъ: вотъ, прежде всего, отличительныя особенности архитектурнаго искусства Византіи въ эпоху, слѣдовавшую непосредственно, пожалуй, за Юстиніаномъ. И разъ уже при самомъ имп. Юстиніанѣ храмъ св. Апостоловъ реставрируется такъ, что по плану онъ подходитъ къ церкви св. Марка въ Венеціи XI в.; то что удивительнаго если такія же церкви, заимствующія отъ св. Софіи одинъ почти только равноконечный крестъ въ основаніи четырехъугольника, строятся въ X в. на Аѳонѣ¹⁾, въ XI в. въ Македоніи, а въ XII и XIII вв. у насъ въ Россіи? Отъ XI в. доселѣ сохранилась въ Солуни церковь св. пр. Іліи, превращенная турками въ мечеть подъ названіемъ Эски-Сарай²⁾. У насъ въ Кіевѣ къ концу XI или началу XII в. относится Предтеченская Церковь въ Лаврѣ (нынѣ—придѣлъ великой Лаврской церкви), къ на-

¹⁾ *Ch. Diehl*—„Manuel d'Art Byzant.“, p. 406.

²⁾ Церковь эта описана *акад. Н. П. Кондаковымъ* въ его изданіи: „Македонія. Археологическое путешествіе“. СПб. 1900 г. с. 117.

чалу XII в. относится здѣсь же, въ Лаврѣ, церковь Троицкая на св. вратахъ и, по мнѣнію проф. П. А. Лашкарева, Успенская церковь на Подолѣ. Квадратная площадка съ четырьмя столбами въ центрѣ, три полукружія къ востоку, столбы по сѣверному, западному и южному концамъ архитектурнаго креста и по угламъ остального пространства площадки: все это составляетъ принадлежность плана каждой изъ названныхъ церквей¹⁾. Подобный планъ находитъ себѣ примѣненіе и въ церкви Спаса въ Мирожскомъ монастырѣ, близъ Пскова, отъ XII в.²⁾, и въ Новгородскихъ церквяхъ: Спаса въ Нередицахъ XII в. и св. Николая на Липнѣ XIII в.³⁾.

Н. Пальмовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ *П. Лашкаревъ.*— „Кіевская архитектура X—XII вѣка“ въ изд. „Церковно-Археологическіе очерки, изслѣдованія и рефераты“. Кіевъ. 1898 г., с. 147. *Проф. Н. И. Петровъ.*— „Историко-топографическіе очерки древняго Кіева“. Кіевъ. 1897 г., с. 76.

²⁾ *Н. Ѳ. Окуличъ-Казаринъ.*— „Спутникъ по древнему Пскову“. Псковъ 1911 г., с. 224.

³⁾ *Проф. Н. В. Покровский.*— „Памятники христіанской архитектуры, особенно—русскіе“. СПб. 1910 г., с. 50. *Н. П. Ласковскій.*— „Путеводитель по Новгороду“. Новгородъ. 1910 г., с. 246.

⁴⁾ См. №№ 18—19 за 1912 г.

На благословенномъ югѣ.

(Продолженіе) ⁴⁾.

Въ Севастополь я пріѣхалъ темной, безлунной ночью, а потому не видѣлъ, какъ слѣдуетъ, моря. Видѣлъ только рядъ военныхъ судовъ, выстроившихся по черной, слегка блестящей поверхности рейда, и ничего болѣе. Но на другой день первымъ моимъ вопросомъ, обращеннымъ къ служителю гостинницы, гдѣ я остановился, былъ вопросъ о морѣ:

— Гдѣ здѣсь у васъ скорѣе всего можно увидѣть море?

---

¹⁾ *П. Лашкаревъ.* — „Кіевская архитектура X—XII вѣка“ въ изд. „Церковно-Археологическіе очерки, изслѣдованія и рефераты“. Кіевъ. 1898 г., с. 147. *Проф. Н. И. Петровъ.* — „Историко-топографическіе очерки древняго Кіева“. Кіевъ. 1897 г., с. 76.

²⁾ *Н. Ѡ. Окуличъ-Казаринъ.* — „Спутникъ по древнему Пскову“. Псковъ 1911 г., с. 224.

³⁾ *Проф. Н. В. Покровский.* — „Памятники христіанской архитектуры, особенно—русскіе“. СПБ. 1910 г., с. 50. *Н. П. Ласковскій.* — „Путеводитель по Новгороду“. Новгородъ. 1910 г., с. 246.

⁴⁾ См. №№ 18—19 за 1912 г.

— А у насъ здѣсь уже (все) море, — засмѣялся добродушный хохоль, цѣлкою сохранившійся подъ лакейскимъ фракомъ: — уоть (воть) рядомъ же и буде море; подите на Приморскій бульваръ!

Сейчасъ же послѣ чаю я отправился на Приморскій бульваръ, который, оказалось, былъ, дѣйствительно, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моей гостиницы. Бульваръ засаженъ разными декоративными растеніями, между которыми разбитъ пышный цвѣтникъ, что, вѣроятно, въ виду каменности почвы, стоило огромныхъ усилій. Бульваръ идетъ вдоль самаго морского берега, который здѣсь сравнительно высокъ. На самомъ краю бульвара въ красивомъ порядкѣ расположены скамейки и стулья для сидѣнья, и отсюда открывается волшебный видъ на Севастопольскую бухту, а далѣе и на самое открытое море. Медленными зеленоватыми волнами подходило море къ берегу и разсыпалось въ мелкія бѣлыя брызги, которыя иногда попадали вверхъ и освѣжали лицо. Съ высоты бульвара шли внизъ ступени, и тамъ, у самаго моря, стояла куча дѣтей, собиравшихъ раковины.

— Какъ это просто, — подумалъ я: — могучая и страшная стихія, и тутъ же рядомъ безпомощныя дѣти.

Чѣмъ дальше отъ берега, тѣмъ свѣтлѣе становилось море; ярко-бѣлымъ полотномъ разстилалось оно за предѣлами бухты, отражая яркое сіяніе южнаго солнца, а тамъ, далеко, окутанное синеватою уже дымкой, совсѣмъ сливалось съ горизонтомъ.

— Какое разнообразіе цвѣтовъ! Какъ прелестно!

— У-у-у! — загудѣло вдругъ подъ ногами.

— Ай, ай! — раздался вслѣдъ за этимъ дѣтскій крикъ.

Это высокая волна набѣжала на берегъ, обдала его пѣной и напугала дѣтей. Но мгновеніе, — и море опять стало ровнымъ, и дѣти опять съ полнымъ безстрашіемъ стали рыться въ чемъ то у самой морской воды.

Неподалеку отъ бульвара выходитъ изъ моря колонна — памятникъ потопленія русскихъ кораблей, сдѣланнаго съ

цѣлью заградить непріятелю входъ на Севастопольскій рейдъ. Памятникъ этотъ очень красивъ. На верху колонны утверждень орель съ распростертыми крыльями, который, глядя внизъ, въ морскую пучину, какъ бы опускаетъ на потопленные корабли металлическій вѣнокъ, какой онъ держитъ въ клювѣ. Мимо памятника то и дѣло мелькають парусныя лодки, катеры, разные маленькіе перевозныя парходики, миноноски и т. под. При самомъ выходѣ изъ бухты въ открытое море, стоитъ на якорѣ учебное военное судно, на которомъ видны люди, производящіе какія то работы. А тамъ, вдали, въ самомъ открытомъ морѣ показался пассажирскій морской пароходъ, по мѣрѣ приближенія принимавшій все большіе и большіе размѣры. На рейдѣ въ полномъ спокойствіи стояли старые броненосцы и крейсера, часть Черноморскаго флота, ожидавшая возвращенія другой части эскадры, находившейся въ открытомъ морѣ „на ученьѣ“. И по ту, и по другую сторону бухты по высокимъ укрѣпленнымъ берегамъ частыми рядами стояли пушки съ черными длинными жерлами. Но на фонѣ необъятнаго моря какими маленькими и непохожими на самихъ себя смотрѣли и эти пушки, и пароходы, и самые броненосцы! Видъ броненосцевъ въ морѣ такъ не согласовался съ создавшимся у меня ранѣе представленіемъ о нихъ, что я нѣкоторое время прямо отказывался вѣрить, что предо мной броненосцы. Между тѣмъ на этихъ броненосцахъ только тѣ башни, которыя защищаютъ 12-дюймовыя орудія, вѣсятъ по 12000 тоннъ каждая. Да, велики человѣческія созданія, но какъ ничтожны они передъ величіемъ Божіихъ твореній!

Долго сидѣлъ я неподвижно на берегу моря, вглядывался въ загадочную его даль, слѣдилъ за тихимъ ходомъ судовъ, слушалъ то ласковый, то вдругъ грозный говоръ волнъ внизу, и вспоминались стихи поэта:

Моей души предѣлъ желанный!

. . . . . По берегамъ твоимъ

Бродилъ я, тихій и туманный,

Завѣтнымъ умысломъ томимъ.
 Какъ я любилъ твои отзвѣвы,
 Глухіе звуки, бездны гласъ,
 И тишину въ вечерній часъ,
 И своенравные порывы.
 Смиранный парусъ рыбарей,
 Твоею прихотью хранимый.
 Скользить отважно средь зыбей;
 Но ты выигралъ, неодолимый,
 И стая тонетъ кораблей...

(Пушкинъ. „Къ морю“).

На Приморскомъ же бульварѣ помѣщается біологическая станція Императорской Академіи Наукъ, при которой имѣются акваріумы и нѣкоторыя коллекціи, гдѣ собраны всѣ обитатели и всѣ растенія подводнаго Черноморскаго царства. Съ большимъ интересомъ осматривали мы въ обширныхъ акваріумахъ морскихъ животныхъ, среди которыхъ есть и *актиніи*, безпозвоночныя животныя, которыя обыкновенно сидятъ подъ водой на камняхъ, въ видѣ цвѣтовъ; и *медузы* со своими прозрачными то разжимающимися, то сжимающимися безобразными тѣлами (отсюда—другое названіе мездъ: „морскія сердца“); и *мшанки*, крохотныя животныя, выдѣляющія изъ себя известковыя ячейки, изъ которыхъ потомъ образуются цѣлыя скалы (напр., образовались скалы, окружающія Керчь, Инкерманскій известнякъ и т. под.); и разнаго рода *моллюски*, которыя, какъ, напр., *фолады*, при самой незначительной своей величинѣ, прокладываютъ, однако, ходы въ каменныхъ горахъ и скалахъ и подтачиваютъ донья кораблей; и *ракообразныя крабы*; и позвоночныя *скаты*, или морскія лисицы, эти противныя на видъ рыбы, сплюсненныя въ блинъ и имѣющія длинный отвратительный хвостъ; и гигантскія *акулы*, или морскія собаки, которыя, будучи рыбами, дѣтенышей родятъ живыми; и *морскіе коньки*, напоминающіе шахматныхъ коней и отличающіеся тѣмъ, что

молодую рыбу вынашивают у себя на животъ въ особыхъ карманахъ; и *морскія иллы*, эти нитевидныя зеленыя и коричневыя рыбы; и сплюснутая *камбала*, съ обоими глазами на одномъ боку; и *морскіе ерши*, похожіе на обросшіе мхомъ камни; и красныя *морскіе пѣтухи*, съ широкими зеленоватыми плавниками, имѣющими по краямъ голубоватую оторочку, и, дѣйствительно, похожіе на пѣтуховъ; и *морская корова*, или звѣздочетъ, рыба, которая закапывается въ песокъ, при чемъ видными остаются только ея глаза; глаза же у морской коровы расположены на спинѣ и обращены вверхъ, отчего и названіе рыбы—звѣздочетъ; и *морской чертъ*, рыба, которая тоже закапывается въ тину или въ песокъ, оставляя открытой спину, на которой расположены иглы съ кисточками; этими кисточками морской чертъ приманиваетъ себѣ добычу—мелкую рыбу.

Въ имѣющихся при станціи коллекціяхъ собраны чучела птицъ, живущихъ по берегамъ Чернаго и Азовскаго морей: утокъ, морскихъ чаекъ и т. под. Здѣсь же показываются чучела и скелеты дельфиновъ, или морскихъ свиней; показывается также молоко дельфина въ сгущенномъ видѣ и его зародыши. Кромѣ того, при біологической станціи представлены морскія растенія, напр., *филофора* (красная водоросль), *цистоцира* (бурная водоросль), *зостера* (морская трава) и т. дал. Наконецъ, здѣсь же собраны ископаемыя животныя, жившія въ давнія геологическія эпохи на мѣстѣ нынѣшняго Крыма, Чернаго и Азовскаго морей и образовавшя—будто бы—своими останками чуть ли не всѣ пласты и скалы Крымскаго полуострова. Вообще, біологическая станція Императорской Академіи Наукъ представляетъ серьезный научный интересъ и, повидимому, съ большимъ усердіемъ посѣщается туристами, особенно экскурсантами изъ учащихся. Было очень отрадно это наблюдать, но нельзя было не пожалѣть, что у насъ, въ нашихъ городахъ, путешественникъ слишкомъ рѣдко встрѣчаетъ общественное учрежденіе съ образовательнымъ характеромъ, между тѣмъ какъ на разныя

увеселительныя заведенія, сады и театры, наталкивается онъ едва ли не на каждомъ шагѣ.

Съ Приморскаго бульвара я по Нахимовской улицѣ отправился на такъ называемый Историческій бульваръ, расположенный въ другой части города.

Здѣсь уже совершенно особый міръ, міръ русскаго героизма и воинскихъ доблестей. На высокой площадкѣ, окаймленной тщательно охраняемыми подтропическими растеніями, красуется величественный, недавно открытый (5 августа 1909 г.) памятникъ знаменитому генералу—инженеру Э. П. Тотлебену, руководителю инженерныхъ работъ по оборонѣ крѣпости при осадѣ Севастополя. Укрѣпленія 4-го бастиона, воздвигнутыя Тотлебеномъ, въ неприкосновенности сохранились до настоящаго времени. Стѣна бастиона была сдѣлана изъ большихъ, положенныхъ одна на другую, плетеныхъ корзинъ и мѣшковъ, наполненныхъ землей и мелкимъ камнемъ. Въ промежуткахъ между укрѣпленіями стояли и теперь стоятъ пушки. Корзины и мѣшки, по нѣскольку въ рядъ, стояли, во время осады, на протяженіи 7 верстъ, представляя почти непреодолимую преграду для натиска непріятели, который могъ взять крѣпость только черезъ 11 мѣсяцевъ и съ огромными потерями для себя. Съ высоты 4-го бастиона открывается прекрасный видъ на Малаховъ Курганъ, съ памятникомъ адмиралу Корнилову, на Севастопольскій рейдъ съ красиво вытянувшимися по нему броненосцами и крейсерами, и на самый Севастополь, отовсюду омываемый моремъ. Неподалеку отъ 4-го бастиона начинается подземный ходъ въ Инкерманъ, прорытый осаждаемыми севастопольцами во время самой осады. На Историческомъ же бульварѣ помѣщается большое, высокое и круглое зданіе для картины—панорамы художника проф. Рубо—Севастопольская оборона. Въ настоящее время эта картина находится въ Петербургѣ и, вмѣсто нея, показывается другая картина того же художника Рубо—взятіе русскими войсками аула Ахульго на Кавказѣ. Но эта картина, не будучи связана своимъ содер-

жаніемъ съ данной мѣстностью, съ Севастополемъ, не произвела на насъ большаго впечатлѣнія, и съ гораздо большимъ интересомъ мы осматривали расположенныя при входѣ въ зданіе панорамы восковыя фигуры военныхъ чиновъ въ формѣ времени Севастопольской обороны. Особенное вниманіе привлекають фигура сестры милосердія, всецѣло ушедшей въ работу по перевязкѣ раненаго, и маленькая невзрачная фигура знаменитаго хирурга и педагога Ник. Ив. Пирогова, принимавшаго, какъ извѣстно, участіе въ Севастопольской оборонѣ, въ качествѣ военнаго врача. По Екатерининской улицѣ прошли мы далѣе къ Историческому музею, помѣстившемуся въ специально для него выстроенномъ зданіи и заключающему въ себѣ всѣ болѣе или менѣе интересные памятники, касающіеся обороны Севастополя; здѣсь русскія и иностранныя орудія, ядра, бомбы, якоря, знамена, модели судовъ, огромныя коллекціи фотографій лицъ, принимавшихъ участіе въ оборонѣ, собраніе русскихъ и иностранныхъ каррикатуръ, относящихся къ оборонѣ, портреты государей Николая I и Александра II, а также портретовъ великихъ князей, принимавшихъ участіе въ кампаніи, русскія и иностранныя картины и гравюры, изображающія различные моменты Крымской войны: мелкія стычки, рѣшительныя сраженія, подвиги героевъ; здѣсь же разные дорогіе альбомы, касающіеся войны, иконы, крестики и другіе предметы, найденные на поляхъ битвы уже послѣ войны, собственноручныя письма государей Николая I и Александра II, писанныя военачальникамъ; обращаетъ вниманіе то, что письма эти по большей части очень обширны и свидѣтельствуютъ о томъ, что названные государи непосредственно входили во всѣ детали военныхъ дѣлъ въ Севастополѣ. Всѣ императорскія письма писаны карандашемъ. Здѣсь же, въ музеѣ, въ витринахъ за стеклами, хранятся запачканныя грязью и кровью мундиры адмираловъ Нахимова, Корнилова и другихъ героевъ войны, прострѣленная фуражка Нахимова, шпага его, а также нѣкоторыя части костюма, въ которомъ мученически

скончался Императоръ Александръ II 1 марта 1881 г. (напр.: простенькій ремешокъ для подпоясыванія брюкъ, окровавленный султанъ отъ каски и т. п.), и вещи, принадлежавшія Императору Николаю I (ботфорты, платокъ, перчатки).

На холмѣ, неподалеку отъ музея, возвышается соборъ св. Владиміра, построенный въ память войны 1854—55 гг. и называемый также Адмиральскимъ. Въ этомъ богатомъ соборѣ, подъ общей гробницей, въ видѣ чернаго мраморнаго креста, покоится прахъ 4 адмираловъ: Нахимова, Корнилова, Лазарева и Истомина. На гробницѣ золотой крестъ и надпись „Ника“. Изъ другихъ Севастопольскихъ храмовъ обращаетъ вниманіе старинный Петропавловскій соборъ, построенный въ древне-греческомъ, классическомъ стилѣ и представляющій, собственно, архитектурную копію Аѳинскаго храма Тезея.

На площади, въ концѣ Нахимовской улицы, рядомъ съ домомъ Дворянскаго собранія, который во время осады Севастополя, служилъ главнымъ перевязочнымъ пунктомъ (приминаются захватывающія картины съ одной стороны страданія, съ другой—героизма, какія, по описанію Л. Н. Толстого, очевидца и участника обороны — „Севастопольскіе рассказы“ — можно было наблюдать въ этомъ домѣ), возвышается очень красивый памятникъ адмиралу Нахимову, съ высѣченными на немъ стихами графини Растропчиной:

Двѣнадцать разъ луна мѣнялась.

Луна всходила въ небесахъ,

А все осада продолжалась

И поле смерти расширялось

Въ облитыхъ кровію стѣнахъ.

Памятникъ очень массивный и богатый (стоилъ 100 тыс. рублей).

Вообще, Севастополь изобилуетъ памятниками, производя впечатлѣніе чрезвычайно красиваго города, который не пересталъ бы быть красивымъ и въ томъ случаѣ, если бы какимъ либо образомъ былъ перенесенъ на территорію того

или другого европейскаго государства. Севастополь вполне оправдывает свое названіе. Это, дѣйствительно, *величественный* городъ. Конечно, не памятники только украшаютъ Севастополь: прекрасно его мѣстоположеніе, а затѣмъ въ немъ множество прекраснѣйшихъ зданій, по всѣмъ своимъ улицамъ онъ имѣетъ исключительно хорошія, ровныя и чрезвычайно чистыя мостовыя, а главное—населенъ онъ въ значительной своей части людьми военными и, вообще, интеллигентными и во всемъ отличается рѣдкимъ благоустройствомъ. Но жизнь въ Севастополѣ сравнительно недорога.

Во время своего пребыванія въ Севастополѣ, я посѣтилъ развалины Херсонеса Таврическаго, древней Корсуні. Херсонесъ расположенъ всего верстахъ въ 4—5 отъ Севастополя, а потому я отправился къ нему моремъ, на яликѣ, только вдвоемъ съ гребцомъ. Море на этотъ разъ было совершенно спокойно, и прелестно было это маленькое путешествіе по морскимъ волнамъ, столь—оказалось—послушнымъ веслу стараго опытнаго моряка. Въ Херсонесѣ ближе всего къ морю расположенъ такъ называемый „Складъ древностей Императорскаго Археологическаго Общества“, гдѣ собрано все наиболѣе цѣнное, что найдено при раскопкахъ въ Херсонесѣ. Древности собраны въ огромномъ количествѣ, такъ что чуть ли не большая часть расположена пока прямо подъ открытымъ небомъ: здѣсь наиболѣе громоздкіе предметы—обломки колонъ и каріатидъ, саркофаги, цистерны, глиняныя трубы для водопроводовъ и т. под. Изъ остатковъ колоннъ на дворѣ же составлена цѣлая базилика, съ алтарнымъ абсидомъ и съ притворомъ. Въ самомъ помѣщеніи музея собраны болѣе мелкія вещи: свѣтильники, которые возжигали древніе христіане при молитвѣ, кольца, различныя принадлежности женскаго туалета, бусы, булавки и т. п., а также предметы сельскаго хозяйства, напр., желѣзныя путы для лошадей, грабли и т. дал. Особенное вниманіе обращаютъ остатки обугливагося хлѣба, обуглившіяся яйца, такія же зерна и т. д. Небольшое сравнительно помѣщеніе Херсонесскаго му-

зея, при нашемъ посѣщеніи, было почти все наполнено туристами, при чемъ дамы, кажется, болѣе всего интересовались коллекціей булавокъ, изъ которыхъ нѣкоторыя чрезвычайно напоминаютъ современныя „англійскія“ булавки...

Въ сосѣдствѣ съ помѣщеніемъ музея—и самъ древній Херсонесъ, освобождаемый отъ лежащихъ на немъ пластовъ земли: раскопки производятся и въ настоящее время, и мнѣ удалось наблюдать, такъ сказать, самый процессъ раскопокъ, въ которыхъ участвуетъ до 30 человекъ рабочихъ, подъ руководствомъ ученаго археолога. Можно было видѣть, какъ изъ подъ лопать рабочихъ постепенно вырастаютъ фундаменты и, вообще, нижнія части древне-греческихъ построекъ, по которымъ вполне можно судить объ ихъ величинѣ и планѣ. Въ нѣкоторыхъ откопанныхъ базиликахъ совершенно ясно различаются полъ, мѣста абсида и колонны, съ отчетливостью различаются даже рисунки на полу, изображенія цвѣтовъ, птицъ, крестовъ восьмиконечныхъ и т. дал. Подъ одной изъ базиликъ открыты катакомбы, числомъ до 100, а въ катакомбахъ найдены остатки древнихъ гробовъ, урны съ пепломъ и т. под. Въ катакомбы ведетъ узкій ходъ, по которому туристы спускаются внизъ лишь по нѣскольку человекъ, при чемъ путь для нихъ освѣщается свѣчей. Значительная часть Херсонеса уже извлечена изъ подъ земли, но неизвѣстно, что еще заключаетъ въ себѣ таинственный древній „прекрасный портъ“, какъ названъ Херсонесъ въ одной изъ найденныхъ при раскопкахъ грамотъ. Какъ сообщали мнѣ въ Херсонесѣ, раскопки здѣсь въ настоящее время производятся, между прочимъ, и на личныя средства Государя Императора. Долго бродилъ я по развалинамъ Корсуни: здѣсь нѣтъ того дикаго величія, той грандіозности сооружений, что можно было видѣть въ Чуфуть-Кале, но здѣсь все уже такъ близко къ русской исторіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ—и чрезвычайно цѣнно въ научно-археологическомъ отношеніи.

Отъ мѣста раскопокъ невысокой стѣной отдѣляется Херсонесскій монастырь, съ хорошо обработаннымъ садомъ, съ кельями для братіи и съ величественнымъ, стоящимъ на высококомъ холмѣ и виднымъ издалека, храмомъ въ честь Рождества Пресвятыя Богородицы (нижній этажъ) и во имя св. равноапостольнаго князя Владиміра (верхній этажъ). Храмъ этотъ построенъ въ память 900-лѣтія крещенія Руси, носитъ всѣ отличительные признаки византійскаго стиля и по красотѣ архитектуры превосходитъ—показалось мнѣ—знаменитый Владимірскій же соборъ въ Кіевѣ. На мѣстѣ Свято-Владимірскаго храма, по преданію, крестился св. Владиміръ. Въ то давнее время здѣсь былъ храмъ въ честь Рождества Богородицы. Отъ этого храма сохранились лишь остатки мраморныхъ стѣнъ и алтаря. Но въ виду того, что эти остатки для всякаго православнаго русскаго человѣка имѣютъ великое священно-историческое значеніе, они, при постройкѣ новаго грандіознаго храма, были оставлены на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ были найдены. Такимъ образомъ, въ нижнемъ этажѣ новаго храма мы видимъ развалины и того стараго храма, въ которомъ крестился св. Владиміръ, сложенные по тѣмъ самымъ линіямъ, по какимъ шли стѣны древняго храма. Огорожено въ храмъ и то мѣсто, гдѣ была „Владимірова купель“, передъ которой въ особомъ ковчегѣ хранятся мощи св. Владиміра, перенесенныя сюда изъ Зимняго Дворца, при Императорѣ Александрѣ II. Чувство глубокаго благоговѣнія объемлетъ душу, при видѣ того самаго мѣста, гдѣ палъ на землю святорусскую первый живительный лучъ христіанской вѣры. А возносящійся надъ скромными сѣрыми остатками древняго храма новый величественный, богатый, изобилующій мраморомъ, украшенный дорогой мозаикой, художественными священными изображениями и прекрасно сдѣланнымъ иконостасомъ, сверкающимъ золотомъ и драгоценными камнями, храмъ (стоилъ 1½ милл. рублей) какъ бы символизируетъ тѣ великіе плоды, которые за 9 столѣтій возростило на Руси христіанство, насажденное св. Влади-

міромъ. Самп собой припоминались вдохновенныя слова митр. Иларіона:

— „... встани, о честная главо. Отряси сонъ, возведи очи, да видиши, какія ты чести Господь сподобилъ и на земли не безпамятна оставилъ сыномъ твоимъ“.

Уже при заходѣ солнца я спустился съ холма, гдѣ стоитъ Херсонесскій соборъ, къ ожидавшей меня на морѣ лодкѣ. Дивная картина открылась для глазъ, когда мы выѣхали изъ маленькаго Херсонесскаго залива въ открытое море: солнце садилось и въ пурпурный цвѣтъ окрашивало и небо и море; то здѣсь, то тамъ поднимались вверхъ волны, вдругъ окрашивавшіяся въ пурпурный же цвѣтъ.

— Какая красота! — сказалъ я вслухъ: — волны какъ огненныя.

— Да, чудесно! — съ живостью откликнулся везшій меня старикъ — лодочникъ: — но это еще что. А вотъ осенью бываетъ иногда, что по ночамъ море прямо горить...

— Какъ горить?

— А фосфорическимъ свѣтомъ! Возьмешь вотъ такъ, разобьешь волну весломъ, а она искрами огненными и разсыпается. А то лежишь на берегу и смотришь на море, и вотъ видишь: словно радуга по нему пошла: это значитъ, дельфинъ взбаламутилъ воду, и она заблестѣла. Потомъ паруходъ — скажемъ — идетъ и разрѣзаетъ воду или утки плывутъ и рѣжутъ волны, — и за ними идутъ разноцвѣтныя огневые полосы. Такая это, — скажу вамъ, — красота, что ужъ на что я, мужикъ, и то, кажись, всю ночь глядѣлъ бы и не наглядѣлся... Да, дивны дѣла Господни!..

Когда мы приближались къ Севастополю, надъ моремъ, высоко въ небѣ, показалась, словно бабочка, какая то темная фигура, быстро, но плавно мчавшаяся по направленію отъ одного берега бухты къ другому.

— Аэропланъ... Блерію, — тономъ спеціалиста проговорилъ лодочникъ: — тутъ въ Севастополѣ есть военный аэро-

дромъ. Офицеры летать учатся. Такъ у насъ каждый день тутъ летаютъ.

— Трррр... Трррр...—слышится рѣзкій звукъ вращающагося пропеллера.

Я смотрѣлъ и восхищался. Здѣсь, въ аэропланѣ надъ моремъ передо мной были сразу двѣ побѣды человѣческаго генія—надъ воздухомъ и надъ водой.

Пробывъ въ Севастополѣ, въ этомъ прекрасномъ русскомъ городѣ около недѣли, я, на пароходѣ „Русскаго общества“, отправился въ Ялту. Пароходъ долго стоялъ на пристани, и пассажиры вполне могли любоваться красивымъ видомъ города, раскинушагося по узорчатому берегу моря и блиставшаго на солнцѣ бѣлизной церковей и грандіозныхъ зданій. Между прочимъ, здѣсь на пароходѣ можно было наблюдать характерную сценку, показывающую, до какой изворотливости можетъ дойти человѣкъ, лишь бы избѣжать голода: въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ парохода на водѣ держался татарченокъ лѣтъ 10--12 и, обращаясь къ стоявшей на палубѣ публикѣ, говорилъ:

— Бросьте денежку въ воду. Я достану.

Публика изъ любопытства бросала мѣдныя монеты, и мальчикъ головой внизъ нырялъ въ воду, иногда скрывался подъ водой по цѣлой минутѣ и, дѣйствительно, доставалъ монеты, клалъ за щеку и опять просилъ:

— Киньте, киньте денежку.

Многіе, чтобы строже испытать мальчугана въ его искусствѣ, бросали ему менѣ замѣтныя въ водѣ серебряныя монеты, но мальчикъ очень ловко доставалъ и ихъ. Около часу держался мальчикъ на водѣ, набралъ буквально полонъ ротъ денегъ и чрезвычайно красиво поплылъ по морю лишь тогда, когда пароходъ сталъ отчаливать.

Я сидѣлъ на той сторонѣ палубы, что была обращена къ берегу, и былъ очень радъ, что мнѣ удалось увидѣть по

пути весь южный берегъ Крыма. На эту же сторону палубы собралась почти вся публика съ парохода и, вооружившись биноклями, наблюдала морской берегъ. Только иногда ея вниманіе отвлекалось отъ этого берега: или когда море отъ игры свѣта и тѣней принимало какой либо необычайный, чаще свинцовый оттѣнокъ, или когда начинали нырять передъ нашимъ пароходомъ одинъ за другимъ дельфины, или же, наконецъ, когда съ противоположной стороны моря, гдѣ производилась учебная стрѣльба, съ броненосцевъ раздавались оглушительные, раскатистые звуки выстрѣловъ, совершенно похожіе на отдаленные звуки сильнѣйшаго грома. Иногда проходили встрѣчные пароходы и обмѣнивались съ нашимъ привѣтствіями, въ видѣ троекратнаго подниманія и опусканія флаговъ. Но главнымъ образомъ наше вниманіе было увлечено именно въ сторону Крымскаго берега. Дѣйствительно, очень много интереснаго раскрылъ онъ передъ нами на нашемъ пути. Отъ Севастополя до Ялты, какъ на лентѣ кинематографа, прошли передъ нашими глазами *развалины Херсонеса* съ возвышающимся надъ ними храмомъ, совсѣмъ неподалеку отъ него—красивое сооруженіе *Херсонесскаго маяка*, отъ котораго низкій доселѣ берегъ постепенно повышается, далѣе—расположившійся въ живописнѣйшей мѣстности высоко надъ морскимъ обрывомъ *Георгіевскій монастырь*, извѣстный своей древностью (въ 1891 году праздновалъ 1000-лѣтіе своего существованія), съ моря хорошо виденъ верхній монастырскій храмъ въ честь Воздвиженія Господня, стоящій на высокой скалѣ; нижній же храмъ во имя св. Георгія ютится внизу, подъ скалою. Неподалеку отъ монастыря врѣзывается въ море мысъ *Фіолентъ*, отличающійся чрезвычайно разнообразной окраской своихъ пластовъ и красиво отражающійся въ зеркальной поверхности моря; у древнихъ грековъ мысъ Фіолентъ былъ извѣстенъ подъ названіемъ „Партегіона“. Здѣсь, по Страбону, стоялъ храмъ мѣстной богини Дѣвы. За мысомъ Фіолентомъ по террасамъ высокихъ скалистыхъ береговъ расположена почти совершенно закрытая отъ моря стѣнами

бухты тихая *Балаклава* (балыкъ=рыба и юва=гнездо), съ красивыми дачами и съ рыбными консервными заводами. По предположенію нѣкоторыхъ ученыхъ (Бэра и Карла Риттера), на мѣстѣ нынѣшней Балаклавы существовало поселеніе еще задолго до Р. Хр. Утверждаютъ, что здѣсь именно былъ портъ лестригоновъ, описанный въ слѣдующихъ стихахъ Одиссея:

Въ славную пристань вошли мы: ее образуютъ утесы,
Круто съ обѣихъ сторонъ подымаясь и сдвинувшись подлѣ
Устья великими, другъ противъ друга изъ темныя бездны
Моря торчащими камнями, входъ и исходъ заграждая.

Надъ Балаклавой возвышается гора, вершина которой покрыта развалинами древней *Генуэзской крѣпости* (Генуэзцы завладѣли было Крымомъ послѣ грековъ въ XIII вѣкѣ, но скоро (въ XV в.) ихъ вытѣснили отсюда татары). Далѣе врѣзывается въ море мысъ *Айя*, за которымъ начинается вѣчно спокойный, но глубокій (33 саж. глубины), *Ластинскій заливъ*, за нимъ мысъ *Ластинскій*, а затѣмъ мысъ *Сарычъ*, самая южная точка Крымскаго полуострова. На этомъ мысѣ возвышается маякъ. За мысомъ Сарычъ начинается богатое имѣніе г. Ушкова, подъ названіемъ „*Форосъ*“. Въ этомъ имѣніи на обрывѣ надъ моремъ обращаетъ вниманіе прекрасная бѣлая церковь, выстроенная г. Кузнецовымъ, а еще выше церкви, на огромной высотѣ, еле видны такъ называемые „*Байдарскія ворота*“, за которыми прячется деревня „*Байдары*“. Послѣ Байдарскихъ воротъ прошли передъ нами мысъ *Кекенеизъ* съ благоустроеннымъ имѣніемъ г-жи Алчевской, затѣмъ какъ бы оторвавшаяся отъ берега и стоявшая посреди воды скала „*Диво*“ („Дзива-Кая“) и близко къ ней одинокая же скала „*Монахъ*“. Этимъ скаламъ посвящена поэтическая легенда: покинутая красавица хотѣла броситься въ море, но проходившій мимо монахъ спасъ красавицу, наступивъ на ея длинные распущенные волосы и такимъ образомъ удержавъ ее на берегу; живописный курортъ *Семе-*

изъ, съ красивыми дачами, съ обширнымъ паркомъ, съ прекраснымъ морскимъ пляжемъ, гора „*Великая Айла*“ съ господствующей надъ мѣстностью зубчатой стѣной *Ай-Петри*, скала „*Кошка*“, названная такъ по нѣкоторому сходству съ кошкой, какъ бы собравшейся прыгнуть въ море, роскошный курортъ *Алушка*, утопающій въ зелени дворецъ *Воронцовой-Дашковой*; за Алушкой слѣдовало богатѣйшее имѣніе „*Мисхоръ*“, затѣмъ деревни *Гаспра* и *Кореизъ*, далѣе показался мысъ *Ай-Тодоръ* съ большимъ маякомъ и съ прелестной дачей „*Ласточкино гнѣздо*“. За маякомъ шла царскія имѣнія *Орианда*, съ дивной бѣлой бесѣдкой въ древнѣ-греческомъ стилѣ на горѣ, и *Ливадія*, съ парками, съ дворцами, съ виноградниками, потомъ—пригородная дачная мѣстность *Чукурларъ*, а вотъ, наконецъ, и сама красавица *Ялта*.

Николай Колосовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКА

О ношеніи оружія священнослужителями.

Тулская духовная консисторія объявила для свѣдѣнія духовенства епархіи, что опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, отъ 29 января—27 февраля 1907 года за № 544, заключено: «Правилами 83 св. Апостоль и 55-мъ св. Василя Великаго возбраняется священнослужителямъ дѣйствованіе оружіемъ, но не воспрещается охранять свою жизнь и имущество путемъ вооруженія находящихся у нихъ въ домѣ въ услуженіи лицъ. (Сов. лѣт.).

Редакторъ, Ректоръ Киевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій
Печатать дозволяется. Киевъ, 8-го мая 1912 года

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ, Тип. Акц. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т. Борчакъ-Новицкаго Мерингов. ул. д. № 6.

ГОДЪ

III

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
пять руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 21.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1912-го года 20-го мая.

Содержаніе: I. Отклики на современность. Н. Гумилевскій.—II. Большой вопросъ. Е. X.—III. О Византійскомъ архитектурномъ стилѣ. (Окончаніе). Н. Пальмовъ.—IV. На благословенномъ югѣ. (Продолженіе). Н. Колосовъ.—V. Замѣтка. Духовенство и народъ.

Отклики на современность.

Въ настоящее время почти общепризнано, что полученіе православными священнослужителями платы за требоисправленія непосредственно изъ рукъ прихожанъ является одной изъ важныхъ причинъ разстройства приходской жизни, такъ какъ часто вызываетъ со стороны прихожанъ нареканіе на духовенство за „поборы“. Иначе разсуждаетъ объ этомъ нѣкто подъ инициалами А. А. въ статьѣ „О матеріальномъ положеніи современнаго духовенства“ („Христіанинъ“ 1912 г., мартъ). Авторъ указываетъ на то, что практикующійся у насъ способъ обезпеченія духовенства установленъ Самимъ Господомъ (Луки 9 и 10 гл.) и освященъ апосто-

лами (1 Кор. 9,14). Нравственное значеніе этого способа указываетъ св. Іоаннъ Златоустъ, изъясняя слова ап. Павла: „наставляемый словомъ дѣлится всякимъ добромъ съ наставляющимъ“ (Гал. 6,6). „Здѣсь“, говоритъ Златоустъ, „апостоль говоритъ объ учителяхъ, чтобы наставляемые усердно служили имъ въ содержаніи. Но для чего Христосъ установилъ такой законъ? Прежде всего для того, чтобы дать побужденіе къ смиренію и любви. Такъ какъ учительское достоинство часто надмѣваетъ имѣющихъ его, то Христосъ, желая смирить высокомеріе учителя, поставилъ его въ необходимость нуждаться въ помощи наставляемыхъ имъ, а съ другой стороны — и послѣднимъ предоставилъ случай быть болѣе доступными благосклонности, научая ихъ чрезъ услужливость учителямъ быть благосклоннѣе и къ другимъ... А если бы не было этого намѣренія, то я спросилъ бы: для чего Онъ, питавшій неблагодарныхъ іудеевъ манною, поставилъ апостоловъ въ состояніе нищихъ?... Похвалою учителю служить уже и то, когда онъ такъ усерденъ къ проповѣди, что имѣетъ нужду въ помощи другихъ, терпитъ крайнюю бѣдность и презираетъ все житейское“.

Отсюда авторъ дѣлаетъ выводъ, что не слѣдуетъ спѣшить съ измѣненіемъ существующаго порядка: „сдѣлать изъ пастыря душъ *чиновника двадцатника* вовсе не трудно; но вѣдь за эту внѣшнюю переменную *необходимо* послѣдуетъ коренная ломка вѣками сложившихся внутреннихъ, *сердечныхъ* отношеній пастыря и пасомыхъ“. Далѣе авторъ высказываетъ недоумѣніе, почему священнослужители считаютъ унижительнымъ для себя получать плату непосредственно отъ лицъ, для которыхъ они совершаютъ требы, тогда какъ врачи и адвокаты ничего унижительнаго въ подобномъ полученіи платы не находятъ. Заканчиваетъ авторъ свою статью указаніемъ на то, что пастыри Церкви не вправѣ ссылаться на необезпеченность своей семьи и т. п., такъ какъ объ этомъ нужно думать при принятіи сана: если „всѣ, хотящіе

благочестно жити, гоними бываютъ“, то болѣе другихъ къ этому должны быть готовы именно священнослужители.

Въ изложенной статьѣ есть значительная доля правды. Одна только мысль автора едва ли можетъ быть признана вполне справедливой, но отъ несправедливости этой мысли зависитъ шаткость и его окончательнаго вывода. Именно, авторъ полагаетъ, что до сихъ поръ повсемѣстно сохраняются „вѣками сложившіяся сердечныя отношенія пастырей и пасомыхъ“, что измѣненіе взгляда на способъ обезпеченія духовенства идетъ не отъ послѣднихъ, а отъ первыхъ. Конечно, большинство пастырей теперь высказывается за необходимость измѣнить способъ ихъ содержанія, но коренную причину разсматриваемаго явленія, несомнѣнно, нужно искать въ измѣненіи взгляда именно пасомыхъ. Само по себѣ полученіе платы за совершенный трудъ ничего унижительнаго въ себѣ не заключаетъ, и, по справедливому замѣчанію автора, ни врачи, ни адвокаты ничего унижительнаго въ этомъ не усматриваютъ. Но авторъ совершенно упускаетъ изъ виду различное отношеніе самихъ плательщиковъ къ врачамъ и адвокатамъ, съ одной стороны, и къ духовенству,—съ другой. Можетъ быть, нѣкоторые иногда и считаютъ плату, требуемую врачами или адвокатами несоотвѣтственно высокой, но едва ли кто либо эту плату отерыто называетъ „поборомъ“, такъ какъ въ принципѣ всѣ признаютъ такую плату вполне справедливой. Относительно же священнослужителей среди нѣкоторой части православныхъ, особенно въ низшихъ классахъ, въ послѣднее время распространяется взглядъ, что они (священнослужители) обязаны совершать свой трудъ даромъ или за минимальную, нищенскую плату. Очевидно, у нѣкоторыхъ православныхъ постепенно утрачивается сознание великой важности требъ, совершаемыхъ священниковъ, такъ что такіе православные склонны разсматривать необходимость принимать извѣстныя требы скорѣе, какъ особаго рода повинность, почему особенно тяготятся платой за совершеніе требъ, а совершителя послѣднихъ склонны разсматривать,

почти какъ тунеядца — тогда какъ важность дѣла врачей или адвокатовъ болѣе или менѣе понимаютъ всѣ, обращающіеся къ нимъ. Поэтому для врача не унижительно получать плату, которую самъ пациентъ признаетъ заслуженной и справедливой, и развѣ только нѣсколько преувеличенной. Когда же платящій за потребу чуть не открыто (а у крестьянъ иногда и открыто) высказываетъ, что считаетъ эту плату незаслуженной, то полученіе такой платы безусловно унижительно. Требованіе платы отъ людей не сознающихъ справедливости ея, унижаетъ авторитетъ пастыря, вызываетъ недовѣріе и нерасположеніе къ нему и, такимъ образомъ, совершенно разстраиваетъ проходскую жизнь. А такъ какъ такое требованіе оказывается дѣломъ неизбѣжной необходимости при современномъ положеніи дѣла, то, очевидно, самое это положеніе должно быть такъ или иначе измѣнено. Измѣненіе способа обезпеченія духовенства едва ли будетъ противорѣчить приведеннымъ авторомъ словамъ Спасителя, апостола и св. Златоуста, такъ какъ въ концѣ концовъ средства для содержанія пастырей будутъ все же получаться отъ пасомыхъ. Во времена Златоуста непосредственное вспомошествованіе пастырямъ могло развивать въ пасомыхъ любовь и услужливость; но въ наше время такой способъ обезпеченія духовенства чаще вызываетъ нерасположеніе, чѣмъ любовь, и потому долженъ быть измѣненъ. Относительно же превращенія пастырей въ чиновниковъ авторъ опасается совершенно напрасно, такъ какъ полученіе казеннаго жалованья вовсе не мѣшаетъ человѣку быть самоотверженнымъ и идеальнымъ дѣятелемъ, во всякомъ случаѣ, скорѣе помѣшать этому могутъ частыя столкновенія на денежной почвѣ.

Сдѣланный въ настоящей статьѣ выводъ не стоитъ въ связи съ рѣшеніемъ вопроса, насколько само духовенство виновно въ указанной утратѣ нѣкоторыми православными сознанія важности требъ церковныхъ, и какія мѣры слѣдуетъ предпринять для устраненія этого печальнаго явленія. Пока данное явленіе не устранено, оно остается фактомъ, съ которымъ необходимо считаться.

Н. Гумилевскій.

Большой вопросъ.

Скромно пріютилась на страницахъ журнала „Странникъ“ ¹⁾ статья протоіерей Т. Андріевскаго „О причинахъ упадка церковнаго учительства и средствахъ оживленія его“. Скромно настолько, что развѣ только очень немногіе обратили на нее вниманіе. Между тѣмъ статья эта рассчитана на довольно широкій кругъ читателей—не только на простецовъ-пастырей, но и на умудренныхъ знаніями—ученыхъ богослововъ. Послѣднихъ-то болѣе всего, кажется, и миновала она. Только недавно, уже въ 1912 г., одинъ профессоръ духовной академіи, „специалистъ въ области нравственнаго богословія“, узналъ объ ея существованіи,—и узнавъ, заинтересовался ею. Кто онъ, этотъ загадочный протоіерей, который написалъ такую хорошую и умную вещь? Когда его любопытство было отчасти удовлетворено, онъ пришелъ еще въ большее удивленіе: какъ онъ раньше не услышалъ объ этомъ человѣкѣ?

Но что же особенно написалъ этотъ протоіерей Андріевскій? „О причинахъ упадка церковнаго учительства и о средствахъ оживленія его“... Какая знакомая тема и какой старый вопросъ! Да, и тема знакомая, и вопросъ не новый. Но вотъ что есть въ статьѣ о. Андріевскаго: есть богатый опытъ жизни и совершенно новая, оригинальная, навѣянная этимъ опытомъ, постановка вопроса. Вотъ содержаніе этой статьи. Приводимъ изъ нея, по возможности, всѣ существенныя и интересныя мысли.

Нашему церковному проповѣдничеству—говорить почтенный авторъ—суждено, повидимому, окончательно уподобиться безплодной евангельской смоковницѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, подвергнуться и участи ея. Несмотря на то, что въ современномъ обществѣ замѣтно оживленіе интереса къ религіозно-философскимъ вопросамъ, оно остается почти со-

¹⁾ Май, 1910 г., стр. 776 и дал.

вершено равнодушнымъ къ церковной проповѣди. Правда, есть и въ наше время хорошіе проповѣдники, которыхъ слушаетъ публика, но это проповѣдники особаго рода, проповѣдники-публицисты. Они имѣютъ успѣхъ постольку, поскольку касаются современныхъ событій, и нисколько не обязаны имъ гомилетикѣ—наукѣ о церковномъ проповѣдничествѣ. Гомилетика—не публицистика. Гомилеть—провозвѣстникъ вѣчныхъ истинъ, строго православныхъ. И когда проповѣдникъ именно таковъ, проповѣдь его неизмѣнно производитъ такое дѣйствіе: слушатели поворачиваютъ къ нему свои спины или усердно крестятъ свои рты.

Гдѣ причина такого отношенія къ церковной проповѣди?

Во всякомъ случаѣ, не въ упадкѣ у слушателей интереса къ христіанству вообще. Вопросы христіанской религіи—вопросы жизни и смерти. Быть къ нимъ равнодушными, уйти отъ нихъ нельзя. Да и публика никогда не уходила отъ этихъ вопросовъ. Она ушла только отъ церковнаго амвона. А если такъ, значить, причины бесплодности проповѣди церковной не въ христіанствѣ, а въ самой проповѣди, въ гомилетикѣ. Важнѣйшія изъ нихъ слѣдующія.

Нерѣдко проповѣдники въ своихъ проповѣдяхъ не считаютъ съ душевнымъ состояніемъ своихъ слушателей, съ степенью ихъ умственнаго и нравственнаго развитія и т. д. Въ этомъ случаѣ они забываютъ самое элементарное правило дидактики, обязательное для всякаго учителя. Всякій учитель знаетъ, что прежде чѣмъ знакомить ученика, напр., со звукомъ, необходимо предварительно справиться, есть ли у него слухъ? Затѣмъ, нужно найти знакомый ученику звукъ, знакомое слово, и съ него начать обученіе, и продолжая идти далѣе, все время объясняя незнакомое знакомымъ и ведя ученика отъ извѣстнаго къ неизвѣстному. Между тѣмъ современная проповѣдь совсѣмъ какъ-то пренебрегаетъ этимъ правиломъ и потому часто является музыкой для глухихъ или картиной для слѣпыхъ. Часто случается, что проповѣдникъ громитъ въ своей проповѣди антирелигіозныя или про-

тивонравственные идеи какого-нибудь писателя, о котором публика никогда и не слыхала или, если и слышала, то совсѣмъ имъ не интересуется, а потому остается равнодушной и къ проповѣднику. Правда, нѣкоторые проповѣдники обнаруживаютъ стремленіе „приспособляться“ къ слушателямъ. Но и ихъ проповѣдь выслушивается съ большимъ вниманіемъ только на первыхъ порахъ, когда проповѣдникъ — лицо новое для публики, а затѣмъ и послѣдняго постигаетъ та же горькая участь: его перестаютъ слушать.

Это равнодушіе слушателей даже къ такому проповѣднику, котораго они понимаютъ, объясняется тѣмъ, что почти всѣ наши проповѣдники не принимаютъ во вниманіе условія современной жизни и культурнаго человѣка, въ частности, условія наличной жизни своихъ слушателей. Они сѣютъ съ закрытыми глазами и совершенно не справляются съ тѣмъ, куда падаютъ ихъ зерна, и существуютъ-ли условія, необходимыя для того, чтобы зерно проросло и дало плодъ. Нѣкоторые даже и не считаютъ послѣднее своею обязанностью. „Наше дѣло сѣять, а возраститъ Богъ“ — говорятъ они. Но вѣдь такъ смотрѣть на дѣло, — значить, рыть яму церковному проповѣдничеству. Мы живемъ въ такой вѣкъ, когда совсѣмъ уже нѣтъ такой нужды въ „цѣвницахъ духовныхъ“ или „трубахъ богогласныхъ“. Просвѣщеніе захватило теперь самые широкіе круги населенія, а потому простое наученіе евангельскимъ истинамъ можетъ имѣть мѣсто только въ школахъ, да въ безграмотной деревнѣ. Во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ, проповѣдникъ, если онъ хочетъ имѣть плоды отъ своей проповѣди, долженъ не только сѣять слово Божіе, но озаботиться и объ его возрастаніи. Съ этою цѣлью онъ прежде всего долженъ внимательно рассмотреть ту почву, на которой хочетъ сѣять, и узнать, существуютъ ли благопріятныя условія для роста сѣмени слова Божія, и если ихъ не будетъ, то сначала создать эти условія, а затѣмъ уже сѣять. Проповѣднику очень важно помнить опытъ практической мудрости, который говоритъ, что плохъ

тотъ торговецъ, который ни самъ не умѣетъ владѣть машиной, ни другихъ не можетъ научить. Его товаръ не найдетъ покупателей, какъ бы ни хороши были его машины. Такъ точно и наши проповѣдники никогда не найдутъ себѣ слушателей, если содержаніе ихъ рѣшительно не можетъ быть приложено къ жизни. Напримѣръ, говорить искренно о нестяжаніи, съ полнымъ убѣжденіемъ, глядя прямо въ глаза слушателямъ произносить: „не печетесь о завтрашнемъ днѣ“, могутъ только или святые подвижники или юные проповѣдники, благополучно кончившіе курсъ на казенный счетъ и еще не извѣдавшіе горечи добыванія куска хлѣба честнымъ трудомъ. Понятно, что такія рѣчи у случайнаго слушателя вызываютъ одну скептическую улыбку.

Вернуть церковной проповѣди апостольскую силу, простоту, искренность и убѣдительность—разсуждаетъ о. Андріевскій—можно только путемъ проведенія въ учебникахъ по гомилетикѣ обязательнаго для проповѣдниковъ правила—учить изъ Евангелія только тому, что пережилъ и испыталъ, и не учить тому, чего самъ не выполнилъ. Но не придется-ли, руководясь этимъ правиломъ, замалчивать большую половину Евангелія? По мысли автора, нѣтъ. Наши проповѣди, говоритъ онъ, сухи и безжизненны, такъ какъ мы не знаемъ законовъ жизни человѣка. Благодаря отсутствію у проповѣдниковъ этихъ знаній, правила христіанской морали излагаются ими въ такомъ видѣ, что слушатели получаютъ впечатлѣніе, что заповѣди Христовы нужно исполнять только для полученія мзды за гробомъ. Но мысль о загробной жизни—мотивъ слишкомъ слабый для принятія и усерднаго исполненія христіанскихъ обязанностей: масса человѣчества всегда жила и будетъ жить интересами минуты, злобой дня, будетъ всегда предпочитать синицу въ рукахъ журавлю въ небѣ. Въ самомъ дѣлѣ: сколько проповѣдники наши ни угрожаютъ гнѣвомъ Божиимъ, сколько не обѣщаютъ райскія награды за исполненіе заповѣдей Христовыхъ, слушатели остаются совершенно равнодушными и къ тому и къ другому. Даже грозныя слова

пророковъ, самыя патетическія восклицанія, въ родѣ: „востане спяй...“, „Церковь въ опасности“ и т. п. не производятъ никакого дѣйствія.

Но никто себѣ не врагъ. Самый лѣнивый тянется за кускомъ хлѣба. Если проповѣдникъ желаетъ, чтобы слушатели потянулись къ нему, пусть онъ сдѣлаетъ изъ своей проповѣди такую же насущную потребность, какой является хлѣбъ. Достигнуть этого можно лишь въ томъ случаѣ, если церковные учителя возьмутъ на себя трудъ не только учить Евангелію, а, главнымъ образомъ, и руководить духовною жизнью своихъ слушателей, ихъ совѣстью, ихъ сердцемъ. А этого-то какъ разъ и нѣтъ въ нашихъ проповѣдяхъ. Современная проповѣдь крайне бѣдна психологическимъ анализомъ тѣхъ явленій, изъ которыхъ слагается жизнь человѣка. Міръ весь во злѣ лежитъ, все въ мірѣ грѣхъ, все погибель людей отъ грѣха... Казалось бы, что всѣ силы церковнаго учительства должны быть направлены къ тому, чтобы возможно яснѣе раскрыть человѣчеству глаза на эту опасность. Однако же, „грѣхъ“ у современныхъ проповѣдниковъ болѣе общее понятіе, чѣмъ у древнихъ, которые не знали психологіи, какъ науки. Слушаешь современнаго проповѣдника, передаетъ свое впечатлѣніе авторъ, и не знаешь даже, что собственно въ наличной жизни называетъ онъ грѣхомъ? Слишкомъ общее понятіе съ едва уловимымъ содержаніемъ, въ родѣ просто какого-то „нѣчто“. Между тѣмъ, нарисовать яркую картину того или другаго грѣха, заставить прослѣдить его начало, развитіе, всевозможныя развѣтвленія, перечислить и наглядно показать пагубныя послѣдствія и указать, затѣмъ, вѣрное средство для избавленія отъ него—это самый вѣрный способъ къ достиженію успѣха отъ проповѣди, другими словами, вѣрный способъ побудить человѣка перестать грѣшить. Этотъ способъ для нашего времени болѣе дѣйствителенъ, чѣмъ угроза загробными мученіями.

Церковные проповѣдники именуется борцами противъ зла. Но борець, чтобы добиться побѣды, долженъ знать сво-

его врага въ подробностяхъ и зорко слѣдить за нимъ все время. Между тѣмъ, глядя на борьбу съ грѣхомъ нашихъ церковныхъ атлетовъ, невольно сравниваешь ихъ, пишетъ авторъ, съ героемъ, боровшимся съ вѣтранными мельницами. Они борются часто съ соблазнами, которые существуютъ только въ ихъ воображеніи, ратуютъ противъ грѣховъ, отъ которыхъ вѣетъ библейской стариной, тщательно въ то же время замалчивая дѣйствительно глубоко грѣховную жизнь современнаго общества. Самыя страшныя язвы, разъѣдающія до дна нашу жизнь, какъ, напр., явная и тайная проституція, внѣцерковное сожительство, босячество, хулиганство, алкоголизмъ и др. или совсѣмъ обходятся въ церковныхъ проповѣдяхъ, или, если и затрагиваются, то такъ платонически, такъ идиллически, что у слушателя на первомъ планѣ евангельскія блудницы, мытари и фарисеи, а современная дѣйствительность еще болѣе плотно задергивается покрываломъ. Если въ проповѣди зайдетъ рѣчь о богачахъ, они обязательно облачаются проповѣдникомъ въ библейскіе порфиру и виссонъ, а обитателей ночлежекъ почти всегда замѣняетъ Лазарь, лежащій у вратъ съ псами, лижущими его раны. Удивительно-ли, что вслѣдствіе этого грѣхъ въ изображеніи нашихъ проповѣдниковъ такъ же страшенъ для слушателей, какъ изображеніе злого духа съ хвостомъ и рогами на лубочныхъ картинкахъ? Правда, деревенская старуха, при взглядѣ на такую картинку, крестится отъ ужаса, но интеллигентъ смотритъ на нее съ улыбкой...

Нѣтъ, чтобы сообщить проповѣди жизненный интересъ, нужно очистить языкъ отъ всякаго рода метафоръ и образныхъ выраженій, въ виду крайняго злоупотребленія ими, и дать мѣсто яснымъ и точнымъ понятіямъ, логическимъ доводамъ и фактамъ. При этомъ нужно дѣйствовать не на сердце только слушателей, но и на умъ ихъ. Это съ одной стороны. Съ другой, нужно дать проповѣди богатое внутреннее содержаніе, которое привлекло бы слушателей къ амвону и заставило ихъ обязательно слушать проповѣдника.

Но гдѣ взять это содержаніе? Отвѣтъ на этотъ вопросъ представляетъ особенный интересъ для богослова. Здѣсь о. Андріевскій открываетъ новые горизонты богословской наукѣ, указываетъ новые пути ей.

Содержаніе для проповѣди вовсе не слѣдуетъ брать изъ постороннихъ источниковъ—у философовъ, поэтовъ, писателей и т. д. У нея есть свой источникъ знанія, не менѣе богатый, хотя до сихъ поръ почти не использованный. Надо только умѣло использовать этотъ источникъ, взяться за обработку даваемого имъ матеріала. Эту работу и должно взять на себя богословіе. При этомъ, при обработкѣ своего матеріала, оно должно употреблять методы опытныхъ наукъ.

Методы опытнаго изслѣдованія вполне применимы къ религіознымъ вопросамъ. Религія—союзъ Бога съ человѣкомъ. Если въ отношеніи къ Богу нужно держаться догмата о непостижимости божества,—то по отношенію къ человѣку, подобный взглядъ будетъ абсурдомъ. Христіанство — религія спасенія человѣка, и кто смотритъ на него только, какъ на культъ поклоненія Тріединому Богу, тотъ не понимаетъ основного догмата христіанства. Эта-то человѣческая сторона религіи вполне доступна изслѣдованію и можетъ сдѣлаться предметомъ разныхъ опытныхъ наукъ. Такими науками могли бы быть, во-первыхъ, амартологія, наука о грѣхѣ. Грѣхъ не есть только волевой актъ. Кромѣ чисто психической, онъ имѣетъ физическую, фізіологическую, фізіогномическую и др. стороны. Онъ явленіе въ психической и физической организаціи человѣка; онъ фактъ его повседневной жизни; существованіе его не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Далѣе, грѣхъ имѣетъ начало, теченіе, леченіе, исходъ, и представляетъ собою закономерное явленіе, слѣд., вполне можетъ быть предметомъ опытной науки. Данныя для этой науки имѣются въ психологіи, фізіологіи, анатоміи, гігіенѣ, терапевтикѣ, фізіогноміи и другихъ наукахъ. Нужно только взглянуть на нихъ при свѣтѣ Св. Писанія и фактовъ, записанныхъ въ житіяхъ святыхъ ..

Другую науку можно было бы назвать методикой нравственности. Наряду съ естественной классификаціей добрыхъ дѣлъ, мыслей, движеній человѣческаго сердца, эта наука показывала бы ихъ зарожденіе, условія, благопріятствующія ихъ росту, указывала бы ихъ вліяніе на жизнь человѣка, объединяла бы всѣ добрыя дѣла въ общемъ дѣланіи спасенія. въ общей идеѣ совлеченія ветхаго человѣка и облеченія въ новаго и так. обр. ясно намѣчала путь постепеннаго восхожденія человѣка отъ низшихъ формъ жизни къ высшимъ. Какъ часть, въ эту науку могла бы войти аскетика, наука о средствахъ къ укрѣпленію воли, къ уничтоженію дурныхъ привычекъ, наклонностей, страстей, и къ усвоенію добрыхъ навыковъ, очищающихъ и возвышающихъ человѣка.

Третьей наукой должна быть танатологія—наука о смерти. Смерть человѣка—одинъ изъ основныхъ пунктовъ христіанскаго ученія. Сынъ Божій для того и сошелъ на землю, чтобы избавить людей отъ смерти, и однако же, вопросъ о смерти—одинъ изъ наименѣ разработанныхъ въ богословской литературѣ. Между тѣмъ смерть самое реальное явленіе нашей жизни и вполне доступна изученію. Путь къ такому изученію указанъ П. И. Мечниковымъ.

Много есть и другихъ пунктовъ въ христіанскомъ вѣроученіи, подлежащихъ научной разработкѣ, остающихся до сихъ поръ сухими и неинтересными, благодаря единственно тому, что излагаются въ общихъ чертахъ.

Всѣ богословско-пастырскія науки должны объединиться въ одной общей и великой наукѣ—*наукѣ о жизни* человѣка. Она должна научить законамъ жизни, раскрыть смыслъ человѣческаго бытія, указать средства къ достиженію цѣли, для которой человѣкъ существуетъ на землѣ, показать постепенный ростъ человѣка изъ зародышевой клѣтки въ материнскомъ яйцѣ въ мѣру возраста Христова, т. е. до богоуподобленія и проч.

Такая постановка и разработка указанныхъ наукъ дастъ самый обильный матеріаль для церковной проповѣди. Поль-

зуюсь этимъ матеріаломъ, церковные учителя превратятся въ настоящихъ учителей жизни, изъ устъ ихъ потекутъ рѣки воды живой, и люди снова потекутъ къ церковному амвону, потому что всякій жаждетъ любви и никто не хочетъ смерти. Даже самоубійца не будетъ искать смерти, если ему укажутъ возможность сносной жизни.

* *
* *

Такова замѣчательная статья прот. Андриѣвскаго. Почувствовали-ли вы, читатели, всю новизну и свѣжесть высказанныхъ въ ней мыслей? Поняли-ли вы, что въ ней есть что-то, чего вы никогда не слыхали, и что можетъ сослужить вамъ великую службу? Если да, то слава Богу. Тогда авторъ статьи можетъ надѣяться, что его идеи не умрутъ, и что хоть кто-нибудь да возьмется за разработку поставленныхъ имъ вопросовъ.

Пастыри Церкви! Вы можете сдѣлать очень много въ этомъ отношеніи. У васъ богатый опытъ жизни. Вы постоянно встрѣчаетесь съ явленіями грѣха, зла и порока въ человѣческой жизни. Вы болѣе другихъ соприкасаетесь съ душой и совѣстью человѣческой. На исповѣди вамъ открываются иногда глубины паденія грѣшника. Подѣлитесь же своимъ опытомъ, своими знаніями съ другими... Пишите о томъ, какъ грѣшатъ люди, что побуждаетъ ихъ къ этому, какъ борются они съ грѣхомъ, какъ вы помогаете имъ въ этой борьбѣ, въ чемъ проявляется побѣда человѣка надъ грѣхомъ и проч., и проч. Если вы сами не сможете написать, расскажите тѣмъ, кто сумѣетъ это сознать. Знайте, что все, чѣмъ вы подѣлитесь изъ своего опыта, очень важно, все можетъ очень пригодиться и никому иному, какъ вамъ же самимъ, вашимъ товарищамъ по дѣлу Божию, можетъ послужить для славы Божіей, для славы христіанской вѣры и Церкви... Когда люди узнаютъ, что дѣлаетъ христіанство съ людьми грѣшными, какъ оно спасаетъ ихъ черезъ васъ отъ грѣха, они преклонятся предъ величіемъ Агнца Божія,

спасающаго мiръ, и воскликнуть въ духовной радости: „Слава Богу, Спасителю нашему! Слава и святымъ Его служителямъ“!..

Е. Х.

---

¹⁾ См. № 20 за 1912 г.

²⁾ Н. П. Кондаковъ.—„Памятники хрстіанскаго искусства на Аѳонѣ“. СПБ. 1902 г., с. 31.

³⁾ „Православная церковная архитектура XII—XVIII стол. въ нынѣшнемъ Сербскомъ королевствѣ“. СПБ. 1906.

⁴⁾ „Македонія“, с. 112.

О Византійскомъ архитектурномъ стилѣ.

(Окончаніе ¹⁾).

Въ эпоху Македонской династіи, византійское искусство начинаетъ проявлять признаки какъ бы возрожденія. Вслѣдъ за *Ἡ νέα Ἐκκλησία*, созданной имп. Василиемъ, но, къ сожалѣнію, извѣстной лишь по далекимъ отъ точности описаніямъ п. Фотія и имп. Константина Багрянороднаго, возникаютъ храмы того типа, какой мы сейчасъ видимъ въ планѣ многихъ, напр., солунскихъ и трапезунтскихъ церквей, церквей русскихъ и грузинскихъ, построенныхъ въ эпоху съ IX по XIV вѣкъ. Главнымъ признакомъ новаго типа церквей считается подвышенность сводовъ. Эта подвышенность, находясь въ рѣзкомъ контрастѣ съ узкими нарѣеками и боковыми нефами, имѣетъ свой эффектъ ²⁾. Въ трехнефныхъ церквахъ выдвигаются наружу боковыя обсыды, какъ это можно, напр., видѣть на планѣ ц. Богоматери въ Солунѣ (нынѣ мечеть Казан-Джилар-Джами), изданномъ архитекторомъ П. П. Покрышкинымъ ³⁾. Акад. Кондаковъ называетъ эту церковь типичнымъ византійскимъ купольнымъ монументомъ X—XI в. ⁴⁾. Софія солунская, представляющая теперь, послѣ пожара 1890 г., груды развалинъ, по плану признается прототипомъ нашей Кіевской Софіи. Церковь св. Апостоловъ въ Солуни, построенная въ началѣ XIV в. (теперь мечеть

¹⁾ См. № 20 за 1912 г.

²⁾ Н. П. Кондаковъ.—„Памятники хрстіанскаго искусства на Аѳонѣ“. СПб. 1902 г., с. 31.

³⁾ „Православная церковная архитектура XII—XVIII стол. въ нынѣшнемъ Сербскомъ королевствѣ“. СПб. 1906.

⁴⁾ „Македонія“, с. 112.

Соукъ Су), является замѣчательнымъ памятникомъ византійскаго архитектурнаго искусства той поры, когда это искусство достигаетъ высокой степени развитія у сербовъ и выражается въ цѣломъ рядѣ красивыхъ монументальныхъ сооружений ¹⁾. Въ основѣ плана ц. св. Апостоловъ лежитъ греческій крестъ; архитектурныя части храма замѣтно вытянуты ²⁾.

Въ Грузіи византійскій архитектурный стиль нашель себя издавна широкое примѣненіе. Еще имп. Юстиніанъ построиль въ 551 г. на Черноморскомъ побережьѣ, въ г. Питіунтѣ, храмъ, который своимъ планомъ копироваль Софію Константинопольскую въ уменьшенномъ размѣрѣ и былъ посвященъ тоже св. Софіи, премудрости Божіей. ³⁾ Храмъ, построенный въ Питіундѣ Юстиніаномъ, не сохранился досель, а тотъ знаменитый *Пицундскій* храмъ, который находится нынѣ въ предѣлахъ Абхазіи, по архитектурному стилю принадлежитъ къ византійскимъ постройкамъ не ранѣе X в. Планъ Пицундскаго храма тождественъ съ планомъ другихъ древнихъ грузинскихъ церквей X—XII в. Три выдающіеся абсиды, нѣкоторая продолговатость основнаго четырехугольника, сферическій куполь на подвышенномъ кругломъ барабанѣ, кладка стѣнъ, состоящихъ изъ смѣси камня и кирпича: все это находитъ себя примѣненіе въ такихъ древнихъ грузинскихъ церквяхъ указанной эпохи, каковы: церковь въ Соукъ—Су (или Лехне) въ Абхазіи, построенная въ 1066 г., церковь въ Никорцминдѣ, въ Рачинскомъ округѣ горной Имеретіи, на с.—в. отъ Кутаиса, построенная въ XI в., отчасти—церковь въ Драндахъ, въ Абхазіи, XI в., церковь Бо-

¹⁾ Idid, с. 66.

²⁾ Фотографіи съ ц. св. Апостоловъ въ Солунѣ представлены и у Кондакова въ „Македоніи“, с. 120, и у Флетчера, въ цит. соч., къ с. 256, и у Диля, въ „Man. Byzant.“ р. 724.

³⁾ *Ил. Иоселианъ.*—„Краткая исторія Грузинской церкви“. СПб. 1843 г., с. 44—45. *И. Н.*—Абхазія, и въ ней Ново-Аеонскій Симоно-Кананитскій монастырь“. М. 1899 г., с. 92—93.

городицы въ Гелатскомъ монастырѣ. вблизи Кутаиса, XI—XII в., и др. Грандіозный соборъ въ Кутаисѣ, построенный въ XI в., и пятинефный храмъ въ Мокви, въ Абхазіи, весьма напоминаютъ своимъ устройствомъ Кіевскую Софію. Кутаисскій соборъ и строился одновременно съ Софіей Кіевской, великолѣпіемъ отдѣлки даже превосходя ее ¹⁾.

Церкви Аэона не усвоили подвышенныхъ сводовъ. Да и правда, окруженные тѣсными и наглухо закрытыми дворами, онѣ не нуждаются въ особенной высотѣ,—какъ будто бы даже намѣренно избѣгаютъ ея. Если что и допускается въ аэонскихъ церквахъ, то это подъемъ главнаго купола сверхъ стѣнъ и массивныхъ монастырскихъ корпусовъ, облегающихъ храмъ со всѣхъ четырехъ сторонъ. Изъ Аэонскихъ церквей наибольшее вниманіе археологами обычно удѣляется, послѣ Лавры св. Аэанасія, Ватопедскому собору XIII—XIV в. Ти-

¹⁾ „Русскія Древности въ памятникахъ искусства, издаваемые графомъ И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ“, вып. четвертый. СПБ. 1891 г. с. 51 и дал. Сентинскій храмъ и трехнефные храмы въ Зеленчукскомъ ущельѣ Кубанской Области также принадлежатъ къ памятникамъ византизской архитектуры XI—XII в. Въ одномъ изъ храмовъ Зеленчукскаго ущелья имѣются выступы съ сѣверной и южной стороны, такъ что храмъ получаетъ форму вѣшняго креста. См. изданія: „Сентинскій храмъ и его фрески“ А. К. Дьячкова—Тарасова, Екатеринодаръ, 1899 г., и „Древне-христіанскіе храмы и св. Александро-Аэонскій Зеленчукскій монастырь въ Зеленчукскомъ ущельѣ Кавказскаго хребта, Кубанской области, Баталпашинскаго отдѣла“. М. 1894 г. Кавказъ имѣетъ множество памятниковъ религіозной монументальности, заслуживающихъ самого серьезнаго изученія. Преосв. епископъ Киріонъ указываетъ, напр., интереснѣйшую церковь—ротонду въ с. Анапури, въ 70 в. отъ Тифлиса. Это—бывшая молебеня огнепоклонниковъ. Размѣръ ея—небольшой: 5 аршинъ длины и ширины. Сводъ—круглый, на подобіе купола, но безъ шеи или барабана. Внутри сооруженія 8 четырехугольныхъ нишъ, какъ въ ц. св. Георгія въ Солуни (IV—V в. см. Кондакова—„Македонія“, с. 77). Размѣръ каждой ниши 1½ аршина. Въ четырехъ мѣстахъ сводъ прорѣзывался трубами, которыя теперь заложены и завалены камнями. По словамъ преосв. Киріона, подобныхъ ротондъ можно найти на Кавказѣ нѣсколько. Епископъ Киріонъ—„Анапурская аѳенга“ въ изданіи „Весь Кавказъ“, Тифлисъ, 1903 г., истор. отд. с. 62—64.

ичныя особенности аеонско-византійскаго стиля представляеть и придѣлъ св. Николая въ Хиландарскомъ монастырѣ. Это—крестообразная церковка изъ 3 полукруглыхъ экседръ (или нишъ), съ удлинениемъ и расширениемъ алтарной экседры ¹⁾.

Какія видоизмѣненія принялъ въ исторіи своей византійскій куполь, составляющій одну изъ отличительныхъ особенностей византійскаго архитектурнаго стиля?—Въ храмѣ св. Софіи Константинопольской всѣ архитектурныя части, какъ мы видѣли,—группируются около центра храма и, съ тѣмъ вмѣстѣ, около купола, служащаго главнымъ проводникомъ свѣта въ храмѣ... Но какъ нельзя было уже создать второй Софіи, такъ нельзя было устроить и такой же куполь, о которомъ можно было бы выразиться: золотою цѣпью онъ привѣшенъ къ небу. Въ прочихъ, и уже юстиніановскихъ, сооруженіяхъ зодчіе прибѣгаютъ къ посредству т. н. барабана, на который полагается куполь. Въ сущности, куполь на барабанѣ не есть что нибудь новое для визант. архитектуры. Еще раньше Юстиніана, визант. архитекторы перекрывали куполомъ квадратныя и восьмиугольныя помѣщенія, устраивая переходъ отъ квадрата или восьмиугольника къ кругу посредствомъ *парусовъ*, чего не знали римляне ²⁾. На церкви св. Ирины, сооруженной еще имп. Константиномъ В. и представляющей собою, по архитектурѣ, переходъ отъ древнехристіанской базилики къ типичному византійскому храму съ центральнымъ куполомъ и двумя пересѣкающимися нефами, прорѣзанный окнами куполь покоится на высокомъ барабанѣ ³⁾. Вотъ такіе то барабаны, иногда круглые, иногда гранёные, съ окнами по бѣльшей части, и появляются снова на византійскихъ церквахъ, и при томъ—въ разномъ количествѣ, начиная отъ одного экземпляра, который могъ быть достаточенъ для освѣщенія небольшого храма, и кончая множе-

¹⁾ Н. П. Кондаковъ.—„Памятн. христ. иск. на Аеонѣ“, с. 31 и 43.

²⁾ Флетчеръ, цит. соч., с. 259.

³⁾ Ibid., с. 250.

ствомъ. Пять куполовъ, возвышающихся надъ перекрестьемъ и концами греческаго креста, положеннаго въ основу плана, можно видѣть на храмѣ св. Марка въ Венеціи, построенномъ,—какъ сказано было раньше,—по образцу ц. св. Апостоловъ въ Константинополѣ. Съ храмомъ св. Марка почти совершенно совпадаетъ, по плану, и замѣчательный на западѣ монументъ византійской постройки XII в., храмъ св. Фронта въ Перигѣ.

Количество куполовъ стоитъ, разумѣется, въ зависимости отъ размѣровъ храма. Чѣмъ большая площадь занимается постройкой храма, тѣмъ больше храмъ нуждается въ освѣщеніи. Небольшіе храмы въ Константинополѣ, какъ напр. церковь, извѣстная подъ названіемъ *ἡ μονὴ τῆς χῶρας*, иллюстрированную монографію о которой недавно издалъ Русскій Археологическій Институтъ въ К—лѣ, имѣетъ одинъ куполь. Да масса на Востокѣ небольшихъ по размѣрамъ визант. храмовъ съ однимъ куполомъ; эти храмы или лежатъ теперь въ развалинахъ, или обращены въ мечети. У насъ въ Россіи, тоже—всѣ древніе небольшіе храмы съ однимъ куполомъ; таковы перечисленныя выше церкви XII и XIII в. въ Новгородѣ и Псковѣ, къ которымъ можно будетъ присоединить и большую часть тамошнихъ церквей XIV—XV в. Большіе храмы, каковы всѣ позднѣйшія Софіи (Солунская, Кіевская, Трапезунтская), имѣютъ помногу куполовъ. На Кіевской, напр., Софіи изъ 19 теперешнихъ куполовъ древнихъ считается 13 ¹⁾. На соборной церкви Кіево-Михайловскаго монастыря изъ семи куполовъ *одинъ* древній. ²⁾ Пять восьмигранныхъ куполовъ, на вытянутыхъ барабанахъ, красиво группируются на ц. св. Апостоловъ въ Солуни.

Достойно замѣчанія устройство куполовъ на церквахъ въ Грузіи. Круглый, или граненый барабанъ прикрывается

¹⁾ Н. Закревскій — „Описаніе Кіева“. М. 1868 г., с. 768. Проф. Н. И. Петровъ—„Историко-топографическіе очерки древняго Кіева“. Кіевъ 1897 г., с. 129.

²⁾ Н. Закревскій, цит. соч., с. 530.

въ Грузіи конусомъ, при чемъ высота конуса въ древности бывала равна радіусу окружности его основанія. Такіе куполы можно видѣть, напр., на древнѣйшихъ церквахъ Гелатскаго и Сафарскаго монастырей. Съ теченіемъ времени, отношеніе высоты купола къ діаметру основанія болѣе и болѣе увеличивается и доходитъ до равенства. Такимъ куполь оказывается на Мцхетскомъ соборѣ Свѣти-Цховели, что довольно уже некрасиво. А на церквахъ Самтвари, Руиси, Шуа-Мта и др. куполь прямо-таки непомѣрно высокій. Конечно, конусообразнымъ куполомъ можно достигать однихъ декоративныхъ и отнюдь не практическихъ цѣлей—въ смыслѣ подачи большого количества свѣта. Но откуда взять Грузіей конусообразный куполь? Есть нѣсколько объясненій этого. Но ближе къ истинѣ стоитъ, кажется, акад. Кондаковъ, по мнѣнію котораго конусообразный куполь занесенъ въ Грузіи съ Запада: средневѣковое искусство любитъ тамъ высокія башни. ¹⁾

Византійскій архитектурный стиль существуетъ на Востокѣ, въ предѣлахъ Византійской имперіи, до самаго ея паденія (1453 г.), а у насъ въ Россіи, вообще говоря, до т. н. московскаго періода, когда мы, русскіе, познакомились съ итальянскимъ стилемъ эпохи Возрожденія.

Окидывая теперь общимъ взоромъ храмовыя постройки визант. стіля въ разныхъ странахъ и въ разныя времена, мы должны признать, что позднѣйшимъ Софіямъ и другимъ храмамъ далеко до своего первообраза... Означаетъ ли это то, что самая идея визант. архитектурнаго стіля недостаточно усвоена позднѣйшими строителями или, даже, совсѣмъ ими забыта?—Конечно, нѣтъ. Идея ласкающаго небснаго свѣта, идея спасительнаго креста, которымъ прииде радость всему міру, идея *Софіи К—ской* вошла въ плоть и кровь восточ-

¹⁾ „Древняя архитектура Грузіи“, М. 1876 г. с. 32. См. также А. Нандрова „Мцхетъ и его соборъ Свѣти-Цховели.“ Тифлисъ 1901 г., с. 172. Высоко поднимающійся вверхъ куполь символизируетъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, идею воскресенія и побѣды надъ смертію—*ibid.*

наго православія, и если позднѣйшее искусство не дало ничего равнаго Юстиніановской Софіи, то много напоминающаго о ней мы имѣемъ въ уцѣлѣвшихъ доселѣ и у насъ, напр., въ Россіи византійскихъ храмовыхъ постройкахъ по древнимъ русскимъ городамъ. Мы должны относиться къ этому наслѣдію съдой старины съ глубокимъ благоговѣніемъ, чтить какъ великое сокровище, потому что древніе византійско-русскіе храмы *самыми своими стѣнами* напоминаютъ намъ о священныхъ и вѣчныхъ завѣтахъ восточнаго православія.

Н. Пальмовъ.

На благословенномъ югѣ.

(Продолженіе) ¹⁾.

Ялта—это, такъ сказать, первоклассный русскій курортъ, „русская Ницца“, расположенный въ высшей степени удобной бухтѣ, имѣющей правильную форму подковы, надъ которой Крымскій берегъ возвышается тройной горной террасой, вполне защищающей городъ отъ сѣверныхъ вѣтровъ. По самой нижней линіи террасы, близъ самаго моря, длинной нитью вытянулись зданія гостинницъ, дачъ, церквей и т. дал. Общій видъ Ялты—это, дѣйствительно, очаровательная панорама, дающая Ялтѣ всѣ права на званіе „красавицы“. Очень оживленную картину можно было наблюдать, когда пароходъ вошелъ въ Ялтинскую бухту и сталъ на якорь. Пассажиры во множествѣ ѣхали только до Ялты и массой направились съ парохода къ выходу. Здѣсь поджидали ихъ вытянувшіеся въ рядъ комиссіонеры гостинницъ, всѣ очень хорошо одѣтые, вѣжливые, безъ какихъ либо намековъ на ту навязчивость и крикливость, что мы видимъ въ столицахъ и въ другихъ большихъ русскихъ городахъ. Здѣсь же фланируютъ „проводники“ татары, въ шитыхъ золотомъ камзолахъ

¹⁾ См. № 20 за 1912 г.

и шапкахъ; далѣе въ порядкѣ расположились извозчики, одѣтые во все бѣлое и чистое: въ бѣлые кафтаны, бѣлыя шляпы и бѣлыя перчатки; всѣ—въ парныхъ экипажахъ, такихъ бѣлыхъ, плетеныхъ изъ бѣлаго тростника и съ плюшевыми сидѣньями, въ видѣ кресель. Огромная толпа блестящей публики смотрѣла на парходъ съ набережной, кучи народа тѣснились у входа на парходъ, встрѣчая родныхъ и знакомыхъ, безконечный рядъ зрителей виденъ былъ и у барьера, идущаго вдоль верхней площадки мола. Надвигались лѣтнія сумерки. Сверкало электричество въ фонаряхъ, освѣщавшихъ Ливадію, одинъ за другимъ зажигались огоньки и въ Ялтѣ, отражаясь во все болѣе и болѣе темнѣвшемъ морѣ и наполняя душу какими то новыми нѣжными ощущеніями волшебнаго юга.

Совсѣмъ близко къ морю стоитъ весь городъ, вдоль самаго берега расположены большія гостинницы, и я былъ положительно въ восхищеніи, когда въ гостинницѣ „Грандъ-Отель“ могъ за невысокую сравнительно плату достать № съ балкономъ, выходящимъ на море. Устроившись въ своей квартирѣ, я вышелъ на балконъ, и предо мною открылась изумительная по красотѣ картина. Совсѣмъ уже стемнѣло. Горы черными кольцами окружали Ялту, а она, вся горѣвшая огнями, золотой полосой извивалась вдоль моря. Лишь кое гдѣ эта ровная золотая полоса прерывалась черными силуэтами пирамидальныхъ кипарисовъ, густыми массами тѣснящихся въ Ялтѣ. Огни же горѣли и надъ Ялтой: безоблачное небо было сплошь усыпано звѣздами, которыя отсвѣчивались порой въ морскихъ волнахъ. Самое море лежало внизу безконечной темной пеленой и было удивительно тихо; только изрѣдка доносился рокотъ его волнъ, разбивавшихся о берегъ и какъ бы аккомпанировавній меланхолической музыкѣ, слышавшейся изъ городского сада, гдѣ шелъ симфоническій концертъ. Скоро вышла изъ-за моря луна и тихо поплыла по небу, бросая отъ себя черезъ все море широкій огненный столбъ, отъ котораго и вправо, и влѣво на

далекое пространство волны искрились, какъ серебрястыя чешуйки какого то звѣря—исполина. Всѣ прежнія мои впечатлѣнія отъ путешествія потухли въ моей памяти, при созерцаніи новой яркой картины; несмотря на позднее время не чувствовалось усталости отъ утомительнаго пути и я готовъ былъ хотя всю ночь просидѣть на своемъ балконѣ.

На слѣдующій день я имѣлъ возможность ближе познакомиться съ красавицей Ялтой. Главныя ея улицы, Пушкинская и Набережная, какъ будто цѣликомъ перенесены сюда, на Черноморскій берегъ, изъ Петербурга или Москвы: и гостинницы, и магазины, и общественныя зданія, вообще все носить здѣсь чисто столичный характеръ грандіозности и богатства. Отличительную особенность представляетъ лишь то, что здѣсь все утопаетъ въ пышной зелени каптановъ и кипарисовъ. Особенно хороша Набережная, съ одной стороны оканчивающаяся Александровскимъ скверомъ, соответствующимъ Приморскому бульвару въ Севастополѣ. Съ площадки сквера удобныя лѣстницы ведутъ къ широкому морскому пляжу, гдѣ обыкновенно днемъ во множествѣ собираются больные и, расположившись подъ складными палатками, или читаютъ, или работаютъ что либо, вдыхая живительный морской воздухъ. У ихъ ногъ рѣзвятся дѣти, собирая раковины и мелкіе гладкіе камешки. А нѣкоторые изъ больныхъ прямо садятся на песокъ или даже ложатся на него, проводя, такимъ образомъ, время въ собственномъ смыслѣ слова на лонѣ природы, на лонѣ моря. Надъ всѣмъ городомъ царитъ прекрасное въ архитектурномъ отношеніи зданіе Александро-Невскаго собора, построенное въ древне-русскомъ стилѣ, съ характерными крыльцами у западнаго и боковыхъ входовъ. Внутри соборъ поражаетъ исключительной чистотой и яркимъ блескомъ иконостаса и утвари, которые хорошо гармонируютъ между собою, будучи одинаковой чеканной работы и имѣя одинаковый рисунокъ. Въ цѣляхъ поддержанія чистоты въ храмѣ, у входовъ въ него сдѣланы плакаты, какихъ доселѣ не приходилось встрѣчать:

— Просить не плевать на полъ и, при входѣ въ храмъ, тщательно вытирать обувь.

Конечно, это сдѣлано въ виду того, что большинство больныхъ въ Ялтѣ — больные туберкулезомъ легкихъ. Соборъ стоитъ на Аутской улицѣ. Немного нужно пройти отъ него, чтобы въ примыкающей къ этой улицѣ и теперь совершенно съ нею слившейся деревнѣ Ауткѣ увидѣть дачу покойнаго писателя Чехова. Это бѣлый, маленький, но двухэтажный домикъ съ большимъ балкономъ, откуда открывается широкій видъ на всю Ялту и на море; теперь домикъ этотъ необитаемъ, ибо родные Чехова живутъ на другой своей дачѣ въ Гурзуфѣ. Ялтинская дача Чехова, оказывается, неудобна въ томъ отношеніи, что мимо нея производится постоянная ѣзда рабочихъ, поднимающая шумъ и страшную пыль.

— Значить, Чеховъ ошибся, что выбралъ здѣсь мѣсто? — спросилъ я охранителя дачи.

— Конечно, ошибся. Если бы не жилъ въ этой пыли, можетъ и не померъ бы такъ рано. Теперь, положимъ, меньше пыли то. Кругомъ разросся садъ, а тогда саду не было. Чеховъ его только насаждалъ.

— Не самъ, конечно, сажалъ эти деревья?

— Все самъ. Собственными руками.

Я внимательно осмотрѣлъ Чеховскій садикъ и увидѣлъ, что онъ сравнительно немалъ и отличается разнообразіемъ древесныхъ породъ: тутъ представлена чуть ли не вся Крымская флора, начиная съ кипариса и кончая виноградомъ. Есть даже видъ пальмы — юкка.

— Поливать вотъ нечѣмъ, — говорилъ охранитель: — мѣсто здѣсь высокое. Колодець есть, но посмотрите — это прямо адъ, бездна: вода чуть не на версту отсюда. Вотъ какъ мы живемъ: море рядомъ, а воды нѣтъ.

Для осмотра самаго дома Чехова въ настоящее время никто не допускается.

Существующій въ Ялтѣ такъ называемый Горный клубъ, а также Горное общество г. Кадышева ежедневно устраиваютъ

на линейкахъ экскурсіи въ окрестности Ялты, каковыя экскурсіи обходятся всего отъ 1 р. до 1 р. 50 к. въ день на человѣка. Я принялъ въ этихъ экскурсіяхъ участіе и совершилъ ихъ двѣ. Первая была въ Алупку.

Путь къ Алупкѣ лежалъ мимо великолѣпнаго бѣлаго, построенаго въ Мавританскомъ стилѣ, дворца эмира Бухарскаго, а затѣмъ—черезъ Ливадію. Проѣзжая прекрасной шоссеюной дорогою мимо невысокой загороди Ливадійскаго Императорскаго имѣнія, мы имѣли возможность ближе, чѣмъ съ моря, видѣть дворцы Ливадіи: Большой, съ плоской крышей, обнесенной баллюстрадой и уставленной агавами, и Малый, выстроенный въ восточномъ вкусѣ. Вообще же дворцы не отличаются ни особо большими размѣрами, ни выдающейся красотой; они сравнительно просты и скромны. Главная ихъ прелесть—въ красотѣ мѣстоположенія и въ обиліи окружающей ихъ зелени, насаженной ботаникомъ Геккелемъ: вездѣ здѣсь пестрѣютъ газоны; балконы и терассы увиты вьющимися растениями. Но рядомъ со старыми дворцами отстраивался въ Ливадіи новый дворецъ уже болѣе красивой архитектуры. Въ постройкѣ его были примѣнены всѣ новѣйшія данныя въ области строительнаго искусства и техники. Дворецъ имѣлъ быть оконченъ постройкой къ ожидавшемуся въ сентябрѣ минувшаго года пріѣзду въ Ялту Государя Императора съ Августѣйшей семьей; поэтому работы производились спѣшно. Въ нихъ принимали участіе нѣсколько сотъ человѣкъ рабочихъ, которые посмѣнно работали и днемъ, и, при электрическомъ освѣщеніи, ночью. Близіи дворца—въ нѣсколько разъ превосходящее его по размѣрамъ зданіе для лицъ, сопровождающихъ Государя въ его поѣздкѣ, далѣе идетъ новое обширное зданіе для автомобилей (гаражъ) и другія великолѣпныя хозяйственныя постройки. Неподалеку отъ дворцовъ—зданіе церкви, отличающееся легкостью архитектуры. Въ Ливадіи существуетъ двухклассное училище, гдѣ обучается болѣе 100 мальчиковъ и дѣвочекъ изъ окрестнаго населенія. Внизу Ливадійскаго имѣ-

нія, близъ дороги, ведущей къ морю, устроена красивая бесѣдка, вся увитая розами. Среди Ливадійскаго парка видно множество фонтановъ и статуй. При въѣздѣ въ Ливадію красуется большой государственный орель и подъ нимъ надписи золотыми буквами:

— Ливадія. Имѣніе Государя Императора.

Ливадійскія поля покрыты пышными, густыми рядами винограда. Нельзя было не пожалѣть, что, по случаю производившихся въ Ливадіи работъ, мы не могли осмотрѣть самыхъ дворцовъ, доступъ въ которые обыкновенно не затрудняется. Особенно хотѣлось видѣть дворецъ, гдѣ скончался Государь Императоръ Александръ III.

Но намъ пришлось проѣхать другимъ Императорскимъ имѣніемъ, Оріандой, и съ высоты выстроенной здѣсь большой бесѣдки съ бѣлыми колоннами въ іоническомъ стилѣ любоваться открывающимся изъ нея очаровательнымъ видомъ на Ялту, Ливадію и на море. Здѣсь же, въ Оріандѣ, можно было видѣть развалины богатѣйшаго (1/2 милл. рубл.), сгорѣвшаго дворца великаго князя Константина Николаевича, отъ котораго уцѣлѣлъ портикъ и небольшой цвѣтникъ внутри помпейскаго дворика. Вокругъ дворца—большой паркъ, особая прелесть котораго—въ причудливомъ сочетаніи роскошной зелени съ живописно громаздящимися скалами. Здѣсь много дуба, вяза, а также лавровыхъ, фиговыхъ и гранатовыхъ деревьевъ. Изъ душла одного стараго могучаго дуба течетъ родникъ. Въ паркѣ устроены два бассейна, имѣющіе довольно точную форму Чернаго и Азовскаго морей, а также Каспійскаго и Аральскаго. Наглядно, въ формѣ подстриженныхъ деревьевъ, изображены здѣсь и русскія горы: Крымскія и Кавказскій хребетъ. Отъ Оріанды до Алупки мы довольно долго ѣхали ровной, шоссированной дорогой мимо хорошо устроенныхъ и богатыхъ дачъ, при чемъ то и дѣло изъ-за деревьевъ съ лѣвой стороны дороги открывалась синяя гладь моря. Чѣмъ меньше былъ просвѣтъ между деревьями, тѣмъ синѣе казалось море и тѣмъ красивѣе оно было.

— Что это за растение?

— А это что за дерево?

Наперерывъ спрашивали путники проводника.

— Укусное дерево... Лавровишневое...—отвѣчалъ тотъ:— но подождите, господа. Такъ мнѣ трудно отвѣчать каждому „враздробь“. А вотъ приѣдемъ въ Алупку, въ Воронцовскій паркъ, тамъ я вамъ покажу всѣ породы...

Горами, по склонамъ которыхъ на нѣсколько верстъ тянулись ровные ряды виноградниковъ съ привязанными къ высокимъ колямъ зелеными лозами, приѣхали мы къ мысу Ай-Тодоръ, названіе котораго, по ученымъ изслѣдованіямъ (акад. Семеновъ-Тянь-Шанскій, Ламанскій и др.), происходитъ отъ греческихъ словъ: ἅγιος и Θεόδωρος = святой Феодоръ, такъ какъ здѣсь въ древности была греческая церковь во имя св. Феодора. По ученымъ изслѣдованіямъ и по словамъ мѣстныхъ жителей, такого же происхожденія и названія: Ай-Петри, и Ай-Никола (гора) и другія подобныя. На самомъ высокомъ пунктѣ мыса устроена дача, съ лѣпящейся надъ самымъ моремъ бесѣдкой „Ласточкино Гнѣздо“. Кругомъ—дикая каменистая мѣстность, скрашиваемая только огромными можжевельновыми деревьями и громаднымъ терпентиновымъ деревомъ, которому насчитывается 1000 лѣтъ. Не безъ робости нѣкоторой поднимались мы въ смѣлое „Ласточкино гнѣздо“, оттуда любовались обширнымъ видомъ на лежащія по сторонамъ изумрудные ковры виноградниковъ, на сверкавшее на солнцѣ море и на красавицу Ялту, кокетливо прячущуюся въ своей бухтѣ—подковѣ. А со дна морского смотрѣли на насъ подводныя скалы: вода у мыса Ай-Тодоръ такъ прозрачна, что, при тихой погодѣ, здѣсь всегда можно видѣть со всей отчетливостью морское дно, несмотря на то, что оно находится на глубинѣ 15—20 сажень. Неподалеку отъ „Ласточкина гнѣзда“ намъ показали историческое мѣсто, гдѣ, въ царствованіе Екатерины II (1783 г.), послѣдній крымскій ханъ, Шаимъ Гирей, по желѣзной лѣстницѣ спу-

стился на ожидавшее его судно, на которомъ онъ скрылся въ Константинополь, гдѣ впослѣдствіи былъ казненъ.

Наконецъ, прибыли въ Алуку. Это плѣнительнѣйшій уголокъ всего Крымскаго побережья. Черезъ Алуку пробѣгаетъ множество горныхъ ключей, и, благодаря этому, а также особо мягкому климату, Алука необыкновенно богата растительностью. Уже вокругъ нея тянутся большія оливковыя и каприсныя рощи, а сама она еле видна изъ за буйной зелени своихъ садовъ и парковъ. Первымъ предметомъ нашего вниманія въ Алуку былъ знаменитый дворецъ гр. Воронцовой-Дашковой, самое красивое и едва ли не самое богатое (стоимость 3 милл. руб.) зданіе во всемъ Крыму. Дворецъ прямо ослѣпилъ насъ своею роскошью. Онъ весь обложенъ порфировиднымъ темнозеленымъ трахитомъ и выстроенъ въ смѣшанномъ мавританско-готическомъ стилѣ. Уже снаружи онъ производитъ впечатлѣніе чрезвычайно грандіознаго, красиваго и оригинальнаго сооруженія. Зубчатая стѣны, высокіе обелиски дѣлаютъ его похожимъ на неприступный средневѣковый замокъ. Вокругъ дворца обширный дворъ, высокія ворота, которыя сплошь увиты цвѣтущими глициніями. Посрединѣ же двора стоитъ могучій развѣсистый платанъ. Внутри дворецъ изобилуетъ всякаго рода художественными цѣнностями: картинами, разнаго рода скульптурными произведеніями, бронзой, мраморомъ и золотомъ. О богатствѣ всей обстановки дворца, значительная часть которой, впрочемъ, увезена гр. Воронцовой-Дашковой въ Италію, можно судить хотя бы по той „маленькой“ подробности, что въ немъ показываютъ гардеробную комнату графини, гдѣ для ея костюмовъ стоитъ... 34 огромныхъ шкафа. Всего во дворѣ насчитывается свыше 200 комнатъ. На южную сторону, къ морю, дворецъ обращенъ единственной въ своемъ родѣ террасой, спускающейся къ морю нѣсколькими десятками ступеней. По бокамъ террасы расположены художественно сдѣланныя мраморныя изваянія львовъ въ натуральную величину и оцѣниваемыя въ десятки тысячъ рублей каждый. Нижняя

пара львовъ изображена художникомъ въ состояніи сна, средняя пара въ состояніи пробужденія и верхняя въ бодрственномъ состояніи. На колоннахъ, которыми оканчивается терраса, утверждены богатя вазы съ растущими въ нихъ агавами. По сторонамъ террасы на большое пространство разбиты цвѣтники, обращающіе вниманіе множествомъ рѣдкихъ тропическихъ растеній. Ароматы растеній, ласка горячаго, но незнойнаго южнаго солнца, великолѣпное и такое художественное сооруженіе дворца съ одной стороны, а съ другой стороны дивный видъ на безпредѣльное море съ его уходящей куда то въ волшебную даль синевою, все это, хотя бы на нѣсколько минутъ, пока вы стоите на львиной террасѣ дворца и восхищаетесь окружающимъ, не можетъ не унести вашей фантазіи въ какой то сверкающій, мучительно-прекрасный, сказочный міръ. И неохотно оторветесь вы отъ своихъ грезъ, чтобы уйти съ львиной галереи и дать возможность пройти сюда сотнямъ другимъ туристовъ, которые давно уже дожидаются своей очереди у входа во дворецъ.

Прилегающій ко дворцу гр. Воронцовой-Дашковой паркъ отличается огромными размѣрами и рѣдкимъ разнообразіемъ видовъ: передъ вами то уголокъ сада, обработанный въ чисто европейскомъ вкусѣ—все подстрижено и уравнено,—то совершенно дикія мѣста, гдѣ скалы и камни лежатъ другъ на другѣ въ хаотическомъ безпорядкѣ и гдѣ лишь изрѣдка, словно чудомъ, пріютится какое нибудь деревцо въ расщелинѣ скалы, а то передъ вами ровныя длинныя аллеи, или же вдругъ—глухая чаща, гдѣ тысячи деревьевъ растутъ одно возлѣ другого, какъ въ лѣсу. На каждомъ шагѣ встрѣчаются бесѣдки, гроты, родники, фонтаны, пруды, гдѣ плаваютъ стерлядь и форель. Растительностью особенно богатъ такъ называемый Верхній Воронцовскій паркъ. Проводникъ показалъ намъ здѣсь и *уксусное дерево*, и *лавровишню*, съ зелеными блестящими листьями и несъѣдобными ягодами, и *тутовое* или *шелковичное* дерево, ягоды котораго проводникъ при насъ же срывалъ и съ удовольствіемъ ѣлъ, и *мимозу*

съ капризными листьями, которые вяли при малѣйшемъ прикосновеніи къ нимъ, и *лавровое дерево*, листья котораго извѣстны на всякой кухнѣ, и *миртъ*, съ маленькими, красиво очерченными листьями и ярко-красными несъѣдобными ягодами, и *павлонію* или Адамово дерево, широкими (въ двѣ ладони) листьями котораго прикрылись—будто-бы—Адамъ и Ева по грѣхопаденіи въ рай, и *каштановое дерево*, съ плодами, покрытыми иголкой твердой ковкой, и *платанъ*, съ плодами, похожими на каштаны, и *каменный дубъ*, съ ярко-зелеными колючими листьями, *кедръ Ливанскій*, съ широкими, горизонтально лежащими одна на другой вѣтвями, доходящими до земли, и съ иглами сѣровато-зеленаго цвѣта. *кедръ Африканскій*, съ иглами, болѣе длинными, чѣмъ на кедрѣ Ливанскомъ, *кедръ Сибирскій*, *пирамидальные тополи*, мощные *кипарисы*, гордо смотрѣвшіе своими острыми вершинами въ небесную лазурь, *ореховыя деревья*, *миндальныя*, *масличныя*, *вишныя*, съ зеленѣющими на нихъ винными ягодами, *іудейское дерево*, на которомъ, по существующему въ Крыму повѣрію, повѣсился Іуда предатель. Поэтому нашъ проводникъ называлъ это дерево Іудинымъ. Листья этого дерева походятъ на листья нашей осины и отличаются только большей величиной. Показалъ намъ дальше проводникъ *мелколистный земляничникъ*, цвѣтная кора котораго мѣняется каждый годъ, пышно цвѣтуція *магноліи*, прямо въ грунтѣ растущіе *олеандры* и т. дал., и т. дал. Нижній Воронцовскій паркъ оканчивается у самаго моря, на берегу котораго здѣсь есть новая достопримѣчательность: такъ называемая скала Айвазовскаго, врѣзывающаяся глубоко въ море. Съ верхней площадки этой скалы, огороженной легкимъ трепещущимъ желѣзнымъ барьеромъ, Айвазовскій особенно любилъ дѣлать наблюденія надъ моремъ, которыми онъ потомъ пользовался въ своихъ картинахъ.

Изъ Алупки, уже въ сумерки, поѣхали мы обратно, въ Ялту, новой дорогой, любуясь отвѣсными горами: Крестовой и св. Николая и разсматривая придорожныя татарскія де-

ревни Кореизъ и Гаспру, которымъ, какъ и Бахчисараю, не-
смотря на дивное мѣстоположеніе, многого остается желать
въ отношеніи чистоты и, вообще, благоустройства.

Николай Колосовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКА.

Духовенство и народъ.

Священникъ Поповъ въ „Вор. Еп. В.“ дѣлится со своими читателями впечатлѣніями о похоронахъ одного изъ своихъ собратій священниковъ и о трогательномъ отношеніи прихожанъ къ памяти почившаго.

„Совершенно случайно мнѣ пришлось присутствовать при похоронахъ моего собрата, о. Виктора Тихомирова, умершаго въ Орловѣ Воронежскаго уѣзда.

„Быль случайно въ городѣ. Вхожу въ № гостиницы и первый разговоръ, услышанный мною, относился къ покойнику. „Мама, мама,—спѣшитъ сообщить дѣвочка-прогимназистка своей матери,—у насъ въ прогимназіи пѣли по отцу Виктору „со святыми упокой“ и многія дѣвочки плакали“. Выхожу на улицу, встрѣчаю знакомыхъ, которые тотчасъ же задаютъ мнѣ вопросъ: „Вы, о. Иванъ, пріѣхали о. Виктора встрѣчать? У насъ весь городъ идетъ встрѣчать его“. Рѣшаюсь и я принять участіе во встрѣчѣ праха почившаго собрата и сослуживца. Иду въ соборъ за ризами, велю запречь лошадь и ѣду за толпою, предъ послѣдними дворами города останавливаюсь и намѣреваюсь здѣсь ожидать похоронную процессію, а знакомые изъ толпы убѣждаютъ меня ѣхать дальше. Но со мною нѣтъ скуфы, и я не рѣшаюсь итти въ открытое поле и остаюсь ожидать процессію на краю города. Здѣсь я присоединяюсь къ кучкѣ горожанъ, начинается разговоръ, конечно, о почившемъ: „Смотрите, батюшка, сколько народа идетъ за гробомъ, всѣ они ходили за Логъ (деревня

въ 4 верстахъ отъ города), а посмотрите, сколько идетъ навстрѣчу, весь городъ здѣсь“. И дѣйствительно, большая толпа шла за гробомъ и навстрѣчу, а лишь только съ соборной колокольни раздался звонъ, возвѣщавшій о приближеніи похоронной процессіи, какъ весь городъ пришелъ въ волненіе и вышелъ встрѣчать своего бывшего пастыря. Процессія еще далеко, а толпа все растетъ и растетъ.

„Подходить ко мнѣ одна дама и говорить: „И вы, батюшка, здѣсь, а мы цѣлою семьею ѣздили за Логъ, но слишкомъ рано поѣхали, а потому вернулись домой, и вотъ уже во второй разъ иду встрѣчать о. Виктора“. И среди этой толпы то и дѣло слышишь замѣчаніе: „Хорошій былъ батюшка, простой, доступный, привѣтливый, ласковый и всегда готовый къ исполненію своихъ обязанностей“.

„Но вотъ мы и дождались похоронной процессіи. Присоединяюсь и я къ ней. Чѣмъ мы ближе подходимъ къ центру города, тѣмъ толпа встрѣчающихъ становится все больше и гуще. Процессія двигается медленно, ибо масса желающихъ помолиться о почившемъ ежеминутно останавливаетъ насъ для служенія заупокойной литіи.

„Въ теченіе двухъ дней народъ непрерывною толпою шелъ въ домъ отдать почившему послѣдній долгъ, а въ день погребенія народъ многочисленною толпою занималъ пространство отъ дома почившаго до собора и плотною массою наполнялъ соборный храмъ. Здѣсь были и сѣрые мужики и высокопоставленныя лица, сюда пришли и мужья и жены, и юноши и дѣвы, здѣсь смѣшались убогія рубища и модные наряды городскихъ франтихъ, это было море головъ, мужскихъ и женскихъ, въ шляпкахъ и простыхъ платкахъ, даже дѣти, и тѣ пришли отдать пастырю и законоучителю послѣдній долгъ.

„За что же народъ такъ почтилъ своего пастыря. Одинъ священникъ, принимавшій участіе въ погребеніи о. Виктора, задалъ такой вопросъ одной знакомой дамѣ. „А знаете за что,—отвѣтила дама,—за его службу. Вотъ я разъ прихожу

въ церковь на пасхальной недѣлѣ: служить о. Викторъ, служить съ такимъ воодушевленіемъ, что лицо его сіяетъ, все существо его ликуетъ и торжествуетъ такъ, что его торжественное и праздничное настроеніе невольно передалось мнѣ, и я вышла изъ храма съ свѣтлымъ и радостнымъ чувствомъ“.

„Другой разъ,—продолжала дама,—мнѣ пришлось быть въ храмѣ при совершеніи отцомъ Викторомъ погребенія. Здѣсь я увидала о. Виктора, исполненнаго скорби и печали, и его настроеніе передалось мнѣ“.

„Не знаю, насколько вѣрно впечатлѣніе этой дамы отъ служенія о. Виктора, ибо мнѣ ни разу не приходилось присутствовать при его службѣ. Но думаю, что народъ такъ великолѣпно встрѣтилъ и проводилъ о. Виктора къ мѣсту вѣчнаго покоя за то, что онъ жилъ сердцемъ и сердцемъ, а не умомъ, измѣрялъ и опредѣлялъ свои отношенія къ своимъ прихожанамъ. Онъ былъ весь любовь и доброжелательность, продолжительнаго зла онъ никогда и ни къ кому не имѣлъ“
(Совр. Лѣт.).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 18-го мая 1912 года

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ, Тип. Акц. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго Мерингов. ул. 1. № 6.

ГОДЪ

LIII

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть **№ 22** ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей. Подписка принимается въ редакціи журнала, при Кіевской духовной Семинаріи.

1912-го года 27-го мая.

Содержаніе: I. Изъ сектантской печати. Н. Гумилевскій.—II. Къ предстоящимъ выборамъ въ IV-ю Государственную Думу. Кир. Тихомировъ.—III. Какъ бороться со шгундой? Свящ. А. Введенскій.—IV. На благословенномъ югѣ. (Окончаніе). Н. Колосовъ.—V. Замѣтки. а) Кооперация и духовенство. б) Опытъ распространенія молитвенниковъ въ приходахъ.

Изъ сектантской печати.

Главнымъ основаніемъ отвергаемаго баптистами православнаго ученія о необходимости крестить младенцевъ служитъ то положеніе, что послѣдніе рождаются подверженными первородному грѣху и потому безъ крещенія не могутъ войти въ Царствіе Божіе (Іоан. 3, 5), а остаются во власти сатаны (Дѣян. 26, 18). Чтобы какъ нибудь обойти это положеніе, ясно показывающее несостоятельность баптизма, баптисты высказываютъ своеобразный взглядъ на очищеніе отъ первороднаго грѣха. Въ № 1—2 (1912 г.) „Баптиста“ помѣщены отвѣты на вопросы православнаго священника, касающіеся крещенія дѣтей. Отвѣчая на главный вопросъ, нуждаются ли

младенцы въ очищеніи первороднаго грѣха, авторъ отвѣтовъ не отрицаетъ, что первородный грѣхъ есть „всеобщій, охватывающій все многомилліонное человѣчество, не исключая ни одной души“. Но, продолжаетъ авторъ, человѣчество искуплено отъ этого грѣха Христомъ. «Искупленіе падшаго человѣчества не есть только дѣло безграничной любви и милости, а есть вмѣстѣ и проявленіе высочайшей „правды Божіей“ (Дан. 9, 24; Рим. 3, 21), и Господь въ этомъ актѣ является не только „оправдывающимъ“, но и «праведнымъ» (Рим. 3, 21). А потому, какъ *однимъ человекомъ* всѣмъ человѣкамъ осужденіе, такъ и *правдою одного человека* всѣмъ человѣкамъ оправданіе къ жизни (Рим. 5, 18). Изъ этого сравненія Христа съ Адамомъ становится понятнымъ, что все то, что мы въ Адамѣ потеряли, мы во Христѣ приобретаемъ, съ тою только разницею, что благодать оправданія дѣйствуетъ неизмѣримо сильнѣе, чѣмъ осужденіе (Рим. 5, 15—17; 2 Кор. 3, 9). А потому очень сильно заблуждаются тѣ изъ христіанъ, которые дѣйствіе этой Господней благодати или не распространяютъ на дѣтей вовсе, или ограничиваютъ таковое тѣснымъ кругомъ только христіанскихъ дѣтей, а также не менѣе сильно ошибаются и тѣ изъ нихъ, которые дѣйствіе благодати ставятъ въ зависимость отъ личнаго участія ребенка, требуя отъ него крещенія и проч. Если близорукіе люди хотятъ еще и нынѣ видѣть въ дѣтяхъ какую либо скверну, препятствующую имъ войти въ Царствіе Божіе, то пусть не забываютъ свидѣтельства Господа: что „таковыхъ есть Царствіе Божіе“ и конечно не вслѣдствіе крещенія или обрѣзанія, а лишь исключительно вслѣдствіе „искупленія“ и вѣчной правды *Одного Человѣка, Исуса Христа* (Лук. 18, 15, 16)“.

Такимъ образомъ, по сектантскому мудрованію выходитъ, что жертвой Христовой всѣ люди безъ исключенія дѣйствительно очищены отъ первороднаго грѣха,—какъ всѣ подверглись ему чрезъ грѣхъ Адама,—и съ самого рожденія становятся членами Царствія Божія. При такомъ пониманіи,

для человѣка оказываются совершенно ненужными не только добрыя дѣла, значеніе которыхъ для спасенія баптисты отвергаютъ, но и самая вѣра. Но ап. Павелъ говоритъ, что „будутъ царствовать въ жизни посредствомъ единого Иисуса Христа“ — „пріемлющіе обиліе благодати и даръ праведности“ (Рим. 5, 17). Каждый человѣкъ, чтобы быть участникомъ спасенія, совершеннаго Христомъ, долженъ лично самъ принять, или усвоить это спасеніе, такъ какъ каждому человѣку въ отдѣльности Христомъ подаются только всѣ средства, необходимыя для спасенія („отъ Божественной силы Его даровано намъ все потребное для жизни и благочестія“ — 2 Петр. 1, 3), а не спасеніе въ готовомъ и законченномъ видѣ. Началомъ этого усвоенія спасенія, этого воспріятія „изобилія благодати и дара праведности“ служитъ возрожденіе, безъ котораго, по свидѣтельству Спасителя, не возможно войти въ Царствіе Божіе (Іоан. 3, 5). Вопреки яснымъ словамъ Христа о рожденіи «отъ воды и Духа», баптисты не признаютъ, что возрожденіе совершается при крещеніи, однако необходимости возрожденія и они не отвергаютъ. Но возрожденіе и есть именно освобожденіе отъ первороднаго грѣха, такъ какъ если бы оно простиралось только на личные грѣхи, то оно должно было бы многократно повторяться, „ибо всѣ мы много согрѣшаемъ“ (Іак. 3, 2), многократности же возрожденія не допускаютъ и сами баптисты. Отсюда ясно, что Христось внесъ только начало освященія въ природу человѣческую, дѣйствительное же участіе въ этомъ освященіи каждый человѣкъ получаетъ отдѣльно, чрезъ свое присоединеніе, посредствомъ крещенія, къ тѣлу Христову — Церкви („всѣ мы однимъ Духомъ крестились въ одно тѣло“ — 1 Кор. 12, 13), для освященія которой Христось и предаль Себя на страданія (Еф. 5, 25). Самъ Христось необходимость возрожденія основываетъ на томъ, что „рожденное отъ плоти есть плоть“ (Іоан. 3, 6), т. е. при плотскомъ рожденіи отъ грѣшныхъ родителей (а безгрѣшныхъ людей на землѣ не можетъ быть) человѣкъ рождается плотскимъ, грѣ-

ховнымъ; и ап. Павелъ говоритъ о нечистотѣ дѣтей (1 Кор. 7, 14); но у новорожденнаго младенца грѣхъ можетъ быть только первородный. Поэтому совершенно напрасно баптисты обвиняютъ Православную Церковь за то, что она будто бы «не распространяетъ дѣйствіе Господней благодати на дѣтей»: это обвиненіе, напротивъ, вполне примѣнимо къ самимъ баптистамъ, которые лишаютъ своихъ дѣтей крещенія.

Что касается указанія на слова Спасителя, что «таковыхъ есть Царствіе Божіе» (Лук. 18, 16), то вѣдь Спаситель не сказалъ, что Царствіе Божіе принадлежитъ именно тѣмъ некрещенымъ дѣтямъ, которыхъ Онъ благословлялъ (тогда и искупленіе еще не было совершено), а—«таковыхъ», т. е. людей, подобныхъ дѣтямъ по своимъ нравственнымъ качествамъ, какъ Онъ и далѣе говоритъ: «кто не приметъ Царствія Божія, какъ дитя, тотъ не войдетъ въ него» (17 ст.), и въ другомъ мѣстѣ: „если не обратитесь и не будете какъ дѣти, не войдете въ Царство Небесное» (Мате. 18, 3).

Н. Гумилевскій.

Къ предстоящимъ выборамъ въ IV-ю Государственную Думу.

Полномочія 3-ей Государственной Думы уже на исходѣ, — и вотъ, какъ видно изъ печати, не только въ крупныхъ центрахъ, но и въ небольшихъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ наблюдается повышенный интересъ къ предстоящимъ выборамъ въ 4-ую Гос. Думу. Подъ разными названіями устраиваются мѣстными общественными дѣятелями собранія, на которыхъ читаются доклады о дѣятельности 3-й Думы, обсуждаются вопросы, имѣющіе широкое государственное и общественное значеніе, а попутно съ этимъ намѣчаются и извѣстныя теченія, имѣющія непосредственную связь съ грядущей выборною кампаніею.

Наиболѣе энергично пока дѣйствуютъ — послѣ, конечно, прогрессивно оппозиціонныхъ группъ — націоналисты и крайне

правые. Неутомимый гр. В. А. Бобринский уже посѣтилъ цѣлый рядъ городовъ — преимущественно въ Западномъ краѣ, — гдѣ съ большимъ успѣхомъ читалъ доклады о задачахъ истиннаго націонализма и о цѣляхъ, которыя поставилъ предъ собою Всероссийскій національный союзъ. Гр. Бобринскому дѣятельно помогаютъ еще два—три видныхъ дѣятеля Національнаго союза, и сѣть провинціальныхъ отлѣловъ союза съ каждымъ днемъ расширяется.

Пора и нашему духовенству потрудиться въ этомъ же направленіи, т. е. принять живое и дѣятельное участіе въ предстоящихъ выборахъ, особенно въ нашемъ Юго-Западномъ краѣ, гдѣ, какъ извѣстно, среди крупныхъ землевладѣльцевъ — есть не мало враждебныхъ намъ поляковъ. Здѣсь придется усиленно поработать нашему духовенству еще и потому, что при прошлыхъ выборахъ въ 3-ю Думу, оно по уѣздамъ, хотя и было постановлено въ благопріятныя условія относительно цифроваго соотношенія избирательныхъ силъ, но не сыграло должнымъ образомъ своей роли и своего значенія на выборахъ. Теперь невольно возникаетъ вопросъ, какъ то пройдутъ у насъ выборы въ четвертую Гос. Думу.

Если принять во вниманіе избирательный законъ (3-го Іюня 1907 г.), то этотъ вопросъ пришлось бы признать страннымъ, такъ какъ безусловное большинство избирательныхъ голосовъ предоставлено крупнымъ русскимъ земельнымъ собственникамъ, къ числу которыхъ нужно присоединить и духовныхъ представителей даннаго уѣзда. Казалось бы, что, при нынѣшнемъ цифровомъ соотношеніи крупныхъ русскихъ собственниковъ, (напримѣръ, Кіевской губ.), говорить о возможности какой либо побѣды на выборахъ поляковъ — не только полной, но даже частичной, было бы, по меньшей мѣрѣ, неумѣстнымъ; а между тѣмъ такіе разговоры есть, проскальзываютъ въ печати и мы должны — накануне новыхъ выборовъ — считаться съ ними уже потому, что они исходятъ, главнымъ образомъ, отъ русскихъ крупныхъ собственниковъ, высказывающихъ поразительную неувѣренность

въ своихъ разрозненныхъ силахъ. Такое печальное настроеніе будущихъ избирателей крупныхъ русскихъ собственниковъ имѣеть, къ сожалѣнію, подъ собою почву. Дѣло въ томъ, что крупные русскіе собственники, вслѣдствіе своей разрозненности, отсутствія между ними солидарности, могутъ представить изъ себя на выборахъ далеко не такую внушительную компактную силу, какую предполагаетъ въ нихъ нашъ нынѣшній избирательный законъ. Крупныхъ русскихъ собственниковъ въ Юго-Западномъ краѣ, какъ выяснилось на прошлыхъ выборахъ, можно раздѣлить на три категоріи: одни изъ нихъ въ уѣздѣ не живутъ, политическими дѣлами мало интересуются и на выборы скорѣе всего не явятся; другіе свою дружбу съ мѣстными поляками ставятъ выше интересовъ родины и настаиваютъ на необходимости избранія поляковъ безотносительно къ ихъ политической окраскѣ; наконецъ, третьи русскіе крупные собственники стоятъ на почвѣ русской государственной идеи и ни въ какія соглашенія съ автономистами-поляками вступать не желаютъ. Они охотно признаютъ права польскаго населенія юго-западныхъ губерній въ дѣлѣ выборовъ, но никогда не пойдутъ рядомъ съ проповѣдниками всепольской идеи, отдающими мѣстныя силы на служеніе Царству Польскому, съ которыми у нихъ и не можетъ быть никакой политической общности. При такой розни между нашими русскими крупными собственниками, успѣхъ выборовъ въ русскомъ смыслѣ представляется у насъ въ Юго-Западномъ краѣ—уже нѣсколько затуманеннымъ. Несомнѣнно, что если бы судьба выборовъ всецѣло находилась въ рукахъ крупныхъ русскихъ собственниковъ, то дѣло для насъ легко могло бы быть проиграннымъ, или пройти съ большимъ ущербомъ для чисто русскихъ интересовъ. Въ виду этого, центръ тяжести русскаго дѣла долженъ быть перенесенъ на другіе элементы—духовенство и русскую мелкую собственность.

Духовенство имѣеть возможность получить всѣ принадлежащіе ему голоса и рѣшить судьбу выборовъ: оно по

закону 3-го Іюня можетъ представить изъ себя на выборахъ очень крупную культурную силу; оно можетъ дать побѣду русскому дѣлу; слѣдовательно, оно должно дать ее, тѣмъ болѣе, что такая побѣда не сопряжена ни съ какими чрезвычайными мѣрами и трудностями. Это весьма важное значеніе православнаго духовенства налагаетъ на него, несомнѣнно, и большую отвѣтственность предъ краемъ и родиной. Для реванша за прошлые выборы наше духовенство немедленно должно организовать въ порайонные сѣзды, а затѣмъ собраться и на сѣзды уѣздные, на которыхъ необходимо заранѣе намѣтить и выдвинуть впередъ хорошо ему извѣстныхъ лучшихъ людей, подходящихъ въ государственномъ смыслѣ и по національнымъ убѣжденіемъ—для успѣха дѣла предстоящей избирательной компаніи. Равнымъ образомъ, очень существенную пользу принесетъ духовенство въ дѣлѣ выборовъ, если возьметъ на себя не особенно большой трудъ организациі и мелкихъ собственниковъ, которыхъ въ уѣздахъ очень и очень много, во всякомъ случаѣ несравненно больше, чѣмъ крупныхъ русскихъ собственниковъ. Когда, такимъ образомъ, духовенство станетъ силой, побѣда будетъ за нимъ и за нашими крупными собственниками, которые не растеряли своихъ русскихъ убѣжденій въ льстивой, но ложной польской атмосферѣ. Нашему духовенству прошлые выборы ясно показали, что сплоченностію русскіе люди юго-западныхъ губерній могутъ достигнуть очень важныхъ результатовъ даже при весьма неблагоприятныхъ условіяхъ; тѣмъ большихъ результатовъ могутъ они достигнуть теперь, когда обстоятельства для торжества русской государственной идеи складываются болѣе благопріятно, благодаря усиленному движенію и распространенію русскихъ національныхъ союзовъ и ихъ отдѣловъ. Несомнѣнно, что опытъ прошлыхъ выборовъ не пропалъ даромъ и что торжество мирныхъ идей можетъ быть уже близко; а потому русскому православному духовенству слѣдуетъ помнить, что его *энерія и единодушіе* могутъ

оказать огромную услугу русскому дѣлу въ нашемъ отечествѣ вообще и въ Юго-Западномъ краѣ въ особенности.

Но, при этомъ, однако необходимо сказать еще слѣдующее: на выборахъ въ Гос. Думу обыкновенно повышается партійное настроеніе, усиливается враждебная рознь и создается та атмосфера раздраженія, которая прямо мѣшаетъ спокойному, строго разумному отношенію къ дѣлу; само собою разумѣется, что пастыри, какъ представители Св. Православной Церкви, должны стоять выше всѣхъ этихъ партійныхъ выступленій и вести дѣло выборовъ вполне объективно, спокойно и корректно. Скажемъ больше, для того, чтобы благотворно вліять на общество и принести ему жизненную пользу, пастыри Церкви могутъ формально оставаться внѣ всякихъ партій и въ то же время свое нравственное воздѣйствіе направлять къ осуществленію завѣтовъ Христа, къ осуществленію идеала любви и свободы *среди людей разныхъ партій и направленій*. Дѣйствуя независимо отъ принадлежности къ такой или другой партіи, связанной партійной дисциплиной, пастыри Церкви могутъ гораздо спокойнѣе и безпристрастнѣе судить, съ христіанской точки зрѣнія, и о программахъ различныхъ партій, и о способахъ ихъ дѣйствования. Такой способъ дѣйствования не только не ослабитъ, но, по нашему глубокому убѣжденію, увеличитъ широту и силу пастырскаго вліянія на общество. Если пастырь, будучи членомъ какой либо партіи, выступить въ защиту программы, или даже только политическаго идеала этой партіи, его слово будетъ встрѣчено членами другихъ партій недоувѣрчиво, даже враждебно. Другое дѣло, если то же самое слово послышится изъ устъ пастыря, не связаннаго программой и дисциплиной партіи, къ нему доувѣрчиво отнесутся и внимательно прислушаются лица, принадлежащія къ различнымъ до противоположности политическимъ партіямъ. А потому желательно, чтобы пастыри Церкви на предстоящихъ выборахъ—какъ можно дѣятельнѣе и шире вліяли на окружающую ихъ среду въ христіанскомъ духѣ, но не въ качествѣ

практическихъ политиковъ, стремящихся забрать политическую власть въ свои руки, а въ качествѣ Христовыхъ апостоловъ, дѣйствующихъ искреннимъ и правдивымъ словомъ убѣжденія и дѣятельной поддержкой всякаго добраго начинанія.

Кир. Тихомировъ.

Какъ бороться со штундою?

(Мысли Никанора, архіеп. Херсонскаго и Одесскаго).

Въ настоящее время, въ періодъ повсемѣстнаго распространенія и усиленія сектанства, невольно возникаетъ въ сознаниіи каждаго пастыря, каждаго ревнителя православія вопросъ: какъ быть? что дѣлать? какъ потушить это племя религіознаго заблужденія? какъ искоренить это великое, глубокое и опасное зло, зло для всѣхъ и всего, и для Церкви, и для государства, и для общества и для семьи?

Одни думаютъ, что достаточно разобрать сектантское вѣроученіе, достаточно подвергнуть его всесторонней и обстоятельной критикѣ и затѣмъ показать предъ народомъ полную его неосновательность и несостоятельность. Тогда будто бы все будетъ хорошо. Но этого мало. Это одна половина дѣла, одно средство. Само по себѣ оно не достаточно. Объ этомъ говорить и исторія, и опытъ всѣхъ православныхъ миссіонеровъ. Посему нужно изыскивать еще и другія оборонительныя и наступательныя средства, полезно прокладывать новыя, свѣжія тропы, которыя въ общей совокупности привели бы насъ къ полному пораженію и обезсиленію сектантства.

Въ минуты такого раздумья невольно вспоминаются за вѣты приснопамятнаго архіепископа Херсонскаго и Одесскаго Никанора, которые хотя и не новы, но зато наиболѣе цѣлесообразны и продуктивны. Можетъ быть не всѣ знакомы съ ними. Посему въ интересахъ полемики считаемъ необходи-

мымъ ознакомить пастырей съ программой миссіонерской дѣятельности покойнаго архипастыря, можетъ быть кто-нибудь усвоить ее и осуществить въ своей жизни.

Архіепископъ Никаноръ по интересующему насъ вопросу говорилъ вотъ что:

„Со стороны духовно-епархіальной я признаю дѣйствительными слѣдующія мѣры:

1. Бесѣду церковную. Нужно только, чтобы пастыри Церкви знали степень народнаго невѣжества въ дѣлѣ вѣры и направили свои усилія къ просвѣщенію невѣжества, именно этой самой ближайшей степени. Пастыри духовные должны знать, что православные въ огромномъ большинствѣ не имѣютъ никакого, ни историческаго, ни догматическаго знанія, ни образнаго представленія о лицѣ Іисуса Христа, и лика Его ни въ церкви на иконахъ, ни на крестѣ, и т. п. не различаютъ; да и вообще никакихъ ликовъ на иконахъ не различаютъ: это по простонародному представленію «усе Богъ» (все Богъ и всѣ бога); не знаютъ и того, какой они вѣры. Въ Уфимской губерніи, напримѣръ, тамъ и сказать не умѣютъ, „что мы-де вѣры православной христіанской“; здѣсь это скажутъ, конечно, далеко не всегда, но никакого яснаго представленія объ этомъ не имѣютъ, такъ какъ не имѣютъ даже серьезнаго представленія о лицѣ Іисуса Христа. Вариациі этого глубочайшаго невѣжества неисчислимы. Вотъ сюда-то, къ просвѣщенію этого именно невѣжества, должна быть направлена пастырская бесѣда.

2. Рядомъ съ этимъ должны бы идти обученіе молитвамъ, символу вѣры, десятословію и за симъ уже объясненіе молитвъ. Въ этомъ краѣ почти всѣ дѣти отъ 8—20 лѣтъ исключительно прочтываютъ и Отче нашъ и Вѣрую; десятословіе и здѣсь читаютъ только школьники. Но и школьники читаютъ всегда съ грубѣйшими ошибками и никогда разумѣнія съ прочтанными словами не соединяютъ. Въ Великороссіи же, напримѣръ, въ Уфимской губерніи, знаютъ всего чаще: Богородице Дѣво, а затѣмъ почти ничего не

знають: десятословія, Символа вѣры, Молитвы Господней, Трисвятого, даже молитвы Исусовой, нерѣдко не могутъ прочитати: „во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь“. Молитвамъ могли бы учить и причетники подъ диктовку. Равно какъ и объяснять св. образа въ церкви могли бы они же между службами, на примѣръ: утреню и обѣдню, или же послѣ оныхъ. А, конечно, это первый наисущественнѣйшій долгъ самыхъ пастырей Церкви—священниковъ.

3. Конечно, нужна и проповѣдь, но какая? Проповѣдь школярная, отвлеченная, нравственно-догматическая, конечно, не вредна сама въ себѣ. Она услаждаетъ народное чувство, подобно тому, какъ услаждаетъ же и звонъ церковнаго колокола. Но по низкой степени развитія нашего народа такая проповѣдь и понятна ему также, яко мѣдъ звѣняща или кимваль брацайя. Въ огромномъ большинствѣ своемъ народъ не соединяетъ никакихъ ясныхъ представленій со словами: Богъ Отецъ, Духъ Святой, Искупитель, Троица, Богородица, Рождество, Крещеніе, и т. д. Что же можетъ сказать яснаго и вразумительнаго уму народному наша проповѣдь, гдѣ эти понятія берутся за данныя и общеизвѣстныя? Нужно, чтобы проповѣдь не только поучала и умиляла, но и научала. Собственно благотворной для нашего народа проповѣдью была бы первоначально бесѣда, начинающаяся съ настойчиваго, постояннаго объясненія святыхъ иконъ, Лика Исуса Христа, Троицы, Богородицы, св. Евангелистовъ (о которыхъ нигдѣ никакого понятія) и т. д. Затѣмъ настойчивая же бесѣда съ толкованіями символа вѣры, десятословія, молитвы Господней и всякихъ молитвъ, но бесѣда всегда съ историческимъ направленіемъ. Затѣмъ необходимо, особенно въ противовѣсъ практикѣ штундизма, чтеніе Св. Писанія, особенно же четверо-евангелія, дополняемое устнымъ разьясненіемъ въ духѣ Церкви. Хорошимъ руководствомъ при семъ самимъ пастырямъ, учителямъ Церкви, могла бы служить Священная Исторія Ветхаго и Новаго Заветовъ пресвитера Михаила Богословскаго, какъ трудъ, основанный на тщательнѣйшемъ, хотя прикровенномъ,

изученіи Св. Писанія, и проникнутый строгимъ духомъ Церкви и точнѣйшимъ разумѣніемъ православія. Эти исторіи священники могли бы читать за каждою обѣднею по краткому отдѣлу, дополняя чтеніе краткимъ устнымъ разъясненіемъ и живымъ нравственнымъ вразумленіемъ. Какая была-бы это благонадежная и легкая для пастырей, вразумительная и многополезная для нашего народа проповѣдь, если бы священники наши не только сознали это праздною мыслью, но извѣдали и постоянною практикою. Именно съ такой проповѣди нужно нашимъ священникамъ начинать свое церковное учительство. А затѣмъ область предметовъ проповѣданія открывалась бы безпредѣльная и неистощимая. Безъ вразумительнаго же внушенія нашему народу православныхъ понятій и исторіи и доматики христіанской вѣры, наша проповѣдь для большинства нашего народа почти бесполезна, по крайней мѣрѣ, не вразумительна.

4. Кромѣ собственно церковной, въ самой церкви, пастырской бесѣды съ народомъ, необходимы внѣбогослужебныя пастырскія собесѣдованія. Собственно церковныя въ церкви бесѣды всегда болѣе или менѣе стѣсняють проповѣдника, какъ въ самомъ выборѣ предмета, такъ въ методѣ собесѣдованія и, наконецъ, во времени. Въ церкви вниманіе у священнодѣйствующаго, какъ и у молящихся, бываетъ утомлено молитвою, бываетъ утомлено самымъ даже продолжительнымъ стояніемъ. Не все, даже касающееся христіанской вѣры, удобно и легко разъяснить въ церкви такъ, какъ въ домашнемъ или вообще во внѣбогослужебномъ собесѣдованіи. Церковь никакъ не можетъ быть превращена въ училище, въ школу. Въ церкви всегда затруднителенъ переходъ отъ молитвы, какъ благоговѣйнаго предстоянія предъ Богомъ, въ простое и живое собесѣдованіе съ народомъ. А въ этомъ собесѣдованіи нужны бываютъ иногда со стороны служащихъ выраженіе недоумѣній, нужно нѣкоторое совопросничество, иногда даже и возраженія со стороны недоумѣвающихъ или несоглашающихся;—таковы могутъ быть раскольники, сек-

танты и т. п. Кромѣ того въ церкви еще неумѣстны переходы въ бесѣдѣ отъ предмета къ предмету, отчего нельзя въ одинъ разъ говорить о многихъ предметахъ. Всѣ-же эти затрудненія, отъ которыхъ не освобождаетъ бесѣда церковная въ церкви во время богослуженія, могутъ быть устранены и легко восполнены въ бесѣдѣ внѣбогослужебной, или даже внѣцерковной. Такія внѣцерковныя собесѣдованія необходимо учредить во всѣхъ приходахъ, и не только въ приходскихъ селахъ, но вездѣ и по деревнямъ. Иначе и народъ не выйдетъ изъ темнаго невѣжества относительно вѣры, въ какомъ коснѣетъ уже тысячу лѣтъ.

5. Конечно, много слѣдуетъ ожидать отъ учреждаемыхъ повсюду церковно-приходскихъ школъ, но и при этомъ нужно помнить, что школа никакъ не упраздняетъ нужду въ правильно постановленныхъ собесѣдованіяхъ пастырей Церкви съ народомъ, собесѣдованій собственно церковныхъ, какъ и внѣцерковныхъ. Школа учить по селамъ и деревнямъ только дѣтей, а не взрослыхъ, да и дѣтей нѣкоторыхъ, а не всѣхъ. Да и учившіеся въ школѣ, по выходѣ изъ оной, нерѣдко забываютъ даже употребительнѣйшія молитвы, напримѣръ, Отче нашъ, чему я самъ видѣлъ примѣръ. Кромѣ того, школьное обученіе неизбѣжно всегда бываетъ односторонне,нося свой школьный отпечатокъ, развивая по преимуществу умъ; тогда какъ церковное поученіе всегда имѣетъ въ виду по преимуществу сердце и волю слушателей. Школьное обученіе нужно, какъ начальное паханіе душевной нивы и всѣваніе сѣмянъ Слова Божія, а проповѣдь нужна, какъ поливаніе, согрѣваніе, какъ рощеніе и пособіе плодоприношенію этихъ сѣмянъ.

6. Необходимо пастырямъ Церкви и состязаніе съ сектантскими заблужденіями. Но при семъ должно направлять это состязаніе именно такъ, чтобы оно имѣло въ виду больше самыя заблужденія православныхъ, чѣмъ отпадшихъ отъ Церкви сектантовъ, напримѣръ, шгундистовъ. Отпадшіе уже очень рѣдко ищутъ истины, напротивъ, скорѣе ищутъ случая от-

стоять свое заблужденіе, показать превосходство изворотливости своего ума и подѣйствовать на убѣжденіе какъ своихъ колеблющихся, такъ и православныхъ колеблющихся, склонныхъ къ воспріятію сектантскаго заблужденія.

7. Необходимо также возстановить практику древней Церкви, которая въ разныхъ случаяхъ жизни требовала исповѣданія вѣры отъ каждаго вѣрующаго. Необходимо и нынѣ требовать отъ каждаго воспріемника (при крещеніи мальчика) и каждой воспріемницы (при крещеніи дѣвочки) разумнаго прочтенія символа вѣры; того слѣдуетъ требовать отъ каждаго жениха и каждой невѣсты при вступленіи въ бракъ; того-же, какъ и вообще разумнаго усвоенія употребительнѣйшихъ молитвъ, какъ и основныхъ истинъ христіанства, должно требовать отъ каждаго приступающаго къ исповѣди и св. причащенію.

8. Необходимо требовать, чтобы каждый священникъ, пастырь своего прихода, прикасался къ прихожанамъ не случайно только, по вызову съ ихъ стороны для исполненія той или другой для нихъ требы; но чтобы въ духѣ пастыря, духовнаго руководителя прихода, самъ слѣдилъ за каждымъ прихожаниномъ и за всѣми вмѣстѣ всегда, руководя каждаго изъ нихъ во всѣхъ обстоятельствахъ его жизни, отъ колыбели до гроба. Эта практика осуществляется настойчиво въ римско-католической церкви; а въ православно-русской церкви забыта настолько, что я встрѣчалъ священниковъ, которые, оправдывая предо мною свое небреженіе о наставленіи прихожанъ и невѣжество въ вѣрѣ самыхъ прихожанъ, не разъ говорили мнѣ: „помилуйте, я его, можетъ быть, первый разъ въ жизни вижу“. Дѣйствительно, при многолюдствѣ приходо-въ, наши срященники часто вовсе не знаютъ прихожанъ даже въ лице, не говоря уже о томъ, что не знаютъ ихъ ни по убѣжденіямъ ихъ, ни по склонностямъ и правиламъ жизни, ни вообще по душевному состоянію.

9. Наконецъ, пастыри Церкви должны крѣпко помнить и никогда не упускать изъ виду, что они призваны поучать

народъ не только словомъ, но и жизнью, и что они никакъ не должны соблазнять какъ правовѣрныхъ, такъ и чуждыхъ, своимъ поведеніемъ, къ безчестію духовенства, къ нареканію на Церковь. Русскому духовенству сильно вредить недостатокъ знанія и пониманія нашей исторіи и всосавшееся въ нашу плоть и кровь сознаніе, что Православная Церковь есть господствующая въ Россіи. Пока это сознаніе было крѣпко въ латинскомъ клирѣ, до тѣхъ поръ онъ поражалъ весь свѣтъ своею распущенностью. А когда утвердился этотъ клиръ въ сознаніи, что онъ долженъ отстаивать не только свое положеніе, но бытіе самой Церкви неустанною борьбою съ безчисленными врагами безъ поддержки правительствъ, тогда члены клира крѣпко сжались въ своемъ поведеніи. Пора проникнуться подобнымъ же сознаніемъ и нашему духовенству, что мы нынѣ со всѣхъ сторонъ окружены врагами, съ которыми призваны безпрестанно бороться, предъ которыми никакъ не должны обнажать свои нравственныя немощи. По-этому православному духовенству слѣдуетъ избѣгать всякаго обнаруженія неблагоповеденія, повторяющагося охмѣленія, рѣзкой строптивости въ церкви, дракъ, буйства, ругательствъ, соблазнительныхъ выходокъ, вольнаго обращенія съ женскимъ поломъ, танцевъ и т. п. Скуренія табаку въ открытыхъ мѣстахъ, нарушенія постовъ открыто предъ народомъ); должно избѣгать слѣдованія модамъ въ платьѣ: ношенія рясъ полупальто, подрясниковъ-полусюртуковъ, ношенія ботинокъ, выставки воротничковъ, полисоновъ, и т. п., въ прическѣ—стрижки волосъ, косыхъ проборовъ, взбитія чуба на лбу и т. п. Но особенно ненавистны народу въ пастыряхъ Церкви вымогательство, выторговываніе платы за требы и дерзкое при этомъ обращеніе, что и не должно быть терпимо. Увы! Вредно же дѣйствуютъ на народное чувство и даже возбуждаютъ отвращеніе его отъ Церкви—пастыри отъ природы убогіе, безталанные, неудачные; нужно и такихъ обиженныхъ природою, или опустившихся по собственному нерадѣнію, скрывать за

другими пастырями способными, любезными народному сердцу и очамъ“.

Вотъ приблизительно почти всѣ соображенія, высказанныя покойнымъ архіепископомъ Никаноромъ по вопросу о борьбѣ со штундо-баптистами. Много въ нихъ стараго; много уже извѣстнаго, что и не удивительно, такъ какъ они были высказаны преосвященнымъ въ 1884 году. Но зато какъ много въ нихъ еще новаго, оригинальнаго, жизненнаго, правдиваго, весьма пригоднаго и для настоящаго времени! Думаемъ, что пастыри Церкви и теперь найдутъ въ нихъ для себя весьма богатый и интересный матеріалъ для лучшей постановки своей противосектантской полемики.

Священникъ *Александръ Введенскій*.

На благословенномъ югѣ.

(Окончаніе ¹⁾).

Слѣдующая моя экскурсія изъ Ялты была въ Гурзуфъ, который многими считается „жемчужиной Крыма“. Это живописный и богато обставленный курортъ, отличающійся прекраснымъ морскимъ пляжемъ. Главнымъ предметомъ вниманія туристовъ въ Гурзуфѣ является паркъ съ многочисленными и красивыми фонтанами, съ большой красивой китайской бесѣдкой, съ домомъ, гдѣ, во время пребыванія въ Крыму, жилъ А. С. Пушкинъ и около котораго собственно-ручно посадилъ кипарисъ и платанъ. На обоихъ этихъ, широко теперь разросшихся, деревьяхъ сдѣланы надписи:

- Платанъ А. С. Пушкина.
- Кипарисъ А. С. Пушкина.

Почитатели поэта съ давнихъ поръ стали срывать съ кипариса вѣтки на память, и теперь, къ сожалѣнію, этотъ

---

¹⁾ См. № 21 за 1912 г.

кипарисъ—гигантъ стоитъ наполовину оципаннѣй. Вообще же въ Гурзуфскомъ паркѣ растительность почти та же, что и въ Воронцовскомъ. Привлекли лишь наше вниманіе растущіе здѣсь необыкновенно пышные олеандры, величиной съ добрую липу въ средней Россіи и сплошь покрытые розовыми шапками цвѣтовъ. Изъ царства зелени и цвѣтовъ выдѣляется стоящая прямо въ паркѣ красивая Гурзуфская церковь во имя Успенія Божіей Матери, построенная въ византійскомъ стилѣ.

Изъ Гурзуфа мы проѣхали въ расположенный верстахъ въ 2—3 отъ него богатый же, хотя совсѣмъ еще небольшой, курортъ Суукъ—Су (холодная вода), гдѣ любовались пробитой въ берегу со стороны моря большой пещерой, куда можно въѣхать только на лодкѣ. Это такъ называемый гротъ А. С. Пушкина. Пещера эта была будто бы однимъ изъ излюбленныхъ мѣстъ уединенія для поэта. Гротъ природный, а не искусственный, и производитъ весьма эффектное впечатлѣніе. Надъ гротомъ, на большой высотѣ, грозя низвергнуться въ море, стоитъ бесѣдка, куда туристы почитаютъ непремѣннымъ долгомъ взобраться, чтобы испытать опасность близости къ морю и, такъ сказать, выразить гордое безстрашіе къ нему. Противъ бесѣдки изъ моря вырѣзываются двѣ почти одинаковыхъ скалы. Это, такъ называемые, „одолары“, или, какъ называлъ ихъ нашъ проводникъ, „Венеціанскіе братья“. На верхней площадкѣ одной изъ этихъ скалъ устроена миниатюрная кофейня, доступъ въ которую возможенъ только по морю въ лодкѣ и затѣмъ по сдѣланной на скалѣ лѣстницѣ. Изъ Суукъ-Су особенно хорошо видно лежащую дальше, на востокъ, гору Аю-Дагъ, что значитъ—гора Медвѣдь, такъ какъ по своей формѣ гора напоминаетъ медвѣдя, спускающагося къ морю.

По пути изъ Гурзуфа въ Ялту мы осмотрѣли прекрасный новый дворецъ, выстроенный Государемъ Александромъ III, въ Верхней Массандрѣ. Дворецъ выстроенъ въ стилѣ Людо-

вика XIII и окруженъ всевозможными кедрами и разными тропическими растеніями. Особенное вниманіе во дворцѣ обращаютъ роскошные каминны изъ Крымскаго мрамора. Стоимость дворца 500 т. р. Неподалеку отъ дворца, въ густой зелени орѣшниковъ и дубовъ, стоитъ небольшая церковь, во имя усѣкновенія главы Іоанна Предтечи, выстроенная на мѣстѣ древней греческой церкви, вокругъ которой была греческая же деревня. Памятникомъ греческаго происхожденія церкви въ настоящее время служитъ ея портикъ дорическаго стиля. Колокольной для этой церкви является стоящій рядомъ столѣтній дубъ, на могучихъ сучьяхъ котораго висятъ колокола. Изъ подъ алтаря течетъ источникъ, для котораго вблизи устроенъ водоемъ, весь уставленный иконами. Неподалеку же отъ дворца находятся двѣ живописныя скалы съ оригинальными названіями „Ура“ и „Браво“, каковыя названія, по объясненію нашего проводника, должны служить выражать тѣ чувства удовольствія, какія испытываетъ туристъ, поднявшись на эти крутыя и остроконечныя скалы. Видъ, открывающійся со скалы „Браво“, — одинъ изъ самыхъ плѣнительныхъ во всемъ Крыму.

Затѣмъ, по пути изъ Гурзуфа, мы осмотрѣли Императорскій Никитскій ботаническій садъ, существующій какъ разъ сто лѣтъ (съ 1812 г.). Этотъ садъ считается однимъ изъ лучшихъ ботаническихъ садовъ въ Россіи. При садѣ имѣется училище садоводства и винодѣлія и высшіе курсы по винодѣлію. Училище имѣетъ рядъ вспомогательныхъ учреждений: богатую оранжерею, образцовыя винныя подвалы, химическую лабораторію, метеорологическую станцію и бондарную мастерскую. Никитскій садъ, вмѣстѣ съ окружающими его виноградниками, занимаютъ 116 десятинъ. Подъ фруктовымъ садомъ лежитъ 10 дес., подъ питомниками и декоративными растеніями 5 десятинъ. Кромѣ тѣхъ растеній, какія встрѣчались въ другихъ мѣстностяхъ Крыма и о которыхъ мы говорили, въ Никитскомъ саду мы встрѣтили еще: *бананы, японскій бамбукъ, бѣлый виргинскій кленъ, туи и*

араукариі, Египетскій папирусъ, испанскій камышь, кипарисъ Калифорнскій, низку Кефалонскую, низку испанскую, альпійскую сосну, великтонію (мамонтово дерево), дерево, похожее формой на нашу ель, но хвоей на тую, и на своей родинѣ (С. Америка) достигающее высоты до 75 саж., *зимовить*, дерево, которое не имѣетъ листьевъ и цвѣтетъ зимою, цѣлую пробковую рощу. при чемъ пробковые дубы своей величиной превосходятъ наши самыя рослыя липы. Кора на пробковыхъ деревьяхъ мѣстами срѣзана, но, какъ извѣстно, будучи срѣзана, она, съ теченіемъ времени, опять нарастаетъ до прежнихъ размѣровъ. Кромѣ того, садъ изобилуетъ разнаго рода пальмовыми растеніями, которыя здѣсь образуютъ цѣлыя пальмовыя аллеи. Показали намъ также *плакучую иву*, вѣтви которой положительно шатромъ опускаются внизъ и создаютъ, такимъ образомъ, своеобразную естественную бесѣдку, 400-лѣтній дубъ и 950-лѣтнюю иву.

Насколько, вообще, велико богатство собранной въ Никитскомъ саду флоры, можно судить хотя бы по тому еще, что, напр., роза представлена здѣсь въ... 2500 разновидностейхъ. Для поливки сада въ немъ находится 18 бассейновъ, изъ которыхъ каждый вмѣщаетъ 15000 ведеръ. Уже въ первые годы существованія сада на содержаніе его отпускалось по 10000 р. ежегодно. Въ настоящее же время на него расходуется значительно больше. То тамъ, то здѣсь по саду разбросаны мостики, бесѣдки, изъ которыхъ многія очень оригинальны. Есть, напр., мостъ и бесѣдка, сдѣланные изъ чистой пробки.

Дорога въ Гурзуфъ, какъ и въ Алупку, во многихъ мѣстахъ идетъ виноградниками. среди которыхъ то и дѣло встрѣчаются грандіозные винные склады—погреба. Виноградная культура существуетъ въ Крыму отъ древности. При раскопкахъ въ Херсонесѣ найдены характерные памятники древней культуры винодѣлія — каменные ящики для давки винограда, высѣченные прямо въ скалахъ. Процвѣтало винодѣліе въ Крыму и при генуэзцахъ, но пало при владычествѣ

татаръ. Русское правительство всячески поощряло и поощрять виноградную культуру и винодѣліе въ Крыму, въ результатѣ чего послѣдняя дѣлаетъ здѣсь огромные успѣхи. Въ 30-хъ годахъ 19-го столѣтія во всѣхъ Крымскихъ виноградникахъ насчитывалось около 5,8 милліоновъ кустовъ, но уже въ концѣ 40-хъ годовъ ихъ было 35,6 милл. Въ настоящее время общая площадь виноградниковъ въ Таврической губ. опредѣляется въ 10,1 тыс. десятинъ. Особенно развито виноградарство въ южной горной области Крыма. Наиболѣе славятся здѣсь виноградники, находящіеся въ имѣніи Государя Императора въ Ливадіи и Оріандѣ, затѣмъ въ удѣльныхъ имѣніяхъ Массандрѣ и Ай-Данилѣ, въ Императорскомъ Никитскомъ саду и т. дал. Въ имѣющихся здѣсь винныхъ подвалахъ выдерживается по нѣскольку сотъ тысячъ ведеръ вина, преимущественно высшихъ сортовъ. Сбытъ эти вина имѣютъ не только въ Россіи, но и за границей. Вина многихъ изъ Крымскихъ погребовъ, напр., Никитскаго, на заграничныхъ выставкахъ, въ Вѣнѣ, Парижѣ и Филадельфіи, не разъ заслуживали первый призъ. Винограду всюду на нашемъ пути встрѣчалось такъ много, что мѣстами имъ увиты были мосты и исключительно для украшенія сдѣланныя по дорогѣ арки и галлерей. И такъ непривычно было видѣть красиво свѣшившіяся на головы лошадей зрѣющія гроздья винограда.

Нѣсколько особымъ характеромъ отличается дорога изъ Ялты на водопадъ Учанъ - Су, находящійся отъ нея въ 9 верстахъ. За двѣ версты до водопада пышная южная зелень каштановъ, кипарисовъ и тополей оканчивается и начинается мощный, довольно мрачный, чисто сѣверный сосновый боръ. Учанъ-Су (летучая вода) представляетъ собою тонкую водяную струю, которая низвергается съ большой высоты, рассыпаясь по пути о скалы и камни въ мелкія брызги. Съ одной изъ площадокъ скалы, черезъ которую низвергается водопадъ, открывается чарующій видъ и на самый водопадъ, и на окружающій, идущій все ниже и ниже, сначала мрачный,

а потомъ такой нѣжный лѣсъ, на громоздящіяся вокругъ въ живописномъ безпорядкѣ скалы и, наконецъ, на Ялту.

Очень грустно было мнѣ разставаться съ красавицей Ялтой и съ ея дивными окрестностями, но время не позволяло мнѣ оставаться здѣсь больше, и, на пароходѣ Россійскаго страхового и транспортнаго общества „Витязь Одесса“, я отправился моремъ дальше, до Новороссійска. Уѣзжали ночью, и золотая, дугообразная полоса Ялты съ моря казалась особенно восхитительной. Красива была и Ливадія со своими большими и яркими фонарями, расположившимися въ видѣ созвѣздія Большой Медвѣдицы. Чѣмъ дальше плыли мы на мѣрно и глубоко вздыхавшемъ пароходѣ, тѣмъ блѣднѣе становились огоньки на оставленномъ нами берегу, и только стоящій на Ялтинскомъ молу огромный красный маякъ то ослабѣвалъ въ своей силѣ, то снова ярко вспыхивалъ, опять ослабѣвалъ и опять вспыхивалъ, какъ бы посылая въ слѣдъ намъ свои прощальныя привѣтствія.

Отъ Ялты до Новороссійска передъ нами прошли *Алушта*, съ прекрасными своими купаньями, *Судакъ*, съ пологими песчаными берегами, тоже очень удобными для купанья, *Феодосія*—этотъ первоклассный коммерческій портъ съ великолѣпною гаванью, съ моломъ и волнорѣзомъ, и съ бухтой, въ которой могутъ грузиться даже океанскія суда, *Керчь*, красиво расположившаяся по склонамъ горы Митридатъ, съ богатѣйшими каменоломнями, съ консервными заводами и съ огромнымъ литейнымъ заводомъ, *Анапа*, съ прекраснымъ морскимъ пляжемъ, съ безчисленными садами, изъ за которыхъ красиво смотрять купола церквей и часовень. Трюмъ нашего парохода съ низу до верху былъ нагруженъ разными товарами. Цѣлыми часами (по 3, по 6 и по 8 час.) стоялъ онъ на пристаняхъ, пока на громяющихъ машинахъ, цѣпами и канатами, выгружали изъ трюма бочки, мѣшки съ мукой, керченскій крупный желтый кирпичъ и т. под. Больше всего нашъ „Витязь Одесса“ стоялъ въ Феодосіи и этимъ мы воспользовались, чтобы осмотрѣть городъ. Какъ уже видно изъ

самаго названія, Θεодосія существовала еще тогда, когда Крымомъ владѣла Византія. Θεодосія основана была еще въ VI вѣкѣ до Р. Хр. У скифовъ она называлась Ардавдой (городъ семи боговъ) и была извѣстна, какъ главная поставщица хлѣба, вывозившагося въ Грецію. У генуэзцевъ Θεодосія называлась Кафой, и, въ честь ея, весь Крымскій полуостровъ назывался Кафскимъ. Въ 1475 г. Θεодосіей завладѣли турки и, за ея красоту, назвали ее „Кучукъ-Стамбуль“. Подъ турецкой рукой Θεодосія была благоустроеннымъ городомъ и большимъ торговымъ портомъ. Въ настоящее время Θεодосія—уѣздный городъ Таврической губ. Усиленію ея торговаго значенія много содѣйствоваль Императоръ Александръ III, въ царствованіе котораго въ Θεодосію былъ перенесенъ изъ Севастополя коммерческій портъ, были произведены крупныя работы по переустройству мола. Въ это же царствованіе Θεодосія вѣткой „Джанкой—Θеодосія“ была соединена съ Курско-Хар.-Севаст. ж. д. Благодарная Θεодосія, въ ознаменованіе благотворной для нея дѣятельности Императора Александра III, воздвигла ему богатѣйшій и величественный памятникъ, гдѣ на красивомъ пьедесталѣ во весь свой ростъ изображенъ Государь-богатырь, спокойно стоящій въ длинномъ своемъ сюртукѣ, заложивши руку за бортъ. Напротивъ памятника Александру III устроенъ памятникъ—фонтанъ (въ турецкомъ стилѣ) имени мѣстнаго уроженца, знаменитаго мариниста, И. К. Айвазовскаго. Есть здѣсь и картинная галерея Айвазовскаго, гдѣ собрано до 40 его картинъ. Картины—иконы Айвазовскаго встрѣчаются здѣсь и въ храмахъ. Такъ, Александро-Невскій соборъ, выстроенный на мѣстѣ прежней татарской мечети „Султанъ-Селимъ“, украшенъ дивнымъ образомъ Спасителя, Идущаго по водамъ кисти Айвазовскаго. Неподалеку отъ собора, въ оградѣ армянской Сергіевской церкви, гдѣ Айвазовскій былъ крещенъ, находится его могила. На надмогильномъ саркофагѣ высѣчена надпись армянская и русская. Оригинальна надпись армянская, въ переводѣ на русскій языкъ гласящая: „Родился

смертнымъ, умеръ безсмертнымъ“. Русская надпись болѣ скромна и указываетъ лишь даты рожденія и смерти великаго художника (1817—1900).

Отъ Ялты до Новороссійска пароходъ шель $1\frac{1}{2}$ сутокъ. Во все время моего пути и отъ Севастополя до Ялты, и отъ Ялты до Новороссійска море было совершенно спокойно, не было ни малѣйшей качки, и, такимъ образомъ, насладиться созерцаніемъ тихой красы моря мнѣ удалось, но „извѣдать его угрозъ при плаваніи“ пока еще нѣтъ. Въ Новороссійскѣ мы увидѣли прекрасную гавань со множествомъ пристаней, съ высокими эстокадами—помостами на сваяхъ для передвиженія грузовъ, съ грандіознѣйшимъ (30 саж. вышины, 9 этажей) элеваторомъ близъ гавани, куда складываются милліоны пудовъ скупаемаго иностранцами хлѣба и который занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ мірѣ, съ резервуарами для нефти (23 резерв.), вмѣщающими по 15000 пудовъ каждый, съ десятками стоящихъ въ гавани русскихъ и иностранныхъ, главнымъ образомъ—англійскихъ судовъ.

Но насколько богата и интересна Новороссійская гавань, настолько безцвѣтенъ и грязенъ самый городъ. Нестерпимая жара, несносная пыль и изумительное обиліе назойливыхъ мухъ — вотъ что болѣ всего замѣтно въ Новороссійскѣ—городѣ, куда мы имѣли неосторожность проѣхать съ вокзала существующимъ здѣсь автомобильнымъ сообщеніемъ. Въ городѣ намъ говорили, что иногда зимой въ Новороссійскѣ Нордъ-Остъ дуетъ съ такой силой, что нѣкоторые дома совершенно оледенѣваютъ, обращаясь въ безформенныя ледяныя глыбы. Дѣйствительно, по фотографическимъ изображеніямъ такихъ домовъ трудно даже подумать, что это человѣческія жилища въ тепломъ краю Россіи. Однако, нельзя вспомнить безъ удовольствія о нѣкоторыхъ исключительно хорошихъ зданіяхъ, какія мы видѣли въ Новороссійскѣ. Особенно выдѣляется богатѣйшее зданіе городской думы. Обратили также вниманіе своимъ видимымъ благоустройствомъ

двѣ большія Новороссійскія церковно-приходскія школы— мужская и женская.

Изъ Новороссійска желѣзной дорогой, наблюдая изъ окна вагона безконечныя копны довольно хорошо уродившейся пшеницы на поляхъ въ южныхъ губерніяхъ, я пріѣхалъ въ свой родной Симбирскъ, на берега Волги, къ тихому однообразію родныхъ полей, къ своеобразной оживленности Волжскихъ береговъ, подъ сѣнь широко разросшихся по склонамъ „рѣки — кормилицы“ лѣсовъ и садовъ, отягченныхъ теперь румяными яблоками и сочными сливами. И на ряду съ этой, прекрасной же въ своемъ родѣ, но такой тихой и скромной природой, Крымъ представлялся мнѣ уже какъ будто совершенно особымъ маленькимъ міромъ. Между тѣмъ и то, и другое—единая, недѣлимая, великая Русь, включающая въ себя много и другихъ до чрезвычайности разнообразныхъ міровъ, въ пестромъ порядкѣ расположившихся

. . . . . и отъ Перми до Тавриды,

Отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды“... И при всемъ своемъ разнообразіи, это — лишь отдѣльные уголки „великаго Царства“. Такъ понятными становятся при этомъ слова поэта:

Посмотрю на югъ,—
 Нивы зрѣлыя,
 Что камышъ густой,
 Тихо движутся;
 Мурава луговъ
 Ковромъ стелется,
 Виноградъ въ садахъ
 Наливается.
 Гляну къ сѣверу,—
 Тамъ, въ глуши пустынь,
 Снѣгъ, что бѣлый пухъ,
 Быстро кружится;
 Подымаетъ грудь

Море синее,
И горами ледъ
Ходить по морю...

(Никитинъ).

Однако, отдѣльныя части „Руси державной“ имѣютъ между собою то драгоцѣнное общее, что всюду въ нихъ вы во множествѣ встрѣтите горящіе золотомъ русскіе православныя храмы, всюду услышите господствующій надъ десятками, надъ сотнями нарѣчій все одинъ и тотъ же „великій, могучій и свободный“ (Тургеневъ) рускій языкъ, всюду почувствуете, что вся эта разнообразная природа, все богатство ея даровъ, вся эта красота, все это—ваше, русское, подчиненное русскимъ гениемъ, русскимъ трудомъ, русскою кровью...

„ . . . . Удѣль твой, Русь святая,—
Величье кровью покупать;
На горахъ пепла выростая,
Не первый разъ тебѣ стоять.
Въ борьбѣ съ чужими племенами
Ты возмужала, развилась
И надъ мятежными волнами
Скалой громадной поднялась.

(Никитинъ).

Представишь себѣ мысленно все это, и такъ глубоко и такъ радостно почувствуешь, что ты, какъ бы малъ самъ по себѣ ни былъ, все же гражданинъ великой и славной земли русской. Таковой, великой и славной, да останется она и навѣкъ.

Николай Колосовъ.

ЗАМѢТКИ.

а) Кооперація и духовенство.

Г. Ворниковъ въ „Экономическомъ листкѣ Подольскаго губернскаго земства“ пишетъ слѣдующее:

„Распространяющееся въ Подоліи широкой волной кооперативное движеніе заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія со стороны друзей народа—сельскихъ пастырей.

Наши наблюденія, въ качествѣ инструктора по коопераціи, даютъ обильный матеріаль по этому вопросу. Многія общества потребителей или кредитныя товарищества обязаны возникновеніемъ своимъ именно духовенству. И надо отдать должное пастырямъ народа: работаютъ они много, агитируютъ среди крестьянъ, выполняютъ подчасъ самую черновую работу и, нечего таить, порою теряютъ надежду... И дѣйствительно, какъ не опустить рукъ, если то дѣтище, ради котораго потрачено столько энергіи, ради котораго вынесено столько оскорбленій со стороны кулаковъ, лавочниковъ и ихъ друзей, выслушано не мало ругательствъ и даже проклятій,—когда это самое дѣтище, какъ самое наикапризньѣйшее дитя, вдругъ выкинетъ такую штуку, отъ которой не знаешь, что дѣлать, что предпринять? Плакать, бросать, или смѣяться и вновь поднять смѣло голову и идти на борьбу съ невѣжествомъ и темнотой?...

Припоминаются намъ случаи изъ жизни такихъ кооперативовъ. Вотъ на батюшку воздвигнуто цѣлое гоненіе. Поднято на ноги все дикое, невѣжественное и пьяное. Благодаря агитаціи лавочниковъ и кое-кого изъ сельскихъ воротиль, чтобы обидѣть „попа“, постановляетъ сельскій сходъ: выселить потребительное общество изъ общественнаго дома... Это въ селѣ. А вотъ характерный случай изъ т. н. „культурнаго“ центра. Мѣстная лавочница, православная, разбогатѣвшая на православныхъ же обывателяхъ, объявляетъ батюшкѣ бойкотъ и заявляетъ, что прогнать его, если онъ вздумаетъ

явиться къ ней со святой водой... Вотъ невѣжественный интеллигентъ, къ сожалѣнію—учитель, обвиняющій батюшку въ „недобросовѣстности“, когда дѣло заключается въ отказѣ священника—члена правленія—ѣздить за товарами и совѣтующаго приобрѣтать товары черезъ сосѣднее потребительное общество, что гарантируетъ отъ недобросовѣстности мѣстечковыхъ оптовиковъ—евреевъ.

Вотъ еще случай. Мѣстный трактирщикъ, водившій компанію съ приказчикомъ потреб. лавки, обиженный за своего друга, котораго вдругъ стали строже учитывать и поставили кассиршу, дѣлаетъ уважаемому почтенному батюшкѣ цѣлый скандалъ въ лавкѣ при людяхъ и оскорбляетъ инструктора и кассиршу, чтобы отомстить батюшкѣ.

Вотъ интеллигентный (казалось бы!) земскій врачъ, на собраніи уполномоченныхъ оскорбляющій почтеннаго и энергичнаго батюшку за то, что тотъ, не желая подвергнуть общество риску, принялъ мѣры къ несдачѣ дѣла общества ставленнику врача...

И если бы мы стали приводить всѣ случаи, извѣстные намъ, то матеріала хватило бы на нѣсколько такихъ статей. Но мы ограничимся сказаннымъ. Каждому внимательному наблюдателю извѣстны, вѣроятно, такіе и имъ подобные случаи. Но велика сила человѣческаго духа! Даже такія оскорбленія, о которыхъ мы говорили выше, не способны убить вѣру въ то дѣло, за которое однажды взялся другъ народа.

— Я не зналъ первое время, что предпринять,—разсказывалъ намъ одинъ священникъ, обвиненный въ „недобросовѣстности“,—но пораздумалъ и, принявъ во вниманіе, кто оскорбилъ, рѣшилъ не оставлять начатаго дѣла!“ (Современ. лѣт.).

б) Опытъ распространенія молитвенниковъ въ приходахъ.

На одномъ изъ пастырскихъ собраній 2 окр. Полтавскаго уѣзда былъ заслушанъ докладъ свящ. В. Романова о необходимости снабженія прихожанъ молитвенниками и другими религіозно-нравственными книгами.

Докладчикъ рекомендовалъ выписать за счетъ церкви молитвенники, а потомъ и другія книги, чтобы онѣ были въ каждой семьѣ. Если мы рассылаемъ взносы отъ церквей и народа по заграницамъ, то почему не употребить лепты на духовное просвѣщеніе и утѣшеніе своихъ чадъ, пребывающихъ часто въ духовной тѣмѣ и обуреваемыхъ волнами безвѣрія и зла?

Пастырское собраніе единодушно приняло эту мѣру и поручило докладчику выписать для каждаго прихода округа образцовъ молитвенниковъ на 3 р. По полученіи ихъ въ приходѣ моемъ молитвенники розданы, при подобающемъ наставленіи, чрезъ учениковъ и непосредственно прихожанамъ.

Всѣ приняли молитвенники съ радостью, деньги за нихъ внесли частью тотчасъ, а иные черезъ нѣсколько дней. Цѣна выписанныхъ молитвенниковъ—отъ 3 до 15 к.; изъ нихъ наиболѣе понравились въ 12 к., полные, гражд. печ. Но оказалось, что и въ маломъ приходѣ выписанное количество удовлетворило только третью часть нуждающихся въ молитвенникѣ, такъ что распространеніе священныхъ книгъ оказалось вполне возможнымъ и для народа желательнымъ. Было бы полезно, чтобы этому примѣру послѣдовали вездѣ (Совр. лѣт.).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 25-го мая 1912 года

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ, Тип. Авт. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго Мериягов. ул. д. № 6.

ГОДЪ

ЛШ.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 23.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1912-го года 3-го июня.

Содержаніе: I. Изъ сектантской печати. Н. Гумилевскій.—II. Съ чего на-
чинать? Свящ. А. Введенскій.—III. Спиритизмъ и Евангеліе Іисуса
Христа. А. Д.—въ.—IV. Замѣтки: а) О вѣнчаніи лицъ, не записан-
ныхъ въ метрическія книги или записанныхъ неправильно.—б) О
похоронномъ грезвонѣ.—

Изъ сектантской печати.

Отсутствіе преемственной апостольской іерархіи является
большимъ мѣстомъ всѣхъ протестантскихъ сектъ, такъ какъ
безъ такой іерархіи не можетъ быть Церкви Христовой. Но
протестанты, въ частности баптисты, стараются доказать,
что такой іерархіи и не нужно. Такъ, въ бесѣдахъ „Бап-
тиста“ (1911 г., № 45) авторъ, признавая, что „баптисты
не имѣютъ притязанія на преемственное непрерывное руко-
положеніе служителей церкви отъ апостоловъ“, думаетъ оп-
равдать такое положеніе тѣмъ, что „Духъ Святой нисхо-
дитъ на вѣрующихъ и безъ апостольскаго рукоположенія“

(Дѣян. 10, 44)“, что „на служеніе церкви поставлялись люди, уже имѣвшіе Святаго Духа (Дѣян. 6, 3—5) и что Духъ Святой даетъ Свои дары по Своей волѣ, а не чрезъ человѣческое только рукоположеніе (1 Кор. 12, 7—11)“. Далѣе авторъ безъ всякаго основанія говоритъ, что „чрезъ 2000 лѣтъ отъ Рождества Христова документально никто не можетъ доказать происхожденіе своего рукоположенія отъ апостоловъ.. Мы смотримъ на рукоположеніе, какъ только на апостольскій обычай, который нуженъ только для благоустройства церкви, но рукоположеніе не даетъ Святаго Духа, ибо нигдѣ не видно въ Писаніи, чтобы преемники апостоловъ могли сообщить чрезъ рукоположеніе Святаго Духа“.

Для человѣка, знакомаго съ Св. Писаніемъ, ясна неосновательность всѣхъ этихъ разсужденій. Для руководителя баптистовъ, не безъ основанія считающихся знатоками Писанія (конечно, буквы его, а не духа, истинное пониманіе котораго возможно только въ Церкви Христовой), совершенно непростительно не знать, что дары Духа Святаго различны (1 Кор. 12, 4): иной даръ получаютъ всѣ члены Церкви чрезъ муропомазаніе (2 Кор. 1, 21—22) и иной — пастыри Церкви чрезъ святительское рукоположеніе (1 Тим. 4, 14). Ап. Павелъ свидѣтельствуетъ, что епископовъ Духъ Святой поставляетъ „пасти Церковь“ (Дѣян. 20, 28); но если всѣ члены Церкви, какъ получившіе благодать Духа Святаго, поставлены быть пастырями, то кого же они будутъ пасти? — Вотъ до какихъ абсурдовъ можетъ доводить произвольное толкованіе Слова Божія. Далѣе авторъ разсматриваемой бесѣды утверждаетъ, будто бы „нигдѣ не видно въ Писаніи, чтобы преемники апостоловъ могли сообщить чрезъ рукоположеніе Святаго Духа“. Но ап. Павелъ далъ право Титу поставлять пресвитеровъ въ Критѣ (Тит. 1, 5), а пресвитерамъ ефесскимъ тотъ же апостоль говоритъ, что они поставлены Духомъ Святымъ. Совершенно невозможно предполагать, чтобы благодать Духа Святаго, необходимая ефесскимъ пресвитерамъ, была не нужна пресвитерамъ критскимъ; та-

кимъ образомъ, данное Титу право поставлять пресвитеровъ необходимо содержать въ себѣ и право сообщать имъ благодать Святаго Духа, необходимую для священства, ибо „никто самъ собою не пріемлетъ этой чести, но призываемый Богомъ, какъ и Ааронъ“ (Евр. 5, 4), такъ что поставленіе Титомъ есть вмѣстѣ и призваніе Богомъ.

Однако и баптисты признаютъ рукоположеніе необходимымъ для своихъ пресвитеровъ. О томъ, какъ совершается поставленіе баптистскихъ пресвитеровъ, говоритъ В. В. Ивановъ въ статьѣ „Забота о всѣхъ Церквахъ“ („Баптистъ“ 1912 г., № 1.—Притязательное заглавіе статьи, заимствованное изъ ап. Павла—2 Кор., 11, 28—показываетъ, что баптистскіе руководители не стѣсняются приравнивать себя къ апостоламъ). „Пресвитеры въ церквахъ Христовыхъ“, говоритъ авторъ, „должны быть поставляемы при строгомъ соблюденіи порядка, указаннаго въ Словѣ Божіемъ“. Указавши Дѣян. 6, 1—6, авторъ продолжаетъ: „пресвитеры должны всегда избираться не иначе какъ только *собраніемъ* общины и непременно въ присутствіи апостоловъ, *нынѣ же* въ присутствіи „достойно начальствующихъ пресвитеровъ“, т. е. старшихъ пресвитеровъ, которые суть то же, что епископы,— и подъ ихъ руководствомъ (1 Тимое. 5, 17; Дѣян. 15, 22). Начальствующіе пресвитеры — епископы должны поставить пресвитеровъ, т. е. *утвердитъ избраніе* ихъ молитвою и рукоположеніемъ, если только избраніе совершенно правильно“. Такимъ образомъ, самъ авторъ признаетъ, что община только избираетъ пресвитеровъ, а поставлять ихъ имѣютъ право только „начальствующіе пресвитеры“, которые, очевидно, должны были въ свою очередь получить поставленіе отъ таковыхъ же, чтобы имѣть законныя права. Но если исторически прослѣдить преемственность этой баптистской и вообще протестантской „іерархіи“, то неизбѣжно дойдешь до лицъ, которыя даже такого, законнаго съ протестантской точки зрѣнія, поставленія отъ пресвитеровъ не получили (что вполне признаетъ и авторъ разсмотрѣнной выше бесѣды) и, слѣдова-

тельно, были самозванцами. Поэтому и В. В. Ивановъ долженъ согласиться, что у баптистовъ не всегда соблюдался указанный имъ на основаніи Слова Божія и признанный имъ самимъ, какъ обязательный, порядокъ поставленія пресвитеровъ, и что, слѣдовательно, ихъ общество не есть истинная Церковь Христова, такъ какъ истинная Церковь не можетъ основываться на нарушеніи Слова Божія.

Н. Гумилевскій.

Съ чего начинать?

(Къ нашей полемикѣ съ сектантами).

При собесѣдованіяхъ съ штундо-баптистами и другими сектантами у насъ не слѣдуютъ никакимъ заранѣе выработаннымъ правиламъ и приемамъ. Другими словами, въ области противосектантской полемики нѣтъ никакой системы. Обыкновенно подходятъ къ сектантскому вѣроученію съ разныхъ сторонъ,—кто съ какой пожелаетъ. Говорятъ, о чемъ угодно, по своему желанію и усмотрѣнію, преимущественно же о томъ, о чемъ легче говорить, удобнѣе и, притомъ, не такъ рисковано.

Конечно, и современная тактика имѣетъ свои положительныя стороны. И при ея помощи можно добиться желанныхъ результатовъ. Въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Въ этомъ убѣждаютъ насъ и миссіонерскій опытъ и такіе видные и авторитетные представители сектовѣдѣнія, какъ еп. Алексій, ректоръ Казанской Духовной Академіи, много лѣтъ и съ большимъ успѣхомъ подвизавшійся на миссіонерскомъ поприщѣ въ Екатеринославской, Херсонской и Черниговской епархіяхъ. Онъ, напримѣръ, вотъ что пишетъ въ своей докторской диссертации „Религіозно-раціоналистическое движеніе на югѣ Россіи во второй половинѣ XIX столѣтія“: „не должно забывать, когда рѣчь идетъ о престомъ народѣ, что свойство религіозныхъ возрѣній таково, что если

разрушить вѣру въ одинъ какой либо догматъ, то чрезъ это падаетъ вся религіозная система“ ¹⁾. Значить, достаточно разрушить хоть одинъ пунктъ, одинъ членъ сектантскаго символа вѣры, и этимъ можно нанести существенный вредъ „религіознымъ отщепенцамъ“. Какой пунктъ—не важно. Важно только разрушить. А это-то сплошь и рядомъ достигается современной тактикой православныхъ миссіонеровъ.

Такимъ образомъ, и настоящіе полемическіе приемы тоже не лишены нѣкоторыхъ достоинствъ. Но, думается намъ, мы гораздо больше сдѣлали бы и дальше ушли бы впередъ, если бы заранѣе выработали строго опредѣленную систему и слѣдовали бы ей въ продолженіи всей своей миссіонерской дѣятельности. Это простая, азбучная, всѣмъ извѣстная истина. И потому нѣтъ никакой нужды развивать и обстоятельно аргументировать ее. Нужно только чаще напоминать ее, чаще писать и говорить о ней, чтобы не забыли ее, чтобы вѣчно помнили о ней и мало-по-малу осуществляли въ своей жизни.

Въ данномъ случаѣ мы не беремся предлагать своей собственной системы, не намѣреваемся даже намѣчать основныхъ, такъ сказать, кардинальныхъ пунктовъ ея. Мы хотимъ только одного. Именно: указать этотъ въ стратегическомъ отношеніи весьма важный и существенный пунктъ, отъ котораго мы должны всегда отправляться на войну съ врагами христіанской вѣры.

Намъ кажется, что крестьянамъ перво-на-перво нужно показать, что сектанты—ихъ враги, страшные и опасные враги, которыхъ они должны сторониться, опасаться, всячески избѣгать. И только тогда, когда удастся намъ сдѣлать это, когда мы убѣдимъ крестьянъ въ опасности сектантства вообще, когда покажемъ имъ то зло, и тотъ вредъ, какой причиняютъ сектанты и обществу, и Церкви, и государству, и семьѣ, и народному образованію, только тогда мы можемъ быть отчасти спокойными за участь ввѣренныхъ намъ душъ.

¹⁾ Изд. 1919 г. Казань. стр. 337.

Не сдѣлавъ этого, очень рискованно начинать борьбу. Правда, можно и безъ этого рассчитывать на успѣхи, но какихъ усилий будетъ это стоить, сколько времени напрасно пропадетъ, сколько силъ и труда потрачено будетъ, сколько неудачъ придется испытать и т. д. и т. д.

Когда же мы сдѣлаемъ это, т. е. когда снимемъ маску съ нашихъ религіозныхъ противниковъ и покажемъ народу, кто они такіе, тогда крестьяне не такъ скоро попадутся къ нимъ на удочку. Они сами будутъ видѣть, что это—волки въ овечьей одеждѣ, и потому не будутъ такъ внимательны и радушны къ нимъ. Напротивъ, они станутъ сторониться ихъ, опасаться, всячески избѣгать. При такомъ положеніи дѣла сектантамъ весьма трудно будетъ подступить къ крестьянамъ и завязать съ ними бесѣду. И дѣло ихъ пропаганды пойдетъ на убыль. А то весь успѣхъ сектантской миссіи въ настоящее время въ томъ то и заключается, что сектанты очаровываютъ крестьянъ своею любезностью, вниманіемъ и обходительностью, стараются высказать по отношенію къ нимъ якобы искреннія, добрыя, безкорыстныя чувства и прочее въ этомъ родѣ. И нашъ простой народъ мало-по-малу проникается мыслью, что сектанты въ общемъ добрые, безвредные люди, постепенно сближаются съ ними, прислушиваются къ нимъ и въ концѣ концовъ заражаются отъ нихъ ложными мыслями, мнѣніями и убѣжденіями.

Такимъ образомъ, нужно открыть глаза нашего простого народа на заблуждающихся въ вѣрѣ, т. е. на сектантовъ, и показать, что они самые вредные и опасные его враги.

Но для кого вредны и опасны наши сектанты? Вотъ вопросъ.

Прежде всего для Православной Церкви. Всѣмъ, напри- мѣръ, извѣстно, что сектанты проникнуты непримиримою враждою ко всему тому, что близко, дорого, свято для насъ, православныхъ христіанъ, что имѣетъ хотя отдаленнѣйшее отношеніе къ христіанской Церкви. Этого мало. Сектанты еще не ограничиваются этимъ. Они идутъ гораздо дальше.

Именно: при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ стараются унижить и оскорбить нашу святыню, грубо насмѣяться надъ нею и чрезъ это подорвать къ ней благоговѣніе со стороны ея почитателей. Кромѣ того, они еще насмѣхаются и издѣваются надъ тѣми, кто остался вѣренъ святынь Православной Церкви и твердъ въ своей истинной вѣрѣ. Въ результатѣ всего этого получается весьма грустная и печальная картина. Крестьяне, во-первыхъ, охладѣваютъ въ своей ревности къ христіанской святынь. Будучи очень чувствительными къ обидѣ, они боятся, какъ бы не встрѣтить со стороны своихъ односельчанъ, въ данномъ случаѣ штундистовъ, да и вообще всѣхъ сектантовъ, насмѣшекъ по своему адресу, колкихъ, ѣдкихъ, саркастическихъ замѣчаній, и не заслужить презрительныхъ и унижительныхъ кличекъ. А такъ какъ сектанты издѣваются надъ православными главнымъ образомъ за ихъ похвальную приверженность къ христіанской святынь, то наши крестьяне, во избѣжаніе этого, подавляютъ въ себѣ религіозное чувство, не высказываютъ должнымъ образомъ своихъ отношеній къ христіанской святынь. Такъ, крестьянинъ, проходя мимо св. храма, уже не сброситъ своей шапки, не положитъ на себѣ истоваго крестнаго знаменія; въ день славленія Христа не позоветъ къ себѣ въ домъ священника съ молитвой; въ дни засухъ не пойдетъ на общественное молебствіе съ водоосвященіемъ, въ праздникъ Преображенія не понесетъ своихъ плодовъ для освященія, въ день Входа Господня въ Іерусалимъ не возьметъ освященныхъ вайъ, послѣ водоосвященій не станетъ запасаться святою водою, въ Великій Четвергъ не захочетъ нести зажженную свѣчу до своего дома и т. д. Словомъ, ничего этого не будутъ исполнять наши крестьяне изъ боязни, какъ бы надъ ними не стали смѣяться и издѣваться противники христіанской вѣры.

Избѣгая же по ложному стыду всѣхъ этихъ христіанскихъ обрядовъ, крестьяне мало-по-малу отвыкаютъ отъ нихъ и, такимъ образомъ, постепенно лишаются самаго главнаго воспитательнаго средства въ дѣлѣ христіанской религіи. От-

выкнуть же отъ однихъ обрядовъ, легко отвыкнуть также и отъ другихъ. Тутъ важенъ первый шагъ, первое отрицаніе. И это не простое предположеніе, не голословное утвержденіе, а законъ науки, опытъ жизни. Психологія гласитъ намъ, что всякое насиліе надъ чувствомъ парализуетъ его и въ концѣ концовъ убиваетъ его. Другими словами: постепенное подавленіе чувства приводитъ къ атрофіи его, что жизнь и подтверждаетъ многочисленными и, притомъ, весьма яркими иллюстраціями.

Далѣе, кощунственное отношеніе штундо-баптистовъ къ христіанской святынѣ подрываетъ въ глазахъ народа цѣнность этой святыни. „Какая это святыня, говорятъ сектанты, когда она не можетъ отомстить за свое поруганіе“? ¹⁾ и для большаго впечатлѣнія тутъ же начинаютъ смѣяться и глумиться надъ святыней. Примѣровъ такого рода свыше сотни собрано въ „Матеріалахъ для исторіи религіозно-раціоналистическаго движенія на югѣ Россіи“ еп. Алексія. И вотъ, наталкиваясь на такого рода факты и явленія, нашъ простой народъ, глубоко убѣжденный въ святости церковныхъ обрядовъ и установленій, мало-по-малу проникается сомнѣніемъ: „ихъ храмы, кресты, иконы, церковные сосуды и пр. дѣйствительно ли есть святыня или же нѣтъ? А если святыня, то какъ она терпитъ столь грубое кощунство, почему не отомститъ тѣмъ, кто смѣется и издѣвается надъ нею? Но можетъ быть—это и не святыня?“ И на этотъ недоумѣнный вопросъ всегда готовые къ услугамъ сектанты диктуютъ отрицательный отвѣтъ: „конечно, не святыня. Вѣдь если бы все это было въ полномъ смыслѣ слова святыней, то Господь неминуемо покаралъ бы кощунниковъ, какъ покаралъ онъ за кощунство Корея, Дафана и Авирона. Но разъ глумящіеся остаются безъ наказанія, то, значитъ, то, что вы считаете

---

¹⁾ Оболенскій: „Критическій обзоръ вѣроисповѣданія русскихъ сектантовъ-раціоналистовъ“ стр. 322. 3-е изд. Ольшевскій: „Обличеніе штундизма“ стр. 100, изд. 1-е.

святыней, не есть святыня!“ Народъ вѣритъ сектантамъ и убиваетъ въ себѣ любовь къ христіанской святынѣ.

Далѣе, сектанты больше всего и чаще всего насмѣхаются надъ христіанскими священниками. Они прекрасно знаютъ, что поразить пастыря, значитъ—разсѣять овецъ. Поэтому они стараются всѣми силами унижить и оскорбить пастыря въ глазахъ его пасомыхъ. Съ этою цѣлью они называютъ пастырей всевозможными хульными именами, какъ то: „обирателями“, „міроѣдами“, „попами“, „грабителями“, „фарисеями“, „книжниками“, и въ ихъ присутствіи ведутъ себя дерзко, вызывающе, неприлично. Такою рѣзкою характеристикю нашего духовенства, такими оскорбительными именами и такимъ дерзкимъ къ нему отношеніемъ сектанты унижаютъ въ глазахъ народа авторитетъ духовныхъ руководителей, посягаютъ къ нимъ недовѣріе, парализуютъ уваженіе къ нимъ и т. д. Послѣ же всего этого начинается разложеніе прихода, оскуднѣніе вѣры, переходъ въ штунду.

Наконецъ, штундо-баптисты, равно какъ и другіе сектанты, подрываютъ вѣру народа въ самое главное, основное, существенное въ дѣлѣ религіи, т. е. въ таинства, св. преданіе и догматы христіанства.

Словомъ, сектанты объявили настоящій походъ противъ Православной Церкви и твердо увѣрены въ томъ, что ихъ пропаганда увѣнчается полнымъ успѣхомъ, что рано или поздно они побѣдятъ и разрушатъ христіанскую Церковь.

Помимо Церкви сектантство еще опасно и для государственнаго строя нашего отечества.

Что сектанты дѣйствительно причиняютъ огромный вредъ въ указанной нами области, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Всѣмъ извѣстно и даже сектанты не отрицаютъ того, что по своимъ политическимъ воззрѣніямъ они болѣе всего приближаются къ социалистамъ и коммунистамъ, и весьма далеки отъ тѣхъ воззрѣній и началъ, которыя лежатъ въ основѣ общественной и государственной жизни Россіи. Такъ, сектанты отрицаютъ прежде всего частную

собственность, а вмѣсто нея проповѣдуютъ общность имущества; затѣмъ, отказываются нести воинскую повинность и другихъ отговариваютъ отъ нея; наконецъ, они встаютъ противъ богатства, присяги, обличаютъ и порицаютъ власти, которыя будто-бы въ ущербъ народному благосостоянію сосредоточили въ своихъ рукахъ владѣніе огромными участками земли. Даже къ царской власти они относятся отрицательно, а подчасъ и пренебрежительно.

Если бы сектанты только сами придерживались своихъ специально политическихъ воззрѣній, то это зло еще не такъ большой руки; но въ томъ то и бѣда, что эти идеи они проповѣдуютъ всѣмъ, и проповѣдуютъ упорно, энергично и, притомъ, весьма успѣшно. Собственно-то, каждую свою проповѣдь о превосходствѣ штундо-баптизма надъ православіемъ сектанты предворяютъ, главнымъ образомъ, ученіемъ о всеобщемъ экономическомъ равенствѣ. И въ этомъ—одна изъ причинъ успѣха ихъ пропаганды. Православный крестьянинъ не такъ скоро пойметъ основы сектантскаго вѣроученія, а здѣсь выгода бьетъ прямо въ глаза... Имѣть двадцать десятинъ земли и пять паръ воловъ вмѣсто одной пары, носить добрый „жупанъ“ вмѣсто тулупа въ заплатахъ—кого не соблазнить? Сектанты въ пропагандѣ своего вѣроученія на эти низменные интересы, главнымъ образомъ, и бьютъ.

Другая причина успѣха сектантской пропаганды заключается въ томъ, что свои специально-политическія воззрѣнія они доказываютъ и оправдываютъ Св. Писаніемъ, которое, нужно замѣтить, они по своему толкуютъ. А ссылка въ доказательство правоты своихъ взглядовъ на Св. Писаніе является въ глазахъ нашего народа вѣрнѣйшей гарантіей истинности штундо-баптистскаго, молоканскаго и другого сектантскаго „вѣрую“. „Разъ Иисусъ Христосъ говоритъ объ этомъ, разсуждаютъ наши крестьяне, значить сомнѣваться нечего, значить все, что говорятъ сектанты, истинная правда“.

Такимъ образомъ, сектантство мало того, что колеблетъ основныя начала русской народности, русскаго государственнаго строя, но еще пытается пропаганду соціалистическихъ и коммунистическихъ идей оправдать путемъ извращеннаго толкованія Св. Писанія, чѣмъ вносятъ глубокой соблазнъ въ среду простого, довѣрчиваго народа.

Законоучитель Одесской 2-й мужской

гимназіи Свящ. *А. Введенскій.*

(Окончаніе слѣдуетъ).

Спиритизмъ и Евангеліе Іисуса Христа.

Въ послѣднее время всѣмъ русскимъ культурнымъ обществомъ овладѣло какое-то тревожное, сумеречное настроеніе и столь знаменитая «нервность» нашего вѣка увеличивается буквально съ каждымъ днемъ. Крайняя неудовлетворенность и недовольство существующими устоями и принципами жизни замѣчается во всѣхъ слояхъ нашего общества. Современное русское общество во всемъ сомнѣвается, упорно не хочетъ вѣрить ни во что, и вмѣстѣ съ тѣмъ проявляетъ самое крайнее легковѣріе и суевѣріе и жадно ищетъ новыхъ, еще неизвѣданныхъ, хотя даже и самыхъ отвратительныхъ ощущеній. Съ грустью и болью приходится отмѣчать факты крайняго увлеченія спиритизмомъ, этимъ порожденіемъ невѣжества и суевѣрія. Спиритизмъ въ послѣднее время дѣлаетъ большіе успѣхи; повсюду открываетъ онъ свои общества, распространяетъ посредствомъ журналовъ свои суевѣрные измышленія и число приверженцевъ и послѣдователей этого „тайнаго“ ученія растетъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе. А между тѣмъ спиритизмъ прямо противоположенъ христіанству и въ корнѣ отрицаетъ святѣйшую и спасительную религію Богочеловѣка. Не отвергая христіанства прямо, открыто, спиритизмъ подкапывается подъ него скрытно и незамѣтно для простаго довѣрчиваго человѣка. Спириты, пови-

димому, вовсе и не думаютъ отрицать все величіе христіанства, они, повидимому, признаютъ его Божественнаго Основателя „исполнителемъ Божественной миссіи на землѣ“, они, повидимому, не отвергаютъ и высоты нравственности евангельской. Но въ то же время въ своихъ сочиненіяхъ они проводятъ мысли рѣшительно враждебныя христіанству. Спириты стараются, такъ сказать, исподволь подмѣнить христіанское ученіе своимъ суевѣріемъ, свои принципы жизни поставить на мѣсто христіанскихъ и такимъ путемъ показать, что Евангеліе Христово уже отжило свое время, что теперь уже пришла пора сбросить съ себя многовѣковое иго христіанства, ибо оно оказалось бесплоднымъ для жизни.

Въ концѣ прошлаго года поступила въ продажу переведенная съ французскаго языка книга Аллана Кардека, одного изъ самыхъ выдающихся представителей спиритизма, даващаго послѣднему религіозно-философское обоснованіе. Книга Аллана Кардека носить громкое заглавіе: „Евангеліе по ученію спиритизма“. Въ соотвѣтствіе такому заглавію цѣль книги состоитъ въ томъ, чтобы объяснить и сдѣлать понятнымъ нравственный, спасительный законъ, возвѣщенный грѣшному, заблудшемуся человѣчеству Спасителемъ міра Богочеловѣкомъ Христомъ. Большинство людей, по мнѣнію спиритовъ, совсѣмъ не знаетъ нравственныхъ требованій, изложенныхъ въ Евангеліи, не понимаетъ ихъ и не умѣетъ примѣнять ихъ къ жизни. И не трудно отыскать причину этого съ точки зрѣнія спиритическихъ воззрѣній. Причина этого, по мнѣнію спиритовъ, заключается въ трудности, которую представляетъ чтеніе Евангелія, непонятнаго для большинства людей.—„Благодаря аллегорической формѣ и намѣренному мистицизму языка, большинство читаетъ Евангеліе только для очистки совѣсти и по обязанности, такъ же, какъ читаютъ молитвы, что, конечно, не даетъ никакихъ результатовъ“¹⁾. И вотъ спиритизмъ „съ помощью добрыхъ духовъ

¹⁾ Кардекъ. „Евангеліе по ученія спиритизма“. Москва, 1911 года стр. 6.

покровителей“ хочет сдѣлать евангельскія нравственныя заповѣди доступными пониманію каждаго „путемъ объясненія неясныхъ мѣстъ и развитія всѣхъ послѣдствій, могущихъ произойти при приложеніи нравственнаго закона къ различнымъ положеніямъ жизни“ ¹⁾. Спириты твердо убѣждены въ томъ, что въ Евангеліи, а также и въ другихъ священныхъ книгахъ Новаго Завѣта, много непонятнаго и недоступнаго для ума человѣческаго только потому, что до сихъ поръ не было найдено истиннаго ключа къ пониманію священныхъ новозавѣтныхъ книгъ. Очевидно, ни св. апостолы, ни св. отцы и учителя Церкви, ни здравая многовѣковая мудрость вѣрующихъ богослововъ и апологетовъ христіанскихъ не нашли и не находятъ вѣрнаго ключа къ пониманію Св. Писанія. Теперь этотъ „ключъ“ нашли спириты, благодаря чему только въ спиритизмѣ могутъ открываться человѣчеству широкіе новые горизонты въ пониманіи евангельской нравственности, только въ спиритизмѣ сіяетъ яркій свѣточъ, могущій освѣтить „тайны христіанской морали.“ — „Благодаря прочно установившимся общеніямъ между людьми и невидимымъ міромъ, говорятъ спириты, евангельскій законъ, поясненный всѣмъ народностямъ самими духами, не будетъ болѣе мертвой буквой, ибо каждый человѣкъ будетъ понимать его, а духовные руководители будутъ побуждать его къ примѣненію этого закона на дѣлѣ. Наставленія духовъ, именно, какъ небесные голоса, являются для просвѣщенія людей и призываютъ ихъ къ примѣненію въ жизни евангельскихъ законовъ ²⁾“.

Какъ видимъ, спиритизмъ представляетъ изъ себя нѣчто большее, чѣмъ принято думать о немъ. Спиритизмъ не является только новою формою заклинанія духовъ и духовидѣнія, это не только новая форма суевѣрія, какъ въ большинствѣ опредѣляютъ спиритизмъ, — суевѣрія, всегда присущаго

¹⁾ Ibidem, стр. 6.

²⁾ А. Кардекъ, Евангеліе по уч. спиритизма, стр. 8.

людямъ, тысячи разъ изблеченнаго наукой. Въ своей конечной цѣли спиритизмъ есть новая, общемировая религія, есть „вѣра, непоколебимая вѣра, которая смотритъ въ лицо разсудку и истины во всѣ эпохи человѣчества ¹⁾“. Эта религія должна затмить не только существующее въ наши дни язычество, но и христіанство или, какъ выражается спиритизмъ, „возстановитъ христіанство въ его первоначальной, чистой формѣ“ ²⁾. Съ упроченіемъ и распространеніемъ спиритизма связывается всестороннее и радикальное преобразование человѣческаго рода: его послалъ въ міръ Богъ, чтобы вывести человѣчество изъ мрака и умственной бѣдности; ему предназначено создать новую жизнь на чисто социальныхъ началахъ, жизнь въ правдѣ, братствѣ и мирѣ, создать то Царство Божіе, о которомъ такъ много проповѣдывалъ Христосъ Спаситель, и которое было всегдашнимъ драгоценнѣйшимъ предметомъ ожиданія людей ³⁾. Все это, по убѣжденію спиритизма, совершится при посредствѣ и помощи духовъ—покровителей.—„Богу угодно было, чтобы новое откровеніе достигло до людей болѣе совершеннымъ и убѣдительнымъ путемъ; поэтому для распространенія его отъ одного конца земли до другого Онъ избралъ духовъ, которые должны проявляться повсюду, не давая никому исключительнаго права слышать ихъ наставленія. Духи Господа, силы небесныя, какъ несмѣтная армія, двигающаяся немедленно по полученіи приказанія, распространяются по всему земному шару; подобно падающимъ звѣздамъ они освѣщаютъ путь и открываютъ очи слѣпымъ.

„Истинно говорю вамъ, глашаетъ устами спиритовъ духъ покровитель, настало время, когда долженъ быть возстановленъ истинный смыслъ всего, мракъ разсѣянъ, гордые унижены и праведные прославлены.

¹⁾ А. Кардекъ. „Евангеліе...“, стр. 1.

²⁾ Ibidem, стр. 4.

³⁾ Schneider, Neue geisterglaube, стр. 88.

„Какъ звуки трубы, раздаются съ неба великіе голоса и собираются сонмы ангеловъ. Люди, мы призываемъ васъ къ Божественному пѣснопѣнію; пусть руки ваши возьмутъ лиру, а голоса сольются воедино и священнымъ гимномъ прозвучать отъ одного до другого края вселенной

„Люди, братья, горячо любимые нами, мы возлѣ васъ; любите и вы другъ друга и, исполняя волю Отца вашего Небеснаго, воскликните отъ избытка сердца: „Господи, Господи!“ и вамъ открытъ будетъ входъ въ Царство Небесное“ ¹⁾.

Такимъ образомъ, спиритизмъ выдаетъ себя за новую, истинную религію человѣчества. Онъ считаетъ себя „новымъ откровеніемъ Бога“, источникомъ его является небо, а проповѣдниками, или божественными посланниками служатъ духи, которые съ помощью многочисленныхъ медіумовъ, по посредству ими находимыхъ, распространяютъ ученіе спиритизма.

Дерзновенно провозгласивъ свое ученіе „новымъ откровеніемъ Бога“, спириты стараются утвердить за нимъ универсальный характеръ и значеніе,—значеніе такой религіи, которая скоро замѣнитъ собою христіанство.—„Спиритизмъ, читаемъ у А. Кардека, не имѣетъ національности; онъ стоитъ внѣ всякихъ вѣроисповѣданій; ни одно общественное сословіе не можетъ претендовать на исключительное обладаніе имъ. Духи проявляются повсюду, у всѣхъ народовъ во всѣхъ сектахъ и партіяхъ, признаются всѣми и повсюду, миллионы голосовъ одновременно раздаются во всѣхъ концахъ земного шара, провозглашая одни и тѣ же законы, равно какъ ученымъ, такъ и невѣждамъ, безъ малѣйшаго раздѣленія“ ²⁾. Такимъ преимуществомъ, по убѣжденію спиритовъ, не обладаетъ и не пользуется христіанство, чѣмъ и объясняютъ спириты то явленіе, въ особенности замѣтное въ послѣднее время, что нравственные принципы христіанской религіи со-

¹⁾ А. Кардекъ, „Евангеліе“, стр. 3.

²⁾ А. Кардекъ. „Евангеліе по ученію спиритизма, стр. 9.

всѣмъ не оказываютъ благотворнаго вліянія на личную, общественную и государственную жизнь. Значить, думаютъ спириты, время христіанства прошло и наступаетъ время новой религіи, религіи спиритизма. — „Однажды Богъ, читаемъ въ одномъ наставленіи духа покровителя, въ Своемъ неисчерпаемомъ милосердіи допустилъ человѣка увидѣть истину, пробивающуюся сквозь мракъ; это былъ день пришествія Христа. Послѣ яркаго свѣта снова воцарилась тьма; міръ послѣ замѣны свѣта мракомъ снова выступилъ на путь погибели. Тогда духи, подобные пророкамъ Ветхаго Завѣта, начинаютъ говорить и предупреждать васъ: міръ поколебленъ въ своемъ основаніи; скоро разразится громъ, но будьте тверды! Васъ спасетъ спиритизмъ.

„Спиритизмъ принадлежитъ къ Божественному порядку, ибо онъ основанъ на законахъ природы и, вѣрять, что все, что относится къ Божественному порядку, имѣетъ полезную и высокую цѣль. Вашъ міръ погибалъ, наука, развившаяся въ ущербъ тому, что относится къ нравственному порядку, ведя васъ къ матеріальному благосостоянію, въ то же время обратилась въ пользу духа тьмы. Царство Христа, послѣ 19 столѣтій и несмотря на кровь столькихъ мучениковъ, еще не настало. Христіане, придите къ Учителю, который хочетъ спасти. — „Тому, кто любитъ и вѣритъ, все дается легко. Высокіе духи, Божественные посланники готовятъ почву для вѣры, чтобы вы, просвѣщенные и пламенные труженники, говорили повсюду и вашъ смиренный голосъ проникалъ въ сердца людей“¹⁾.

Итакъ, по мнѣнію спиритизма, заря христіанской религіи или заря церковно-историческаго христіанства уже закатилась и оно лишь своими послѣдними лучами слабо освѣщаетъ жизнь человѣческихъ обществъ. Теперь должно войти въ жизнь новое благовѣстіе, новое Евангеліе—еванге-

¹⁾ А. Кардекъ, Евангеліе..., стр. 7—8.

ле спиритское. Настало время, когда нравственное учение Христа должно быть дополнено, когда завѣса, прикрывавшая въ Евангеліи Христа моральныя заповѣди въ ихъ истинномъ пониманіи и приложеніи къ жизни, должна быть поднята. „Моисей указалъ путь нравственной жизни, Иисусъ продолжилъ это дѣло, спиритизмъ завершить его“¹⁾. „Подобно тому, говорятъ спириты, какъ Христосъ сказалъ: „Я пришелъ не нарушить законъ, а исполнить его“, говоритъ и спиритизмъ: „я пришелъ не нарушить христіанскій законъ, а исполнить его“. Онъ не учитъ ничему противному ученію Христа, но развиваешь, дополняетъ и поясняетъ въ понятныхъ каждому выраженіяхъ все, что было сказано въ аллегорической формѣ; онъ въ предсказанное время является выполнить все, предвѣщанное Иисусомъ Христомъ и приготовить исполненіе дальнѣйшаго. Слѣдовательно, спиритизмъ есть дѣло Христа, Который, какъ Онъ это говоритъ, руководитъ происходящимъ возрожденіемъ человѣчества и приготавливаетъ Царство Божіе на землѣ“²⁾. Мы далѣе увидимъ, какъ спиритизмъ выполняетъ будто-бы возложенную на него Христомъ задачу „восполнить и пояснить“ Евангеліе и тѣмъ приготовить Царство Божіе на землѣ. А теперь хотимъ сказать, что спиритизмъ не остановился на этомъ. Онъ зашелъ такъ далеко, что думаетъ, что только исповѣдующимъ спиритскую религію открывается и сообщается Утѣшитель Духъ Святой. Который исходитъ отъ Отца и Котораго Спаситель обѣщаль послать въ міръ для наученія и наставленія истинамъ вѣры.— „Спиритизмъ въ настоящее время является исполнителемъ обѣщанія Христа: Духъ истины управляетъ Его установленіями, Онъ призываетъ людей къ соблюденію закона. Онъ учитъ всему, давая понять то, что Христосъ сказалъ лишь въ притчахъ. Христосъ сказалъ: „имѣющіе уши слы-

¹⁾ А. Кардекъ, „Евангеліе...“, стр. 7: духъ Израилскій Мюльгаузена, 1861 года.

²⁾ Ibidem, стр. 4.

шати, да слышать“; спиритизмъ является открыть глаза и уши, ибо говорить прямо, безъ аллегорій; онъ приподнимаетъ покровъ, нарочно оставленный надъ нѣкоторыми тайнами; онъ, наконецъ, приноситъ высшее утѣшеніе обездоленнымъ и всѣмъ страдающимъ на землѣ, показывая истинную причину и полезную сторону всѣхъ скорбей¹⁾. Спиритизмъ сулитъ дать человѣчеству непоколебимую вѣру въ будущую жизнь,—такую вѣру, при которой жгучее сомнѣніе уже не коснется души человѣка; показывая человѣку вещи „съ возвышенной точки зрѣнія“, спиритизмъ умаляетъ въ его глазахъ значеніе превратностей житейскихъ, теряющихся въ обширномъ и блестящемъ горизонтѣ, а перспектива доставляемаго спиритизмомъ счастья даетъ человѣку терпѣніе, покорность и мужество дойти до конца своего пути. Словомъ,—спиритизмъ осуществляетъ то, что сказано Иисусомъ Христомъ объ обѣщанномъ Утѣшителѣ, а именно: „познаніе того, что человѣкъ знаетъ, откуда онъ, куда идетъ и зачѣмъ онъ на землѣ; призывъ къ истиннымъ принципамъ закона Божія и утѣшеніе посредствомъ вѣры и надежды“²⁾.—„Я прихожу, говорить устами спиритовъ „духъ истины“, Я, твой Спаситель и твой Судія, прихожу, какъ нѣкогда между заблудшими сынами Израилевыми, принести истину и разсѣять тьму. Слушайте Меня; Я открылъ Божественное ученіе, какъ жнецъ, собралъ въ снопы добро, разсѣянное въ человечествѣ, и сказалъ: „приидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обременные“. „Но неблагодарные люди отвратились отъ прямого и широкаго пути, ведущаго въ царство Отца Моего и заблудились по перовнымъ тропинкамъ несчастья. Отецъ Мой не хочетъ уничтожить родъ человѣческой. Я прихожу наставить бѣдныхъ и обездоленныхъ; прихожу сказать имъ, пусть доведутъ покорность свою до уровня ихъ испытаній; пусть плачутъ, ибо скорбь освящена была въ саду Геосиманскомъ...

¹⁾ А. Кардекъ, „Евангеліе по уч. спиритизма, стр. 69.

²⁾ А. Кардекъ, стр. 70.

И Я, божественный садовникъ, Я въздѣлываю души людей. Когда часъ отдыха пробѣдетъ, когда нить жизни вашей порвется и глаза закроются для свѣта, тогда вы почувствуете въ себѣ пробивающійся ростокъ отъ Моего драгоценнаго сѣмени... Я великій врачъ душъ и прихожу принести вамъ средство, которое должно васъ исцѣлить. Придите же ко Мнѣ вы всѣ, страдающіе и обремененные, и вамъ помогутъ и утѣшать васъ: не ищите помимо Меня силы и утѣшенія, ибо міръ безсиленъ ихъ дать. Богъ содѣлалъ сердцамъ вашимъ великій призывъ посредствомъ спиритизма: слушайте его¹⁾.

Такъ заявляетъ о себѣ спиритизмъ, устами своихъ духовъ покровителей, провозглашая свое ученіе тѣмъ Божественнымъ ученіемъ, которое принесъ на землю Спаситель міра Богочеловѣкъ Христосъ. Въ спиритизмѣ глашаетъ Утѣшитель Духъ святой, небесный Наставникъ и Утѣшитель христіанъ. Все это только въ спиритизмѣ. Вотъ до чего договорились современные спириты! Какія кощунственные слова, какое поистинѣ дерзкое богохуленіе! Неужели же мы, вѣрующіе въ Евангеліе Іисуса Христа Сына Божія, отвергнемъ святое ученіе Того, Кто спасъ насъ отъ грѣха, проклятія и смерти, и признаемъ спиритизмъ религіей, пришедшей въ міръ на смѣну св. Евангелію? Неужели же нравственная сила жизни, почерпаемая нами до сихъ поръ въ священной книгѣ Евангелія, уже оскудѣла, уже истоцилась? Неужели для того, чтобы обновить и украсить свою жизнь благими плодами добра, мы должны промѣнять жемчужную истину Христова ученія на темный и чадный мракъ богоборческихъ ученій? Нѣтъ, мы не можемъ идти противъ Христа. Кто не со Мною тотъ противъ Меня, сказалъ Божественный Учитель²⁾. А спиритизмъ прямо враждебенъ Христу и Его ученію. Прикрываясь евангельскими оборотами рѣчи, стремясь уяснить смыслъ нравственнаго ученія Христа для всѣхъ и

¹⁾ А. Кардекъ, Евангеліе, стр. 71—73.

²⁾ Мт. 12. 30.

каждаго, спиритизмъ на самомъ дѣлѣ разрушаетъ въ корнѣ все христіанство, отвергаетъ самую его сущность, самую его основу. Спиритизмъ отрицаетъ самые основные догматы христіанства о Богѣ, какъ Творцѣ и Промыслителѣ міра, о троичности Лицъ въ Богѣ, объ ангелахъ и злыхъ духахъ, о Церкви съ ея богоучрежденными таинствами, о будущемъ воскресеніи мертвыхъ и мздовоздаяніи за гробомъ. Взамѣнъ этого вводится совершенно искаженное толкованіе христіанскихъ догматовъ. Ученіе о Богѣ, какъ о личномъ существѣ, замѣняется ученіемъ о высшемъ разумѣ и первенствѣ вещей, а подъ Троицею разумѣется три формы бытія: Богъ, матерія и духовный міръ. Божество Господа нашего Иисуса Христа совершенно отрицается въ спиритизмѣ. Христосъ—не Богочеловѣкъ, какъ проповѣдуетъ св. Евангеліе; Божественная сущность, по мнѣнію спиритовъ, принадлежитъ Ему настолько же, насколько и остальнымъ людямъ. Онъ стоитъ на одной ступени съ знаменитыми философами античной древности, вродѣ Сократа, Платона и ничѣмъ не отличается, поэтому, отъ Будды, Моисея, Магомета и другихъ основателей религій.

Онъ—такой же великій „медіумъ“ среди людей своего времени, какъ и медіумы въ наши дни. Его чудеса—дѣйствительные реальные факты, но они, по мнѣнію спиритовъ, говорятъ только въ пользу того, что это былъ простой человѣкъ, чрезъ котораго, какъ чрезъ наилучшій органъ, проявлялся и дѣйствовалъ высшій спиритскій духъ. Самое нравственное ученіе Христа не носить на себѣ, поэтому, Божественной печати и сверхъестественнаго происхожденія, а есть только продуктъ эволюціи нравственныхъ идей, общихъ всему человѣчеству. „Великія идеи, говоритъ спиритизмъ, никогда не появляются внезапно; идеи, построенныя на истинѣ, всегда имѣютъ предвѣстниковъ, которые готовятъ имъ постепенно путь; затѣмъ, когда приходитъ время, Богъ посылаетъ человѣка съ назначеніемъ собрать, согласовать и дополнить эти отдѣльныя положенія и составить изъ

нихъ одно цѣлое; такимъ образомъ, идея, появляясь не неожиданно, встрѣчается умами, уже подготовленными къ ея воспріятію ¹⁾. То же самое, по мнѣнію спиритовъ, случилось и съ нравственными идеями, проповѣданными Христомъ Спасителемъ. Эти идеи предчувствовались за нѣсколько вѣковъ до Іисуса Христа и главнымъ провозвѣстниками ихъ были Платонъ и Сократъ. „Тѣмъ, кому бы показалось это профанаціей, замѣчаютъ спириты, кто сталъ бы утверждать, что не можетъ быть никакого сходства между ученіемъ язычниковъ и ученіемъ Христа, мы отвѣтимъ, что ученіе Сократа совсѣмъ не было языческимъ, такъ какъ его единственною цѣлью было пораженіе язычества, что ученіе Іисуса, какъ болѣе совершенное и болѣе высокое, чѣмъ ученіе Сократа, ничего не можетъ потерять отъ этого сравненія, и что это именно историческій фактъ, котораго никоимъ образомъ не слѣдуетъ замалчивать“ ²⁾.

При отрицаніи Божества Іисуса Христа и Божественности Его нравственнаго ученія спиритизмъ не признаетъ за Сыномъ Божиимъ искупительныхъ заслугъ: для освобожденія отъ грѣха и для спасенія человѣку необходимо только пройти извѣстный рядъ перевоплощеній.

Первоплощеніе, по мнѣнію спиритовъ, и есть то именно „рожденіе свыше“, о которомъ говорилъ Спаситель въ Своей бесѣдѣ съ Никодимомъ, какъ о необходимомъ условіи достиженія Царства Небеснаго. Только перевоплощеніе можетъ избавить человѣка отъ заслуженнаго имъ наказанія и возвести его въ „вышіе міры“—міры возрожденія и блаженства.

(Продолженіе слѣдуетъ).

А. Д—въ.

¹⁾ А. Кардекъ, Евангеліе..., стр. 22.

²⁾ А. Кардекъ, Евангеліе..., стр. 23.

ЗАМѢТКИ.

а) О вѣнчаніи лицъ, не записанныхъ въ метрическія книги или записанныхъ неправильно.

Екатеринбургское епархіальное начальство издало на этотъ счетъ слѣдующее опредѣленіе. Въ случаѣ неправильной записи по метрическимъ книгамъ рожденія лицъ, желающихъ вступить въ бракъ, мѣстнымъ причтамъ, по слѣдъ 22 примѣчанія къ § 18 Высочайше утвержденной инструкціи благочиннымъ приходскихъ церквей, слѣдуетъ обращаться къ изповѣднымъ вѣдомостямъ за всѣ, особенно за первые годы отъ рожденія такихъ лицъ, къ посемейнымъ спискамъ и чрезъ личный разспросъ воспріемниковъ и лицъ знающихъ о рожденіи, и, если окажется, что такія лица имѣютъ по означенному изслѣдованію дѣта, установленныя для бракосочетанія, что неправильная метрическая запись относится къ тому именно лицу, которое желаетъ вступить въ бракъ, и не окажется по обыску и оглашеніямъ другихъ препятствій, то причты могутъ приступить къ повѣнчанію такихъ лицъ безъ предварительнаго разрѣшенія епархіальнаго начальства, рекомендуя въ то же время такимъ лицамъ непремѣнно и безъ промедленія обращаться къ епархіальному начальству съ просьбою о производствѣ слѣдствія о незаписи событіи рожденія или неправильной записи сихъ лицъ, при этомъ предупредить духовенство: а) что вѣнчать такимъ порядкомъ оно можетъ лишь своихъ прихожанъ, а не чужеприходныхъ и б) что въ семь дѣлѣ вообще требуется крайняя осторожность и точность, а потому приступать къ повѣнчанію въ такихъ случаяхъ можно лишь послѣ самыхъ точныхъ разспросовъ, изслѣдованій и при твердой, оправдываемой подлежащими документами и доказательствами, увѣренности въ томъ, что неправильная метрическая запись относится къ тому именно лицу, которое желаетъ вступить въ бракъ. и что брачующіяся лица имѣютъ установленный для бракосоче-

ганія возрастъ. вмѣстѣ съ этимъ вмѣнить въ обязанность духовенству епархіи, при удобныхъ случаяхъ разъяснять прихожанамъ своимъ, что при прошеніяхъ о разрѣшеніи вступать въ бракъ при недостиженіи брачнаго совершеннолѣтія слѣдуетъ представлять его преосвященству засвидѣтельствованныя мѣстными причтами выписи изъ метрическихъ книгъ о рожденіи жениха или невѣсты; эти выписи, причтомъ, должны быть выдаваемы причтами обязательно на синодальныхъ бланкахъ и оплачены гербовымъ 75-коп. сборомъ. За неисполненіе настоящаго постановленія причты будутъ безъ истребованія объясненій подвергаемы денежнымъ штрафамъ по усмотрѣнію епархіальнаго начальства (Совр. дѣт.).

б) О похоронномъ перезвонѣ.

Въ Курскѣ, съ благословенія покойнаго преосвященнаго Лаврентія, разрѣшался похоронный перезвонъ, какъ въ своей приходской церкви, такъ и въ попутныхъ до кладбища, съ пожертвованіемъ въ пользу епархіальнаго попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія, въ размѣрѣ 3 рублей, при чемъ на просьбѣ о звонѣ требовалось удостовѣреніе мѣстнаго священника о христіанской кончинѣ покойнаго. Общая сумма таковыхъ пожертвованій равнялась въ годъ приблизительно 150 руб. Пастырское собраніе, принимая во вниманіе послѣднее разъясненіе Св. Синода (№ 44 „Церк. Вѣд.“, 1911 г., стр. 1893), признало желательнымъ производство церковнаго перезвона, но на слѣдующихъ условіяхъ: 1) при заявленіи родственниковъ или наслѣдниковъ усопшаго о томъ, чтобы былъ произведенъ перезвонъ въ приходской и попутныхъ до кладбища церквяхъ, долженъ быть сдѣланъ ими взносъ по каждой изъ означенныхъ церквей въ пользу попечительства: епархіальнаго о бѣдныхъ духовнаго званія—не менѣе 3 руб. и мѣстнаго приходскаго на бѣдныхъ прихода также не менѣе 3 руб., послѣ чего настоятель

мѣстной приходской церкви выдаетъ удостовѣреніе о немѣнннхъ препятствіяхъ къ перезвону, которое и предъявляется настоятелямъ приходскихъ церквей; послѣдніе на этомъ удостовѣреніи прописываютъ, сколько получено денегъ отъ родственниковъ или наслѣдниковъ умершаго въ попечительства, и засимъ удостовѣреніе это возвращается мѣстному настоятелю, который и препровождаетъ его въ консисторію для увѣдомленія епархіального попечительства. 2) Если же заявленія о желаніи, чтобы былъ перезвонъ въ попутныхъ до кладбища церквахъ, не будетъ сдѣлано, то ограничиваться добровольнымъ пожертвованіемъ въ пользу только одного мѣстнаго приходскаго попечительства; но бѣднымъ же прихожанамъ производить перезвонъ въ мѣстной приходской церкви бесплатно. 3) Кромѣ того установить слѣдующее ограниченіе: а) по самоубійцамъ, б) опившимся и в) неисполнявшимъ христіанскаго долга исповѣди и св. причастія, а также и умершимъ безъ напутствія перезвона не производить (Совр. лѣт.).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 31-го мая 1912 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акц. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго. Меринговская ул. 6.

ГОДЪ

LIII

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣоть **№ 24**. Подписка принимается въ редак-
цїи журнала, при Кіевской духов- цѣи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи. рублей. ной Семинаріи.

1912-го года 10-го іюня.

Содержаніе: I. Вліяніе А. С. Хомякова. Свящ. А. Введенскій.—II. Съ чего начинать? (Окончаніе). Свящ. А. Введенскій.—III. Спиритизмъ и Евангеліе Іисуса Христа. (Продолженіе). А. Д—въ.—IV. Открытое письмо представителю Екатеринодарской баптистской общины Григорію Акимовичу Бойченко и всѣмъ его единомышленникамъ.—V. Въ хлыстовскомъ гнѣздѣ.

Вліяніе А. С. Хомякова.

Въ текущемъ, 1912 году, исполняется пятьдесятъ лѣтъ со дня смерти талантливаго русскаго мыслителя А. С. Хомякова. Чтобы напомнить обществу о немъ и чтобы оживить въ памяти русской читающей публики идеи этого великаго челоувѣка, Редакція журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“ даетъ своимъ подписчикамъ къ качеству бесплатнаго приложенія томъ его богословскихъ сочиненій, въ которомъ прекрасно выяснены основные пункты православнаго вѣроченія и отмѣчена существеннѣйшая разница между православіемъ съ одной стороны, католичествомъ и протестантствомъ съ другой.

Мы не станемъ входить въ критическую оцѣнку богословскихъ взглядовъ А. С. Хомякова. Не станемъ выяснять ихъ достоинствъ и недостатковъ. Мы хотимъ только отмѣтить то вліяніе, какимъ пользовался Хомяковъ въ нашемъ обществѣ, то впечатлѣніе, какое оказывалъ онъ на многіе, даже выдающіеся умы, то направленіе, какое создавалъ онъ силою своей логики и аргументовъ.

Маленькое примѣчаніе. Мы не думаемъ всесторонне освѣщать затронутый нами вопросъ. Не думаемъ исчерпать его во всей глубинѣ и широтѣ. Нѣтъ. Задача наша болѣе скромная. Именно: мы приведемъ одну, довольно яркую иллюстрацію, которая освѣтитъ предъ читателями достоинство и авторитетность богословскихъ произведеній Хомякова.

* * *

На дняхъ мы ознакомились съ „Воспоминаніями жизни О. Г. Тернера“.

Феодоръ Густавовичъ былъ членомъ Государственнаго Совѣта и товарищемъ министра финансовъ. Онъ отличался глубокимъ, проницательнымъ умомъ, замѣчательнымъ тактомъ, богатымъ опытомъ и своею любовью къ богословской литературѣ. Его перу принадлежать нѣкоторыя, довольно оригинальныя и интересныя сочиненія, какъ-то: „Философскій оптимизмъ и пессимизмъ и христіанское воззрѣніе на жизнь“. „Наука и Религія“, „Церковь“, „Ессе Ното“ (перев. съ англ.). „Опытъ краткаго изъясненія Евангелія отъ Іоанна“ и др.

Конечно, насъ интересуетъ только его любознательность въ области религіи и философіи, его глубокая, искренняя вѣра, его принадлежность къ православію. Поэтому, мы только объ нихъ и будемъ говорить.

Тернеръ вначалѣ былъ человекомъ индифферентно относившимся къ вопросамъ религіи. Его не интересовала эта область. Онъ цѣликомъ вошелъ въ занятія государственными

дѣлами. И потому чѣмъ дальше, тѣмъ онъ удалялся отъ Церкви все болѣе и болѣе.

Наконецъ у него умерла жена. Молодая, горячо имъ любимая, съ которою онъ прожилъ всего только три года. Это обстоятельство совершенно измѣнило его. Онъ сталъ задумчивъ, началъ помышлять о Богѣ, о загробномъ мірѣ и о другихъ отвлеченныхъ истинахъ. Дѣлалось это слегка, чуть-чуть. Интересъ, правда, возникъ, но не глубокой, жажда боговѣдѣнія появилась, но слабая.

Но вотъ случайно подвернулись ему богословскія сочиненія А. С. Хомякова. Онъ прочиталъ. И начавшійся процессъ обращенія завершился.

Какъ это произошло, пусть скажетъ самъ О. Г. Тернеръ.

„Послѣ смерти жены, пишетъ Тернеръ, меня охватила душевная тревога, появились колебанія въ настроеніи и мысляхъ. Въ этихъ мысленныхъ занятіяхъ я искалъ не столько отвѣта на возникавшіе во мнѣ запросы и сомнѣнія, сколько нравственной поддержки и поощренія держаться того образа мыслей, въ которомъ я стремился укрѣпить себя. При этомъ у меня все болѣе и болѣе высказывалась потребность надежды на нѣкоторое руководительство Божественнаго Промысла. Какъ ни трудно мнѣ казалось вѣрить въ непосредственное и личное вмѣшательство божественнаго воздѣйствія на жизнь каждаго отдѣльнаго человѣка, но иногда мнѣ казалось, что я замѣчаю какую-то руку, которая меня ведетъ и показываетъ мнѣ путь“ ¹⁾...

„Все же я былъ далекъ отъ истинно вѣрующаго христіанскаго настроенія. Не находя желаемаго утѣшенія въ философіи, я сталъ искать его въ религіи, но и тутъ долго не находилъ того, что я искалъ. Наша православная церковная жизнь не удовлетворяла меня. Не понимая глубины значенія христіанскаго православія, я не находилъ ни утѣшенія, ни

¹⁾ „Воспоминанія жизни О. Г. Тернера“. 1911 г., Спб., т. I. стр. 336.

духовной опоры въ нашей церковной службѣ. Я сталъ чаще посѣщать протестантскія церкви, гдѣ проповѣдь иногда затрагивала мою душу. У меня родилось даже сомнѣніе,—не слѣдуетъ ли мнѣ, такъ какъ вѣра требуетъ искренности, перейти въ лютеранство, если протестантская церковь болѣе отвѣчаетъ моей душевной потребности, чѣмъ православіе,—какія бы непріятныя послѣдствія отъ этого ни произошли. Но и лютеранская проповѣдь, хотя она иногда и затрагивала мою душу, не могла вывести меня окончательно на путь вѣры и устранить моихъ скептическихъ сомнѣній.

Изъ этого непріятнаго колеблющагося настроенія въ поискахъ за твердымъ духовнымъ основаніемъ меня вывело ознакомленіе съ религіозными сочиненіями А. С. Хомякова, которыя мнѣ попались въ руки и которыя я сталъ читать съ жадностью и глубокимъ увлеченіемъ.

Не помню, по какому случаю или по чьей рекомендаціи, я взялся за чтеніе религіозныхъ статей Хомякова, но принявшись за это чтеніе, я уже не могъ оторваться отъ него; оно какъ бы озарило меня новымъ свѣтомъ, раскрывъ предо мною всю истину, всю глубину, всю прелесть вселенскаго православія. До сихъ поръ я прикасался къ православію только съ формальной его стороны, я не понималъ ни значенія, ни внутренней глубины вселенскаго православія, т. е. того идеала, къ которому слѣдуетъ стремиться и который заключаетъ въ себѣ всю суть христіанской мысли. Въ гимназіи я изучалъ краткій Катихизисъ, въ университетѣ проходилъ пространнѣйшій катихизисъ, но заучиваніе однѣхъ формулъ и цитатъ Священнаго Писанія никакого религіознаго чувства въ моей душѣ не возбудило. Даже изреченія Священнаго Писанія, дѣйствующія такъ возвышенно, если ихъ читать въ Евангеліи въ связи съ остальнымъ текстомъ, вырванные изъ контекста, ничего не говорили ни уму, ни сердцу.

Если бы въ учебныхъ заведеніяхъ пользовались Катихизисомъ только какъ программой для выясненія христіанской религіи, то это было бы совершенно разумно, но вмѣстѣ съ

тѣмъ даже преимущественно слѣдовало бы знакомить молодыхъ людей съ чтеніемъ Евангелія, между тѣмъ какъ это никогда не дѣлалось, довольствовались заучиваніемъ на память евангельскихъ текстовъ, занесенныхъ въ Катихизисъ. Самаго же евангелія я ни въ школѣ, ни въ университетѣ не бралъ въ руки и потому былъ совершенно съ нимъ незнакомъ. Такой способъ преподаванія оттолкнулъ меня отъ религиозныхъ мыслей, между тѣмъ какъ интересное объясненіе сущности христіанства не оставалось бы безъ полезнаго вліянія. Помню, что когда однажды въ гимназіи священникъ сталъ объяснять намъ въ свободномъ словѣ значеніе литургіи—это произвело на меня глубокое впечатлѣніе.

И вотъ вдругъ я нахожу у Хомякова такія сокровища мысли, такое оригинальное разъясненіе сущности и значенія православія, о которомъ я и понятія не имѣлъ. Благодаря Хомякову я пришелъ къ убѣжденію, что въ этомъ истина. О переходѣ въ лютеранство уже не могло быть и рѣчи. Какъ славянофилъ, Хомяковъ тоже отчасти налегаетъ на значеніе національности въ религіи, но это нисколько не затемняетъ въ немъ пониманія вселенскаго православія. Напротивъ того, онъ постоянно указываетъ на то, что безошибочна только вселенская Церковь, лозунгомъ православія могутъ служить только вселенскіе соборы.

Изложеніе Хомякова раскрыло для моего ума значеніе православія и я сталъ истинно православнымъ человѣкомъ¹⁾.

„Говоря, что я дѣлался истиннымъ христіаниномъ, не хочу сказать, чтобы у меня по временамъ не возникали сомнѣнія и скептическія недоумѣнія. Хомяковъ справедливо замѣчаетъ, что „вѣра отдѣльнаго человѣка, будь она послѣдствіемъ свободнаго убѣжденія человѣка, никогда не можетъ исключать возможности сомнѣнія и даже заблужденія, ибо полная истина возможна только безгрѣшному“, а потому, прибавляю, и полная, никогда не колеблющаяся вѣра.

¹⁾ Тамъ же, стр. 339—340.

Одно меня вполне охватило, это преданность Христу, Его идеальной личности. Вследствие сего у меня укоренилось желаніе сообразовать жизнь и дѣятельность съ тѣмъ, что требуетъ Христосъ отъ своихъ послѣдователей. Я старался внѣдрить въ себѣ убѣжденіе, что всякое несогласное съ этимъ требованіемъ дѣйствіе является нарушеніемъ того обѣта, который я далъ Христу, рѣшившись сознательно Ему предаться. Мое вѣрующее настроеніе было преимущественно дѣломъ сердца и воли.

Но и умъ мой работалъ надъ этими жизненными для меня вопросами, не останавливаясь на детальныя сомнѣніяхъ и стараясь обосновать въ себѣ главныя начала христіанства¹⁾.

* * *

Вотъ какое глубокое, неотразимое вліяніе на жизнь О. Г. Тернера оказалъ своими богословскими сочиненіями А. С. Хомяковъ. Думаемъ, и даже убѣждены, что это не первый и не послѣдній примѣръ.

Постараемся же внимательно отнестись къ его юбилейному изданію, еще разъ старательно проштудировать его и приложить все свое стараніе къ тому, чтобы оно ходило не только по нашимъ рукамъ, по рукамъ пастырей, но и всѣхъ сомнѣвающихся и колеблющихся въ истинахъ православной вѣры. Можетъ быть, и у нихъ сочиненія А. С. Хомякова произведутъ тотъ благодѣтельный переворотъ, какой произвели они въ душѣ покойнаго Тернера; можетъ быть, и они повернутъ на путь спасенія, какъ въ свое время повернулъ цитированный великій государственный мужъ.

Законоучитель Одесской 2-й мужской

гимназіи Свящ. А. Введенскій.

¹⁾ Тамъ же, стр. 346.

Съ чего начинать?

(Окончаніе)¹⁾.

Большой вредъ сектанты причиняють крестьянскому обществу.

Сектанты, какъ это твердо установлено на основаніи документальныхъ данныхъ, разрываютъ духовное единство крестьянскаго населенія, поселяютъ въ немъ вражду и, такимъ образомъ, подрываютъ общинное начало, жизненную силу котораго составляетъ христіанская любовь и взаимное довѣріе.

Чѣмъ?—вѣроятно спросятъ нѣкоторые.

А тѣмъ, отвѣтимъ мы, что они вносятъ въ общественную жизнь ту нетерпимость, какую проявляютъ и въ религіозной сферѣ. Считаая себя святыми, сектанты пренебрежительно относятся къ православнымъ односельчанамъ, третируя ихъ, какъ людей упорныхъ въ своемъ невѣжествѣ, обзывая ихъ „идолопоклонниками“, „куркулями“ (глупыми, простоватыми) и прочими нелестными, оскорбительными, унижающими человѣческое достоинство именами. Это еще не все. Это, можно сказать, лучшія отношенія сектантовъ къ православнымъ. Они, главнымъ образомъ, имѣютъ мѣсто тамъ, гдѣ сектанты не укрѣпились достаточно прочно, не успѣли еще взять въ свои руки руководства общественными дѣлами и чувствуютъ нѣкоторый страхъ предъ сельскими властями. Тамъ-же, гдѣ сектанты, въ силу какихъ-нибудь благопріятныхъ обстоятельствъ, успѣли возобладать общественнымъ мнѣніемъ села, достигнуть вліянія на представителей сельской власти, тамъ они принимаютъ наступательный образъ дѣйствій, даютъ православное населеніе рѣшительно во всѣхъ случаяхъ крестьянскихъ взаимоотношеній.

¹⁾ См. № 23 за 1912 г.

Пойдемъ далѣе. Вникая глубже въ исторію сектантской смуты, мы къ великому своему прискорбію замѣчаемъ, что сектанты помимо религіознаго разрыва крестьянской общины неминуемо влекутъ за собою разрывъ и въ экономической области. Дѣло въ томъ, что крестьянская община, въ которой есть сектанты, всегда замѣтно дѣлится на два враждебныхъ лагеря: православныхъ и баптистовъ. И эти два лагеря ведутъ между собою постоянную войну, предлогомъ къ которой служатъ обстоятельства, касающіяся интересовъ цѣлой общины.

Вотъ нѣсколько иллюстрацій.

Собираются, напримѣръ, крестьяне дѣлить землю, и начинается борьба. Сектанты требуютъ, чтобы имъ былъ выдѣленъ особый участокъ земли, который они потомъ сами раздѣляютъ между собою, а православные не соглашаются. Возникаютъ ожесточенные, весьма продолжительные споры, часто оканчивающіеся кулачной расправой. Споръ обыкновенно влечетъ за собою или вмѣшательство начальства или то, что сектанты отказываются отъ выдѣленныхъ участковъ, оставляютъ ихъ незасѣянными и нанимаютъ землю у частныхъ землевладѣльцевъ, чѣмъ причиняютъ огромный вредъ и большіе убытки сельской казнѣ. Подобныя явленія повторяются и при уборкѣ общественныхъ посѣвовъ: сектанты, не желая поступиться частью своего труда въ пользу православнаго общества, отказываются отъ уборки надлежащаго имъ участка, — опять ссоры и тяжбы, а хлѣбъ тѣмъ временемъ стоитъ, сохнетъ, высыпается и, такимъ образомъ, пропадаетъ. Виноваты же въ этомъ одни штундисты.

Этотъ разладъ въ крестьянской общинѣ весьма вреднымъ образомъ сказывается не только въ экономическомъ отношеніи, но и въ административномъ, т. е. въ области крестьянскаго самоуправленія. Всѣмъ извѣстно, напримѣръ, что сельскій староста и волостной старшина играютъ довольно видную роль въ мѣстномъ самоуправленіи, и потому та и другая сторона, и штундисты и православные, одина-

ково бываютъ заинтересованы въ выборѣ старшины и старосты. Причемъ, сплошь да рядомъ происходятъ весьма бурныя сцены на этихъ выборахъ. Обыкновенно каждая изъ враждующихъ сторонъ старается провести своего кандидата, прибѣгая при этомъ ко всевозможнымъ средствамъ, къ чистымъ и грязнымъ, легальнымъ и нелегальнымъ, на примѣръ: къ подкупу, къ спаиванію водкой и т. д. Кандидаты противниковъ подвергаются самой беспощадной критикѣ, отъ личностей переходятъ къ принципамъ и борьба принимаетъ релігіозный характеръ. Правда, въ послѣднее время распоряженіемъ правительства ¹⁾ баптисты лишены права быть избираемыми въ волостные старшины, но этимъ они далеко не лишены права принимать участіе въ общественныхъ сходахъ по выборамъ должностныхъ лицъ и имѣть своего кандидата изъ лицъ сочувствующихъ имъ, хотя номинально принадлежащихъ къ православнымъ.

Разъ сельскимъ старостой является сектантъ, тогда православное населеніе оказывается въ загонѣ. Всѣ льготы, всѣ привилегіи, всѣ лакомые кусочки земли, всѣ лучшія угоды, сѣнокосы, пастбища—все это попадаетъ въ руки штундистовъ. Православные тогда совершенно обдѣляются. На ихъ долю приходится все худшее, малодоброкачественное, малопригодное. Ихъ обходятъ, ихъ обдѣляютъ, ихъ обижаютъ, ихъ притѣсняютъ, ихъ давятъ. Конечно, такія постоянныя несправедливости, допускаемыя сельскими старостами-сектантами, страшно обижаютъ нашихъ крестьянъ, ожесточаютъ ихъ, вызываютъ въ нихъ апатію къ труду, парализуютъ охоту къ отбытію общественныхъ повинностей, вооружаютъ противъ мѣстныхъ властей—въ особенности противъ сельскихъ заправилъ, противъ штундистовъ, и нерѣдко приводятъ ихъ къ самосуду, къ дикой расправѣ со врагами.

---

¹⁾ Общ. полож. о крестьян. 2 примѣч. къ ст. 112: „волостные старшины должны быть избираемы неизмѣнно изъ православныхъ, а сельскіе старосты и помощникъ волостнаго старшины могутъ быть и раскольники“.

Вотъ какое зло приносятъ сектанты въ мѣстномъ самоуправленіи.

Этими фактами опасность сектантства еще не исчерпывается. Зло сектантства проникаетъ еще далѣе и еще глубже. Оно, какъ мы увидимъ сейчасъ, даетъ о себѣ знать и въ дѣлѣ народнаго образованія. Чтобы лучше видѣть это, пояснимъ свою мысль примѣрами.

Въ д. Основѣ, Херсонской губ., сельская школа была закрыта, потому что, по донесенію одесскаго исправника ¹⁾, сектанты домогались пригласить учителя, принадлежащаго къ ихъ сектѣ, а остальные крестьяне и должностныя лица противились этому. Тамъ-же, гдѣ школы еще нѣтъ, открытію ея сектанты противятся самымъ рѣшительнымъ образомъ. Дать деньги и принять собственное участіе въ постройкѣ школы сектанты соглашаются лишь подъ однимъ условіемъ, чтобы учителемъ этой школы поставить непременно своего, и чтобы преподавателемъ Закона Божія не былъ православный священникъ. Конечно, на такихъ условіяхъ не позволять построить школы. И деревня, такимъ образомъ, остается безъ школы. Просвѣщеніе отсутствуетъ, темнота все болѣе и болѣе овладѣваетъ народомъ и почва для развитія сектантства становится все благопріятнѣй и благодарнѣй.

И это еще не все. Сектантство вредно и опасно не только для Церкви, для Государства, для общества и для народнаго образованія. Оно еще въ большей степени вредно и для семейнаго быта крестьянъ. Какъ это такъ—мы сейчасъ покажемъ.

Почти въ каждомъ семействѣ, въ районѣ съ сектантскимъ элементомъ населенія, можно встрѣтить нѣсколько членовъ, отступившихъ отъ православія и совратившихся въ штунду. Вслѣдствіе этого получается, что въ одной семьѣ члены дѣлятся на сектантовъ и не-сектантовъ. Къ пер-

¹⁾ „Матеріалы“... Еп. Алексія, № 80, стр. 90.

вымъ обыкновенно принадлежать молодые крестьяне и крестьянки, а къ послѣднимъ ихъ отцы, свекры и матери. Молодые сектанты оказываютъ явное неуваженіе и полное противодѣйствіе старшимъ членамъ семьи и этимъ вызываютъ въ частной жизни постоянные раздоры. Такимъ образомъ, сектанты раздѣляютъ своимъ заблужденіемъ отца съ сыномъ, мать съ дочерью, брата съ братомъ или сестрою, мужа съ женою и наоборотъ. Этотъ религіозный разладъ, возникающій въ простой, необразованной, некультурной семьѣ, начинается мало-по-малу и почти вездѣ и всегда отливается въ самыя уродливыя формы. Перешедшіе въ сектантство непременно желаютъ и другихъ оторвать отъ православія и со-вратить въ штунду. А при сопротивленіи съ ихъ стороны начинается медленная, упорная, систематическая травля, переходящая временами въ истязаніе, въ жестокое гоненіе, въ невыразимое мученіе.

Итакъ, сектантство вредно и опасно для Церкви, для Государства, для крестьянскаго общества, для народнаго образованія и, наконецъ, для семьи.

Но зло и этимъ всѣмъ еще не исчерпывается. Оно простираетъ свое вліяніе въ будущее народа. Именно: кощунственные дѣйствія сектантовъ, ихъ грубыя, оскорбительныя насмѣшки надъ православными крестьянами, униженіе авторитета пастырей Церкви и народныхъ старцевъ, не могутъ остаться безъ дурного вліянія на молодое поколѣніе крестьянъ, не могутъ не омрачить чистоту его вѣры, не поселить недоувѣрія къ его духовнымъ руководителямъ, не могутъ не унижить во мнѣніи его авторитетъ дѣдовъ и отцевъ. Въ этомъ заключается существенный вредъ, который сектанты вносятъ въ православный народъ и который въ наше время развился въ общенародное зло. Тѣмъ болѣе, если принять во вниманіе ту энергію, то постоянство и ту сплоченность, съ какими сектанты ведутъ облаву на крестьянскихъ дѣтей.

Однимъ словомъ, разорвавъ духовное единство крестьянскаго населенія, поселивъ въ немъ вражду, сектанты въ

корни подрывают общественное начало, жизненную силу которого составляет христианская любовь и взаимное доверие. А от этого страдают и экономическіе интересы крестьянъ, и народное образованіе, и сельское самоуправленіе, и вѣротерпимость православнаго народа и многое другое.

Вотъ объ этомъ то временнѣ и безвременнѣ должно твердить нашимъ крестьянамъ, прежде всякаго критическаго разбора сектантскаго вѣроученія. И мы увѣрены, что яркая, всесторонняя характеристика и оцѣнка сектантства побудитъ простой, доверчивый народъ къ большей осторожности и осмотрительности въ обращеніи съ сектантами, заставить его сторониться ихъ, сильнѣе противодѣйствовать ихъ вредному, развращающему вліянію, принять болѣе серьезныя, радикальныя мѣры для борьбы съ „религіозными отщепенцами“.

Законоучитель Одесской 2-й мужской
гимназіи Свящ. *Александръ Введенскій*.

Спиритизмъ и Евангеліе Іисуса Христа.

(Продолженіе ¹⁾).

Спириты въ подтвержденіе правильности своего ученія о перевоплощеніи указываютъ евангельскія основанія.

Именно, они указываютъ на стихъ 3 третьей главы Евангелія отъ Іоанна, въ которомъ Іисусъ Христосъ будто-бы Самъ удостовѣрилъ дѣйствительность этого перевоплощенія, и 14 и 15 стихи одинацатой главы и 10—13 стихи семнадцатой главы Евангелія отъ Матеея, которыми будто бы подтверждается перевоплощеніе словами Спасителя о перевоплощеніи Іліи въ Іоанна Крестителя. Кромѣ того, въ защиту перевоплощенія спириты ссылаются на „сообщенія и

---

¹⁾ См. № 23 за 1912 г.

утвержденія духовъ, безплотныхъ жителей загробной жизни“, невидимо подтверждающихъ на спиритическихъ сеансахъ дѣйствительность перевоплощенія человѣка и указывающихъ будто бы примѣры перевоплощенія того или другого умершаго человѣка въ новаго человѣка подъ другимъ именемъ или даже другого пола.

Какое же значеніе имѣютъ эти основанія спиритовъ въ дѣйствительномъ ихъ сопоставленіи съ ученіемъ и словами Иисуса Христа?

Въ 3 главѣ 3 ст. Евангелія отъ Іоанна, говоря Никодиму: „истинно, истинно, говорю тебѣ: если кто не родится свыше не можетъ увидѣть Царствія Божія“, Иисусъ Христосъ разумѣлъ не тѣло, а душу человѣка. Подъ словами „родиться свыше“, вопреки спиритизму, нужно понимать не тѣлесное рожденіе, а возрожденіе душою, возрожденіе въ новаго человѣка, который, ведя прежде жизнь грѣховную и сознавъ потомъ весь ужасъ ея послѣдствій, увѣровалъ въ Сына Божія, въ необходимость слѣдовать Его завѣтамъ и сталъ вести жизнь новую, жизнь во Христѣ, жизнь въ духѣ любви и правды Христовой. Что именно такъ, а не какъ-либо иначе должно понимать слова Спасителя къ Никодиму о новомъ рожденіи—это подтверждаютъ слѣдующіе 4 и 5 стихи той же третьей главы. Никодимъ говоритъ Господу: „какъ можетъ человѣкъ родиться, будучи старъ? Неужели можетъ онъ въ другой разъ войти въ утробу матери своей и родиться?“ Спаситель отвѣчалъ: „истинно, истинно говорю тебѣ: если кто не родится отъ воды и Духа не можетъ войти въ царство Божіе“. Тутъ ужъ ясно для всякаго, что подъ рожденнымъ отъ воды и Духа Христосъ разумѣлъ такого человѣка, который увѣровалъ въ искупленіе, въ необходимость крещенія во имя Сына Божія и жизни въ духѣ Евангелія. „Поелику человѣкъ двойственъ, говоритъ по этому поводу св. Кириллъ Александрійскій, состоитъ изъ души и тѣла, то и очищеніе двояко: безплотное для безплотнаго, а тѣлесное для тѣла; вода очищаетъ тѣло, а Духъ запечатлѣваетъ душу“ 1).

1) Третье огласительное слово, изд. 1855 г., стр. 40.

Такъ отпадаетъ первое основаніе, которое спириты приводятъ въ защиту проповѣдуемаго ими перевоплощенія.

Столь же ненадежно и совершенно ложно и толкованіе спиритами евангельскаго текста въ стихахъ 14 и 15 одиннадцатой главы и 10—13 ст. семнадцатой главы Евангелія отъ Матѳея. Въ этихъ мѣстахъ Евангелія говорится о такомъ событіи, которое ни въ какомъ случаѣ не можетъ подтверждать перевоплощеніе, такъ какъ они, наоборотъ, удостовѣряютъ, что пророкъ Илія и Іоаннъ Креститель были не одинъ человѣкъ въ двухъ воплощеніяхъ, а два посланные Богомъ пророка, въ которыхъ пребывалъ Духъ Божій. Такъ объясняли эти слова Спасителя св. отцы и учителя Церкви. Св. Іоаннъ Златоустъ въ своихъ толкованіяхъ на Евангеліе разъясняетъ, что „Христосъ называетъ Іоанна Крестителя Иліею не потому, чтобы онъ былъ Илія, но потому, что онъ совершалъ служеніе его; или какъ Илія будетъ предтечею второго пришествія, такъ Іоаннъ—былъ предтечею первого“ ¹⁾. „Пророкъ Малахія, говоритъ арх. Михаилъ въ своемъ толкованіи на Евангеліе, предсказывалъ (Мал. IV, 5—6), что Илія будетъ посланъ предъ лицомъ Мессіи, чтобы приготовить ему путь. Это, конечно, не значитъ, что самъ ветхозавѣтный Илія долженъ явиться, а подобный этому Иліѣ, или, какъ говорится въ Евангеліи отъ Луки, человѣкъ съ духомъ и силою Іліи (Лук. 1, 17). Говоря: „онъ есть Илія; которому должно прійти“ (Мѳ. 9, 14), Христосъ прибавилъ: „если хотите принять“ и „кто имѣетъ уши слышать, да слышать“. Такимъ образомъ, Господь объясняетъ истинный смыслъ пророчества, указывая Ілію въ Іоаннѣ... и предворяетъ это объясненіе условною рѣчью: „если хотите принять“, ибо іудеи понимали пророчество Малахія въ буквальномъ смыслѣ и относили къ Іліѣ пришествіе Мессіи“ ²⁾. Къ этому нужно

¹⁾ См. „Бесѣда LVII“ на Евангеліе отъ Матѳея.

²⁾ Т. 1, Толковое Евангеліе отъ Матѳея, стр. 318.

еще прибавить, что слова Спасителя о томъ, что Іоаннъ Креститель, „если хотите принять“,—Илія, невозможно понимать въ духѣ спиритизма и потому еще, что, какъ говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, „и пророки каждаго благочестиваго царя называли Давидомъ, а іудеевъ—князьями Содомскими и сынами Египтовъ и именно по образцу жизни ихъ“¹⁾.

Такимъ образомъ, и второе основаніе ученія спиритовъ о перевоплощеніи исчезаетъ при его разсмотрѣніи, какъ и всякое другое ложное ученіе.

Послѣднее, главнѣйшее ученіе спиритовъ о перевоплощеніи—сообщенія и утвержденія духовъ—оказывается совершенно несогласнымъ съ ученіемъ христіанства.

По словамъ Спасителя и ученію св. Церкви, умершіе продолжаютъ жить и за гробомъ, сообразно ихъ прежней земной жизни: грѣшники въ мукахъ, а праведники въ небесныхъ блаженныхъ селеніяхъ. Сердечныя молитвы живыхъ за усопшихъ доходятъ до Господа, ослабляютъ мученія страждущихъ, и они, уже очищенные этими молитвами и претерпѣнными муками, явятся предъ Господомъ въ день Страшнаго Суда Его. По ученію же спиритизма, души умершихъ могутъ имѣть общеніе видимое и невидимое съ живущими на землѣ, и могутъ на спиритическихъ сеансахъ говорить съ людьми или видимо, „материализуясь въ свою имѣвшуюся при жизни на землѣ форму“, или невидимо, посредствомъ постукиванія столомъ, писанія карандашемъ и т. п.

Но Евангеліе рѣшительно не допускаетъ возможности самовольнаго явленія душъ изъ загробнаго міра и какихъ-либо сообщеній черезъ нихъ живущимъ на землѣ. Нигдѣ въ Евангеліи нѣтъ указаній на то, чтобы души умершихъ людей по своему ли произволу, или по простому желанію живыхъ могли являться къ послѣднимъ и сообщать имъ тѣ или другія свѣдѣнія. Правда, Евангеліе сообщаетъ намъ объ

¹⁾ „Бесѣда LVII на Евангеліе отъ Матѳея.

одномъ явленіи изъ загробнаго міра, но совершенно исключительномъ по своему значенію и цѣли. На горѣ Оаворѣ, во время преображенія Спасителя, явились два величайшихъ пророка ветхаго завѣта Моисей и Илія ¹⁾. Но явленіе такихъ свидѣтелей было дѣломъ Божественнаго всемогущества, показавшаго избраннымъ ученикамъ, что ихъ Учитель есть верховный Владыка жизни и смерти, Господь живыхъ и мертвыхъ ²⁾. Факты же чудеснаго воскресенія изъ мертвыхъ, на которые любятъ ссылаться спириты, въ частности возстаніе изъ гробовъ многихъ усопшихъ святыхъ въ моментъ смерти Спасителя, ³⁾ къ данному вопросу о явленіи духовъ изъ загробнаго міра не имѣютъ ровно никакого отношенія, такъ какъ воскресшіе облекались тѣломъ и возвращались къ жизни земной, а не являлись только духомъ изъ царства мертвыхъ.

Въ притчѣ Спасителя о богатомъ и Лазарѣ ⁴⁾ мы видимъ прямое обличеніе ученія спиритизма о явленіи духовъ изъ загробнаго міра. Какъ извѣстно, богатъ не можетъ явиться по собственному желанію къ братьямъ, чтобы предупредить ихъ о послѣдствіяхъ нечестивой жизни. Авраамъ также отказывается исполнить его просьбу. Несомнѣнно также, что самовольныя явленія людей съ того свѣта противорѣчили бы установленному Богомъ порядку природы и жизни человѣческой и были бы несообразны съ существующими понятіями о душѣ и тѣлѣ. Духъ потому и духъ, что онъ невидимъ, неосязаемъ, недоступенъ ни для какихъ тѣлесныхъ чувствъ ⁵⁾. Нужно чудо, чтобы видѣть духа тѣлесными очами, которыя отверзаются для этого по особому изволенію Божію ⁶⁾. По-

¹⁾ Лук. 9, 30: Мѡ. 17, 3.

²⁾ См. твор. св. Ефрема Сирина ч. 3, стр. 73 и св. Іоанна Златоуста бесѣду 56 на Евангеліе отъ Маттея.

³⁾ Мѡ. 27, 52.

⁴⁾ Лук. 16, 19—31.

⁵⁾ Лук. 24, 39.

⁶⁾ Дѣян. 5, 19—23; 12, 5—18.

тому то явленія ангеловъ и діаволовъ всюду утверждаются въ Евангеліи, какъ особыя дѣйствія Божіи, обусловленныя высокими нравственными цѣлями. Что же касается душъ умершихъ, то, по ученію Евангелія, онѣ находятся въ назначенномъ имъ мѣстѣ и не могутъ ни переходить произвольно въ загробномъ мірѣ, ни являться въ здѣшній міръ ¹⁾).

Ученіе св. отцовъ Церкви вполне подтверждаетъ мысль о невозможности произвольныхъ и естественныхъ явленій душъ умершихъ живымъ людямъ. Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ: „невозможно блуждать здѣсь душѣ, уже отдѣлившейся отъ тѣла“ ²⁾. „Богъ заперъ для душъ умершихъ двери вѣчности и никому изъ нихъ не дозволилъ являться живымъ, чтобы діаволъ не воспользовался позволеніемъ ко вреду и обману людей“ ³⁾. По ученію бл. Августина, несвойственно природѣ душъ, отрѣшенныхъ отъ тѣла, сообщаться съ живущими ⁴⁾. Подобныя же сужденія высказываетъ и св. Іоаннъ Дамаскинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

А. Д—въ.

¹⁾ Лук. 16, 16. Мѡ. 25, 34—46.

²⁾ Бесѣда 28 на Евангеліе отъ Маттея.

³⁾ Бесѣда 4 на Евангеліе отъ Луки.

⁴⁾ Творенія бл. Августина, т. III, бесѣда на исаломъ XV.

⁵⁾ Перепечатаваемъ письмо для ознакомленія нашихъ подписчиковъ, по-преимуществу духовенство, въ цѣляхъ успешной борьбы съ сектанствомъ.

Ред.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

№№ 25—26.

1912-го года 17—24-го іюня.

Содержаніе: I. Клевета сектантовъ. Свящ. А. Введенскій.—II. Спиритизмъ и Евангеліе Иисуса Христа. (Окончаніе). А. Д—въ.—III. Медальистъ. Свящ. В. Пестряковъ.—IV. Ветхій и Новый Заветъ по взгляду В. В. Розанова. Е. Х.—V. Забѣтки. а) Руководственныя правила для учениковъ Училища Пастырства, составленныя Архіепископомъ Волынскимъ въ 1908 году. б) Духовенство о крестьянское хозяй-ство.—

Клевета сектантовъ.

Въ одной популярной, весьма дешевой и весьма распро-
страненной газеткѣ „Копѣйка“ помѣщена бесѣда петербург-
скаго миссіонера Д. Боголюбова съ однимъ изъ видныхъ и
извѣстныхъ представителей сектантскаго міра. Эта бесѣда за-
няла довольно много мѣста и растянулась на нѣсколько но-
меровъ. Несомнѣнно, ее прочитали почти всѣ подписчики.
А такъ какъ ея подписчиками являются главнымъ образомъ
люди простые, иногда рабочіе, фабричныя, которые крити-
чески ко многому не могутъ отнестись, то несомнѣнно, что

опубликованная бесѣда на многихъ и многихъ произвела сильное впечатлѣніе и вызвала въ ихъ умѣ различнаго рода сомнѣнія и недоумѣнія. Да и не мудрено, такъ какъ въ ней брошенъ укоръ по адресу Православной Церкви.

Мы, пастыри, не должны допускать, чтобы брошенные въ среду нашей паствы сомнѣнія росли, крѣпли и умножались. Посему мы должны своевременно обратить вниманіе на эту бесѣду и обслѣдовать вопросъ, служащій камнемъ преткновенія и соблазна какъ для сектантовъ, такъ и для православныхъ.

Въ поименованной нами бесѣдѣ Фетлеръ отъ лица петербургскихъ сектантовъ заявилъ, что Православная Церковь искадила евангельское ученіе Иисуса Христа.

Миссіонеръ Боголюбовъ потребовалъ доказательства.

На это Фетлеръ отвѣтилъ такими словами: „Возьмите Заповѣди блаженства. Вы въ первой же заповѣди найдете искаженіе Евангелія. Тамъ сказано: „Блаженны нищіе, потому что ихъ есть Царство Божіе“ (Лук. 6 гл. 20 ст.), а вы передѣляли эту заповѣдь по своему. Вы учите и читаете: „Блаженны нищіе духомъ“... Откуда вы взяли слово „духомъ“? Развѣ оно есть въ Евангеліи Луки? Вотъ вамъ греческое Евангеліе. На греческомъ языкѣ нѣтъ вашей прибавки. Здѣсь она совершенно отсутствуетъ. Тутъ только такъ сказано: „μακάριοι οἱ πτωχοί—блаженны нищіе“, а слово „τῷ πνεύματι—духомъ“ отсутствуютъ. Не ясно, ли дѣло, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ поврежденіемъ текста? Затѣмъ, искаженъ не только текстъ, но и пониманіе его. Такъ, если читать первую заповѣдь блаженства безъ послѣдующей приставки, безъ слова „духомъ“, то получается, что Иисусъ Христосъ имѣлъ въ виду нищихъ въ собственномъ смыслѣ, т. е. людей, не имѣющихъ матеріальнаго достатка, и ублажаетъ бѣдныхъ за одну ихъ бѣдноту, въ чисто эвѣнитскомъ смыслѣ, а богатыхъ осуждаетъ просто потому, что они богатые. Это вполне понятно, потому что нищіе думаютъ о царствѣ Божіемъ, а богатые не думаютъ. Вы посмотрите, какъ Иисусъ

Христосъ обличалъ богатыхъ и какъ превозносилъ бѣдныхъ: „горе вамъ, богатые, ибо вы уже получили свое утѣшеніе. Горе вамъ, пресыщенные, ибо вы будете голодать. Горе вамъ, смѣющіеся нынѣ, ибо вы будете плакать и рыдать“. А вспомните еще такія Его слова: „когда дѣлаешь обѣдъ или ужинъ, не зови друзей своихъ, ни братьевъ твоихъ, ни родственникововъ твоихъ, ни сосѣдей богатыхъ, чтобы и они тебя никогда не позвали, и не получилъ ты воздаянія. Но когда дѣлаешь пиръ, зови нищихъ, увѣчныхъ, хромыхъ, слѣпыхъ, и блаженъ будешь“ (Лук. 14 гл. 12—14 ст.). Не ясно ли отсюда, что будутъ спасены только одни нищіе, что придетъ царство нищихъ? И однако православные пошли вопреки тексту и контексту рѣчи и сдѣлали добавленіе, совершенно исказившее первую заповѣдь блаженства.

Такъ говорилъ Фетлеръ.

Мы больше чѣмъ увѣрены, что Боголюбовъ далъ рѣшительный отпоръ легкомысленному экзегету, но въ томъ то и бѣда, что газета объ отпорѣ ни слова. А это молчаніе газеты говоритъ о томъ, что редакція газеты „Копѣйка“ во чтобы то ни стало хочетъ представить и дѣйствительно представила дѣло такъ, что сектанты правы, а православные виноваты.

Такой оборотъ дѣла заставляетъ всѣхъ пастырей Церкви взяться за перо и оправдать себя какъ предъ православными, такъ и предъ сектантами. Другими словами, необходимо дать народу соотвѣтствующія по данному вопросу разъясненія, чтобы парализовать силу закравшихся въ его душу сомнѣній и недоразумѣній и тѣмъ предотвратить на будущее время появленіе такихъ соблазновъ и недоразумѣній.

Сектанты утверждаютъ, будто мы произвольно исполнили текстъ евангелскихъ изреченій блаженства.

Но вѣдь это клевета на насъ, православныхъ, на всю христіанскую Церковь. Развѣ мы произвольно исполнили евангельскій текстъ? Развѣ по своему желанію мы прибавили слово „духомъ“? Совсѣмъ нѣтъ.

Въ Евангеліи Луки дѣйствительно нѣтъ слова „духомъ“, но зато оно есть въ Евангеліи Матѳея. У этого евангелиста сказано: „Блаженны нищіе духомъ, ибо ихъ есть Царствіе Небесное“ (Матѳ. 5 гл. 3 ст.). Отсюда видно, что Іисусъ Христосъ обѣщаль Царствіе Небесное ни бѣднымъ, а нищимъ духомъ. Чтобы кто-нибудь изъ читающихъ Евангеліе Луки не впалъ въ ту ошибку, какую допускаютъ теперь сектанты, то пастыри Церкви и восполнили неоконченную въ Ев. Луки первую заповѣдь блаженства словомъ „духомъ“. Если бы въ Ев. Матѳея не было слова „духомъ“, то тогда, конечно, эта прибавка была бы пѣрчей новозавѣтнаго текста.

Маленькое примѣчаніе. Не только православные христіане считаютъ такого рода восполненіе законнымъ и необходимымъ, но даже протестанты, апостолы сектанства, и тѣ говорятъ, что „опущенное слово „духомъ“ должно быть возстановлено“. Вотъ, напримѣръ, что пишетъ нѣмецкій комментаторъ всѣхъ книгъ Новаго Завѣта, бывшій профессоръ Эрлангенскаго университета, докторъ богословія, Германъ Ольсгаузенъ: „въ Евангеліи Луки пропущено слово τῷ πνεύματι въ начертаніи первой заповѣди блаженства. Принимая во вниманіе Матѳ. 5 гл. 3 ст., оно должно быть у Луки, 6 гл. 20 ст., возстановлено“. ¹⁾

Наконецъ, сдѣланная нами добавка не только не нарушаетъ смысла евангельскаго ученія, но еще способствуетъ большему его пониманію и разъясненію.

Какъ это такъ, мы сейчасъ покажемъ.

Первое слово, какое Спаситель сказалъ народу во время проповѣди на горѣ, было слово о духовномъ обнищаніи людей. „Блаженны нищіе духомъ, ибо ихъ есть Царство Небесное“. Значитъ первый шагъ къ новой, свѣтлой евангельской жизни заключается въ духовной нищетѣ, въ томъ, чтобы понять убожество жизни, свою духовную нищету.

¹⁾ Bibl. Commentar. V. I., стр. 203.

Почему духовная жизнь человѣка должна начинаться съ нищеты духа?

А вотъ почему. Болѣзнь ¹⁾, какъ извѣстно, еще полбѣды. Станетъ человѣкъ лѣчиться, поведетъ правильную жизнь, можетъ вернуть здоровье. Вся бѣда въ томъ, когда человѣкъ считаетъ себя здоровымъ и слышать не хочетъ о лѣченіи, не мѣняетъ образа жизни. Тутъ уже ничѣмъ помочь нельзя.

Другой примѣръ. Идетъ человѣкъ болотомъ; что далѣе, то болѣе увязаетъ и думаетъ, что это самый вѣрный путь. Конечно, рано или поздно его съ головой затянетъ и засосетъ тиной. Для него было бы, если не полнымъ избавленіемъ, то началомъ спасенія, если бы онъ на первыхъ порахъ хоть только остановился, понялъ, что онъ вѣдь не знаетъ настоящей дороги,—шелъ доселѣ, какъ слѣпой.

Когда больной пойметъ, что онъ боленъ, то, если и не навѣрно, то во всякомъ случаѣ болѣе, чѣмъ вѣроятно, начнетъ лѣчиться.

Поэтому и сказано: „счастливы, блаженны тѣ, кто понялъ во время, что они нищи духомъ, обнищали добромъ и правдой, что за ихъ душой нѣтъ никакихъ добрыхъ дѣлъ: они могутъ найти Царствіе Божіе“.

Самое великое горе въ жизни не то, что люди дѣлаютъ зло и что жизнь полна неправды. Страшно тупое равнодушіе людей къ добру и правдѣ, довольство собою, гордость своею жизнью. Люди свыклись съ нравственною духотою и спокойно остаются въ ней. Счастливы поэтому тѣ, кому станетъ въ этой обстановкѣ душно. Они уже не останутся въ духотѣ, ихъ потянетъ на Божій просторъ, къ Царству Божію. А разъ потянетъ ихъ, то они непременно наслѣдуютъ его.

Тутъ не сказано „бѣдный“, а „нищій“, потому что бѣдный и нищій—большая разница. Бѣднякъ можетъ ничего не

---

¹⁾ Иллюстраціи позаимствованы нами изъ брошюры Г. П.: „О Богѣ и Божей правдѣ“. стр. 38.

имѣть и быть довольнымъ своею судьбою. Былъ въ древности бѣдный мудрецъ, который жилъ даже въ бочкѣ. Когда его навѣстилъ царь и спросилъ, чего мудрецъ хочетъ, онъ сказалъ: „Отойди отъ бочки, не загараживай солнца“. Мудрецъ былъ доволенъ своимъ положеніемъ и ни у кого ничего не просилъ. Иное дѣло нищій. Нищій ходитъ по городамъ и деревнямъ. проситъ подъ окнами, стучитъ въ дверь, протягиваетъ руку прохожимъ, моля о милостынѣ.

Если и „нищіе духомъ“ будутъ такъ же вездѣ искать и у всѣхъ просить, какъ милостыни, указаній добра и правды, они съ пустой душой не останутся, на стройку Царства Божія въ себѣ и въ людяхъ годный матеріалъ найдутъ.

Богатые тоже могутъ быть нищими духомъ, если только сознаютъ свое духовное убожество, поймутъ, что за ихъ душой нѣтъ никакихъ добрыхъ дѣлъ, что внутри ихъ пусто, и если богатство свое употребляютъ на обогащеніе своей души добрыми дѣлами.

Вотъ какъ надо понимать и изъяснять первую заповѣдь блаженства.

А то повывдумывали, что нищіе, бѣдные наследуютъ Царствіе Божіе. Тогда значить и босяки войдутъ въ рай? И истинно христіанское общество есть общество босяковъ?

Какъ бы не такъ!

Законоучитель Одесской 2-й мужской
гимназіи Свящ. А. Введенскій.

Спиритизмъ и Евангеліе Іисуса Христа.

(Окончаніе)¹⁾.

Общеніе человѣка съ загробнымъ міромъ совершенно не отрицается нашею Церковью, и въ ея лѣтописяхъ встрѣчаются яркіе случаи такого общенія многихъ святыхъ под-

---

¹⁾ См. № 24 за 1912 г.

вижниковъ во дни ихъ земной жизни. Такъ, многіе изъ нихъ ¹⁾ видѣли въ вѣщихъ снахъ и въ часы бодрствованія дивные образы св. угодниковъ Божіихъ и Пресвятую Богородицу, но точно также имъ приходилось видѣть, какъ указываютъ жизнеописанія многихъ, и злого искушителя въ видѣ прекрасной женщины, полной сладострастья. Поэтому, не представляется никакого сомнѣнія въ томъ, что и общеніе духа, и принятіе имъ временно тѣлесной формы человѣка возможно только или для чистой и совершеннѣйшей святости, или для абсолютнаго зла.

Къ какой же категоріи духовъ принадлежать духи, покровители и утвердители спиритизма?

Какъ мы видѣли, эти духи даютъ ложныя толкованія Евангелія и распространяютъ ученіе, несогласное съ завѣщаніемъ Іисуса Христа и Его св. Церкви. Слѣдовательно, это духи тьмы, а не свѣта,—духи, отъ которыхъ каждый вѣрующій христіанинъ долженъ отстраниться съ ужасомъ и отвращеніемъ. Участіе темныхъ силъ въ спиритизмъ допускали и многіе ученые изслѣдователи его, нерѣдко даже вопреки своимъ основнымъ убѣжденіямъ. Такъ, извѣстный лейпцигскій профессоръ Фехнеръ, наблюдавшій необычныя явленія на спиритическихъ сеансахъ Слэда, объясняетъ ихъ изъ демонологическихъ основаній. Характеризуя спиритическія манифестаціи, какъ болѣзненные и ненормальныя проявленія чело-вѣческой природы, Фехнеръ называетъ ихъ „демонскими на-вожденіями“ и въ подтвержденіе ссылается на туманность, соблазнительность, нелѣпость и безсодержательность откровеній духовъ ²⁾. Сторонникъ спиритизма Бернскій профессоръ Перти утверждаетъ, что злые духи нерѣдко выдають себя за людей и обманываютъ медиумовъ ³⁾. Нашъ профессоръ Бу-леровъ также допускаетъ возможность участія демоновъ въ

¹⁾ Напр. Сергій Радонежскій и др.

²⁾ *Reweis des Glaubens*, 1879 г. s. 283.

³⁾ См. у Вержболовича „Спиритизмъ предъ судомъ науки“, стр. 492.

производствѣ спиритическихъ феноменовъ. Протестантскіе богословы: Лютардтъ, Цеклеръ, Этингеръ, Крейгеръ, а изъ католическихъ — Шанцъ, Шнейдеръ и др., видѣли во многихъ спиритическихъ экспериментахъ дѣйствія духовъ ада ¹⁾).

Съ христіанской точки зрѣнія не представляется затруднительнымъ допустить въ области медиумизма для объясненія таинственныхъ явленій участіе злыхъ духовъ. По ученію новозавѣтнаго откровенія, діаволь признается началомъ всякаго зла, грѣха и гибели ²⁾).

Хотя вѣрующіе и могутъ прогонять его отъ себя повиновеніемъ воли Божіей ³⁾ и имѣютъ оружіе противостоять его кознямъ, ⁴⁾ тѣмъ не менѣе они не свободны отъ искушеній сатаны, ⁵⁾ отъ его преслѣдованій ⁶⁾ и вредоносныхъ злыхъ умысловъ и дѣйствій ⁷⁾. Онъ внушаетъ людямъ зло и нечестіе ⁸⁾, обманываетъ ихъ, принимая видъ ангела свѣтла ⁹⁾ и дѣйствуя знаменіями и чудесами, ¹⁰⁾ враждуетъ противъ Церкви Христовой ¹¹⁾ и обольщаетъ всю вселенную ¹²⁾. Вообще, по ученію Новаго Завѣта, дѣятельность діавола настолько тѣсно связана съ человѣческой жизнью, что его нельзя упускать изъ виду при разсмотрѣніи духовно-нравственныхъ вопросовъ.

У св. отцевъ Церкви, мы также находимъ подтвержденіе дѣйствію демоническихъ силъ въ спиритизмѣ. По свидѣтельству св. Іоанна Златоуста, злой духъ выдавалъ себя за

¹⁾ Ibid, стр. 492.

²⁾ 1 Іоан. 3, 8.

³⁾ Іак. 4, 7; 1 Іоан. 2, 14.

⁴⁾ Ефес. 6, 11.

⁵⁾ 1 Кор. 7, 5; 1 Сол. 3, 5.

⁶⁾ Лук. 22, 31.

⁷⁾ 2 Кор. 2, 11; 12, 7.

⁸⁾ Мѣ. 13, 19, 39; 16, 23.

⁹⁾ 2 Кор. 11, 14.

¹⁰⁾ 2 Сол. 2, 9; 1 Тим. 14, 1.

¹¹⁾ Мѣ. 16, 18.

¹²⁾ Апок. 21, 9.

душу одного монаха, св. Григорій Великій повѣствуетъ, что въ одномъ домѣ злой духъ заставлялъ раздаваться по ночамъ рычанью львовъ, мычанью коровъ, бляенью овецъ, шипѣнью змѣй, пока не былъ изгнанъ епископомъ. И въ наше время въ газетахъ часто появляются сообщенія о „нечистыхъ“ мѣстахъ—домахъ, кладовыхъ, чердакахъ, сараяхъ и т. п., въ которыхъ слышится стукъ, передвигаются вещи, раздается грохотъ и прочее, что относится къ области спиритизма; при этомъ интересно отмѣтить, что, по совершеніи водосвятныхъ молебновъ, такія явленія обыкновенно прекращаются, что и даетъ несомнѣнный поводъ считать виновниками ихъ злыхъ духовъ. Того же мнѣнія держатся и наши отечественные богословы: митрополитъ московскій Филаретъ, архіепископы Пиннокентій и Никаноръ и Теофанъ затворникъ, главнымъ образомъ потому, что вызываемые спиритами духи ничего не знаютъ о загробной жизни, мздовоздаяніи, троичности Божества и вообще дерзко искажаютъ св. Евангеліе Иисуса Христа Сына Божія. Неудивительно поэтому, что даже столь далекій отъ истинно-христіанскихъ воззрѣній, каковъ ученый Фехнеръ, находитъ невозможнымъ сопоставленіе спиритской религіи съ религіей, проповѣданной Христовымъ Евангеліемъ. „Какъ темная комната спиритическаго сеанса съ нелѣпыми изреченіями духовъ, говоритъ онъ, относится къ ярко освѣщенной церкви съ проповѣдникомъ на каедрѣ и прекраснымъ, гармоничнымъ пѣніемъ хора, такъ спиритическая религія относится къ христіанской“. Далѣе Фехнеръ удивляется самой возможности сопоставленія явленій воскресшаго Господа съ явленіями духовъ въ спиритизмъ въ виду полной противоположности тѣхъ и другихъ и доказываетъ неизмѣримыя преимущества вѣрованія въ ясное и возвышенное ученіе Евангелія Иисуса Христа и возвѣщенные тамъ чудеса предъ вѣрою въ спиритское толкованіе Евангелія при помощи сообщаемыхъ духами откровеній. Различіе же чудесъ евангельскихъ и спиритскихъ съ точки зрѣнія Фехнера таково, каково—между яснымъ днемъ и темною ночью, между разум-

ною нормально-одушевленной силою и дѣйствіями помѣшаннаго ¹⁾).

Нѣтъ нужды доказывать, что стремленіе спиритовъ—исправлять, очищать и дополнять св. Евангеліе ясно свидѣтельствуется, что они „*осуетившася помысленіи своими и глаголющася быти мудри, обзюродыша*“ ²⁾). Надъ ними исполняется апостольское изреченіе: „*послетъ имъ Богъ дѣйство лести, во еже вървати имъ лжи*“ ³⁾). И тѣ слова, которыми Христосъ Спаситель обличалъ невѣрующихъ іудеевъ, вполне приложимы и къ современнымъ спиритамъ: „*Вы отца вашего діавола есте, и похоти отца вашего хотите творити: онъ челоукоубійца бѣ искони и во истинѣ не стоитъ, яко нѣсть истины въ немъ: егда глаголетъ лжу, отъ своихъ глаголетъ, яко ложь есть и отецъ жи*“ ⁴⁾). Вышедшая въ концѣ прошлаго года русскимъ изданіемъ книга спирита Аллана Кардека, взявшаго на себя смѣлость объяснить и дополнить св. Евангеліе, также книга, исполненная жи. Когда спириты объясняютъ и дополняютъ св. Евангеліе, они говорятъ ложь, потому что и все ученіе ихъ есть ложь. Для всякаго вѣрующаго христіанина это очевидно. Но намъ больно то, что спиритизмъ, прикрываясь евангельскими реченіями, заимствуя изъ Евангелія его возвышеннѣйшее нравственное ученіе, неощутимо и соблазнительно увлекаетъ въ свои пагубныя сѣти даже образованныхъ людей. Что же надо сказать о простомъ народѣ, на душу котораго вообще внѣшнія проявленія оказываютъ сильное впечатлѣніе.

Вотъ почему пастыри Церкви должны употребить всѣ средства борьбы противъ распространяющагося спиритическаго ученія. Они должны разъяснять соблазняющимся пасомымъ, что спиритизмъ, загробными откровеніями своихъ духовъ по-

¹⁾ Reweis des Glaubens, 1789 г., стр. 286—288.

²⁾ Римл. 1, 21—22.

³⁾ 2 Сол. 2, 11.

⁴⁾ Іоан. 8, 44.

кровителей отрицающій основные догматы Христова ученія, не только не согласенъ съ Евангелиемъ, но прямо искажаетъ его, оправдывая при этомъ суевѣрїя и плоды ихъ. Они должны возможно болѣе часто и глубоко напечатлѣвать въ сознаниі своихъ пасомыхъ мысли о томъ, что Слово Божіе строжайше воспрещаетъ всякія занятія, родственныя спиритизму ¹⁾, что новаго откровенія, кромѣ даннаго уже черезъ Богочеловѣка Христа, быть не можетъ ²⁾ и что спиритическая религія, отвергающая Богочеловѣчество Иисуса Христа, есть порожденіе духа антихристового.

О семъ познайте духа Божія и духа лстца: всякъ духъ, иже исповѣдуетъ Иисуса Христа во плоти пришедша отъ Бога есть: И всякъ духъ, иже не исповѣдуетъ Иисуса Христа во плоти пришедша, отъ Бога нѣтъ: и сей есть антихристовъ, еюже слышите, яко урядетъ, и нынѣ въ мїръ есть уже ³⁾.

А. Д—въ.

¹⁾ Вгор. 18, 10—13.

²⁾ Гал. 1, 8.

³⁾ 1 Юан. 4, 2—3.

Медалисть.

Священники въ голодномъ селѣ Непотяговѣ долго не засиживаются.

Молодые, полные силъ и надеждъ приходятъ они въ Непотягово и, поголодавъ здѣсь два—три года, засыпають архіереевъ слезницами, прося лучшихъ, болѣе хлѣбныхъ мѣстъ. Популярный и вліятельный въ селѣ дьячекъ Харитонъ Стратилатовичъ Гороливанскій этимъ обстоятельствомъ еще больше возвышается въ глазахъ населенія. Легко сказать: продьячить на одномъ мѣстѣ около пятидесяти лѣтъ, лучшаго

ничего не искать, никогда не жаловаться на скудость и вывести въ люди не только родныхъ дѣтей, но я осиротѣлыхъ внуковъ! Сѣрья, незамѣтная, какъ вскормившая ихъ мать сыра-земля, проходили передъ нимъ поколѣнія непотяговцевъ: рождались, женились, поливали трудовымъ потомъ скудную землю, умирали, а онъ, какъ дубъ, стоялъ на своемъ высокомъ посту—на клиросѣ, спокойный, величавый, полный силъ.

По церковнымъ дѣламъ и мѣстной исторіи, по деревенскимъ примѣтамъ и хозяйственнымъ вопросамъ Харитонъ Стратилатовичъ служилъ для деревни непререкаемымъ авторитетомъ, живой лѣтописью и справочникомъ. Молодые священники иногда не прочь заводить въ Непотяговѣ разныя новшества, вычитанныя въ книжкахъ, но осуществляется въ приходской жизни лишь то, что одобряетъ и принимаетъ за благо Стратилатычъ.

— Раньше у насъ этого не было, ваше преподобіе, говоритъ онъ настоятелю, если нововведеніе ему не нравится. Роптать народъ будетъ, зачѣмъ себѣ и людямъ безпокойство дѣлать?...

— А вы смиритесь, успокаивалъ онъ роптавшихъ крестьянъ. Противъ пастыря грѣшно говорить, повиноваться ему должно.

Дѣло улаживается тѣмъ, что всякое новшество, неудобное міру, теряло свою силу съ уходомъ его автора на лучшей приходъ.

Изъ духовныхъ властей непотяговцы знали одного благочиннаго, но къ высшему начальству относились съ нѣкоторымъ укоромъ. Причиною тому былъ Стратилатовичъ.

— Хорошій ты человекъ, Стратилатычъ, говорили ему мужики. Всѣмъ ты взялъ: уставность всякую знаешь, благообразіе на ликѣ имѣешь, уваженіе отъ мужиковъ тебѣ полное. Давно пора бы начальству возвести тебя въ степень священнической.

— Каждому на вѣку свое положеніе назначено, возражалъ имъ дьдчекъ. Для священства одной бороды и голоса мало, надо ученость пройти, а я бурсы, и той не окончилъ...

— На что намъ твоя ученость; для насъ ты и такъ самый ученый человѣкъ...

— Ученость—штука важная, не вамъ о ней судить. Читать я могу, къ примѣру сказать, всякую книжку, а понимать—дудки-съ! Потому мало ученъ! Иное слово такое вычитаешь, что и выговорить еле сможешь, куда ужъ тамъ понимать, а спросишь настоятеля, онъ вмигъ тебѣ разъяснить, потому человѣкъ ученый. Сталъ на-дняхъ батюшкѣ рассказы-вать похождения нѣкоего господина авантюриста,—въ газетѣ прочиталъ,—а онъ смѣется и спрашиваетъ:

— Вы что же, Стратилатычъ, думаете, вѣроятно, что этого господина имя или фамилія „авантюристъ“?

— А то какже говорю.

— Нѣтъ, это—барбаризмъ, по нашему значить проходимецъ или жуликъ.

— Ученый человѣкъ и необразованность мою проявилъ и новую загадку заганулъ: теперь думай, что это барбаризмъ за вещь такая? А письмо, сочиненіе всякое... Заставь меня бумагу по начальству написать или проповѣдь составить—ни во вѣки не смогу, а образованный человѣкъ надъ этимъ долго думать не станетъ. Такъ-то, милые...

Крестьяне уступаютъ Стратилатовичу и готовы помириться для него на діаконѣ, но и тутъ ихъ ждетъ разочарованіе.

— Нельзя мнѣ и діакonomъ быть, потому второбрачный я,—на второй женѣ женатъ.

— А что-жъ какъ на второй? Воля Божія была на то, чтобы ты первую жену схоронилъ. А вторая жена или первая—какой тутъ грѣхъ; все едино: баба... Безъ бабы человѣку трудно...

— Нельзя... немощь человѣкъ проявляетъ, ежели на второй бабѣ женится, огненное озлобленіе...

Во всемъ Непотяговѣ есть только одно существо, которое позволяетъ себѣ быть съ Стратилатычемъ непочтительнымъ: это сравнительно молодая еще жена его Улинька. Отъ нея достается мужу и за бѣдность, и за горькую женскую долю, и за стаканчикъ вина, выпитаго съ мужиками въ торжественномъ случаѣ.

— Дура я была, что пошла за тебя, стараго. Купецъ или чиновникъ женился бы на миѣ, вѣкъ барыней бы въ довольствѣ прожила, а не въ нуждѣ и бѣдности, какъ за тобой. Что неправду я говорю, скажи, неправду? И Улинька поглядываетъ на мужа такимъ взглядомъ, который допускаетъ только одинъ отвѣтъ.

Крестьяне называютъ Улиньку колотовкой и вѣдьмой и очень удивляются, что Стратилатычъ позволяетъ ей брать надъ собою верхъ.

— Экую силуцу тебѣ Господь Богъ дароваль, Стратилатычъ, а ты съ бабой не въ силахъ справиться...

— А ты помолчи, разумникъ, урезониваетъ дьячекъ нескромнаго собесѣдника, не твоего ума это дѣло. Улинька у меня жена очень даже прекрасная, а что немного сварливая, такъ это полезно, св. Апостоль Павель о семъ говорить: дадеса ми пакостникъ плоти, да не превозношуся... Такъ-то, друже...

II.

Какъ вода течетъ жизнь. Неизвѣстно, Стратилатычъ ли проболтался, настоятель-ли высчиталь, но какъ-то сразу въ Непотяговѣ заговорили о томъ, что скоро исполнится ровно пятьдесятъ лѣтъ съ того времени, какъ въ деревню прибылъ молодой тогда дьячекъ Стратилатычъ. Старики, какихъ уже немного осталось въ деревнѣ, вспоминали, что отъ своего предшественника дьячекъ получилъ не только мѣсто, но и дочку въ жены, а съ нею пять душъ сиротъ въ приданое, что въ молодости у него былъ хорошій голосъ, что за 50 лѣтъ онъ никого не обидѣлъ и ни съ кѣмъ не поссорился; едино-

гласное рѣшеніе деревни было, что юбилей необходимо ознаменовать, почтить и поблагодарить старика за долгую службу.

И почтили. Все село, отъ мала до велика, собралось въ юбилейный день въ храмъ на торжественное богослуженіе. Во главѣ съ благочиннымъ прибыло нѣсколько священниковъ, съѣхались всѣ окружные псаломщики и торжество удалось на славу.

Никогда непотяговцы не видѣли такого многодѣчія и не слыхали такого умилительнаго пѣнія, какъ въ юбилейный день. Изъ дьячковъ особенно старался одинъ, старенькій, едва ли не ровестникъ Стратилатыча, выводившій дискантомъ самыя высокія ноты.

— Гляди, ребята, шопотомъ выражали удивленье мужики. Дьячекъ старенькій какой, а голосомъ выводитъ будто дитѣ...

Стратилатычъ въ этотъ день не дьячилъ, прочиталъ лишь апостола и все время усердно молился.

Послѣ торжественнаго молебна юбиляру пропѣли „многая лѣта“, поднесли иконы отъ духовенства и прихожанъ; благочинный и настоятель сказали привѣтственные рѣчи, гдѣ восхваляли заслуги юбиляра.

Юбилейная трапеза, организованная крестьянами и на ихъ счетъ, состоялась, вслѣдствіе многолюдства, на открытомъ воздухѣ. Крестьянамъ такъ удобнѣе было нѣкоторый запасъ питій укрыть въ кустахъ и малыми порціями доставлять къ столу, не смущая священство общими размѣрами напитковъ, довольно внушительными.

За обѣдомъ говорили тосты, пѣли „многая лѣта“, кричали ура, чѣмъ заставляли краснѣть скромнаго Стратилатыча.

— Много взысканъ, благодарю, раскланивался онъ на всѣ стороны. Грѣшенъ и недостойнъ столь великой чести...

Въ серединѣ обѣда, когда гости достаточно уже раскраснѣлись, вышелъ съ рѣчью и одинъ изъ крестьянъ, самый разумный, какъ считали его мужики.

— Ваше священство и вы, господа прихожане! Мы сегодня чествуем Стратилатыча, потому онъ любъ намъ и всѣ его уважають. 50 лѣтъ не то прослужить, а и прожить на бѣломъ свѣтѣ удается не всякому. А любимъ мы тебя, Стратилатычъ, потому, что душевный ты человекъ и отъ часъ, простыхъ мужиковъ, не обособляешься и не превозносишься; для всякаго у тебя доброе слово найдется, и для стараго и для ребенка малаго...

— Правильно, вѣрно, загудѣли крестьяне, радуясь что и среди нихъ нашелся ораторъ.

— Люди добрые, не перебивайте, недовольно запротестовалъ ораторъ. Еще я скажу такъ. Миръ—большое дѣло, только безъ начальства что мы можемъ? Надо чтобы и начальство поощрило Стратилатыча; я такъ думаю, что намъ слѣдуетъ отбить телеграмму владыкѣ архіерею, али самому Святѣйшему Синоду и доложить о заслугахъ Стратилатыча.

— Просимъ, просимъ, загалдѣли крестьяне, окружая благочиннаго, низко ему кланаясь.

На крестьянскія благопожеланія съ достоинствомъ отвѣтилъ благочинный.

— Отцы и братіе! Касательно начальства вы будьте покойны: оно всегда помнить и поощряетъ своихъ труженниковъ, добрѣ подвизавшихся. Досточтимый нашъ юбиляръ Харитонъ Стратилатовичъ также будетъ взысканъ милостью и вниманіемъ начальства: мною уже сдѣлано надлежащее представленіе по начальству о награжденіи его золотою медалью. Надѣюсь, что въ недалекомъ будущемъ онъ украсится симъ знакомъ одобренія и поощренія многолѣтней и многополезной его дѣятельности. Достойному достойное...

— Ура! дружно подхватили присутствующіе и потянулись поздравлять Стратилатыча.

III.

— Улинька, а Улинька, говорилъ на другой день Стратилатычъ женѣ, слышала вчера про медаль-то?

— Слышала, чай не глухая... А какая она изъ себя медаль-то будетъ?

— Извѣстно какая: золотая, изъ настоящаго золота...

— Знаю золотая. Величины какой, съ ползолотога будетъ?

— Такъ думаю,—не меньше, какъ съ рубль; да тутъ не въ размѣрахъ дѣло. Вниманіе начальства пріятно...

— Золото—тоже вещь пріятная. При бѣдности и медаль можетъ сослужить службу...

Нѣсколько минутъ проходятъ въ молчаніи.

— Улинька,—отрываясь отъ кваску, заводитъ Стратилатычъ снова рѣчь о медали,—а красиво это будетъ: подъ сѣдой бородой—широкая лента и золотая медаль на шеѣ. Картина!..

— Улинька, съ замѣтной неловкостью и смущеніемъ продолжаетъ онъ, у тебя гдѣ-то старинный рубль съ ушкомъ есть, сыщи-ка, я примѣряю...

— Какой! Надъ бабами смѣнешся, а самъ, какъ баба, пустяками заниматься хочешь...

— Хороши пустяки—золотая медаль! Дослужись-ка ты: и за сто лѣтъ не получишь, сколько ни воюй съ ухватами.

— Наша линія такая.

Рубль съ ушкомъ Стратилатычъ все же получилъ, вырѣзалъ къ нему изъ коленкору широкую ленту и сталъ примирять.

— Хорошо, Уля, будетъ?

— Не хорошо—борода мѣшается: сколько разъ говорила подстричь надо.

— Стричь бороду грѣшно, благолѣпія не будетъ. Придется медаль пониже поотпустить.

— На брюхо? Кто же медали на брюхѣ носить? Будешь носить, такъ полагается, лишній разъ шею повернешь, чтобъ медаль народъ больше видѣлъ.

— И то правда. Получу, тогда виднѣе будетъ... Стало быть скоро медалистомъ сдѣлаюсь, кавалеромъ...

— Я тебѣ дамъ кавалера! Ахъ ты, старый грѣховодникъ, какое слово сказалъ, а еще духовная особа, старый человекъ...

— Напрасно сердишься, Уля, кавалерами называютъ всѣхъ, кто знаки отличія имѣетъ. Архіерей и тотъ именуется разныхъ орденовъ кавалеромъ.

— Что это съ тобою, старый, подѣлалось, больно ты смѣлый сталъ, что изъ жены хочешь дуру дѣлать. Архіерей—кавалеръ! И сплететъ такую небылицу.

Чаще Стратилатовичъ просматриваетъ теперь „Церковныя вѣдомости“, чѣмъ и возбуждаетъ гнѣвъ своей супруги.

— Совсѣмъ ты одурѣлъ, Стратилатычъ, какъ медаль тебѣ пообѣщали. Ученымъ захотѣлъ сдѣлаться... Развѣ это къ лицу твоей старости? Нѣтъ того, чтобы помочь женѣ, по хозяйству что нибудь сдѣлать. Чего безъ дѣла болтаешься?..

— Медали ишу: пора бы кажется...

— Успѣется. А въ книжкѣ [какая же медаль—съ ума ты снятилъ.

Наконецъ желанный часъ пришелъ.

Батюшка пригласилъ къ себѣ Стратилатыча, трижды облобызался и, поздравилъ его съ полученіемъ медали.

— А какъ же медаль? Пришлютъ ее сюда или къ о. благочинному нужно ѣхать? спрашивалъ дьячекъ.

— Къ благочинному поѣдите, когда вызоветъ, нужно будетъ за медаль-то деньги заплатить, рублей, кажется, тридцать.

— Какъ заплатить? За что заплатить? удивился дьячекъ и даже въ лицѣ измѣнился. Развѣ о. благочинному?..

— Благочинному тоже подобало-бы,—всякое даяніе благо: работы и хватаетъ у благочиннаго не мало, а вознагражденія по должности никакого. Но о семъ особая рѣчь. А я говорю о медали; за ордена и медали всѣ платятъ; иначе начальству пришлось бы большіе расходы нести.

— Какое же это награжденіе? Ежели я хочу кого наградить, такъ и такъ... безъ денегъ...

— Право носить знакъ отличія—это и есть награжденіе. Купецъ иной и тысячи не пожалѣлъ бы для медали—анъ нѣтъ, права не имѣеть, а вы заплатите всего какихъ-нибудь 30—40 рублей и украсите себя золотой медалью.

Понурый явился дьячекъ домой.

— Никакъ разность за что-нибудь былъ,—что голову опустить? спрашивала его Уля.

— Какой разность—медалью я награжденъ золотою—сейчасъ батюшка поздравилъ.

— Голубчикъ мой, дѣдуню старенькій, наконецъ-то!.. Я думала, это одни разговоры, а ты и въ самомъ дѣлѣ медаль получилъ... Гдѣ же она, голубушка, дай посмотрѣть-то.

— Подожди поздравлять-то: медаль еще отъ благочиннаго получу; за нее рубликовъ 30 заплатить придется.

— Благочинному?! всплеснула руками Улинька. Ни во вѣки вѣковъ... Это что-же—грабежъ: начальство жалуется, а онъ содрать хочетъ, не знаетъ, въ какой бѣдности мы живемъ? А еще ласковымъ такимъ прикидывается: „юбилляръ, досточтимый и дорогой“. Вотъ тебѣ и вышелъ „дорогой“, только не ты, а благочинный... А ты, дурень, уже и слюни распустилъ. думаешь, что и въ самомъ дѣлѣ цаца большая... медалистъ...

— Гуліанія! Убери языкъ-то, не давай ему воли...

— И не уберу, и не замолчу. Тебѣ что: получишь медаль и умрешь: а мнѣ 30 рубликовъ въ бѣдности всегда пригодятся, у благочиннаго и своихъ денегъ хватить.

— Не благочинному за медаль платить, а начальству; всѣ платять: такой законъ.

— Начальству?.. Широкими глазами взглянула Улинька на мужа и расплакалась:

— Станетъ начальство надъ дьячкомъ такое грабительство учинять!.. Ума ты лишился, Стратилатычъ; что же я, бѣдная женушка, буду съ тобою дѣлать? И все отъ медали! какъ хорошо безъ медали жилось, и на тебѣ такую бѣду на старости лѣтъ! Охъ, горе мое горькое!..

Едва успокоилъ бѣдную Улиньку о. настоятель и увѣрилъ, что Стратилатычъ говорилъ сущую правду и что голова его въ полномъ порядкѣ.

Въ одинъ изъ праздничныхъ дней о. настоятель торжественно надѣлъ на Стратилатыча медаль, присланную черезъ благочиннаго, сказавъ при этомъ привѣтственную рѣчь.

Радовались крестьяне за Стратилатыча, становились на ципочки и задирая головы, любовались, какъ сіяла на груди у него новенькая медаль. Одна только Улинька встрѣтила награжденіе пронически.

— За тридцать рубликовъ маловата, трехъ золотыхъ въ ней не будетъ, говорила она взвѣшивая медаль на рукѣ. За свои денежки медалистомъ сталъ; такъ и всякій можетъ...

Свящ. В. Пестряковъ.

Ветхій и Новый Завѣтъ по взгляду В. В. Розанова.

Ветхій и Новый Завѣтъ! Религія Отчей и Сыновней Ипостаси! Какія великія религіи! Какое неизмѣримое богатство смысла и содержанія онѣ въ себѣ заключаютъ! Удивительно ли послѣ этого, что ученые люди-богословы до сихъ поръ никакъ не могутъ сговориться на счетъ того, въ какомъ же отношеніи находятся между собою эти міровыя религіи? Существуетъ-ли между ними самая тѣсная и неразрывная связь, или онѣ взаимно исключаютъ другъ друга? Вопросы эти—чрезвычайной важности, не въ метафизическомъ только смыслѣ, но и въ культурно—жизненномъ и моральномъ. Дѣло здѣсь не въ одномъ праздномъ любопытствѣ, а въ выясненіи взаимоотношенія двухъ путей жизни.

У насъ въ Россіи нѣкоторые мыслители, представители т. н. „новаго религіознаго сознанія“, — вопросъ объ отношеніи Ветхаго и Новаго Завѣта связываютъ съ глубокожизненной проблемой духа и плоти. Отсюда ихъ взгляды по данному предмету имѣютъ исключительный интересъ и значеніе, тѣмъ

болѣе. что въ своихъ воззрѣніяхъ они нерѣдко становятся въ позицію, враждебную православно-христіанскому пониманію. Съ однимъ изъ этихъ мыслителей, наиболѣе оригинальнымъ по своимъ взглядамъ, мы и будемъ имѣть дѣло въ своей работѣ. Разумѣемъ такого блестящаго публициста и тонкаго, проникновеннаго мыслителя, какимъ является В. В. Розановъ...

Кажется, не много было такихъ мыслителей, которые ставили вопросы такъ жгуче и остро, какъ В. Розановъ.

Исслѣдуя вопросъ о бракѣ и полѣ, Розановъ натолкнулся на чрезвычайно важный фактъ, что Ветхій и Новый Завѣтъ какъ-то неодинаково рѣшаютъ проблему пола. Это обстоятельство его въ высшей степени заинтересовало. У него явился вопросъ: въ какомъ же отношеніи стоятъ между собою Ветхій и Новый Завѣтъ? Нѣтъ-ли между ними противорѣчія? И если оно есть, то какъ понять и объяснить это противорѣчіе? Занявшись изученіемъ матеріаловъ по даннымъ вопросамъ, Розановъ въ концѣ концовъ пришелъ къ такимъ выводамъ: между Ветхимъ и Новымъ Завѣтами нѣтъ рѣшительно ничего общаго. Евангеліе явилось совершенно „новою вѣстью“ для человѣчества, настолько новою, что, „лишь только взошла заря Новаго Завѣта, закатилась заря Ветхаго“. Ветхій Завѣтъ роковымъ образомъ палъ и потерялъ всякое значеніе въ христіанствѣ. До и могло-ли быть иначе? Едѣ Новый Завѣтъ— „переломъ всѣхъ древнихъ представленій, разрушеніе всей библіи“. ¹⁾ Онъ „относится къ Ветхому, какъ смерть къ зачатію, какъ похороны къ рожденію, или монастырь къ семьѣ, гарему и площади. Это не „развитіе“, „не переходъ къ возмужалости послѣ педагогической подготовки“, не „благодать вмѣсто закона“, а совсѣмъ другой и противоположный метафизическій міръ! Это— „два неба, два полюса.“ ²⁾ „Кончина Бога— вотъ зерно христіанства. „Богъ— вѣчно сынъ“— вотъ корень Ветхаго Завѣта“ ³⁾. Ветхій За-

¹⁾ „Около церковныхъ стѣнъ“, т. 2 й, стр. 481.

²⁾ Ibid. стр. 481,

³⁾ Ibid. стр. 481.

вѣтъ—религія, рожденій, зачатій, обрѣзанія“, Новый За-
вѣтъ имѣеть совершенно другую метафизику, которая „вся
лежитъ въ гробѣ, смерти и монашествѣ“. ¹⁾ Первый бла-
гословляетъ жизнь съ ея радостями, второй относится къ
ней съ безусловнымъ осужденіемъ и даже проклинаетъ ее.
Понятно, что при такихъ коренныхъ различіяхъ двухъ За-
вѣтовъ съ пришествіемъ Христа въ Новомъ Завѣтѣ уже не
осталось мѣста ни для чего ветхозавѣтнаго. Христіанство—
совершенное отрицаніе Ветхаго Завѣта. Но какъ же такъ?
Вѣдь въ такомъ случаѣ христіанство идетъ въ разрѣзъ съ
волей Божіей, выраженной въ Ветхомъ Завѣтѣ? Розановъ
такъ и смотритъ на дѣло: онъ считаетъ христіанство рели-
гіей богоборческой, религіей враждебной Отчей Ипостаси.

Къ своимъ крайнимъ выводамъ Розановъ пришелъ не
сразу. Если взять его первыя произведенія, то по нимъ со-
всѣмъ нельзя было подуматъ что въ лицѣ Розанова выступитъ
новая сила, враждебная христіанству. Напротивъ, думалось,
что онъ посвятитъ себя христіанской истинѣ и на всесторон-
нее ея уясненіе. Но этимъ расчетамъ не суждено было
оправдаться. Послѣднія произведенія Розанова („Темный Ликъ“
и „Люди луннаго свѣта“) ясно показываютъ, что онъ явля-
ется врагомъ христіанства и врагомъ очень опаснымъ. Что
же случилось съ нимъ? Какъ дошелъ онъ до борьбы съ той
религіей, которую такъ горячо любилъ раньше?

Первоначально воззрѣнія Розанова по вопросу объ от-
ношеніи Ветхаго и Новаго Завѣта носили синтетическій
характеръ. Онъ не находилъ между Завѣтами никакого про-
тиворѣчія. Напротивъ, онъ всѣми силами защищалъ мысль,
что между ними существуетъ полное единство. Ему все каза-
лось яснымъ и понятнымъ въ этомъ вопросѣ. Библія—книга
„половой жизни“, книга „отчествъ, рожденій“. ²⁾ „Съ первой
главы „Бытія“, и далѣе въ „Исходѣ“, „Второзаконіи“, нако-

¹⁾ Ibid. стр. 479.

²⁾ „Религія и культура“. Сборникъ статей. 1901 г. стр. 204.

нець у пророковъ и въ многострадальной „книгѣ Іова“—
 льется она „благословеніями святой“, чувственной, рождающей
 въ „роды родовъ“ любви“. ¹⁾ Весь Ветхій Завѣтъ дышетъ
 „поломъ“ и „отчествомъ“. Тамъ многоплодовитые Авраамы,
 Исааки, Сарры, Ревекки, тамъ Руфь—этотъ чудный образецъ
 семейной привязанности. Тамъ „Пѣснь Пѣсней“—этотъ не-
 подражаемый гимнъ святой любви. Тамъ книга Товіи—этотъ
 „истинный апофеозъ плотской, но понятной цѣломудренно и
 религіозно любви“. ²⁾ Все „дыханіе“ библии полно „материн-
 ствомъ“—„отчество“ въ Ветхомъ Завѣтѣ не клонится „долу“,
 какъ у насъ, а „гордо возносится къ небу“, т. е. имѣетъ
 религіозный смыслъ и значеніе. Рожденіе дѣтей называется
 тамъ „посѣщеніемъ Божиимъ“ (1 Цар. II, 21). Самъ Господь
 даетъ силу родить. Онъ же заключаетъ утробу матерей (Ис.
 LXVI, 9, 22). Предъ нимъ находится даже „сѣмя“ людей“. ³⁾
 Главнымъ догматомъ въ Ветхомъ Завѣтѣ было обрѣзаніе.
 Черезъ одно только обрѣзаніе люди могли вступать въ завѣтъ
 съ Богомъ, ⁴⁾ а внѣ обрѣзанія не было мыслимо истиннаго
 израильянина. Обрѣзаніе самымъ нагляднымъ образомъ сви-
 дѣтельствуемъ, что вся религія Израиля была въ собствен-
 номъ смыслѣ „религіей плодородія“ ⁵⁾, религіей „нѣдръ че-
 ловѣческихъ“ ⁶⁾. Все тамъ было приурочено къ браку и полу.
 Всѣ постановленія о субботахъ, о разныхъ праздникахъ, жерт-
 вахъ и обрядахъ—все это имѣло такое или иное отношеніе
 къ тайнѣ пола и чадородія ⁷⁾. Однимъ словомъ, можно съ
 полнымъ правомъ сказать, что „тайна Завѣта Ветхаго есть
 въ собственномъ смыслѣ тайна чадородія“ ⁸⁾.

¹⁾ Opus cit. стр. 163.

²⁾ Ibid. стр. 164.

³⁾ „Семейный вопросъ въ Россіи“ т. 1-й стр. 22-23. Изд. 1903 г.

⁴⁾ „Рел. и культура“, 207.

⁵⁾ „Семейный вопр.“ т. 1-й, 22.

⁶⁾ „Въ мірѣ неяснаго и нерѣшеннаго“, стр. 25.

⁷⁾ „Люди луннаго свѣта“, стр. 130 и „Юданзмъ“.

⁸⁾ „Новый путь“ 1903 г, кн. , стр. 138.

Каково же отношеніе къ этому Заѣту, „Заѣту плоти“, со стороны Новаго Заѣта? На это Розановъ даетъ самый ясный и опредѣленный отвѣтъ. Христіанство ни въ какомъ случаѣ не отрицаетъ того, что было заповѣдано еще до грѣха въ Ветхомъ Заѣтѣ¹⁾. Неужели,—замѣчаетъ Розановъ,—святое Отцу есть одно въ третьемъ тысячелѣтіи, иное—во второмъ, и противно въ первомъ минувшей и нашей эры? Святое—вѣчно свято! Богово всегда Богово“²⁾. Значить, то, что было хорошо въ Ветхомъ Заѣтѣ—семья, дѣти, должно быть хорошо и въ Новомъ³⁾ Тамъ благословлялась семья, благословляется она и въ Новомъ Заѣтѣ⁴⁾. Правда, въ исторической жизни христіанства это не совсѣмъ такъ. Христіанство, повидимому, совершенно исключаетъ существо „брачныхъ касаній“⁵⁾. Повидимому, рожденіе у насъ „полупренебрежено, отдаленно и косвенно отвергнуто“⁶⁾. Кажется, мы, подобно нечестивому Ироду, „избиваемъ младенцевъ“⁷⁾, но все это относится къ грѣхамъ исторіи, но никакъ не самого христіанства. Само по себѣ христіанство (истинное, подлинное) не таково; въ Евангеліи, правда, умолчено о „матернемъ чревѣ“, но потому, что оно само собою разумѣется. Въ немъ есть Виолеемъ, ясли, рожденіе, волхвы съ Востока (гдѣ ждали рожденія младенца во плоти), и этого вполнѣ достаточно для рѣшенія вопроса. Тотъ фактъ, что Богъ избралъ „материнскій“ путь для явленія міру, содержитъ въ себѣ, очевидно, такое освященіе началъ материнства и семья, о коемъ лишь смутно мечтали „волхвы“ восточные. Въ этомъ воплощеніи Бога-Слова плоть получила наивысшее свое просвѣщеніе и освѣщеніе⁸⁾. Еван-

1) „Семейный вопросъ“ т. 1-й, стр. 47.

2) „Около церковныхъ стѣнъ“ т. 1-й, стр. 15.

3) Ibid. стр. 17.

4) „Сем. вопросъ“ т. 1-й, стр. 47.

5) „Въ мірѣ не яснаго и не рѣшеннаго“, стр. 22.

6) Ibid. стр. 35.

7) Ibid. стр. 22.

8) „Рел. и культ.“ стр. 196—197.

геліе, слѣд., освящаетъ плоть, а значить и бракъ въ его реальномъ существѣ и въ этомъ смыслѣ не только „не противорѣчить“ ветхозавѣтному ученію о полѣ, но и „раздвигаетъ его до небесныхъ чертъ“. Вся бѣда только въ томъ, что виолеемская часть евангелія у насъ не получила себѣ катехизиса, не подверглась догматической обработкѣ. Вопреки „Слово—плоть бысть“ мы „разорвали“ „плоть“ и „Слово“ въ себѣ и у себя и отнесли ихъ на противоположные полюсы“; бракъ свелся у насъ „къ номинализму, а семья къ фикціи“ ¹⁾. Мы упустили изъ виду, что „есть религія Голгоѣы, но можетъ быть и религія Виолеема; есть религія пустыни, Петрова камня, но есть и религія животныхъ стадъ, окружающихъ ясли, и волхвовъ съ Востока“ ²⁾. „Храмъ—Голгофа, храмъ и Виолеемъ. Религія есть монастырь, но почему не быть религіей и семьѣ“ ³⁾? „Нужно поклониться въ Христѣ не только „чертамъ Голгоѣы“, но только „печали гроба“, но и „чертамъ Виолеема, восторгу „богovoплощенія“. Тогда семья сдѣлалась бы религіей не номинально, а въ существѣ и реально“ ⁴⁾. „Въ монастырь, не мѣняя его молитвъ, ввелась-бы семья; въ семью, не мѣняя ея существа, ввелась-бы именно для этого существа строгая размѣренность какъ бы монастырскаго ритуала“ ⁵⁾. Семья—молятся—да будетъ „домомъ Божіимъ“, но для этого образъ Божій надо внести въ самый домъ, поставить его „на самомъ днѣ брачнаго завитка“ ⁶⁾. Бракъ долженъ быть „поклоненіемъ невидимому свѣту“ ⁶⁾, поклоненіемъ полу, освященіемъ плотскихъ отношеній, въ „ихъ фактурѣ“ ¹⁾. Онъ долженъ быть религіей,

¹⁾ Ibid. стр. 196—197.

²⁾ „Въ міръ не яснаго и не рѣшеннаго“, стр. 57.

³⁾ Ibid. сор. 58.

⁴⁾ Ibid. стр. 60.

⁵⁾ Ibid. стр. 61.

⁶⁾ Ibid. стр. 61.

⁷⁾ Ibid. с. 62.

⁸⁾ Ibid. с. 66.

„теитизаціей пола“¹⁾. Все это вполнѣ возможно, потому что и сама религія христіанская заключаетъ въ себѣ „нѣчто половое“, въ чемъ и состоитъ „тайна Виелеема“, а также тѣсно связанная съ нею „тайна евхаристіи“. Бракъ христіанскій тому и обязанъ своимъ существованіемъ, что плоть въ христіанствѣ получила высшее освященіе: иначе въ немъ была бы одна ложь.

Такимъ образомъ, христіанство не только не „без—поло“, „не без—плотно“, но религія „съ во—пложеніемъ въ центрѣ, и есть истинное поклоненіе ставшей Божескою плоти“²⁾. „Читаемое правильно, отъ начала къ концу, оно изъ рыданія надъ гробомъ и около гроба переходитъ въ неизъяснимую глубину херувимской пѣсни около брака“. И „Слово—плоть бысть“ Новаго Завѣта сливается съ „бысть два въ плоть едину“ Ветхаго Завѣта. Только при такомъ пониманіи становятся доказуемыми слова: „Я пришелъ не разрушить законъ, а исполнить“. „Въ противномъ случаѣ („лучше не жениться“), получалось бы расхожденіе Ветхаго и Новаго Завѣта“³⁾, со многими чреватými послѣдствіями отъ этого.

Съ этой основной точки зрѣнія Розановъ подходитъ къ объясненію тѣхъ фактовъ и изреченій Новаго Завѣта, которые могли бы противорѣчить этому въ высшей степени важному синтезу двухъ Завѣтовъ. Прежде всего, „почему Христосъ прошелъ безмолвно мимо существа рожденія, не обративъ къ нему слова“⁴⁾? Да по очень простой причинѣ—говоритъ Розановъ. Это было бы „удвоеніемъ Виелеемскаго глагола“⁵⁾. Кромѣ того, зачѣмъ было вновь говорить о рожденіи, когда „глаголь о рожденіи былъ сказанъ Первою Ипостасью—Богомъ—Отцомъ въ Ветхомъ Завѣтѣ“⁶⁾ Сыновняя

1) Ibid с. 66.

2) Opus cit., с. 66.

3) Ibid с. 68.

4) „Въ мірѣ не ясн. и не рѣш.“ с. 30.

5) Ibid. с. 30.

6) „Сем. вопр. въ Россіи“ т. 1-й, с. 22—23.

Ипостась „умолчала о существѣ рожденія“ вовсе „не по отрицанію его“, а потому что слово объ этомъ уже было сказано, и оно не входило въ планъ Ея дѣятельности ¹⁾. Историческое христіанство приняло умолчаніе за отрицаніе и ввело нѣкоторый антагонизмъ внутри самыхъ Ипостасей Божества, противопоставивъ „Отческому“ Лицу въ Немъ „Сыновнее“ ²⁾. Мы забыли объ Отцѣ, изрекшемъ заповѣдь: „Плодитесь и размножайтесь“, между тѣмъ, „если Богъ не обнимаетъ рожденіе тварей, онъ не обнимаетъ главнаго въ тваряхъ“, и тогда тварь осталась-бы безъ Творца ³⁾. Это забвеніе Отца такъ сильно, что заговори теперь Церковь о семьѣ и о полѣ, какъ о религіи, стань она около „рождающей“, наступила бы „новая эра, новая цивилизація“! Тутъ былъ бы „новый духъ и новое упоеніе“ ⁴⁾. До чего дошла исторія! Но все это—исторія, само христіанство тутъ не при чемъ,—думалъ Розановъ. Правда, есть въ христіанствѣ нѣкоторыя „іоты“, нѣкоторыя „черточки“, мимолетныя указанія, которыя дали поводъ представителямъ христіанства „облечь въ смертныя пелены, въ погребальныя покровы весь христіанскій міръ“ ⁵⁾, но все это іоты, еще слишкомъ недостаточныя для того, чтобы считать христіанство религіей, враждебной полу. Всѣ онѣ—эти іоты понятны и безъ возведенія ихъ въ принципъ. Напр., заповѣдь о дѣвствѣ—это совѣтъ „на случай“, для желающихъ ⁶⁾. Аскетизмъ имѣетъ своею цѣлью не унизить плоть, а одухотворить ее, утончить, преобразовать такъ, чтобы она свѣтилась блескомъ и славою ⁷⁾. Ничего общаго съ безплотностью онъ не имѣетъ ⁸⁾. Фактъ безсѣменнаго зачатія Іисуса также легко объяснить

¹⁾ Ibid. с. 23.

²⁾ „Въ мірѣ не ясн. и не рѣш.“ с. 30.

³⁾ „Сем. вопр.“ т. 1-й, с. 23.

⁴⁾ Ibid. с. 34.

⁵⁾ „Въ мірѣ не ясн. и не рѣш.“, с. 53.

⁶⁾ „Сем. вопр.“ т. 2-й, с. 148.

⁷⁾ „Религ. и культ.“, с. 176—186

⁸⁾ „Въ мірѣ не ясн.“ с. 59.

не въ аскетическомъ смыслѣ, сдѣлавши только удареніе не на словѣ „безсѣменное“, а на словѣ „зачатіе“ и т. п.

Такъ Розановъ разсуждалъ въ первомъ періодѣ своей писательской дѣятельности. Онъ всей душой отстаивалъ великій синтезъ двухъ религій. Этотъ синтезъ былъ ему дорогъ, потому что онъ спасалъ ему то, что для Розанова было всего дороже—семью, святость брака и все „половое“. Онъ видѣлъ разложеніе семьи у христіанскихъ народовъ, видѣлъ съ до боли ощутимую ясностью. И вотъ, задумавши спасти семью христіанскую, онъ и хотеть сдѣлать ее религіей, хотеть придать ей религіозное значеніе. Ему казалось, что въ этомъ религіозномъ значеніи и заключалась причина крѣпости и чистоты семьи въ Ветхомъ Завѣтѣ. Понятно, поэтому, почему онъ заговорилъ о двухъ Завѣтахъ именно съ точки зрѣнія пола. Онъ хотѣлъ сказать своими произведеніями христіанскимъ народамъ, что нельзя такъ безобразно относиться къ семейному вопросу, что надо же въ концѣ концовъ обратить вниманіе на крайне уродливое положеніе семьи въ нашей средѣ, надо возвысить ее, облагородить, одухотворить, сдѣлать подлиннымъ „домомъ Божіимъ“, какъ это и было въ Ветхомъ Завѣтѣ, поэтому-то онъ и старался всѣми силами утвердить значеніе Ветхаго Завѣта и въ Новомъ Завѣтѣ. Онъ хотѣлъ сказать, что Библия должна быть такою же настольной книгой въ христіанскомъ обществѣ, какъ и Евангеліе, не нужно отодвигать ее въ сторону, „въ даль археологическихъ изслѣдованій“, и довольствоваться одними только паремійными чтеніями изъ нея.

Е. X.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКИ.

а) Руководственныя правила для учениковъ Училища Пастырства, составленныя Архіепископомъ Волинскимъ въ 1908 году. ¹⁾

1. Главнымъ правиломъ въ прохожденіи духовной жизни, которая является цѣлью Училища Пастырства (какъ воспитанія въ немъ, такъ и образованія) должно быть святое послушаніе, основанное на смиренномудріи. Всякое самолюбіе и своеволіе ученики названнаго Училища, вступая въ Богоявленскій Училищный монастырь, должны оставить за его воротами; и если вспышки этихъ грѣховныхъ чувствъ будутъ иногда возвращаться въ сердце ученика, то онъ никогда не можетъ ихъ считать законными и чего либо на ихъ основаніи требовать.

2. Въ Училище принимаются только искренно вѣрующіе православные христіане, желающіе послужить славу Божіей во единой, Святой церкви Православной, которую они признаютъ непогрѣшимой и которой ученіе стараются узнать и понять и ему повиноваться. Если же, подъ влияніемъ книгъ или бесѣдъ, въ нихъ возникнутъ недоумѣнія или сомнѣнія въ области вѣры, они должны просить себѣ разъясненія у наставниковъ; если же они потеряли бы вѣру во Святую Церковь, то должны покинуть Училище, какъ липа несоотвѣтствующія своему предназначенію.

3. Ученики должны относиться къ Начальству Училища и преподавателямъ, какъ къ своимъ духовнымъ отцамъ, т. е. съ любовію и уваженіемъ и безъ благословенія ихъ никогда не выходить за ограду монастыря. Видаясь съ наставниками, они должны принимать отъ нихъ благословеніе и цѣловать

---

¹⁾ Правила интересны тѣмъ, что показываютъ, каково должно быть настроеніе ученика духовной школы.

руку, а всѣхъ духовныхъ лицъ привѣтствовать при встрѣчѣ поклономъ.

4. Если ученику покажется непонятнымъ или несправедливымъ какое-либо требованіе или заявленіе наставника, онъ можетъ со смиреніемъ попросить разъясненія, а если оно не будетъ ему дано, пойти къ начальнику или даже къ Архіерею: но онъ не осмѣлится отказывать наставнику въ повиновеніи его требованіямъ.

5. Ученики не имѣютъ права безъ разрѣшенія наставниковъ читать постороннія ихъ занятіямъ книги, дабы наставники, зная о прочтанныхъ ученикомъ книгахъ, могли-бы потребовать отъ нихъ прочтенія и другихъ книгъ, разъясняющихъ или опровергающихъ первыя, если тѣ были не согласны съ ученіемъ Церкви.

6. Ученикамъ безусловно воспрещаются танцы, куреніе, игра въ карты, посѣщеніе театровъ, какъ привычки, въ служитель Церкви нетерпимыя русскимъ народомъ. Пьянство или блудъ влечетъ за собой исключеніе изъ Училища Пастырства.

7. Повинуясь наставникамъ, ученики должны тѣмъ паче повиноваться Святой Церкви: молиться по ея руководству, совершая согласно уставу поклоны и крестное знаменіе и усердно упражняясь въ церковномъ чтеніи, пѣніи и проповѣданіи слова Божія. Соблюденіе св. постовъ для нихъ безусловно обязательно.

8. Начальникъ училища имѣетъ полное право требовать отъ ученика прочитать ему подозрительное письмо, прекратить подозрительное знакомство, показать ему свои вещи и книги и т. п., но исповѣдаться ученики должны у особаго духовника.

9. Оберегая себя отъ впаденія въ злобу и чувственность, ученики должны остерегаться и духовной прелести, а потому не имѣютъ права налагать на себя чрезвычайные подвиги безъ благословенія духовника или начальника.

10. Въ отношеніи другъ къ другу ученикамъ воспрещаются ссоры и вражда, а возникающія непріятности должны покрываться въ тотъ-же день взаимнымъ прощеніемъ; въ противноиъ случаѣ они обязаны идти для вразумленія къ наставнику и его рѣшенію повиноваться безпрекословно (Вол. еп. вѣд.).

в) Духовенство и крестьянское хозяйство.

Въ Житомирѣ происходило совѣщаніе членовъ сельскихъ причтовъ Волынской епархіи, любителей сельскаго хозяйства, по предложенію епархіальной власти съѣхавшихся для обсуждения вопросовъ о привлеченіи церковныхъ земель къ улучшенію крестьянскаго хозяйства. На совѣщаніе прибыло 85 священниковъ и нѣсколько псаломщиковъ. Главное Управленіе Земледѣлія и Землеустройства послало на этотъ съѣздъ своего представителя, который, открывая засѣданіе, заявилъ, что министерство обращается къ духовенству за поддержкой въ дѣлѣ улучшенія хозяйства и быта того класса, который всѣхъ кормить, самъ же менѣе всего обезпеченъ. Существующіе въ Россіи болѣе 51.413 приходовъ и 920 монастырей со своими землями могутъ оказать въ этомъ дѣлѣ весьма большую услугу, превративъ русское крестьянское сельское хозяйство въ культурное. Лицамъ духовнымъ, интересующимся сельскимъ хозяйствомъ, будетъ дана возможность посѣщать спеціальныя курсы; имъ будутъ даваться книжныя пособія, брошюры и даваться указанія различными специалистами и агрономами. Правительство можетъ снабжать духовенство лучшими сѣменами, машинами, племенными производителями домашняго скота и т. д.

Всѣ эти соображенія предложены были собранію духовенства, которое изложило свои взгляды на реформу крестьянскаго хозяйства въ слѣдующихъ пунктахъ, напечатанныхъ въ „Ж. Вол.“. При благочиніяхъ волынской епархіи органи-

зуются сельско-хозяйственные комитеты, которые состоятъ изъ трехъ лицъ, выбранныхъ отъ округа. Въ Житомирѣ, подъ предсѣдательствомъ епископа или его замѣстителя, организуется епархіальный церковный сельско-хозяйственный комитетъ изъ шести членовъ. Этотъ комитетъ составляется изъ четырехъ священниковъ ближайшихъ приходовъ къ городу, избираемыхъ епархіальнымъ съѣздомъ; въ комитетѣ участвуютъ: губернской правительственный агрономъ и предсѣдатель губернской земской управы. Всѣ хозяйственныя мѣропріятія обсуждаются сначала въ благочинническихъ комитетахъ, а потомъ поступаютъ и въ епархіальный церковный комитетъ. Въ связи съ организаціей комитетовъ, совѣщаніе на первый разъ высказалось за цѣлый рядъ мѣропріятій сельско-хозяйственнаго характера, которыя будутъ рассмотрѣны и по утвержденіи ихъ въ министерствѣ будутъ приведены въ дѣйствіе (Совр. лѣт.).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 19-го іюня 1912 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акц. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т. Борчакъ-Новицкаго. Мериновская ул. 6.

ГОДЪ

ЛIII

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть **№ 27.** Подписка принимается въ редак-
пять руб., съ пересылкою **ШЕСТЬ** цѣмъ журнала, при Кіевской духов-
публей. ной Семинаріи.

1912-го года 1-го іюля.

Содержаніе: I. Одинъ изъ способовъ развращенія народа. Свящ. В. Пестраковъ.—II. Изъ Епархіальныхъ Вѣдомостей. С. Б.—III. Смерть на служебномъ посту. Свящ. Н. Липскій.—IV. Ветхій и Новый Заветъ по взгляду В. В. Розанова. (Продолженіе). Е. Х.

Одинъ изъ способовъ развращенія народа.

Календарная литература давно уже обратила на себя вниманіе пропагаторовъ всевозможныхъ мастей: ея широко пользуются политическія партіи, сектанты и просто невѣры для распространенія своихъ ложныхъ идей въ широкой публикѣ. Календарь въ этомъ отношеніи,—будь онъ отрывной или настольный,—вещь очень удобная: имѣть календарь считаетъ необходимымъ каждая семья, каждый взрослый человѣкъ. Обращаться къ календарю приходится часто и слѣдовательно, то, что въ немъ помѣщено, рано или поздно, разъ или нѣсколько, будетъ непременно прочитано. Для того, чтобы тенденціозность календаря не особенно была замѣтна,

чтобы лучше обморочить честной народъ. такому календарю обычно дается широкообъемлющее, съ перваго взгляда совершенно невинное заглавіе, способное привлечь къ нему возможно большій кругъ читателей. Важно прежде всего, чтобы его купили, а разъ купятъ, то волей-неволей прочтуть и, можетъ быть, кое что и останется въ душѣ читателя изъ той чепухи, какую ему преподносятъ.

„Календарь для каждаго“—подъ такимъ заглавіемъ 6-ой годъ издается дешевый настольный календарь, цѣною въ двугривенный, подъ редакціей И. Горбунова-Посадова. „Календарь для каждаго“... Судя по заглавію, въ немъ каждый и образованный, и простецъ долженъ найти для себя полезный и доступный матеріаль; въ дѣйствительности обще-календарныя свѣдѣнія занимаютъ въ немъ всего только одну четверть книжки; все остальное (около 140 стр. убористой мелкой печати) тенденціозныя статьи, преимущественно изъ сочиненій Толстого, и самый календарь лучше всего было-бы назвать „толстовскимъ“. Календарь за всѣ годы его существованія составляется по одному трафарету и состоитъ онъ изъ такихъ отдѣловъ: 1) о воспитаніи, 2) противъ войны, 3) вегетеріанство, 4) противъ пьянства, 5) международный языкъ, 6) указатель книгъ для чтенія. Особенно интересенъ послѣдній отдѣлъ. Въ немъ рекомендуются для чтенія, въ отдѣлъ „жизнь древнихъ христіанъ и разныя христіанскія секты“: Пругавинъ, Бирюковъ, Бодянской съ ихъ сочиненіями о духоборахъ; въ отдѣлъ „разныя вѣроученія“ рекомендуются изслѣдованія о Буддѣ, Конфуціи, Магометѣ; въ отдѣлъ „реформа жизни“—„Крейцера соната“ Толстого, „Философія естественной жизни“ Торо и т. д.; наконецъ изъ журналовъ—„Духовный Христіанинъ“, „Вегетеріанское Обзорѣніе“, „Свободное воспитаніе“ и „Маякъ“.

Изъ перечисленныхъ статей ясно видно, что разсматриваемый календарь есть издѣліе сектантски-интеллигентскаго типа, съ толстовско-духоборческой окраской и если онъ названъ „календаремъ для каждаго“, то съ единственной лу-

кавою цѣлью уловлять въ сектантскія сѣти православныхъ людей, развращать ихъ сектантскимъ ядомъ.

Что „календари“ имѣютъ большое воспитательное значеніе, что они могутъ приносить какъ вредъ, такъ и пользу, это, думаемъ, ясно для каждаго. Къ сожалѣнію, пастыри церкви почти не пользуются этимъ средствомъ въ религіозно-просвѣтительныхъ цѣляхъ. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ великой благодарности, а вмѣстѣ и подражанія, почтенный издатель „Миссіонерскаго Обозрѣнія“ В. М. Скворцовъ. Изданный имъ календарь миссіонерско-апологетическаго характера „другъ христіанина“ получилъ самое широкое распространеніе и пользуется, какъ мы имѣли возможность опытомъ убѣдиться, большимъ успѣхомъ среди православныхъ людей. Этотъ же „календарь“ вызвалъ противъ себя всевозможные нападки, до клеветы включительно, со стороны враговъ и клеветниковъ православія. Очевидно, издатель его попалъ въ точку и создалъ полезное дѣло для православія, однако, начинаніе его пока единственное и подражателей не имѣетъ, о чемъ нельзя не пожалѣть.

Свящ. В. Пестряковъ.

Изъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

Рестаурація старыхъ иконъ.

„Арханг. Еп. Вѣд.“ № 11 т. г., со словъ „Тульск. Еп. Вѣд.“, въ статьѣ „Рестаурація живописи“ даютъ оч. полезный для духовенства совѣтъ, какъ реставрировать въ нужныхъ случаяхъ церковную живопись.

Въ нашихъ храмахъ часто можно встрѣтить старыя иконы, потерявшія свѣжесть красокъ, потемнѣвшія отъ времени и потому помѣщающіяся, обыкновенно, не на видномъ мѣстѣ, а по разнымъ угламъ, или даже сложенныя гдѣ-нибудь на колокольнѣ. Между этими иконами иной разъ попадаются очень цѣнныя, какъ по своей древности, такъ и по кисти

художника. Поэтому весьма важно бывает обновить ихъ, возвративъ имъ, насколько возможно, прежній видъ и свѣжесть. Указанная статья и имѣеть своей цѣлью притти на помощь въ этомъ случаѣ.

Реставрація, вообще, возможна лишь тогда, если не пересохли краски, а это послѣднее обстоятельство узнается по тому, легко онѣ отстаютъ отъ дерева или холста или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ несомнѣнный признакъ того, что краски пересохли и что, потому, бесполезно приниматься за дѣло реставрированія; второй случай свидѣтельствуеть о полной возможности обновить икону. Очень часто достаточно бываетъ ограничиться „осторожнымъ промываніемъ посредствомъ губки проеипяченою или дождевою водою съ мыломъ; это нужно продѣлать, не слѣша, нѣсколько разъ, потомъ промыть одною водою безъ мыла, вытереть насухо тонкою мягкой холстинкою и просушить живопись безъ дѣйствія солнечныхъ лучей и притомъ не въ жаркомъ мѣстѣ“. При такой операціи вся грязь и воскъ часто совершенно исчезаютъ, и реставрацію можно считать законченною. Но такъ какъ наслоенія грязи, копоти и воска иногда бываютъ чрезвычайно густыя и застарѣлыя, то вышеозначенный способъ въ такихъ случаяхъ не даетъ желательныхъ результатовъ, и приходится обращаться къ слѣдующимъ болѣе сильнымъ средствамъ:

1) Совершенно чистая и тонкая холстинка намачивается въ спиртѣ и осторожно накладывается на какую-нибудь часть иконы. Черезъ нѣсколько минутъ лакъ отъ спирта растворяется, послѣ чего эта часть иконы моется нѣсколько разъ чистой водою, посредствомъ мягкой губки. Поступивъ такъ съ одной частью, переходятъ къ другой и т. д., пока не будетъ вымыта вся икона. Послѣ всего этого она моется вся водою съ мыломъ, просыхаетъ и наводится вновь картиннымъ лакомъ. За отсутствіемъ послѣдняго, можно воспользоваться яичнымъ бѣлкомъ, сбитымъ въ пѣну и смѣшаннымъ съ сахарнымъ леденцомъ.

2) Бываетъ, однако, что цѣль не достигается и при вышеуказанномъ способѣ очистки. Тогда можно употребить растворъ виннаго камня или же поташа, сперва слабый, а потомъ, въ случаѣ надобности, болѣе крѣпкій.

3) Въ крайней нуждѣ можно употребить буру, растворенную въ водѣ, или же составъ: 2 части виннаго спирта и 1 часть терпентиннаго масла.

„При чисткѣ живописи, еще не крытой лакомъ, можно поступать болѣе мягкимъ способомъ: здѣсь можно употреблять, послѣ промывки водой съ мыломъ, разведенную водою кислоту, водку, или уксусъ“. „Если точно слѣдовать всѣмъ моимъ указаніямъ, заключаетъ авторъ указанныхъ совѣтовъ, то всегда можно достигнуть самыхъ удивительныхъ результатовъ въ дѣлѣ реставрированія живописи“.

Къ вопросу о полемикѣ съ сектантами относительно почитанія святыхъ и св. мощей.

Въ № 15 „Таврич. Церк.-Обществ. Вѣстника“ за текущій годъ помѣщена интересная статья, заимствованная изъ „Самарскихъ Епарх. Вѣдом.“, подъ заглавіемъ: „почему сектанты не почитаютъ святыхъ и св. мощей“? Авторъ ея, прежде всего, ставитъ обычный вопросъ, который задаетъ себѣ каждый православный христіанинъ, интересующійся дѣломъ миссіи, а именно: чѣмъ объяснить, что сектанты, несмотря на громадное количество и очевидную истину доказательствъ, приводимыхъ въ пользу православія изъ Св. Писанія, изъ Св. Преданія, исторіи, археологіи, психологіи и другихъ областей, все-таки остаются при своемъ заблужденіи и не возвращаются въ лоно Церкви? По мнѣнію автора, причина подобнаго явленія кроется не въ одномъ лишь упорствѣ сектантовъ, а и въ томъ, что миссіонерскія бесѣды съ ними не всегда ведутся со всей правильностью и цѣлесообразностью. Православный, бесѣдуя съ сектантомъ, обыкновенно, первымъ долгомъ привлекаетъ массу текстовъ

Св. Писанія, подтверждающих истину ученія Церкви. „Конечно, такъ и должно быть, рассуждаетъ авторъ указанной статьи. Безъ этого приѣма никогда и ни въ какомъ случаѣ обойтись нельзя. Объ этомъ даже и говорить нечего. Но вотъ въ чемъ дѣло. Такого рода полемическій приѣмъ слѣдуетъ примѣнять не всегда сначала, а иногда и въ концѣ; не во-первыхъ, а во-вторыхъ“. Чтобы доказать правоту своихъ сужденій, авторъ беретъ для примѣра вопросъ о почитаніи святыхъ и говоритъ, что на основаніи Св. Писанія нетрудно выяснитъ полную законность такого почитанія. Но къ чему это поведетъ? Сектанты все равно будутъ продолжать упорствовать и не станутъ благоговѣть предъ святыми угодниками, ибо изъ приведенныхъ текстовъ Св. Писанія они не поймутъ, „за что, собственно, нужно ублажать угодниковъ Божіихъ, за что воскуряютъ предъ ними еиміамъ, за что благоговѣютъ и преклоняются предъ ними“. Чтобы раскрыть сектантамъ глаза на ихъ заблужденіе, чтобы побудить ихъ къ почитанію святыхъ, надо остановить ихъ вниманіе на психологіи праведниковъ, на ихъ жизни и дѣятельности. Надо съ ясностью показать сектантамъ, что иначе нельзя относиться къ угодникамъ Божіимъ, какъ не съ уваженіемъ и благоговѣніемъ; что мы не можемъ не прославлять ихъ молитвенно, ибо они заслужили того; они принесли и приносятъ намъ своей дѣятельностью неоцѣнимое благо и суть поистинѣ люди „святые“. Только послѣ этого можно привлечь и Св. Писаніе для бѣльшого подкрѣпленія правоты ученія Церкви, хотя едва-ли явится насущная потребность въ семъ, разъ основательно и ясно будетъ нарисовано предъ сектантами величіе жизни и подвиговъ угодниковъ Божіихъ. Для наилучшаго уясненія себѣ всего великаго значенія жизни и дѣятельности богатырей духа праведниковъ слѣдуетъ воспользоваться, по указанію автора статьи, слѣдующими книгами: 1) Проф. В. Ключевскій—„Великій воспитатель народнаго духа“ (св. Сергій Радон.); 2) Проф. В. Чижевъ—„Психологія нашихъ праведниковъ“ („Вопросы ф—фіи и

психологін“, 1906, кн. 84 и 85); 3) Проф. С. Смирновъ— „Какъ служили міру подвижники древней Руси“; 4) Поселянинъ— „Божья рать“; 5) Житія святыхъ.

Точно такимъ же путемъ нужно итти и къ разрѣшенію вопроса о почитаніи св. мощей. Нужно показать отпадшимъ отъ Церкви, что такое почитаніе есть ни что иное, какъ психологическая потребность, какъ естественное и необходимое выраженіе нашей любви къ „друзьямъ Божиимъ“. Для христіанина, горячо любящаго праведниковъ, нетлѣнныя мощи послѣднихъ всегда будутъ великимъ „сокровищемъ“, къ которому неудержимо стремится его сердце. Св. Іоаннъ Златоустъ, явившій намъ своей жизнью великій примѣръ вѣры и добродѣтели, въ высшей степени испытывалъ въ своей душѣ только что указанное чувство, пламенѣя любовью къ св. ап. Павлу. „Кто далъ бы мнѣ нынѣ обнять тѣло Павла, говорить этотъ св. отецъ, и пригвоздиться гробу и видѣть прахъ онаго тѣла, которое исполняло лишенія Христовы, которое носило язвы... прахъ онаго тѣла, въ которомъ онъ всюду протекъ по всей вселенной,—прахъ устъ, чрезъ которыя вѣщалъ Христосъ..., Сихъ устъ желалъ бы я видѣть прахъ, чрезъ которыя Христосъ глаголалъ великое и сокровенное... Но не только устъ, но и сердца онаго желалъ бы видѣть я прахъ, которое безъ погрѣшенія назвалъ бы кто сердцемъ вселенной... Желалъ бы я видѣть прахъ оныхъ въ желѣзахъ рукъ, возложеніемъ которыхъ сообщался Св. Духъ. Желалъ бы я видѣть прахъ очей, которыя были ослѣплены и прозрѣли для спасенія вселенной... Желалъ бы я видѣть прахъ и оныхъ ногъ, которыя обтекли вселенную и не чувствовали усталости“ (см. у проф. Е. Голубинскаго: „Исторія канонизаціи святыхъ въ русской Церкви“, 1903, стр. 517—518). Вотъ какія чувствованія и желанія переживаетъ чело- вѣкъ, истинно любящій угодниковъ Божіихъ. Напротивъ, людямъ, не имѣющимъ этой любви, не чтущимъ праведниковъ, подобное чувство не знакомо, какъ не знакомо оно и нашимъ сектантамъ, отрицающимъ почитаніе святыхъ. Ра-

скрывъ основу почитанія св. мощей, можно въ заключеніе указать, что и Св. Писаніе не только не противорѣчитъ православному ученію о чествованіи св. мощей, но, наоборотъ, даетъ ясное подтвержденіе его. „Такого рода полемическій путь скорѣе приведетъ насъ къ желаемымъ результатамъ“, заключаетъ авторъ свою статью. С. Б.

Смерть на служебномъ посту.

Разсказъ.

Изъ спальни, осторожно закрывая за собою дверь, въ кабинетъ о. Михаила вошла его старушка-мать и увидала сына сидѣвшимъ въ креслѣ съ низко поникшей головою, въ глубокой задумчивости. При входѣ матери, о. Михайлъ вопросительно и съ тревогой посмотрѣлъ на нее.

— Уснула бѣдняжка. На минуточку ей стало легче. Да ты, Миша, не горюй ужь очень! Богъ милостивъ!...

— Присядьте, маменька. Вы, вѣдь, устали тоже!

— Я—что! Мнѣ ничего! А вотъ тебѣ, Миша, слѣдовало бы прилечь, да отдохнуть немножко: вѣдь, всю ночь и день ты ни на минуту не уснул!

— Маменька дорогая! спасите ее, Нинусю!

— Молись, Миша, Господу Милосердному: Онъ спасетъ!

— Молюсь, маменька, молюсь. Только молитва моя, знать, недостойная. Ахъ, Господи! Неужели Ты отнимаешь ее у меня?

О. Михайлъ страдальчески поморщился и, приподнявшись со стула, устремилъ взоръ къ образу Спасителя.

Въ спальнѣ въ это время лежала на кровати двадцатидвулѣтняя жена о. Михаила съ блѣднымъ лицомъ, на которомъ застыло страдальческое выраженіе. По временамъ сквозь сонъ она издавала слабые стоны. Возлѣ кровати си-

дѣла женщина-врачъ, одной рукой щупая пульсъ больной, въ другой держа раскрытые часы.

Больная проснулась и громко застонала.

— Идите, мама! Идите къ ней! торопиль о. Михаилъ мать.

— Хорошо, хорошо! Но мяѣ и тебя жаль, Миша: изстрадался ты очень, на тебѣ лица нѣтъ. Нельзя же такъ! Вѣдь, первые-то роды всегда бываютъ трудны! И беспокоить-ся особенно нечего!

Старушка удалилась.

О. Михаилъ прислонилъ горячій лобъ къ холодному оконному стеклу и сталъ смотрѣть въ полузамершее окно. Черезъ дорогу, напротивъ вырисовывался во мракѣ ночи силуэтъ храма, рядомъ зданіе церковной школы, дальше занесенныя снѣгомъ крестьянскія избы. По временамъ изъ за облаковъ выглядывала луна, освѣщая открывавшійся за деревней бѣлый просторъ полей. Было не болѣе десяти часовъ вечера, но деревня уже спала и въ окнахъ избъ не было видно ни одного огонька.

На улицѣ показались чьи-то саники и остановились у воротъ батюшкина дома. Мужичекъ, вставши съ саней, сталъ стучать въ ворота. О. Михаилъ, набросивъ на себя первую попавшуюся рясу, вышелъ отворить. Воротившись черезъ нѣсколько минутъ въ комнату, онъ позвалъ къ себѣ мать.

— Матушка, сказалъ онъ съ тревогой въ голосѣ, я долженъ ѣхать на хуторъ къ больному.

— Ночью-то?

— Что подѣлаете!

— Далеко ли?

— Да, не близко. Ворочусь развѣ къ свѣту.

— Ахъ, Господи! Вотъ бѣда-то какая!

— Матушка дорогая! Голосъ о. Михаила задрожалъ, на глазахъ показались слезы. Матушка! Я... я не переживу ея смерти!... О. Михаилъ зарыдалъ.

— Полно, голубчикъ! Ужь будто всё умирають отъ этого! Не горюй, милый! Дастъ Богъ, воротившись, увидишь наслѣдника или наслѣдницу. Успокойся, родной мой! Потеплѣе одѣвайся—и съ Богомъ! А ужь мы тутъ съ Анной Ивановной сдѣлаемъ все, что нужно. Не безпокойся!

— Я бы зашелъ проститься къ ней.

— Нѣтъ, нѣтъ, Миша, не надо этого. Поѣзжай такъ. А то, вѣдь, если она замѣтитъ, что ты тревожишься, не спокоенъ, то и сама станетъ думать лишнее что-нибудь. Нѣтъ, нѣтъ, не надо заходить. И Анна Ивановна это тебѣ скажетъ.

О. Михаилъ уѣхалъ.

Лошадка бѣжала довольно исправно, чуя, что возвращается домой и часа черезъ полтора о. Михаилъ былъ уже на хуторѣ, верстахъ въ десяти отъ деревни. Причастивъ больную старуху, которая, правду говоря, и не особенно была слаба, о. Михаилъ, даже не обогрѣвшись, какъ слѣдуетъ, сталъ торопить мужичка ѣхать обратно.

— Обождали бы, батюшка, до свѣта. Погода становится не ладная, вѣтеръ крѣпчаетъ и начинаетъ замѣтать дорогу.

— Не могу, голубчикъ. Пожалуйста отвези меня домой.

— Что жь! Поѣдемъ, коли непременно хотите.

Поѣхали обратно. Вѣтеръ все крѣпчалъ и былъ теперь какъ разъ напротивъ, морозъ тоже какъ будто усилился. По полю непрерывно неслась, гонимая вѣтромъ, легкая, какъ пухъ, снѣжная лавина и застилала дорогу, которую становилось все труднѣе различать. Когда путники проѣхали, судя по времени, половину разстоянія, поднялся настоящій снѣжный ураганъ, рѣзкій холодный вѣтеръ крутилъ облака снѣжной пыли, засыпалъ ею и лошадеу, и путниковъ. Лошадка едва передвигала ноги, глубоко погружаясь въ нанесенные снѣжные сугробы. Дороги уже не было.

— Ахъ, батюшка, надо было меня послушать!...

— Никакъ, братецъ, нельзя мнѣ было оставаться у васъ: дома-то у меня не совсѣмъ благополучно.

— Ну, авось, Богъ дастъ, какъ-нибудь доберемся. Выто, батюшка, кутайтесь получше, а то вѣтеръ страсть какой жесткій. Ну, буланая, тащи-ка поживѣ!

Прошло еще съ полчаса, долгаго, томительнаго полчася. Окружающая картина нисколько не измѣнилась: то же открытое поле кругомъ, такъ же свирѣпствовалъ вѣтеръ, такъ же больно хлесталъ по лицу оледенѣвшими крупинками снѣга, сорванными съ затвердѣвшей-было снѣжной коры. О. Михайлъ почувствовалъ, что холодъ хватается его за плечи, а пальцы на ногахъ одеревенѣли и съ трудомъ двигаются.

— Господи, скоро ли? думалъ онъ. Такъ хочется поскорѣе увидѣть... А что, если увижу уже мертвую?

Онъ вздрогнулъ отъ этой мысли.

— Ужели, Господи, Ты допустишь это? Ужели оборвешь ниточку моего счастья? Ужели такъ скоро отнимешь его у меня.

И о. Михайлу припомнились слишкомъ недавнія, слишкомъ свѣжія картины тихаго, безмятежнаго, разумнаго счастья, какое дала ему Нина. Она была женой-товарищемъ, женой-другомъ. Вотъ онъ видитъ ее на спѣвкѣ: она разучиваетъ съ хоромъ, ею же созданнымъ изъ школьничковъ и взрослыхъ, концертъ къ храмовому дню; вотъ лѣтомъ она хлопочетъ, налаживая новое въ деревнѣ дѣло—дѣтскія ясли; вотъ у себя въ домѣ собрала деревенскихъ дѣвушекъ и учитъ ихъ кройкѣ и шитью незатѣйливыхъ деревенскихъ юбокъ и кофточекъ; вотъ толкуетъ она же съ деревенскими старухами о леченіи у коровъ ящура, или другой какой-нибудь болѣзни. На все ея хватается! А сколько вниманія, сколько нѣжной заботливости къ нему, къ мужу! Какъ близко принимаетъ къ сердцу его радости и огорченія, его успѣхи и неудачи! Какъ умѣетъ ободрить, утѣшить, когда нужно! Потерять такую жену... Боже мой! что же тогда со мною будетъ? думалъ о. Михайлъ.

— Что теперь дѣлать, самъ не придумаю! Перебилъ размышленія о. Михаила Иванъ. Куда ѣдемъ, не знаю. Дамъ волю лошаденкѣ,—пусть везетъ, куда хочетъ! Она у меня умная, авось куда-нибудь дотянетъ. Ахъ, Господи, вотъ вьюга-то! Ни зги не видать! А до свѣта, кажись, далеко еще.

— Не могу сообразить, который теперь часъ. Какъ будто бы долгонько уже ѣдемъ по полю.

— Долгонько-то долгонько, да только Богъ знаетъ, туда ли мы ѣдемъ, куда намъ нужно. Можетъ статься, что мы уже и мимо проѣхали.

Лошаденка, наконецъ, погрузилась по брюхо въ снѣгъ и стала.

— Вишь ты, какое дѣло! И ѣхать-то дальше ужъ некуда! Ахъ, ты, Господи! Что теперь станешь дѣлать?

Иванъ поднялся съ саней, пробрался кое-какъ впередъ и убѣдился, что ѣхать дальше нельзя, потому что впереди пѣлыя горы снѣга.

— Знаете, что, батюшка! Посидите-ка вы тутъ, а я пойду побродить около, не найду ли дороги; по крайней мѣрѣ, не соображу ли, отчего тутъ такъ много снѣгу: быть можетъ, тутъ какая постройка впереди — заборъ, плетень или что-нибудь такое.

Иванъ, съ трудомъ передвигая ноги, пошелъ въ сторону, а о. Михаилъ остался сидѣть въ санкахъ.

Сильный порывъ вѣтра распахнулъ полы его рясы и холодная струя вѣтра ворвалась подъ одежду. Дрожь пробѣжала по всему тѣлу о. Михаила. Бѣднягу какъ-то сразу озарила мысль, что онъ можетъ замерзнуть тутъ среди поля. И странно: мысль о смерти не испугала его. Что-жъ! подумаль онъ, если Господь беретъ ее, Нину, къ Себѣ, то пусть и меня возьметъ разомъ. Готовъ идти къ Тебѣ, Боже! Да, да! Такъ будетъ лучше! Одновременно уйдемъ отсюда, чтобы тамъ встрѣтиться...

Даже просвѣтлѣло какъ-то на душѣ у о. Михаила.

— И умирать-то, замерзая, не трудно, говорить, почти весело говорилъ онъ себѣ. И святые Дары со мною!..

Дрожащими отъ холода руками досталъ о. Михаилъ вѣшную у него дарохранильницу и вынулъ оттуда святую частицу.

— Вѣрую, Господи, и исповѣдую... да, да, вѣрую, что Ты — милосердный Сынъ Божій.. Вечери Твоя тайныя... Причастника мя пріими, въ послѣдній разъ дай мнѣ вкусить Твое святое тѣло.

Съ трудомъ поднесъ о. Михаилъ святую частицу къ устамъ. Въ то время какъ доставалъ дарохранильницу, холодъ проникъ еще дальше подъ одежду, руки заоченѣли и не могли уже закрыть раскрытаго сосуда.

— Благодарю Тебя, Боже!

Несчастный склонился на бокъ и опустилъ головой на покрытую снѣгомъ соломѣ, лежавшую въ санкахъ. Онъ почувствовалъ непреодолимую дремоту и въ то же время пересталъ замѣчать, что члены его наполовину заоченѣли; напротивъ, по всему тѣлу разлилась какая-то пріятная истома.

Откуда-то донесся звонъ колокола.

— Чу, звонъ! вздрогнулъ о. Михаилъ. Да, да! Пасхальный звонъ... Свѣтлая заутреня... Радостно какъ на душѣ!... Свѣтло какъ въ храмѣ! И лица у всѣхъ какія радостныя, хорошія!.. А вотъ на клиросѣ Ниночка править хоромъ... Поютъ-то какъ стройно!... Радостію другъ друга обьемемъ!... Да, да! И будемъ одной счастливой семьей, всѣ, всѣ до одного будемъ какъ дѣти одного Отца!.. Твои, Господи, Твои дѣ...ѣ...ти...

Грезы становились все туманнѣе и туманнѣе, сонъ — все болѣе крѣпкимъ и глубокимъ, пока, наконецъ, не перешелъ въ непробудный...

На утро заоченѣвшаго о. Михаила нашли неподалеку отъ деревни: лошадка прибилась къ плетнямъ крестьянскихъ огородовъ, гдѣ нанесены были горы снѣга, загородившія до-

рогу въ село. Неподалеку отыскали занесеннаго снѣгомъ и также замерзшаго Ивана.

Когда о. Михаила привезли домой, то по распоряженію докторши тѣло было положено въ комнатѣ, наиболѣе отдаленной отъ спальни, гдѣ лежала Нина съ своимъ новорожденнымъ сыномъ, успѣвшимъ уже осиротѣть.

— Странно, сказала больная докторшѣ, почему мужъ такъ долго не возвращается. Я начинаю тревожиться за него...

— Онъ только-что возвратился и прилежъ заснуть, такъ какъ очень усталъ послѣ двухъ бессонныхъ ночей.

— Бѣдняжка! Ну, такъ не тревожьте его: пусть отдохнетъ. А вы сказали ему о томъ, что родился мальчикъ?

— Да. Онъ очень обрадовался.

На блѣдномъ лицѣ Нины заиграла улыбка радости, счастья.

На долго ли?...

Свящ. *Н. Литскій.*

Ветхий и Новый Заветъ по взгляду В. В. Розанова.

(Продолженіе ¹⁾).

Зовъ Розанова не остался безъ отклика. У него нашлись сочувствующіе, хотя не въ большомъ количествѣ. Богословская же мысль высказалась противъ писаній Розанова. Съ нимъ вачалась жестокая полемика. И надо признаться, Розановъ не посрамилъ себя; это можно сказать скорѣе про тѣхъ, кто выступилъ противъ него. Чувствовалось какъ-то, что за Розановымъ стоитъ сама жизнь, съ ея многосложными запросами и требованіями. Она поддерживала Розанова, несмотря на нѣкоторые серьезные недочеты въ его

---

¹⁾ См. №№ 25—26 за 1912 г.

воззрѣніяхъ. На полемическихъ статьяхъ его противниковъ это было менѣе замѣтно. Въ нихъ почти не ощущалось вѣяніе живой жизни. Онѣ производили впечатлѣніе чего-то слишкомъ отвлеченнаго, чего то далекаго отъ жизни. Но при всемъ томъ полемика не прошла, не задѣвши Розанова. Она рѣзко измѣнила его взгляды. Подъ вліяніемъ полемики, Розановъ увидѣлъ, что тотъ синтезъ, который онъ утверждалъ въ своихъ первыхъ сочиненіяхъ, невозможенъ. Полемисты указали ему, что его взгляды по этому вопросу—мечта, которой не суждено осуществиться. Чѣмъ больше полемизировали съ Розановымъ, чѣмъ сильнѣе защищаль онъ свой взглядъ, тѣмъ больше и больше дѣлалось для него понятнымъ, что дѣло съ Завѣтами обстоитъ не такъ-то просто, какъ кажется, что тутъ есть какая-то тайна. И вотъ Розановъ началъ мало-по-малу уразумѣвать эту тайну. Онъ началъ замѣчать въ христіанствѣ какой-то уклонъ, незамѣтный, малый, какъ горчичное зерно, но въ то же время могучій¹⁾. Онъ началъ чувствовать какой-то тайный жестъ, сдѣланный Христомъ не явно и прямо, а такъ, какъ будто мимоходомъ, но съ такою силою, которая гораздо выше прямого повелѣнія²⁾. Его сталъ удивлять тотъ необычайный фактъ, что Христосъ только „помавилъ“, и чрезъ это одно перевернулась вся почва Ветхаго Завѣта, и человекъ полюбилъ, яко-бы свободно, пустынно, пустынное житье³⁾. Онъ въ недоумѣніи спрашивалъ, что это за роковыя судьбы, по коимъ горчичное зерно, брошенное въ Евангеліи, разрослось въ шумящее дерево, и слова о дѣвствѣ, почти оброченныя, выросли отъ Пиринеевъ до Урала въ мощный, всемогущій лѣсъ аскетизма⁴⁾? Вотъ тутъ-то ему и бросился на глаза образъ Христа, бросился и смутилъ его. Да не въ Немъ ли разгадка

¹⁾ „Въ мірѣ не ясн. и не рѣш.“, стр. 237.

²⁾ Ibid. с. 245.

³⁾ Ibid., стр. 246.

⁴⁾ Ibid. стр. 243.

всѣхъ тайнъ? Въ образѣ Христа нѣтъ ничего „брачнаго“. Съ Нимъ какъ будто совершенно несомвѣстима брачная жизнь, семья. „Не показана ли въ Немъ грѣхоть“ эта брачная жизнь? Не потому ли отвернулись евреи отъ Христа, что Его ликъ исключаль бракъ ¹⁾, что для нихъ было дороже всего на свѣтѣ? Не потому-ли, съ другой стороны, и христіане такъ упорно не хотятъ протянуть руку евреямъ и такъ страстно ихъ ненавидятъ? Не оттого ли и богословы говорятъ объ отмѣнѣ Ветхаго Завѣта, что онъ совершенно не гармонируетъ съ дѣвственнымъ Ликомъ Христа? Но какъ же такъ? неужели и въ самомъ дѣлѣ Ветхій Завѣтъ отмѣненъ, какъ несогласный съ духомъ Евангельскимъ? Ближайшія изслѣдованія въ этой области убѣдили Розанова въ томъ, что, дѣйствительно, такъ оно и есть. Въ Новомъ Завѣтѣ все старое совершенно потеряло всякую прелесть и красоту. Все, чѣмъ жилъ и на что радовался ветхозавѣтный человѣкъ, въ Новомъ Завѣтѣ уже не имѣетъ смысла. Съ пришествіемъ Христа звѣзда Ветхаго Завѣта закатилась. На горизонтѣ засіяло новое свѣтило Христось, при свѣтѣ котораго исчезло все обаяніе старыхъ, ветхозавѣтныхъ цѣнностей. Въ самомъ дѣлѣ: нѣкоторые думаютъ, что это не такъ, что Ветхій Завѣтъ не отмѣненъ, но гдѣ-же—спрашиваетъ Розановъ—жертвы, обрѣзаніе, субботы и праздники еврейскіе? Говорятъ: палъ только обрядовый законъ Моисея. Но, разсуждаетъ Розановъ далѣе, во-1-хъ, онъ былъ не Моисеевъ, а Божовъ. Притомъ, обрядовый-ли это законъ? Вѣдь въ немъ самая суть Ветхаго Завѣта. Развѣ наши крещеніе и причащеніе только обряды? Обрѣзаніе, напр., ничуть не обрядъ. Оно завѣтъ человѣка съ Богомъ. Ссылаются на то, что этотъ Завѣтъ имѣлъ педагогическую цѣль и потому имѣлъ педагогическое значеніе. Но развѣ алгебра исключаетъ ариметику? Кромѣ того, Кто сказалъ: „даю тебѣ (Израилю) его въ завѣтъ вѣчный“ ²⁾? Указываютъ еще на то, что Ветхій Завѣтъ

¹⁾ Ibid., стр. 246.

²⁾ „Зап. ред.-фил. общ.“ Новый путь, 1903 г., кн. 7, 177.

устарѣлъ и сталъ практически не нуженъ съ пришествіемъ Новаго Завѣта. Но и это не такъ. У евреевъ было обрѣзаніе, были права у обрѣзаннаго,—и благодаря этому у нихъ не было дѣтоубійствъ, они были чисты въ половомъ отноше- ніи и не знали половыхъ болѣзней. Какъ же онъ сталъ не нуженъ въ христіанскомъ мірѣ?

Повидимому, так. обр., не было никакихъ основаній для отмѣны Ветхаго Завѣта. Однако, все-таки его отмѣнили. „Если закономъ оправданіе, то Христось напрасно умеръ“ (Гал. II, 21)—вычиталь Розановъ у ап. Павла ¹⁾). Несмотря на всю громадную важность Ветхаго Завѣта, ап. Павелъ торжественно провозгласилъ его отмѣну. Что же это значить и о чемъ говорить? Значить это то,—дѣлаетъ заключеніе Розановъ,—что было что-то такое, что заставило его такъ поступить. Значить, въ самомъ христіанствѣ были такія черты, которыя никакъ не могли примириться съ Ветхимъ Завѣтомъ. Ветхій Завѣтъ, видимо, оказался несоотвѣтствующимъ новому настроенію, духу, принесенному въ мірѣ Христомъ. Ипостаси Отчая и Сыновня разошлись...

Но что это за духъ, который принесло христіанство? Что это за настроеніе, которое не могло ужиться съ настроеніемъ ветхозавѣтной религіи? Что это за новые идеалы, передъ яркостью которыхъ сошли на „нѣтъ“ всѣ идеалы Ветхаго Завѣта? Этимъ настроеніемъ въ христіанствѣ, этому новому духу, принесенному Его Основателемъ, и посвящены преимущественнымъ образомъ послѣднія произведенія Розанова: „Темный Ликъ“ ²⁾ и „Люди луннаго свѣта“ ³⁾). Въ нихъ Розановъ сказалъ все, что могъ сказать самаго страшнаго по адресу христіанства. Въ нихъ онъ явился истиннымъ „антихристомъ“, крайнимъ отрицателемъ самой сущности христіанства и Новаго Завѣта. Другой вопросъ, ко-

¹⁾ „Около церковныхъ стѣнъ“, т. 2-й, стр. 477 и 439.

²⁾ СПб. 1911 г.

³⁾ Изд. 1911 г.

ствѣ крещенія Церковь заставляетъ человѣка отречься отъ „области сатанины“, какъ враждебнаго христіанству начала, а эта „область сатанины“ и есть не что иное, какъ поль (?)¹⁾. Да и вообще какой тутъ бракъ въ христіанствѣ, когда въ немъ одни рыданія, трауръ и похороны!²⁾. Вѣдь, по христіанскому сознанию, Богъ умеръ, Господь въ гробу... Какая ужасная тайна! Здѣсь объясненіе всему аскетизму христіанскому! Здѣсь самое сильное отрицаніе брака! Господь въ гробу—какая же тутъ мысль о бракѣ?!³⁾ Здѣсь полное расхожденіе двухъ религій—ветхозавѣтной и новозавѣтной: Отчая религія „требовала“, положительно требовала „размноженія, умноженія, плодовитости“; въ Новомъ Завѣтѣ все это только позволяютъ, но и то въ противорѣчіе съ сущію христіанства⁴⁾. Сердце христіанства—безбрачіе: дѣвственное зачатіе Иисуса, дѣвство Бога Иисуса, завѣтъ Его о дѣвствѣ—Мѡ. 19⁵⁾. Эта „дѣвственность“ христіанства, эта его безплотность и безжизненность (поль—жизнь) и создали всѣ уродливыя явленія въ христіанской исторіи. Чѣмъ, какъ не вѣянiемъ духа христіанскаго, вѣянiемъ вызваны Терновскія событія, всѣ эти самозакапыванія и самосожженія? Все это—плоды самого христіанства. Люди углубились въ духъ христіанства, поняли его суть и сдѣлали то, что должны сдѣлать всѣ, желающіе оставаться истинными христіанами. „Esto Cadaver“—вотъ что говоритъ христіанство не прямо, а всѣмъ своимъ содержаніемъ⁶⁾. На этотъ путь, путь истребленія себя, дѣтей, жены, зовутъ „всѣ молитвы, напѣвы, посты, постничество, образа, все“⁷⁾. Къ этому призываетъ всѣхъ та новая „благая вѣсть“, которую принесло христіанство: она всѣхъ

¹⁾ Ibid. стр. 84.

²⁾ „Темн. Ликъ“, с. 95—96.

³⁾ Ibid. стр. 96.

⁴⁾ Ibid. стр. 106.

⁵⁾ Ibid. с. 118, „Дѣти лун. свѣта“ с. 57.

⁶⁾ Opus cit., с. 118 и 121.

⁷⁾ Ibi. с. 123.

тащить въ „ужасныя могилы“ ¹⁾, нагоняя на всѣхъ страхъ ²⁾ проповѣдью о томъ, что жизнь есть зло, и впереди людей не ждетъ ничего, кромѣ гибели и ада ³⁾. Вотъ концепція небесной и земной стороны жизни въ христіанствѣ: съ одной стороны, „выпученные глаза, опухшій, высунувшій языкъ и синее лицо“ „дѣвъ“ христіанскихъ. Онѣ „проходятъ мимо Иисуса“ въ „Рай христіанскій, какъ его правые отнынѣ жители“. „А оттуда идутъ имъ на встрѣчу „мученики“ первыхъ вѣковъ, всѣ эти изжаренные и сваренные, съ содранною кожею. Если-бы былъ живописецъ, который бы это представилъ!!“ ⁴⁾. Творецъ міра создалъ людей для радости и жизни, а христіанство пришло и, подѣ влияніемъ его, „изъ веселаго семьянина человѣкъ переходитъ на положеніе угрюмаго одиноки“, „молодая жизнь меркнетъ“, „все увядаетъ“, „люди затворяются другъ отъ друга“, вездѣ воцаряется тупой, понурый видъ“ ⁵⁾... Все это дѣлается при одномъ взглядѣ на христіанство: взглянетъ человѣкъ на него, на его суть и въ страхъ умираетъ ⁶⁾. Правда, не всѣ доходятъ до такого результата, но это потому, что слово Иисуса пало не на одинаковую почву, но оно „всѣхъ“ людей вело и ведетъ сюда, къ этому концу ⁷⁾.

Но какъ же случилось, что люди пошли за Христомъ, за этимъ „Темнымъ Ликомъ“? Вѣдь, они же были свободны идти за Нимъ и не идти? Да, но иногда свобода является величайшей несвободой. Человѣкъ въ христіанствѣ не принуждается идти за Христомъ, а только „манится“. „Хочешь, иди, не хочешь, не иди“, „но можетъ быть ты самъ захочешь“ ⁸⁾, такъ говоритъ Евангеліе всякому. Здѣсь „своя“

¹⁾ Ibid. стр. 123.

²⁾ Ibid. стр. 129.

³⁾ Ibid, с. 135.

⁴⁾ „Темн. Л.“ с. 170.

⁵⁾ Ibid. с. 175.

⁶⁾ Opus cit., с. 198.

⁷⁾ Opus cit., с. 206.

⁸⁾ Ibid. с. 237.

неволя, „добровольная“, „возлюбленная, опоэтизированная.“ Она достигнута „нѣжностью“. И эта „нѣжность“ „пронзила сердца“ людей 1). И вотъ запылали костры, появились аскеты и весь горизонтъ „заволокъся монашествомъ“ 2). А все оттого, что человѣчество „введено въ рыдательную покорность любви“ 3).

Одинъ Израиль уперся и не пошелъ за Христомъ. Онъ не призналъ во Христѣ Мессію. Да и какъ ему было признать Мессію въ человѣкѣ-Иисусѣ, когда ему было сказано въ Законѣ: „да не будутъ тебѣ бози иніи, развѣ Мене“ 4). Какъ ему было увѣровать въ Божество Иисуса, когда даже Оома усумнился во Христѣ? Правда, Христось называлъ Себя „Сыномъ Божіимъ“, но этого евреи никогда не слышали о Мессіи 5). Притомъ Христось боролся противъ субботы, противъ „абсолюта праздника“ 6), стало быть, разрушалъ то, что заповѣдано было строго-на-строго въ Ветхомъ Завѣтѣ. Онъ сказалъ, затѣмъ, что можно не жениться, а между тѣмъ Богъ говорилъ: „Плодитесь и размножайтесь“. Нисколько не мудрено послѣ этого, что Израиль не пошелъ за Христомъ и не призналъ Его. Онъ уперся на своемъ, уперся и погибъ. „Се оставляется домъ вашъ пустъ“, было ему сказано. И онъ испыталъ всю тяжесть и жесткость этихъ словъ, когда Титъ разрушилъ Іерусалимъ и разсѣялъ евреевъ по всей землѣ. Евреи испытываютъ это и до сего дня, когда вмѣсто пророковъ и Моисея у нихъ остались лишь „Мошки“, да „Ривки“ и т. п. 7).

Вотъ новый духъ, который принесло христіанство. Ясно, что такая религія ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть

1) Ibid, с. 237.

2) Ibid. с. 237.

3) Ibid. с. 235.

4) Ibid, с. 244.

5) Ibid.

6) „Русская Церковь“, с. 35.

7) „Темн. Д.“, с. 248 и друг.

согласована съ религіей ветхозавѣтной. Это, дѣйствительно, совершенно „Новый Завѣтъ“ ¹⁾, не имѣющей ничего общаго съ религіей „рожденій“ и „отчествъ“. Съ Христомъ „религія плодородія“ кончилась. Она не умѣщается въ содержаніе Новаго Завѣта. „1001 счастливыхъ семьянина, будь они хоть добродѣтельны, какъ Авраамъ, составятъ только царство Ветхаго Завѣта и ни одной крупинки Новаго“ ²⁾. Плотская радость, плотское счастье въ Евангеліи уже не растутъ ³⁾. Влюбленность съ Евангеліемъ несовмѣстима ⁴⁾. Христіанскій бракъ, семья—вещи невозможныя ⁵⁾. Въ Евангеліи есть любовь, но эта любовь „особенная“, „Христова“, „новозавѣтная“. Евангельская любовь—„безполая любовь, ангельская любовь“. „Живуть, какъ ангелы“... Тѣмъ и ново Евангеліе, что оно „ни мужское, ни женское“ ⁶⁾. „Всѣ поученія, притчи, образы, сравненія, обѣщанія и правила Новаго Завѣта можно свести къ одной заповѣди: „не тяготѣй къ женщинѣ“ ⁷⁾. Если Христосъ и ссылается на ветхозавѣтный законъ „Плодитесь“, то такъ только, „формально“, „равнодушно“. Его личное отношеніе къ вопросамъ пола хорошо выразилось въ словахъ объ „огнѣ“ и „мечѣ“ ⁸⁾, которые Онъ принесъ на землю. Христіанство—совершенно безполая религія. Точнѣе, это—религія „третьяго пола“. Христіане—люди „третьяго пола“—не мужчины, не женщины, а „уранисты“ ⁹⁾. Понятно,

¹⁾ „Люди луннаго свѣта“, с. 182.

²⁾ Ibid. с. 197.

³⁾ Ibid. с. 15.

⁴⁾ „Темн. Л.“, с. 255.

⁵⁾ Opus. cit., с. 255.

⁶⁾ „Люди лун. свѣта“, с. 183.

⁷⁾ Ibid. с. 196.

⁸⁾ Ibid. с. 183.

⁹⁾ Здѣсь Розановъ договорился до такой мысли. По его мнѣнію, весь христіанскій аскетизмъ есть не болѣе, какъ явленіе медицинскаго порядка. Аскеты—просто люди, неспособные къ половой жизни, и только. Никакихъ религіозныхъ побужденій тутъ нѣтъ. Это мы создали особую религію дѣвственности,—говорить Розановъ,—на самомъ дѣлѣ, аскетизмъ,

что ничего подобного не зналъ Ветхій Завѣтъ. О дѣвствѣ тамъ и понятія не имѣли. Были тамъ назореи, но назарейство не имѣетъ ничего общаго съ монашествомъ. Оно ставило своею цѣлью развитіе половой жизни, половой энергіи, а никакъ не ея уничтоженіе, съ чѣмъ мы имѣемъ дѣло въ аскетизмъ христіанскомъ¹⁾. Весь Ветхій Завѣтъ былъ культомъ здоровья и силы²⁾, и это оттого, что „въ сердцевинѣ его былъ культъ жизни, біологіи, растительности, роста“³⁾. Тамъ благословляется какъ разъ то, что ненавидитъ Новый Завѣтъ. Идеаль Новаго Завѣта—не жизнь, а смерть. Все живое, живущее здѣсь грѣшно. Свято только предсмертное⁴⁾, безъ крови и соковъ⁵⁾. Религія Отчей Ипостаси, так. обр., потеряла всякое значеніе въ христіанствѣ. Она „опозорена“ и „порурана“⁵⁾. „Дитя—Иисусъ“ разошелся съ Творцемъ и Промыслителемъ. „Азъ и Отецъ—едина есма“—не имѣетъ никакого смысла. Христіанство—религія враждебная Ветхому Завѣту. Оно—соблазнъ „Древняго змія“, до сихъ поръ не перестающаго оболъщать вселенную...

Е. X.

(Окончаніе слѣдуетъ).

дѣвство—это физиологическая аномалія, которой долженъ бѣжать всякій здоровый и нормальный человѣкъ. („Люди лун. свѣта“, с. 173).

¹⁾ „Люди лун. свѣта“, с. 12—13. Ср. „Около церк. ст.“ т. 2, 262.

²⁾ Ibid., с. 313.

³⁾ Ibid. т. 2-й, с. 446.

⁴⁾ Ibid. с. 447.

⁵⁾ Ibid., с. 260.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 25-го іюня 1912 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акц. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго. Меринговская ул. 6.

ГОДЪ

ЛШ

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ **№ 28.** Подписка принимается въ редак-
цїи журнала, при Кіевской духов-
пять руб., съ первою мѣсяцѣмъ **ШЕСТЬ** цїи журналу, при Кіевской духов-
рублей. ной Семинаріи.

1912-го года 8-го іюля.

Содержаніе: I. Перемяна фронта. Свящ. В. Пестряковъ.—II. Ветхій и Но-
вый Заветъ по взгляду В. В. Розанова. (Окончаніе). Е. Х.—III. Въ
подпольѣ. Свящ. В. Пестряковъ.—IV. Замѣтка. Выдѣлъ церковной
земли.—

Перемяна фронта.

Происхожденіе іоаннитства извѣстно. Издревле было такъ, что гдѣ больше было добра, тамъ и зло старалось свить себѣ гнѣздо, чтобы удобнѣе съ нимъ бороться и вредить; и чѣмъ больше, значительнѣе было добро, тѣмъ на-пряженнѣе и хитрѣе старался дѣйствовать въ томъ мѣстѣ диаволь и его слуги. Имя о. Іоанна Кронштадскаго, его праведная жизнь, его молитва и милостыни привлекли къ нему миллионы сердець православныхъ людей отъ Царя до простолюдина; къ нему потянулись тысячи людей со всѣхъ концовъ міра за утѣшеніемъ, наставленіемъ, духовнымъ и тѣлеснымъ врачеваніемъ. Его жертвы и призывъ создали де-

сятки благотворительныхъ и религіозно-просвѣтительныхъ учреждений. О. Іоаннъ Кронштадскій—это лучший выразитель нашего родного православія; въ его лицѣ осуществились, нашли себѣ лучшее выраженіе черты русскаго народнаго религіознаго духа и въ этомъ отношеніи онъ—явленіе типическое. Удивительно-ли, что къ этому имени, столь дорогому и близкому для русскаго сердца гдѣ нашло себѣ теплое мѣсто добро, прицѣпилось также и зло, въ видѣ іоаннитства? Къ о. Іоанну стремилась вся воодушевленная огнемъ вѣры Русь святая, православная, и по истинѣ нужно признать сатанинскимъ замыслъ—къ горячему народному движенію и воодушевленію привязать сектантство, влить сюда, при томъ незамѣтно и коварно, ядъ сектантскаго заблужденія. Новое слово и понятіе, созданное нашимъ лихолѣтьемъ—провокація,—въ отношеніи іоаннитства какъ нельзя болѣе можетъ быть приложено, какъ вполнѣ характеризующее его подлинную сущность и настроеніе.

Въ печальной исторіи съ іоаннитствомъ намъ хотѣлось бы обратить вниманіе на одно очень характерное явленіе. именно на отношеніе къ іоаннитству нашей такъ называемой прогрессивной печати и той части общества, настроенія которой выражаетъ эта печать.

Первые проявленія іоаннитскаго движенія встрѣчены были этой печатью съ величайшимъ осужденіемъ. Всѣмъ памятна та свистопляска, какая была поднята печатью около имени о. Іоанна, бывшаго уже на закатѣ старческихъ дней, слабыхъ силами и стоявшаго уже одною ногою у гроба, сколько шуму и гаму было поднято около пьесы „Черные вороны“, гдѣ на позорище театральныхъ подмостковъ былъ выведенъ самъ популярный батюшка о. Іоаннъ. Что подвергли оскорбленіямъ и униженію, всяческому заушенію о. Іоанна наши прогрессивныя газеты,—это вполнѣ понятно и объяснимо: тѣмъ никогда не мирится съ свѣтомъ. Врагамъ Церкви и государства ненавистенъ былъ пастырь, живымъ словомъ и жизнію возвышавшій значеніе Церкви въ сознаніи православнаго на-

рода, любившій родину и беззавѣтно преданный Государю. Въ отношеніи о. Іоанна прогрессивныя газеты были вполнѣ послѣдовательны и вѣрны самимъ себѣ: они всегда старались осуждать и поносить все то, что полезно для блага Церкви, что возвышаетъ и укрѣпляетъ родное намъ православіе. Съ іоаннитствомъ вышелъ у прогрессивной печати большой конфузъ. Дѣло въ томъ, что сектанты и дессиденты разныхъ мастей, всѣ тѣ, что отрываютъ отъ живого тѣла Церкви ея членовъ, кто разстраиваетъ религіозное единство русскаго народа — все это пользуется неизмѣннымъ сочувствіемъ и поддержкой со стороны указанной части печати. Поддерживать религіозное сектантство, какъ бы чудовищно оно ни было въ своей сущности — это своего рода этическое правило прогрессивной печати такъ-же, какъ ругать и осуждать правительства, хотя бы мѣры, принятыя послѣднимъ и были полезны для народа. Чѣмъ объяснить, что на первыхъ порахъ своего появленія іоаннитство встрѣтило въ этой печати не сочувствіе и поддержку, а осужденіе, насмѣшки и глумленіе? Объясняется это тѣмъ, что на первыхъ порахъ сектантскій характеръ іоаннитства не былъ ясно выраженъ; печать признавала іоаннитское движеніе чисто православнымъ, совершающимся въ нѣдрахъ православія. Осторожность и деликатность въ отношеніи іоаннитства, какую проявила правящая церковная власть, вполнѣ объясняемая уваженіемъ къ имени о. Іоанна Кронштадскаго, къ которому прицѣпило себя іоаннитство, было истолковано какъ сочувствіе, согласіе и одобреніе іоаннитства. Осуждая іоаннитство, прогрессивная печать полагала, что она наноситъ удары самому православію, господствующей Церкви и дѣлала это тѣмъ съ большимъ усердіемъ, что попутно поносила дорогое для миллионновъ вѣрующихъ имя о. Іоанна Кронштадскаго.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Іоаннитское движеніе, разрастааясь въ ширь, стало откровеннѣе показывать свою внутреннюю сущность. Внимательное изученіе его съ несомнѣнностью убѣждало, что мы имѣемъ дѣла съ типичнымъ сектант-

скимъ явленіемъ хлыстовскаго толка. На дѣятельность іоаннитовъ обращено вниманіе духовенства, миссіонеровъ, церковныхъ органовъ печати; противъ него стали принимать нѣкоторыя мѣры. И вотъ съ нашей прогрессивной печатью въ отношеніи ея къ іоаннитству совершается перемѣна: сначала о немъ временно перестаютъ писать и говорить, затѣмъ начинаютъ, защищать, наконецъ хвалить и всячески поддерживать не смотря на то, что іоаннитство на словахъ заявляетъ себя преданнымъ Церкви и враждебнымъ революціи; словомъ, совершается перемѣна фронта. И не ошибемся, если скажемъ, что чѣмъ больше будетъ вреда приносить іоаннитство православію, тѣмъ энергичнѣе его будутъ защищать, и съ другой стороны—чѣмъ энергичнѣе его защищаютъ, тѣмъ яснѣе для всякаго православнаго должно быть, что іоаннитство явленіе вредное и опасное для православія. Въ настоящее время отношеніе прогрессивнаго лагеря съ іоаннитству совершенно такое же, какъ и къ сектантамъ всякаго другого толка, и приемы защиты ихъ отъ утѣшеній, чинимыхъ будто бы господствующей Церковью, тоже старые и испытанные, широко использованные уже въ отношеніи штундизма, толстовщины и даже изувѣровъ—скопцовъ. Къ этимъ приемамъ мы относимъ: 1) восхваленіе іоаннитства, его внутреннихъ достоинствъ и упорное замалчиваніе его недостатковъ; 2) толкованіе іоаннитства какъ православнаго явленія, роднаго ему и все-де не чужлаго; 3) осужденіе и порицаніе православія и православнаго духовенства.

Чтобы не быть голословными, укажемъ, какъ на примѣръ, на книжку Григорія Вечерняго, выпущенную книгоиздательствомъ „Зарницы“ подъ заглавіемъ: „Іоанниты“¹⁾. Эта книжка вполнѣ отвѣчаетъ всѣмъ указаннымъ нами признакамъ, характеризующимъ прогрессивное отношеніе къ сектантству. Авторъ ея сознается, что іоаннитское движеніе

---

¹⁾ Тоже издательство обѣщаетъ въ ближайшемъ будущемъ выпустить брошюры того же автора: „Баптисты“, „Хлысты“, „Трезвенники“.

вполнѣ еще не опредѣлилось, тѣмъ не менѣе онъ считаетъ іоаннистовъ ревностными охранителями православной вѣры, воспитавшей ихъ въ аскетическомъ отрицаніи міра. Экстазъ ихъ будто-бы тѣсно связанъ съ суровымъ аскетизмомъ, потому что по ихъ ученію, безъ умерщвленія плоти, не подняться къ божественному. Роспущенности іоаннитовъ, эксплуатаціи ими простого темнаго люда, хлыстовскихъ заблужденій—вообще іоаннитскихъ пороковъ, въ достаточной мѣрѣ засвидѣтельствованныхъ печатью—всего этого авторъ разсматриваемой нами книги, намѣренно или нѣтъ, рѣшать не берется, совершенно не видитъ и замалчиваетъ.

Интересно характеризуетъ г. Вечерній отношеніе іоаннитовъ къ православію. По его мнѣнію іоанниты являются ревностными охранителями православной вѣры, сознательно преданными Церкви. „Они, пишетъ Вечерній, слишкомъ вѣрны своему учителю Іоанну Кронштадскому, воспитавшему ихъ въ строгомъ православіи чтобы сектантски отказаться отъ Церкви“. Не знаемъ, сознательная-ли это ложь или же не знаніе того, что о. Іоаннъ Кронштадскій при жизни ясно и опредѣленно осудилъ іоаннитство, и что поэтому нѣтъ никакихъ основаній считать его учителемъ іоаннитовъ. Многократные, крайне рѣзкіе выпады іоаннитовъ противъ Церкви, ея архипастырей и пастырей говорятъ о томъ, что іоанниты вовсе не усвоили подлиннаго ученія о. Іоанна Кронштадскаго возвышавшаго пастырскій авторитетъ.

Попытки православнаго духовенства опредѣлить іоаннитство, отмежевать его какъ заблужденіе отъ православія, вызываетъ у Вечерняго, какъ и у самихъ іоаннитовъ, гнѣвъ и раздраженіе. „Чувствуется, пишетъ Вечерній, грубое непониманіе души народа, нежеланіе посчитаться съ его запросами, когда о. миссіонеры насильно загоняютъ этихъ фанатиковъ православія въ секту“. О выдѣленіи іоаннитства въ отдѣльную секту авторъ говоритъ съ большимъ сожалѣніемъ, такъ какъ чрезъ это парализуется разлагающее вліяніе секты на весь народъ, на міровоззрѣніе всего правосла-

внѣ. „Уходъ въ секту не можетъ представлять дѣйствительнаго выхода. Освобождающая роль сектанства относительна и въ судьбѣ сектъ есть неизбѣжный трагизмъ печальнаго конца... Окончательно выдѣляясь изъ духовнаго организма и порывая связь со своей духовной отчизной, онѣ въ послѣдствіи утрачиваютъ свое первоначальное творческое вдохновеніе и отрываясь отъ общекультурной жизни цѣлаго, неизбѣжно замыкаются въ тѣсныя собственные ячейки и бесплодно запутываются въ сѣтяхъ собственной ограниченности“...

На состояніе церкви и религіозно-просвѣтительную дѣятельность духовенства авторъ разсматриваемой книги смотритъ безнадежно. Церковь, по его мнѣнію, превратилась въ какую то заброшенную пустыню, гдѣ сонно и скучно бродятъ тѣни, дѣятельность ея ограничивается исключительно охраной накопленныхъ отцами богатствъ и жизнь не обновляется новымъ строительствомъ. Церковь, говоритъ онъ, находится въ параличѣ, духовенство не имѣетъ никакой силы и значенія и „никакое религіозное движеніе въ народѣ, какъ бы оно праведно и значительно не было, теперь не находитъ своего нормальнаго исхода, потому что нѣтъ вдохновляющаго начала въ самой Церкви“.

Слѣдуетъ отмѣтить, что все наши сектанты по политическимъ убѣжденіямъ и чаяніямъ примыкаютъ къ лѣвымъ и прогрессивнымъ партіямъ; іоанниты въ этомъ отношеніи представляли какъ будто нѣкоторое исключеніе. Авторъ разсматриваемой книжки беретъ ихъ и въ этомъ отношеніи подъ свое покровительство и старается нанести на нихъ освободительный лязгъ. „Было-бы ошибкой думать, что іоанниты борются со свободой вообще и что они черносотенны въ политическомъ смыслѣ слова. Политическое значеніе іоаннитовъ равняется нулю. Участіе же ихъ въ такихъ органахъ, какъ „Гроза“, выражается исключительно въ безсильныхъ попыткахъ оправдаться предъ Св. Синодомъ, ибо другихъ путей въ печати они не имѣютъ. Не мѣшаетъ также отмѣ-

тить и то, что у нихъ нѣтъ ни одной брошюры, посвященной еврейскому вопросу“...

Таково „похвальное слово“ въ честь“ іоаннитовъ. Того, кто нѣсколько знаетъ іоаннитовъ, встрѣчался съ ними, вель бесѣды и знаетъ ихъ жизнь, разумѣется, книжка Вечерняго ни въ чемъ не убѣдитъ, но людей легковѣрныхъ, не знакомыхъ съ іоаннитствомъ, она будетъ только вводить въ заблужденіе. Посему особенно благовременнымъ является сдѣланное Св. Синодомъ обращеніе къ православнымъ чадамъ Церкви, содердащее въ себѣ авторитетное разъясненіе объ іоаннитствѣ и предупрежденіе относительно него православнаго русскаго народа. Необходимо изданіе популярной и правильной литературы объ іоаннитствѣ, которая резсѣяла бы тотъ туманъ, вымыселъ и ложь, которыми окутано для большинства такъ называеме іоаннитство.

Свящ. В. Пестряковъ.

Ветхий и Новый Заветъ по взгляду В. В. Розанова.

(Окончаніе ¹⁾).

Мы видѣли, что Розановъ началъ съ синтеза Ветхаго и Новаго Заветовъ, а кончилъ тѣмъ, что призналъ полную несостоятельность и невозможность этого синтеза. Между Ветхимъ и Новымъ Заветомъ онъ нашель принципиальную несовмѣстимость. Но, несомнѣнно, онъ ошибается въ этомъ послѣднемъ случаѣ, и былъ болѣе правъ въ то время, когда утверждалъ единство двухъ Заветовъ. Попробуемъ вкратцѣ разобраться въ этомъ. Синтезъ Ветхаго и Новаго Заветовъ, говоритъ Розановъ, невозможенъ, потому что между ними непроходимая бездна. Христіанство—религія отрицанія пола, брака и семьи, тогда какъ ветхозавѣтная религія какъ разъ

---

¹⁾ См. № 27 за 1912 г.

благословляетъ то самое, что христіанство прокликаетъ. Христіанство—аскетизмъ и скопчество, Ветхій Завѣтъ—религія „плодородія“. Но правильно ли Розановъ усмотрѣлъ суть христіанства? Не обманулся-ли онъ? Онъ ссылается на то, что надо почувствовать эту суть, надо вникнуть во „флюксіи“, содержащіяся въ христіанствѣ, ощутить его „вкусы и запахи“. Но эти „флюксіи“, эти „вкусы и запахи“ не являются ли иллюзіей Розанова, плодомъ его самообольщенія? Думается, что это такъ и есть. У Розанова есть *idée fixe* ¹⁾, и при свѣтѣ этой идеи христіанство и представляется ему религіей величайшей скорби и величайшаго пессимизма. По видимому, эти флюксіи „восчувствовались“ Розановымъ послѣ того, какъ онъ познакомился съ нѣкоторыми фактами исторической жизни христіанства. Его поразило отношеніе къ браку, къ дѣвству, къ инквизиціи, заставило крѣпко призадуматься скопчество, самоожженіе. Онъ видѣлъ въ своей жизни „черныя ризы“ духовенства, слышалъ похоронныя напѣвы Церкви, прекрасно зналъ скорби и печали исторіи христіанской. И вотъ, сжившись со всѣмъ этимъ, онъ и вообразилъ, что въ этихъ фактахъ и заключается все христіанство, что они являются выраженіемъ его духа. Уклоненія отъ христіанства онъ смѣшалъ съ самимъ христіанствомъ, его аномаліи призналъ за самые естественные плоды его и, чтобы объяснить ихъ онъ заговорилъ о „флюксіяхъ“ и безконечно-малыхъ, едва ощутимыхъ настроеніяхъ въ христіанствѣ. Ему показалось, что всѣ указанные историческіе факты какъ разъ и объясняются этими „флюксіями“, какъ нельзя болѣе совмѣщаются съ сущью христіанства и вполнѣ гармонируютъ съ Ликомъ его Основателя. Но въ томъ то и бѣда вся, что Розановъ пошелъ къ Лику христіанства съ заранѣе создавшимся настроеніемъ: онъ подошелъ, взглянулъ на этотъ Ликъ, и ему почудилось, что Онъ именно и окрашенъ

¹⁾ См. его собственныя слова въ „Темн. Ликѣ“, с. 273 и дал.

въ тотъ цвѣтъ, въ какой ему Розанову захотѣлось его окрасить. Правда, видѣлъ онъ и другую сторону въ христіанствѣ: „бѣлыя ризы“ духовенства и „бѣлые лучи“ христіанства, но какъ-то мимоходомъ, и притомъ ему показалось, что эта „бѣлизна“ слишкомъ ужъ не гармонируетъ съ общимъ фономъ христіанства. Это, думалось ему, такъ только, случайное, мимолетное, явившееся въ результатѣ поперхностнаго взгляда на „Темный Ликъ“ Христа. Розанову побольше бы остановиться на „свѣтлой“ сторонѣ христіанства, углубиться въ нее и объяснить ее. Онъ узналъ бы тогда, что въ христіанствѣ есть скорби Голгофы, но есть и неизмѣримо высокія радости Воскресенія, есть ужасъ креста и смерти Богочеловѣка, но есть и восторгъ боговоплощенія, возстанія Христа изъ мертвыхъ и Его прославленія. Розановъ какъ-будто зналъ это, говорилъ объ этомъ, но почему-то не понялъ всей важности этихъ фактовъ, не остановился на той мысли, что вотъ именно въ Воскресеніи, а не въ Голгофѣ и заключается самая суть христіанства. Голгофа тогда получила-бы для него другой смыслъ и окраску: онъ понялъ-бы тогда, почувствовалъ-бы, что Голгофа хотя и есть въ христіанствѣ, но она не страшна предъ свѣтлой радостью Воскресенія. Тогда все Евангеліе окрасилось-бы у него въ другой цвѣтъ. Тогда не сталъ-бы Христосъ казаться ему какимъ-то „Темнымъ Лицомъ“, какимъ-то нигилистомъ по отношенію къ землѣ и къ ея радостямъ, врагомъ челоѣка и всѣхъ его земныхъ отношеній. Тогда онъ позналъ-бы, что христіанство свѣтло и радостно, что оно—не могила и гробъ, а радость безмѣрная, хотя и знающая Голгофу, но побѣждающая ее чрезъ дивный фактъ Воскресенія!...

Розановъ подошелъ къ христіанству съ другой стороны; онъ взглянулъ на него, какъ на религію аскетическую въ полномъ смыслѣ этого слова. Въ этомъ отношеніи онъ не ушелъ впередъ отъ своихъ современниковъ, которые и по сейчасъ наивно думаютъ, что быть христіаниномъ, это значить то же самое, что быть монахомъ, аскетомъ и скопцомъ.

Онъ всей силой своей, любящей жизнь, природы отвергнуть это христіанство, какъ служеніе „Черному Солнцу, Черной смерти“... Но пусть будетъ такъ. Пусть исчезаетъ скорѣе такое „христіанство“. Ему не мѣсто тамъ, гдѣ царить—Истинный, свѣтлый Ликъ Христа. Въ этомъ заслуга Розанова, что возсталъ онъ противъ темнаго колорита въ „христіанствѣ“, противъ его преобладанія и его претензіи на исключительное господство. Спасибо скажутъ ему будущіе христіане за то, что онъ первый смѣло взялся за борьбу съ „темными силами“, съ соблазнами „Древняго Змія“ и не устранился поднять мечъ противъ него. Но Розановъ глубоко неправъ въ другомъ отношеніи,—и за это его нужно осудить, осудить безусловно,—неправъ въ томъ, что онъ все христіанство свелъ къ этому „Темному Лику“. Это—его величайшее заблужденіе, величайшая ересь. За это его никто не поблагодаритъ изъ вѣрующихъ, напротивъ, всѣ постараются бѣжать отъ него и „тлетворнаго духа“ его „писаній“. Нѣтъ, сущность христіанства не въ „темныхъ лучахъ“. Оно не разрываетъ окончательно съ землею и земнымъ. Оно не проклинаетъ стихій земныхъ и небесныхъ, рождающихъ и производящихъ. Нѣтъ, оно бѣжитъ отъ такого аскетизма и скорпечства. Оно осуждаетъ ихъ, какъ ересь, какъ изувѣрство, и не хочетъ имѣть съ ними ничего общаго. Пусть теперь въ христіанствѣ „землѣ холодно“, а небо не внемлетъ этому, это еще ничего не доказываетъ. Это—результатъ историческаго заблужденія, уклоненія отъ подлиннаго духа христіанства, его рѣшительное непониманіе. Мечта христіанства, его желанная цѣль—синтезъ неба и земли, синтезъ духа и плоти, примиреніе Ипостасей—Отчей и Сыновней. Христіанство не отрицаетъ Ветхаго Завѣта. Оно не проклинаетъ того, что было добромъ и святостью тамъ. Оно не отвращается, какъ отъ грѣха, отъ того, что тамъ благословлялось. Въ Ветхомъ Завѣтѣ царилъ духъ жизни и плодородія. Этотъ духъ признаетъ и утверждаетъ (да еще какъ!) и христіанство. Оно не отрицаетъ заповѣди „Плодитесь и размножайтесь“. Оно знаетъ,

что это воля Божія, непремѣнная и обязательная на всѣ времена существованія настоящаго міра. И эту волю оно не отмѣнило. Но вѣдь христіанство все-таки что-то сдѣлало съ Вѣтхимъ Завѣтомъ,—скажетъ Розановъ. Вѣдь Вѣтхій Завѣтъ теперь уже не такъ дорогъ для насъ, какъ прежде, въ немъ что-то исчезло для насъ навсегда. Да, съ этимъ нельзя не согласиться. Все, что въ немъ было „сбнью“ будущаго, всѣ эти „обряды“, субботы, обрѣзание, жертвы—все это уже не можетъ имѣть мѣста тамъ, гдѣ есть новые „обряды“, новыя субботы. Эта сторона Вѣтхаго Завѣта оставлена нами; мы разстались съ нею, какъ расстаемся съ старою одеждою, которая для насъ уже не нужна и носить которую для насъ уже не прилично. Покрывала Вѣтхаго Завѣта уже нѣтъ на насъ. Его Христось снялъ съ насъ. Но не паль-ли съ этимъ и весь Завѣтъ, вся его суть? Ничуть. Въ этомъ Розановъ глубоко ошибается. Сброшенъ нами покровъ, но осталось то, что подъ нимъ скрывалось. Отмѣнены „обряды“, но сохранилось то, что они значили. Обряды—говоритъ Розановъ—имѣли гигиеническое значеніе, они были религіозными средствами для воспитанія плоти Израиля. Пусть будетъ такъ, только нужно добавить, что не одна только плоть Израиля имѣлась тутъ въ виду. По отношенію къ послѣдней эти обряды только въ исключительныхъ случаяхъ достигали своей цѣли. Главнымъ же образомъ, они подготавливали новую плоть, плоть лучшую, плоть Богочеловѣка. Въ этомъ приготовленіи ко Христу и заключалось значеніе обрядовой стороны Вѣтхаго Завѣта. Всѣ эти омовенія, очищенія, обрѣзание, субботы—все это было путемъ къ „единому, послѣднему, абсолютно-непорочному зачатію“, „путемъ къ Мессіи, къ явленію плоти Божественной“. Этими обрядами какъ „непреступной каменной оградой“ огораживался „таинственный садъ, гдѣ должна была расцвѣсти непорочная лилія—Дѣва Мать“. Но вотъ цѣль эта достигнута. Чудо непорочнаго зачатія совершилось. На землѣ появилась святая плоть и стала источникомъ нашей новой святости и новой чистоты.

Путь Израиля былъ пройденъ до конца ¹⁾. Его „обряды“ сдѣлали свое дѣло. Понятное дѣло, думать теперь, что отмѣна ихъ въ Новомъ Завѣтѣ была слишкомъ легкомысленной, было бы не совсѣмъ разумно. Христіанство самымъ фактомъ своего появленія должно было отмѣнить „обрядовую“ сторону Ветхаго Завѣта. Вѣдь оно явилось не случайно. Оно въ собственномъ смыслѣ было „благою вѣстью“ для человѣчества, какъ евреевъ, такъ и язычниковъ. Въ отвѣтъ на воздыханія людей и пришелъ Христосъ. Въ посл. къ Римлянамъ ап. Павелъ прекрасно выяснилъ, почему собственно Христу неизбежно нужно было явиться въ міръ. „Всѣ согрѣшили“—пишетъ онъ. Всѣ безъ исключенія—юдеи и эллины. „Плоть“ міра распустилась до послѣдней степени. Какое-то тлетворное начало проникло въ нее и дѣйствовало разлагающимъ образомъ. Смердь былъ тамъ, гдѣ должно было быть благоуханіе. Люди чувствовали, что надо что-то дѣлать, что для плоти надо лѣкарство. Язычники не знали никакихъ средствъ для исцѣленія. У евреевъ были „обряды“ и различныя предписанія Моисеева закона, но они были безсильны для борьбы съ грѣхомъ, развѣдающимъ плоть человѣческую. Съ страстной тоской ждали люди „оправданія“ себѣ, обновленія своей природы. Съ трепетомъ устремляли они свои взоры въ таинственную даль будущаго, къ тому Невѣдомому Отроку во плоти, Который скажетъ какое-то новое слово міру и укажетъ ему путь и средства къ жизни. И вотъ явилось христіанство. Дивный Отрокъ пришелъ. Онъ немедленно отозвался на страданія человѣчества. Плоть міра разлагалась и смердѣла. Надо было исцѣлить ее—и Онъ дѣлаетъ это. „Отцы ваши ѣли манну и умерли... Я хлѣбъ живой, спешій съ небесъ; ядущій хлѣбъ сей будетъ жить вовекъ; хлѣбъ же, который Я дамъ, есть плоть Моя“ (Іоан. VI, 49, 51). Вотъ что сказалъ Христосъ. Это, конечно, не все

¹⁾ „Новый путь“ 1903 г, кн. IX, стр. 242. Антонъ Крайній.

Христось далъ еще кое-что. Онъ явилъ откровеніе о новой, божественной жизни, которою долженъ жить человѣкъ. Человѣку указаны были безконечныя цѣли и цѣнности. Ему было внушено и на конкретномъ примѣрѣ показано развивать свой духъ до богоподобія. Подъ вліяніемъ этихъ двухъ могучихъ факторовъ—плоти Богочеловѣка съ одной стороны, и новой духовной жизни, съ другой, естественный человѣкъ—іудей и эллинъ—получилъ возможность идти дальше. Христіанство не отвергло, слѣд., эллина и іудея, оно не возстаётъ противъ плоти, которую они культивировали и которой жили. Напротивъ, оно беретъ эту плоть, исцѣляетъ ее, преобразуетъ, одухотворяетъ и на почвѣ этой плоти развиваетъ новую, безконечно богатую духовную жизнь. Розановъ поэтому неправъ, утверждая противное, говоря, что между естественнымъ человѣкомъ Ветхаго Завѣта и человѣкомъ Новаго Завѣта—цѣлая бездна. Бездна-то бездна, но только въ томъ смыслѣ, что въ Новомъ Завѣтѣ въ жизнь введено новое начало, котораго не было въ Ветхомъ. Розановъ гораздо ближе былъ къ правдѣ въ первыхъ своихъ произведеніяхъ, когда онъ утверждалъ синтезъ двухъ Завѣтовъ—естественнаго и Новаго, духовнаго. Говоримъ „былъ ближе“, потому что и тогда онъ былъ не совсѣмъ правъ не только съ церковной точки зрѣнія, но и съ культурно-жизненной. Онъ звалъ къ синтезу еврейства и христіанства, къ освященію плоти въ томъ ея видѣ, въ какомъ она существовала въ Ветхомъ завѣтѣ. Но здѣсь Розановъ забывалъ одно: забывалъ, что „все течетъ и ничто не возвращается“. Что пало, то не воскреснетъ вновь. Онъ хотѣлъ, да и сейчасъ хочетъ, благословить то, что уже тамъ, у древнихъ чуть не проклинали. Онъ намѣренъ былъ назвать святымъ то, что смердѣло уже тамъ въ Ветхомъ Завѣтѣ. Но „смердное никогда не можетъ быть святымъ. Благоуханіе всегда связано съ святостью“¹⁾. Зачѣмъ поддерживать то, что падаетъ само? Не

¹⁾ „Новый путь“ 1903 г. кн. IX, 241. „Вѣчный жидъ“ А. Крайнаго.

лучше ли „строить дворецъ вмѣсто избы“? Не лучше-ли заключить союзъ съ плотью святой, одухотворенной, очищенной отъ яда тлѣнія и смерти? Розановъ отвѣтитъ на это: ну, значить, опять аскетизмъ и скопчество, опять гоненіе на полъ и жизнь! Ничуть не бывало. Напротивъ, гдѣ болѣе жизни—въ христіанствѣ или въ естественныхъ религіяхъ? Вѣдь „пути естественной жизни—пути смерти“. Принять ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ они теперь существуютъ или существовали до Христа—значить сознательно согласиться на принятіе „закона смерти и всего съ ней сопряженнаго: болѣзни, старости, расплѣнія, безобразія“ ²⁾. Розановъ хочетъ обмануть человѣчество сказавши, что не надо бояться плоти, потому что ничего страшнаго въ ней нѣтъ, а все, что она даетъ, „добро зѣло“. Но неужели Розановъ не знаетъ, куда на самомъ дѣлѣ ведетъ людей его зовъ? Не въ темный-ли хаосъ? Вѣдь для всякаго ясно, что служить полу—это не значить теперь служить естеству въ его чистомъ состояніи. Вѣдь уже для древняго человѣка, какъ мы говорили выше, было ясно, что въ плоти его есть какой-то вывихъ, какой-то изломъ, который нужно исправить. Онъ ждалъ, жадно желалъ, освобожденія естества, природы отъ оковъ ада. Это и совершилъ Христосъ. Пройдя черезъ „горнило“ Голгофы, Онъ явилъ плоть Свою въ красотѣ и безсмертіи. Онъ явилъ свѣтлое утро Воскресенія. И путь, которымъ шелъ Христосъ къ воскресенію, это путь cadaго. Это—единственный путь „спасенія“, путь „преображенія“, путь преобразованія плоти, путь побѣды надъ темнымъ хаосомъ. Розановъ думаетъ иначе и въ этомъ его неправда..

Е. Х.

²⁾ „Вопросы жизни“, 1905 г. кн. 8, стр. 232 и дал.

Въ подпольѣ.

На окраинѣ г. Х., по широкой песчаной равнинѣ, раскинулся большой пригородъ Пески. Тутъ ютится городская бѣднота: мастеровые, чернорабочіе, мелкіе торговцы; здѣсь переселяются и укрываются отъ бдительнаго ока городской полиціи разные подонки и отбросы города. Быстро растущій городъ, какъ многорукій спрутъ, протягивая свои щупальцы въ Пескамъ, кое что здѣсь оставляетъ: то двухэтажный каменный домъ среди лачугъ, то фабрику на пустырь, то мостовую на двухъ трехъ улицахъ. И кажется, что отъ этихъ легкихъ культурныхъ наскаковъ задыхающійся въ тѣснотѣ городъ вотъ—вотъ перейдетъ къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ и двинется на Пески громадою шестиэтажныхъ домовъ, съ шумомъ суетливыхъ вагоновъ трамвая, съ яркими огнями электричества, а бѣдноту съ Песокъ упрячетъ въ подвалы и чердаки, потѣснитъ дальше, гдѣ раскинулись невеселыя всегда нудныя подгородныя поля съ чахлою растительностью, свалками и бродячими собаками. На самой живой и людной улицѣ Песокъ стоитъ приходская церковь, сохранившая все признаки убогаго деревенскаго храма: малопомѣстительная, бѣдная утварью, съ низенькой колокольней. Священствуетъ на Пескахъ еще не старый батюшка о. Харлампій Вьюшковъ, пользующійся большою популярностью не только на Пескахъ но и въ городѣ Х., особенно среди бѣдняковъ. Была горячая пора—разгаръ освободительнаго движенія. Городъ Х., расположенный въ узлѣ желѣзныхъ дорогъ, съ университетомъ, множествомъ заводовъ, въ этомъ движеніи игралъ одну изъ первыхъ, послѣ столицъ, скрипокъ. Волненія въ городѣ отразились и на пескахъ. Скучавшій отъ бездѣлья, по случаю забастовокъ, рабочій людъ, жившій на Пескахъ, рано продирая глаза, еще съ утра заряжался прокламаціями, которыя обильно разсыпала неизвѣстная рука возлѣ каждаго дома.

— Ванька, пойдн-ка къ калиткѣ за „газеткой“, пока другіе не подобрали, — посылалъ мастеровой сына за прокламаціями и чрезъ нихъ знакомился съ побѣднымъ шествіемъ пролетаріата, преступленіями правительства, иногда и ближайшей программой дня. Въ забастовкахъ, митингахъ, и демонстраціяхъ принимали живое участіе и нѣкоторые представители Песокъ. Мирное населеніе, всюду тогда преобладавшее, разводило руками, проклидало беспорядки и безработицу, удивлялось бездѣйствию начальства, съ упрекомъ обращалось иногда къ духовенству.

— Отчего вы молчите? Скажите, куда пристать, что дѣлать, какъ разобраться въ ворохѣ новыхъ словъ, надеждъ и обѣщаній?..

Но и пастыри не знали, что сказать, и не получая отъ консисторій руководящихъ бумагъ съ № и передаточной надписью отъ благочиннаго, или молчали, или лепетали вещь, которая никого не удовлетворяли.

О. Харлампій принадлежалъ къ рѣдкимъ въ то время людямъ, сразу понявшимъ, къ чему ведетъ освободительное движеніе; мужественно сталъ онъ обличать передъ прихожанами людей, сѣявшихъ смуту, чѣмъ вызывалъ у нѣкоторыхъ осужденіе и озлобленіе.

— Не горячитесь; охота вамъ ввязываться въ политику: развѣ это наше дѣло? — уговаривали его болѣе солидные и уравновешенные собратья.

— Замолчи, проклятый попъ, иначе получишь пулю, — писали анонимные корресподенты

Матушка плакала и просила не рисковать собою, не мѣнять на политику счастья дѣтей, а дѣтей было пятеро и всѣ малыя.

— Какъ съ цѣпи сорвался нашъ попъ, — говорили мѣстные буржуи — лавочники и домовладѣльцы, молчаливо наблюдавшіе то, что творилось вокругъ и спокойно ожидавшіе: „чья возьметъ“.

— Постерегся-бы ты, батюшка.—просили о. Харлампія богомольные прихожанки изъ мѣщанокъ. Ливоніеры—народъ сердитый: какъ бы худа тебѣ не сдѣлали...

— Эхъ матушки, отвѣчалъ имъ о. Харлампій, Бога бояться надо, а революціонеры мнѣ не страшны, да и смерть бываетъ одна, каждому свое. Богъ не безъ милости.

Преступленія о. Харлампія противъ пролетаріата умножились. Рѣчи его, разукрашенные и передѣланныя, печатались съ комментаріями въ лѣвыхъ листкахъ, гдѣ между строкъ легко было читать натравливанье болѣе активныхъ элементовъ на безпокойнаго отца.

Въ городѣ въ это время случилось большое несчастье во время митинга, происходившаго у городской думы. Бравый капитанъ, будто на смѣхъ высланный съ полсотней солдатъ противъ толпы, приказалъ народу разойтись, чѣмъ вызвалъ насмѣшки, остроты и оскорбленія. На предупрежденіе офицера толпа сгрудилась и стала тѣснить отрядъ; тяжелый камень, брошенный изъ толпы, окровавилъ лицо одному изъ солдатъ. Тутъ совершилось жестокое, но неизбѣжное дѣло: затрещали выстрѣлы; нѣсколько человекъ, стоявшихъ впереди толпы, какъ подкошенные, упали на землю.

Исторія умалчиваетъ о томъ, зачѣмъ забрался въ толпу демонстрантовъ мѣщанинъ съ Песокъ Миронъ Галушка, принадлежалъ ли онъ по убѣжденіямъ къ товарищамъ, любопытство ли его занесло туда. Ковыряя въ носу и ничего не понимая изъ того, что дѣлается вокругъ, Галушка при первомъ залпѣ схватился за грудь: шальная пуля пронизала его насквозь.

Очень удивила послѣ этого о. Харлампія жена Галушки. Всю жизнь бѣдовавшая, оставшись безъ всякихъ средствъ, она захотѣла отдать Миронущкѣ при погребеніи всякій почетъ: хоронить пожелала на лучшемъ городскомъ кладбищѣ, заказала пѣвчихъ.

— И катафалкъ будетъ,—съ достоинствомъ добавила она.

— Что ты, милая, лишнее затѣваешь, — говорилъ ей священникъ. Катафалкъ и пѣвчіе не дешево тебѣ обойдутся, берегла-бы какую ковѣйку, а то еще долговъ надѣлаешь, чѣмъ безъ мужа платить будешь?

Баба стояла на своемъ.

— На погребеніе мужа способіе назначено, должно быть, отъ начальства. Баринъ какой-то являлся, говорить: „твой мужъ все равно, какъ мученикъ“.

Проводы Миронки вышли торжественными; тысячная толпа собралась на погребеніе.

Несли покойнаго рабочіе въ черныхъ блузахъ, на катафалкъ красовались вѣнки съ красными лентами и надписями.

Жена покойнаго удивлялась такому вниманію къ ея Миронушкѣ и горько плакала. Съ приближеніемъ къ городу изъ толпы понеслось довольно стройное

„Вы жертвою пали въ борьбѣ роковой“...

Взвизгивавшій съ начала погребенія о. Харлампій остановился и сталъ уговаривать демонстрантовъ.

— Не гоже погребеніе, чужое горе обращать въ политическую демонстрацію. Проповѣдуете широкую свободу, а сами насильничаєте, вынуждаете участвовать въ демонстраціи тѣхъ, кто этого вовсе не хочетъ.

Къ о. Харлампію, — невѣдомо откуда, подлетѣлъ жидокъ.

— Товарищи вамъ приказываютъ исполнять свои обязанности и не мѣшаться не въ свое дѣло. Съ нами спорить трудно и рискованно.

— Ахъ ты, паршукъ, еще приказывать будетъ!... До такого униженія дошли, что православнымъ священникомъ всякій жидъ командовать хочетъ!...

Дѣло принимало скверный оборотъ: толпа увеличивалась звуки марсельезы становились громче и смѣлѣе. Кое кто изъ сопровождавшихъ иронически поглядывалъ на священника и, кажется, хотѣлъ сказать: „какъ-то ты выйдешь изъ такого положенія?“

— Петръ Ивановичъ, — позвалъ о. Харлампій своего регента, — пойте „Спаси Господи“, да басамъ скажите, чтобы нажали покрѣпче...

Звуки церковной молитвы понеслись въ воздухѣ, смѣшались съ марсельезой; ихъ подхватила часть толпы, послышавшая въ словахъ молитвы свое близкое, родное.

Марсельеза была сбита съ тона, стала ослабѣвать.

— Послушайте, — подбѣжалъ къ о. Харлампію чернорубашечникъ. — Вы смѣтаете надъ нами? Мы хоронимъ жертву произвола, а вы приказываете молитву за Царя пѣть; по какому это уставу за погребеніемъ стали ее пѣть?

— Марсельеза тоже ни въ какомъ уставѣ не указана. Вы создаете въ народѣ свое настроеніе, я — свое. И, кажется, мое оказывается крѣпче: слышите, какъ народъ подхватилъ слова молитвы...

— Это еще посмотримъ...

— Вы жертвою пали въ борьбѣ роковой... — снова раздалось въ толпѣ пѣніе...

О. Харлампій остановился.

— Совсѣмъ не время, господа, выбрали вы для демонстраціи. Смерть и борьба, молитва и злоба — не слѣдуетъ эти вещи смѣшивать. Я вынужденъ буду снять облаченіе и вернуться домой.

— Пожалуйста, сколько угодно, обойдемся и безъ васъ.

— Убирайтесь вонъ. Царскій приспѣшникъ, лакей...

Въ дѣло вмѣшалась жена покойника.

— Какъ, — безъ батюшки? Чтобы моего Миронушку хоронить безъ батюшки! Развѣ онъ нехристь былъ?... Сами вы убирайтесь, а не батюшка, я вправѣ тутъ распоряжаться, а не вы; я думала, вы и въ самомъ дѣлѣ люди добрые. пришли уважить моего Миронушку...

Дальнѣйшіе проводы покойника прошли спокойно. Въ центрѣ города къ печальному кортежу присоединился усиленный нарядъ полиціи.

Через нѣсколько дней о. Харлампій получилъ угрожающее письмо съ доплатой, гдѣ ему совѣтовали воздерживаться отъ выступленій политическаго характера. „Въ противномъ случаѣ вы знаете, что васъ ожидаетъ“, многозначительно заканчивалось письмо.

Свящ. *В. Пестряковъ.*

(Окончаніе слѣдуетъ)

ЗАМѢТКИ.

Выдѣль церковной земли.

Въ очень многихъ мѣстностяхъ церковные причты, имѣя за собой участки, отведенные имъ изъ общественной земли, въ дѣйствительности не владѣютъ этими участками въ опредѣленныхъ границахъ, а, предоставляя отведенную имъ землю въ пользованіе крестьянскому обществу, участвуютъ въ общинной разверскѣ земли.

По поводу представленнаго однимъ изъ губернаторовъ постановленія мѣстной губернской землеустроительной комисіи, признавшей возможнымъ производить укрѣпленіе и выдѣль къ однимъ мѣстамъ надѣльной земли въ тѣхъ сельскихъ обществахъ, гдѣ имѣются указанные способы надѣленія церковныхъ причтовъ землею, главное управленіе землеустройства и земледѣлія и сдѣлало разъясненіе.

Согласно этому разъясненію, церковныя земли, на точномъ основаніи ст. 446 т. IX Св. Зак., признаются безусловно неприкосновенными, въ виду чего сельское общество не въ правѣ распоряжаться такой землей, хотя бы она и была отведена изъ мірскаго надѣла; обмѣнъ же церковной земли закономъ допускается, но лишь путемъ полюбовной сдѣлки. Что касается отдѣльныхъ домохозяевъ, то они имѣютъ право на выдѣль причитающей ими части только изъ надѣла

своего общества, но производство подобныхъ выдѣловъ къ одному мѣсту и укрѣпленіе надѣльной земли, должно быть приостановлено впредь до выдѣленія церковныхъ земель изъ общаго состава надѣльной земли, причемъ церковныя земли могутъ быть выдѣляемы или въ прежнихъ границахъ или, во избѣжаніи ломки существующаго владѣнія, отведены въ новыхъ мѣстахъ путемъ добровольнаго обмѣна.

Въ виду важности устраненія указаннаго препятствія къ укрѣпленію и выдѣламъ надѣльной земли въ обществахъ, въ которыхъ церковныя земли фактически не отведены къ одному мѣсту, губернскимъ землеустроительнымъ комиссіямъ предложено оказывать крестьянамъ и причтамъ полное содѣйствіе въ порядкѣ ст. 93—96 наказа къ обмѣну и выдѣлу церковныхъ земель изъ состава общественныхъ. Для надлежащей же планоустроенности дѣйствій землеустроительныхъ комиссій, губернской землеустроительной комиссіи необходимо въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, входить въ ближайшее сношеніе съ мѣстной духовной консисторіей для выясненія, какіе именно причты пользуются своей землей совмѣстно съ сельскими обществами, и въ какихъ случаяхъ и на какихъ условіяхъ было бы возможно произвести выдѣлъ церковныхъ земель къ однимъ мѣстамъ. („См. В.“).

Дешевое отопленіе.

Судьбѣ угодно было забросить меня въ такой уголокъ, гдѣ лѣсной матеріаль цѣнится, если не на вѣсь серебра, то не ошибочно будетъ сказать—на вѣсь мѣди. Неимовѣрно высокая цѣна на лѣсные матеріалы, вслѣдствіе отдаленности рынка (самый ближайшій 120—150 верстъ), вынудила мѣстное населеніе всѣ постройки, включительно до избы, возводить изъ глины (воздушныхъ кирпичей), такъ что во всемъ селѣ только и имѣется деревянныхъ построекъ: церковь, шеола да домъ священника, а у псаломщика хата тоже глиняная.

Само-собою разумѣется, что при такомъ порядкѣ вещей о дровяномъ отопленіи нечего было и помышлять. Оставалось довольствоваться повсемѣстнымъ для степныхъ селеній отопленіемъ, а именно кизячнымъ или, тоже самое, навозными дровами. Оказалось, что въ моемъ уголкѣ,—а такихъ уголковъ, думаю, много наберется,—и такой непрезентабельный на видъ горючій матеріалъ, какъ кизяки, стоитъ очень дорого, а именно: отъ 14 до 18 руб. за тысячу. Теперь подсчитаю, сколько стоило бы мнѣ отопить въ теченіе зимы занимаемый мною домъ, размѣромъ 4 × 6 саж. безъ кухни (отопленіе кухни и бани отдѣльно). Въ домѣ 3 голландки; время топки—съ 15 октября до 1-го апрѣля (хотя и въ первыхъ числахъ октября и апрѣля приходится иногда подтапливать)—всего 167 дней. Положить на всѣ три печки минимумъ 30 шт. кизяковъ въ день—получится около 5000 шт., стоимость которыхъ,—возьмемъ среднюю цѣну въ 16 руб. за тысячу,—будетъ равна 80 рублямъ, а приложивъ къ нимъ еще стоимость отопленія кухни и бани (последнюю въ 2 недѣли разъ) около 40 руб.—получимъ 120 рублей. Сумма довольно порядочная и очень чувствительная для кармана тѣхъ моихъ собратій, которые подобно мнѣ не получаютъ никакого вспомошествованія на этотъ предметъ отъ сельскаго общества и бюджетъ которыхъ, какъ и мой—одна скромность.

Высчитавъ все это еще до наступленія зимы, я ужаснулся полученной при этомъ суммѣ и сильно призадумался. Затѣмъ, перебирая въ умѣ всѣ болѣе или менѣе дешевые способы отопленія, я вспомнилъ про опилки и солому, но опилокъ достать не откуда, а солома—во-первыхъ недешева, такъ какъ ея уродилось мало, а во-вторыхъ—слишкомъ хлопотливое отопленіе и при томъ большой рискъ сгорѣть со всѣмъ имуществомъ, или же сжечь дѣтей.

Остался еще одинъ способъ отопленія, а именно каменнымъ углемъ „антрацитомъ“. До сихъ поръ способъ этотъ примѣнялся только въ магазинахъ и за последнее время въ нѣкоторыхъ церквахъ, гдѣ обиліе комнатъ отсутствуетъ,—а

если и примѣнялся въ нѣкоторыхъ домахъ, то какъ вспомо-
гательное средство къ голландкамъ.

Остановившись на этомъ способѣ отопленія, я все-
сторонне разсматривалъ его и при этомъ одно обстоятельство
не мало смущало меня, а именно присутствіе въ домѣ 5
комнатъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга оштукатуренными
перегородками. Понятно, если-бы въ каждой комнатѣ поста-
вить по желѣзной печкѣ и топить ихъ, вопросъ не пред-
ставлялъ бы труднаго рѣшенія, но тогда не было бы до-
стигнуто экономіи въ топливѣ, а это не соответствовало моей
мысли.

Не смотря на смущавшее меня обстоятельство, я все-
таки рѣшился испробовать способъ отопленія антрацитомъ и
при томъ одной печкой на весь домъ. Приобрѣлъ чугунную
печь „Метеоръ“ за 19 руб., размѣромъ: выш. 1 арш. и
толщ. 7 верш. въ діаметрѣ, выложенную внутри огнеупор-
нымъ кирпичемъ; купилъ антрацита и началъ топить. Резуль-
татъ получился блестящій. Одна эта печь съ избыткомъ за-
мѣнила имѣющіяся въ домѣ три голландки и согрѣваетъ весь
домъ превосходно. Теплота разливается по всѣмъ комнатамъ
черезъ открытыя двери. Ни угара, ни золы, ни пыли. Пол-
ное отсутствіе возможности пожара. Топить можно непре-
рывно нѣсколько дней и даже недѣль. Печка не разгорается
до красна. Благодаря имѣющемуся при печкѣ регулятору
можно поддерживать температуру какую угодно.

Сколько же идетъ горючаго матеріала? Я началъ то-
пить съ 1-го октября и протопилъ уже и январь мѣсяць, и
за все это время вышло 50 пуд. антрацита по 30 коп. за
пудъ на сумму 15 рублей. На февраль и мартъ купилъ еще
30 пуд. и надѣюсь, что весь не сожгу. Допустимъ, что всѣ
80 пуд. сожжены и тогда все отопленіе моего дома (безъ
кухни) будетъ стоить мнѣ только 24 руб., т. е. въ три раза
меньше той суммы, которая была бы израсходована, если бы
топить кизяками. Отрадный результатъ сдѣланнаго опыта,—
больше 55 руб. у меня остается экономіи.

Считаю не лишнимъ упомянуть, что домъ мой не отличается особеннымъ устройствомъ и по документамъ значится холоднымъ. Мои предшественники, не смотря на то, что пожигали большее количество дровъ и соломы, все-таки на-терпѣлись отъ холода.

Одновременно съ своимъ домомъ я замѣнилъ кизячное отопленіе антрацитомъ и въ двухъ помѣщеніяхъ ц. школы. Тамъ результатъ еще блистательнѣе. Экономія огромная: вмѣсто 100 руб.—30—35 р.; вмѣсто двухъ сторожей—одинъ управляется.

Что же будетъ стоить такое отопленіе въ домахъ о. с. діаконовъ и псаломщиковъ? Думаю, что не больше 7—10 р. въ зиму.

Имѣю намѣреніе, если Господь поможетъ, въ текущемъ году устроить и церковь теплой, примѣнивъ и въ ней то же отопленіе.

Да какъ и не пользоваться такимъ дешевымъ отопленіемъ ¹⁾.

Свящ. *Дмитрій Зелевъ.*

---

¹⁾ Самар. Епарх. Вѣд. № 4 т. г.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 4-го Іюля 1912 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Аки. Общ. печат. и изд. г-ла Н. Т. Корсака-Новицкаго. Мериговская ул. 6

ГОДЪ

ЛШ

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 29

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1912-го года 15-го іюля.

Содержаніе: I. Къ православному духовенству предъ выборами въ четвер-
тую Государственную Думу. Новоспасскій Архимандритъ Макарій.—
II. Изъ Епархіальныхъ Вѣдомостей. С. Б.—III. Въ подпольѣ. (Оков-
чаніе). Свящ. В. Пестряковъ.—IV. Объявленіе.—

Къ православному духовенству предъ выборами въ четвертую Государственную Думу.

I.

Въ самомъ непродолжительномъ времени предстоятъ выборы въ IV Государственную Думу. Направленіе дѣятельности бывшихъ трехъ Думъ и интересы св. Христовой вѣры и Православной Церкви заставляютъ сосредоточить на выборахъ въ IV Государственную Думу самое серьезное вниманіе.

Всѣ три Государственныя Думы явили русскому народу весьма много поучительнаго. И всякій, внимательно при-
сматривающійся къ современной жизни своего народа, не

могъ и не можетъ не замѣтить, какія страшныя опасности грозятъ, не говоря уже о Государственномъ, вѣками выработанномъ, строѣ Русской земли,—Православной Церкви и христіанству. Долгое время мы прислушивались къ той борьбѣ между современнымъ язычествомъ и христіанствомъ, которая шла и идетъ на Западѣ, и думали, что эта борьба далеко отъ насъ и даже болѣе—будетъ чужда намъ. Горькая дѣйствительность открываетъ намъ глаза на то, что происходитъ вокругъ насъ. Государственные Думы составомъ своихъ членовъ, вышедшихъ изъ всѣхъ слоевъ русскаго народа, ясно до очевидности говорятъ намъ, какихъ печальныхъ успѣховъ достигли враги Христа и у насъ на Руси. Представители высшихъ классовъ, богатаго купечества, крестьянства, рабочихъ и даже въ извѣстной степени православнаго духовенства,—особенно же представители такъ называемой средней интеллигенціи, людей свободныхъ занятій,—явившіеся предъ лицомъ народа въ качествѣ членовъ Думы, устроителей въ извѣстной степени общественной, государственной, семейной и даже церковной жизни, сняли съ себя покрывало и выступили явными врагами Церкви, притомъ врагами съ такимъ нравственнымъ обликомъ,—который не даетъ почти никакихъ надеждъ на возможность разумной и планомѣрной борьбы съ заблужденіями этихъ людей.

Имѣеть, безъ сомнѣнія, важное значеніе невѣріе, или вражда къ современному строю Церкви, но если и то и другое основано на заблужденіяхъ серьезно мыслящаго ума, то все-таки всегда можетъ быть надежда на возможность переубѣжденія, на возможность по крайней мѣрѣ устраненія крутой ломки существующаго строя и введенія въ жизнь новаго путемъ постепенности. Но когда то же невѣріе, та же вражда основаны всецѣло на раздражительности, на грубой предвзятости,—тогда борьба съ этимъ зломъ становится не подъ силу даже самымъ могучимъ средствамъ убѣжденія. Къ сожалѣнію, въ большинствѣ своемъ члены бывшихъ Государственныхъ Думъ должны быть причислены къ разряду

последнихъ. Всѣ такъ называемыя политическія партіи, за исключеніемъ правыхъ, оказываются, въ своихъ отношеніяхъ къ Церкви, къ христіанской истинѣ не только равнодушны, но и прямо враждебны; даже болѣе, — они убѣждены и убѣждаютъ другихъ, что въ вѣрности населенія Церкви и христіанскому ученію заключается причина неуспѣшности всѣхъ другихъ средствъ и стремленій тѣхъ же партій къ рѣшительному преобразованію Государственнаго строя въ Россіи. Нельзя не обратить вниманія и на то, что даже такая партія, какъ націоналистическая, въ церковныхъ вопросахъ старается избѣгать опредѣленности въ своихъ програмныхъ оповѣщеніяхъ объ отношеніяхъ этой партіи къ Церкви.

Особенно рѣзко дѣйствительныя настроенія и намѣренія бывшихъ Государственныхъ Думъ сказались въ такъ называемыхъ вѣроисповѣдныхъ вопросахъ, связавшихъ всѣ три Думы воедино, не смотря на видимое отличіе третьей Думы отъ первыхъ двухъ. Первые двѣ явно противогосударственныя и противокерковныя Думы передали третьей Думѣ, принявшей обликъ закономѣрности, свой проэктъ о свободѣ совѣсти и вѣроисповѣданій, а эта послѣдняя, не смотря на свои неоднократныя заявленія о враждебности своей въ отношеніи къ партіямъ, главенствовавшихъ въ двухъ первыхъ Думахъ, приняла этотъ законопроектъ, даже расширила его и своими рѣчами внесла великую смуту въ умы православныхъ и меньшія ожиданія и ободренія въ ряды всѣхъ враговъ Церкви. Насколько оказались всѣ три Думы между собою согласными въ отношеніяхъ своихъ къ Церкви, ея положенію въ Государствѣ, яркимъ показателемъ явилась, съ одной стороны, рѣчь представителя такъ называемыхъ октябристовъ, направленная противъ г. Оберъ-Прокурора Св. Синода, въ каковой рѣчи главнѣйшей виною послѣдняго передъ Думой выставлена была его защита Церкви и выступленіе въ Государственномъ Совѣтѣ противъ вѣроисповѣдныхъ законовъ, а съ другой — нарочитый выходъ октябр. изъ думскаго зала, чтобы только не пропустить ассигнованій

на содержаніе учителей церковныхъ школъ,—и это послѣ только что сказанныхъ словъ Государемъ Императоромъ. Необходимо имѣть въ виду и то, что главная газета октябристовъ „Голосъ Москвы“ является, не смотря на постоянныя приглашенія духовенства выписывать эту газету, самымъ злѣйшимъ врагомъ Церкви.

Кромѣ только сказаннаго, нужно, въ виду выборовъ въ IV Государственную Думму, непрестанно помнить, что эта Дума, несомнѣнно, будетъ имѣть рѣшающее значеніе въ жизни Государства и Церкви. Третья Государственная Дума, оставаясь въ существѣ тѣмъ же, чѣмъ были и первая двѣ, избрала только иной путь для проведенія въ жизнь своихъ вождедѣній. Видя, что открытымъ приступомъ не возможно разрушить ни государственнаго ни церковнаго строя Русской земли, ея руководители избрали путь къ той же цѣли иной,— не такъ бьющій въ глаза, основательно отводящій взоры Правительства и общества отъ дѣйствительныхъ намѣреній враговъ Государства и Церкви. Равнымъ образомъ, изъ опыта прошлаго убѣдившись, что Православная Церковь и привязанность къ ней большинства русскаго населенія являются дѣйствительно могущественнѣйшею силою, не допускающею развернуться во всю ширь революціоннымъ выступленіямъ противъ Государства, октябристы и всѣ другія, въ существѣ единомышленныя имъ партіи приняли всѣ, находившіяся въ ихъ распоряженіи средства, чтобы расшатать положеніе Церкви и Государства, открыть въ среду церковную возможно больше доступовъ врагамъ Церкви, пріучить населеніе къ мысли, что всѣ вѣроисповѣданія одинаковы, и вмѣстѣ съ тѣмъ по возможности лишить Церковь или ее затруднить въ матеріальныхъ средствахъ. Дѣйствуя по возможности въ предѣлахъ закона и прикрываясь своею мнимою работоспособностію и согласованностію съ Правительствомъ, третья Дума много уже сдѣлала, чтобы упрочить не только свое положеніе, но и направленіе своей дѣятельности какъ въ отношеніи къ Государству, такъ и въ отношеніи къ Церкви. Четвертой Думѣ предстоитъ продолжать такую дѣятельность и

окончательно закрѣпить существеннѣйшія пріобрѣтенія во всѣхъ областяхъ Государственнаго Управленія, въ томъ числѣ и въ области Церкви. Если же мы примемъ во вниманіе, что и представители Правительства далеко не всѣ и не всегда готовы быть на сторонѣ интересовъ Церкви и ея существующаго нынѣ положенія въ Государствѣ, то мы поймемъ, какимъ опасностямъ можетъ подвергнуться Православная Церковь, если только четвертая Государственная Дума будетъ по своему составу такая же, какъ и третья. Поэтому необходимо принять всѣ мѣры къ использованію предоставленныхъ закономъ средствъ какъ для осуществленія своихъ избирательскихъ правъ, такъ и къ проведенію въ члены Думы лицъ, сочувствіе которыхъ Церкви и Христову ученію внѣ всякихъ сомнѣній.

Православное духовенство, разсуждая не только теоретически, но и на основаніи опытовъ, можетъ оказать дѣлу избранія въ Государственную Думу лицъ, способныхъ защищать церковные интересы, весьма существенную помощь. Поэтому и необходимо его призывать самымъ настойчивымъ образомъ къ участию въ выборахъ и притомъ съ опредѣленною цѣлю—выбирать только лицъ православныхъ, искренно, глубоко любящихъ Церковь и готовыхъ всегда и всѣми силами защищать интересы и государственное положеніе ея.

Казалось бы, что доказывать или разъяснять вопросъ о возможности и необходимости участія православнаго духовенства въ выборахъ въ Государственную Думу нѣтъ никакой нужды: положеніе объ этихъ выборахъ точно указываетъ на права православнаго духовенства въ этомъ отношеніи, то же духовенство никакими другими законами не ограничено въ своихъ обще-гражданскихъ правахъ, воля Государя, указывающая на использованіе предоставленныхъ ему правъ по выборамъ, для него, какъ и для всѣхъ вѣрноподанныхъ, должна быть священна, наконецъ—существо предметовъ и вопросовъ, подлежащихъ обсужденію Государственной Думы, именно таково, что участіе православнаго духо-

венства въ этомъ обсужденіи безусловно необходимо. Но, не смотря на все это, наша жизнь и наше пониманіе нравственныхъ обязательствъ въ отношеніи къ Церкви, Государству и ближнимъ, нашимъ согражданамъ оказались настолько спутанными, что даже въ такомъ ясномъ вопросѣ, какъ вопросъ объ участіи православнаго духовенства въ выборахъ въ Государственную Думу, мы часто не знаемъ, что дѣлать. И въ этомъ отношеніи наша жизнь представляетъ очень много оригинальнаго и вмѣстѣ печальнаго.

Всѣ такъ называемыя лѣвыя партіи, т. е. разрушительныя партіи, стараются самыми разнообразными способами (печатью, клеветою, сатирою и т. п.) доказать, что православному духовенству нельзя, не нужно участвовать въ выборахъ: запугивая всѣхъ такъ называемымъ клерикализмомъ, онѣ доходятъ даже до того, что начинаютъ говорить совершенно имъ не свойственное, — именно, — что-де участіе православнаго (о другихъ вѣроисповѣданіяхъ нѣтъ рѣчи) духовенства въ выборахъ не соотвѣтствуетъ ни христіанскому ученію, ни пастырской дѣятельности! Какъ-де священнику, обязанному пещись о спасеніи душъ всѣхъ пасомыхъ, безъ различія ихъ политическихъ воззрѣній, приставать къ той или другой партіи, вносить политику въ свое высокое служеніе? А между тѣмъ на дѣлѣ такъ рассуждающіе съ необыкновеннымъ восторгомъ привѣтствуютъ появленія въ ихъ рядахъ священниковъ. Очевидно, на дѣлѣ-то выходитъ такъ: не должны въ выборахъ участвовать только тѣ священники, которые не исповѣдуютъ разрушительныхъ политическихъ ученій, а исповѣдующіе эти ученія пріемлются въ ряды лѣвыхъ съ восторгомъ! Что такъ думаютъ и поступаютъ лѣвые, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Но удивительнѣе всего то, что съ этимъ ихъ совершенно неприкровеннымъ походомъ противъ Церкви и Государства согласны очень многіе и изъ принадлежащихъ къ ихъ партіямъ!

Въ послѣднее время особенно рѣзко противъ участія православнаго (опять-таки только его одного) духовенства въ

выборахъ выступили октябристы. Они одно время даже доказывали, что это духовенство должно быть лишено избирательныхъ правъ, потомъ—что эти права, по крайней мѣрѣ, должны быть сокращены (нельзя-де Думу отдать въ руки духовенству), и, наконецъ, додумались до того же, до чего доходили раньше въ своихъ требованіяхъ дѣвѣе—до требованія назначать выборы въ воскресные или вообще большіе праздники, чтобы занятые своими пастырскими обязанностями, священники не могли участвовать въ выборахъ. Существуютъ извѣстія, что тѣ-же октябристы сдѣлали или дѣлаютъ попытки убѣдить правительство, чтобы православное (и только оно одно) духовенство было выдѣлено въ особую курію,—такъ же, какъ, наприм., при земскихъ выборахъ въ Западной Руси поляки или евреи! Что-же заставило октябристовъ такъ ополчиться противъ православнаго духовенства? Вѣдь предъ выборами въ третью Государственную Думу, когда опытъ первыхъ двухъ Думъ показалъ, къ чему можетъ привести безучастность православнаго духовенства въ отношеніи къ выборамъ, безучастность вольная или невольная,—никто иной, какъ октябристы, ставшіе правительственною партіею, домогались, чтобы именно духовенство шло на выборы, и, дѣйствительно, не мало октябристовъ прошло въ Думу стараньями православнаго духовенства, а равно не мало духовныхъ лицъ въ Думѣ оказались среди октябристовъ! Очевидно, эта партія чувствуетъ, что она ужъ очень ясно себя показала въ годы третьей Думы и что она слишкомъ много зла сдѣлала Церкви, ея духовенству, ея школамъ. Такимъ образомъ и непріязнь октябристовъ къ духовенству понятна: они боятся силы послѣдняго и спасая свое партійное (конечно, не Государственное) дѣло, пошли въ своемъ походѣ противъ православнаго духовенства даже дальше, чѣмъ Милюковцы и всѣ соціаль-революціонеры.

Но совершенно не понятнымъ, даже весьма обиднымъ и великую грусть навѣвающимъ является отношеніе къ участию въ дѣлахъ выборовъ православнаго духовенства лицъ

и учреждений, которыя, кажется, не принадлежать ни къ октябристамъ, ни къ кадетамъ, ни къ болѣе лѣвымъ, мало того, — на обязанности которыхъ лежитъ всемирная защита Церкви и ея ученія. Иные изъ рядовъ Правительства идутъ противъ участія въ выборахъ духовенства, а въ особенности противъ принадлежности его къ правымъ партіямъ. Но почему? Неужели правыя партіи и духовныя лица, къ нимъ принадлежащія, стремятся къ разрушенію или даже нарушенію только Государственнаго и Церковнаго строя и порядка? Иные изъ причисляющихъ себя къ истиннымъ сынамъ Православной Церкви и поборникамъ ея ученія и нравственности тоже противъ участія духовенства въ выборахъ и въ правыхъ партіяхъ. Наконецъ, не мало лицъ среди самого духовенства, которыя не только сами сторонятся, какъ они выражаются, политической борьбы, но и осуждаютъ другихъ и притомъ больше тѣхъ, которые стоятъ въ рядахъ правыхъ партій. Что все это значитъ? Что заставляетъ всѣхъ этихъ людей стать или въ сторонѣ отъ выборовъ, или даже во враждебное отношеніе къ участникамъ въ выборахъ вмѣстѣ съ правыми? Нужно на этомъ остановиться. Здѣсь кроется не только заблужденіе или недоразумѣніе, но очень часто и прикровенное лицемѣріе. Повторя слова, несомнѣнно вдолбленные лѣвою, желтою печатью, иные изъ ревнителей чистоты Церкви и ея пастырства и удаленія ихъ отъ политики или политиканства (нарочито смѣшиваютъ эти два понятія) убѣждаютъ православное духовенство быть безпартійнымъ или внѣпартійнымъ. Что это значитъ? Это значитъ, что не нужно участвовать ни въ какихъ партіяхъ, не нужно ни въ одной изъ нихъ выступать, не нужно тѣмъ болѣе бороться съ тѣми или другими партіями; памятуя, что священникъ призванъ быть пастыремъ, и только пастыремъ, — онъ не долженъ своихъ пасомыхъ дѣлить на такихъ, которымъ сочувствовать можно, и такихъ, которымъ сочувствовать онъ не можетъ. Выходить такъ: идетъ вокругъ борьба, — борьба на жизнь и смерть между пасомыми, притомъ изъ-за вопросовъ часто самаго

ысокаго религіозно-нравственнаго характера и еще чаще — за средствъ проведенія въ жизнь тѣхъ или другихъ политическихъ убѣжденій, расходящихся до страшной противоположности (отъ мирныхъ средствъ до дѣйствованія огнемъ и мечомъ),—идеть борьба, а пастырь долженъ стоять въ сторонѣ и ни той, ни другой сторонѣ не помогать. Но возможно-ли это? Не напоминаетъ-ли этотъ взглядъ ученіе Толстого о непротивленіи злу? А объ этомъ ученіи одинъ изъ французскихъ притомъ совсѣмъ не консервативныхъ писателей выразился такъ: Толстой сидитъ на высокомъ берегу рѣки,—видъ прекрасный и сидѣть ему отлично,—а на рѣкѣ плывущіе тонуть, другъ друга топятъ... не помочь-ли? зачѣмъ, — сильные сами выплывутъ,—а о *тѣхъ*—стоитъ-ли заботиться?! Не протився злу. Но еще важнѣе,—настойчиво навязываемое отчужденіе отъ партійности не говоритъ-ли о той тепло-хладности пастырской и исповѣднической, о которой говоритъ апостоль? И не по слову-ли апостольскому должна быть и судьба всѣхъ современныхъ тепло-хладныхъ пастырей, для которыхъ тихое, уютное житіе въ мирѣ со всѣми,—и съ бомбистами, и съ вѣроломными іезуитами, и съ явными и скрытыми врагами Церкви и Христова ученія, и съ ревностными защитниками Церкви и Государства,—является особенно желательнымъ въ настоящее бурное время? Не можетъ вѣрующаго, страдающаго страданьями другихъ сердца не смущать такое тепло-хладное отношеніе къ существеннѣйшимъ вопросамъ текущей жизни: люди мучаются думами, къ какому берегу направлять свою ладью, что признавать руководящими началами въ отношеніяхъ къ другимъ людямъ, а пастыри Церкви, обязанные быть руководителями, отвѣчаютъ,—это не наше дѣло, мы не политики,—идите, куда хотите!

И такимъ образомъ—рядомъ съ сильнымъ соблазнителемъ, злобнымъ нерѣдко соблазнителемъ, становится безгласный, бездѣйственный пастырь церкви. Не увеличится-ли

соблазнъ? Не увеличится-ли число соблазненныхъ? А о соблазнахъ, соблазнителяхъ и творящихъ помощь послѣднимъ въ св. Евангеліи ясно сказано... Собственно, для человѣка, имѣющаго хотя искру малую любви къ ближнему и ученію Господа, проповѣдь тепло-хладности является явнымъ преступленіемъ и звать на это преступленіе, конечно, уголовными законами неопредѣленное, могутъ люди—или мертвые душой, или лицомъры, болѣе всего дорожащіе житейскимъ покоемъ и выгодами, или несомнѣнные преступники, конечно, нравственные.

Но думается, что собственно такихъ лицъ, которыя-бы по зову мнимыхъ враговъ „политиканства“ пастырей церкви, должны бы быть совершенно чуждыми такъ называемой партійности, не было, нѣтъ и не можетъ быть. Вѣдь не можетъ же быть людей, у которыхъ не было бы никакихъ убѣжденій, хотя бы чужихъ! Даже дѣти и тѣ свое *я* имѣютъ и это *я* защищаютъ. Такъ неужели же одни православные священники и притомъ въ вопросахъ чрезвычайной жизненной важности и часто имѣющихъ непосредственное отношеніе къ проходимому ими служенію должны быть безъ всякихъ убѣжденій, съ сердцемъ окаменѣлымъ для добра и зла? Равнымъ образомъ не можетъ быть людей, которые бы равнодушно относились къ тому, что ихъ убѣжденія попираются, унижаются, что надъ тѣмъ, что они съ дѣтства привыкли уважать, любить, предъ чѣмъ преклоняются,—что надъ всѣмъ этимъ издѣваются. Отъ всѣхъ людей—гражданъ Государства требуютъ всегда, а въ особенности въ тяжелыя минуты послѣдняго усиленной дѣятельности. Неужели же одно православное духовенство въ дни страшной смуты въ умахъ и дѣлахъ человѣческихъ, смуты, грозящей гибелью чадамъ Церкви, гибелью въ земной и вѣчной жизни, неужели же оно одно и (почему именно) не должно являться защитникомъ порученнаго его храненію и обереганію дѣла? Да и можетъ-ли это быть на самомъ дѣлѣ? Можетъ, конечно, все

это быть, но только тамъ и тогда, когда на мѣсто пастырства поставлены уже другія задачи жизни, когда спокойствіе послѣдней для человѣка—все.

Новоспасскій Архимандритъ *Макарій*.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Изъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

Образованіе духовенства и бібліотеки.

Предостереженіе Св. Ап. Павла: „блюдите, како опасно ходите, не якоже немудри, но якоже премудри, искупующе время, яко дніе лукави суть“ (Ефес. 5, 15—16), какъ нельзя болѣе приложимо къ нашему времени, такъ какъ со всѣхъ сторонъ и всюду противъ вѣры нашей ополчаются многочисленныя враги. Они выходятъ изъ разныхъ лагерей, но болѣе всего изъ католичества, роскола, сектантства и социализма. Не имѣя между собой ничего общаго и даже враждуя другъ съ другомъ, эти общества, однако, дружно всѣ идутъ противъ православія, какъ союзныя арміи противъ общаго противника. При такихъ обстоятельствахъ на всѣхъ православныхъ лежитъ обязанность стать на защиту Матери-Церкви, а прежде всего, конечно, это должны сдѣлать духовные руководители словесныхъ овецъ. Благодареніе Богу, пастыри наши прекрасно понимаютъ свои обязанности, стоятъ на стражѣ своей съ должнымъ вниманіемъ и чуткостью и вполнѣ сознаютъ всю опасность настоящихъ „лукавыхъ дней“. Однако, враговъ такъ много и они такъ разнообразны, что борьба съ ними очень трудна. Пастырю Церкви приходится нерѣдко воевать одновременно на нѣсколькихъ фронтахъ и, отражая натискъ сектантовъ, давать отпоръ социализму, атеизму и т. п. Бываетъ, что пастырь хорошо подготовленный для борьбы съ католичествомъ, совершенно не располагаетъ опытомъ и знаніемъ для того, чтобы показать лживость и заблужденіе социализма. Это и немудрено. Универсальнымъ миссіонеромъ

трудно быть, тѣмъ болѣе, что многіе священники не имѣютъ подъ руками необходимыхъ средствъ для ознакомленія съ содержаніемъ враждебнаго православію ученія, а съ другой стороны—многіе изъ пастырей не получили и полнаго богословскаго образованія. Какъ же быть пастырю при такихъ условіяхъ? Что дѣлать ему, чтобы обогатить себя необходимыми свѣдѣніями для успѣшной борьбы съ врагами Церкви и пополнить пробѣлы собственнаго образованія? Вопросы эти очень занимаютъ многихъ батюшекъ, и вотъ что нѣкоторые изъ нихъ предлагаютъ для рѣшенія данныхъ проблемъ.

Священникъ о. Зелевъ на страницахъ „Самарскихъ Епарх. Вѣдомостей“ рекомендуютъ для повышенія уровня богословскаго образованія духовенства учредить особыя комиссіи по организациіи богословскаго домашняго чтенія. Комиссіи эти, составленныя изъ преподавателей духовно-учебныхъ заведеній и, вообще, лицъ съ высшимъ богословскимъ образованіемъ, издають программы чтенія и руководятъ своими читателями посредствомъ письменныхъ съ ними сношеній. Въ частности руководство это должно заключаться въ томъ, что комиссія даетъ своимъ читателямъ темы для написанія сочиненій и рецензируетъ эти послѣднія; даетъ письменные отвѣты на вопросы и недоумѣнія читателей, а въ концѣ каждаго года занятій предлагаетъ сама рядъ вопросовъ читателямъ изъ пройденнаго, на которые они обязаны дать письменные отвѣты. Программа домашняго чтенія должна включатьъ въ себя: Св. Писаніе; догматическое, нравственное, основаное и обличательное богословіе; церк. исторію; церк. право; литургику и гомилетику; логику, философію, психологію; исторію русскаго раскола и сектантства. Въ видахъ удобства прохожденія этого матеріала, авторъ предлагаетъ распредѣлить его по двумъ отдѣламъ, изъ которыхъ каждый долженъ распасться на три годичныхъ курса. Расходы по перепискѣ, по изданію программъ и въ вознагражденіе комиссіи за ея труды относятся, конечно, на счетъ читателей, а книги можно приобрѣтать и на церковныя средства съ тѣмъ, чтобы онѣ сдѣлались достояніемъ церковныхъ

библіотекъ. Авторъ надѣется, что читателями явятся не только лица, не получившія полнаго семинарскаго образованія, которыхъ можно даже обязать къ прохожденію курсовъ, но и священники, окончившіе семинарію, и тѣмъ не менѣе желающіе возобновить въ памяти забытое. Охотно запишутся на курсы домашняго чтенія также діаконы, особенно, если ихъ для поощренія удоставать впослѣдствіи іерейскаго сана. О. Зелевъ высказываетъ при этомъ предположеніе, что прохожденіе проектируемыхъ имъ курсовъ дастъ больше діаконамъ, чѣмъ выполненіе ими программы, положенной для экзамена на священника. И это вполне справедливо, скажемъ отъ себя, ибо предполагаемые курсы гораздо шире по своему объему, чѣмъ указанная программа, а во-вторыхъ, они проходились бы все таки подъ руководствомъ, хотя и заочнымъ, а программа на званіе священника усвоится, большей частью, безъ постороннихъ руководителей.

Вышеприведенная идея о. Зелева заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что сельское духовенство въ большинствѣ случаевъ лишено всякихъ средствъ самостоятельно ознакомиться съ вновь возникающими и развивающимися сектами и ученіями, враждебными церкви. Причиной этого печальнаго явленія служить, главнымъ образомъ, вопіющая бѣдность нашихъ деревенскихъ пастырей, не позволяющая имъ выписывать необходимыя книги и журналы. Сельскій батюшка по словамъ „Минскихъ Епарх. Вѣдом.“ (№ 10), совершенно обреченъ на „книжную голодуху“, такъ какъ тратить даже какихъ-нибудь 20 рублей въ годъ на выписку журналовъ ему совершенно не подъ силу. Къ тому же богословскія и философскія изданія такъ непомерно дороги, что даже при ассигновкѣ указанной суммы, не много можно приобрести на нее. А между тѣмъ книги порнографическаго, антиправославнаго и антигосударственнаго содержанія продаются за безцѣнокъ и даже раздаются даромъ, а потому и наводняютъ наши деревни. Получается въ концѣ концовъ такое печальное явленіе, что пасомые пропитываются насквозь ядомъ всякихъ

бредней, а пастырь не можетъ дать своимъ овцамъ противоядія, ибо ему недоступны, по дороговизнѣ, сочиненія, критикующія всю эту литературу. Рассчитывать на то, что нужныя книги могутъ быть приобретаемы на церковныя средства, нельзя, ибо церкви въ подавляющей массѣ случаевъ также бѣдны, какъ и ихъ настоятели. Авторъ статьи резонно указываетъ, что въ этомъ отношеніи могъ-бы притти на помощь пастырямъ Учебный при Св. Синодѣ Комитетъ, который, приобретая въ собственность отъ авторовъ полезныя книги, можетъ разсылать ихъ причтамъ и церквамъ по заготовительной цѣнѣ. Подобную же помощь могли-бы оказать духовенству и разныя братства и союзы.

А выступить на серьезную, основательную борьбу особенно съ социализмомъ, проникающимъ при посредствѣ соотвѣтствующихъ книжекъ въ деревни, чрезвычайно важно и и благовременно для пастырей. „Арх. Епарх. Вѣдом.“ (№ 10) констатируютъ весьма печальный фактъ распространенія среди сельскаго населенія социалистическихъ идей, почерпнутыхъ изъ враждебныхъ Государству и Церкви изданій, наводняющихъ наши деревни. „Всѣ книги, листки, брошюры и пѣсни, изданныя социаль-демократами и проникшія въ простой народъ, дышатъ ненавистью противъ Бога, противъ православной матери нашей-Церкви, противъ христіанской религіи, противъ православнаго духовенства. Христіанство этими врагами Церкви третируется какъ въ эпоху гоненій.

Молодое поколѣніе, пропитываясь разнаго рода зловерными социалистическими бреднями, падаетъ нравственно все глубже и глубже. Приходилось замѣчать, что нѣкоторые люди еще не зараженные духомъ социализма, стыдятся креститься, проходя мимо храма Божія, дабы не осудилъ бы ихъ кто либо изъ товарищей—передовиковъ.

Не отъ этого ли и храмы Божіи пустѣютъ? Не отъ этого ли усиливается и индифферентное отношеніе народа къ религіи, враждебное отношеніе къ духовенству и холодность къ храму Божію“...

Въ качествѣ средства для борьбы съ социализмомъ „Арх. Епарх. Вѣдом.“ рекомендуютъ пополнять школьныя, церковныя и особенно благотворительныя библіотеки изданіями противосоціалистическаго содержанія. При этомъ означенный органъ даетъ подробный перечень полезныхъ въ этомъ отношеніи книгъ, изъ которыхъ очень многія по своей дешевизнѣ вполне доступны церковными и школьными библіотеками.

С. Б.

Въ подпольѣ.

(Окончаніе 1).

II

Было десять часовъ вечера Великой субботы. Жена и дѣти о. Харлампія, утомленные съ утра продолжительнымъ богослуженіемъ и предпраздничными хлопотами, прилегли на часокъ отдохнуть, чтобы со свѣжими силами отправиться къ Пасхальной заутренѣ. О. Харлампій долженъ былъ свечера освятить пасхальные хлѣбы на двухъ заводахъ и у нѣсколькихъ именитыхъ прихожанъ, и вернулся домой только къ 10 часамъ вечера. До заутрени надо было помолиться, составить пасхальное привѣтствіе прихожанамъ, но и тутъ ему помѣшали.

— Батюшка, васъ спрашиваютъ,—доложила заспанная недовольная служанка.

— Что такъ поздно?—удивился о. Харлампій.

— Къ больному надо-тъ.

Въ плохо освѣщенной передней о. Харлампій увидѣлъ коренастаго человѣка, одѣтаго рабочимъ, въ черной блузѣ и высокихъ сапогахъ.

— Что вы такъ поздно?—спросилъ посѣтителя хозяинъ.

1) См. № 28 за 1912 г.

— Больной все откладывалъ, думалъ поправится, а ему вдругъ стало хуже.

— А куда это?

— На стеклянную слободку.

Ѣхать было далеко. Въ концѣ Песочъ находится большой стеклянный заводъ; возлѣ него разбросаны ряды жалкихъ лачугъ; это и есть стеклянная слободка; отъ храма не меньше трехъ верстъ.

Быстро одѣлся о. Харлампій, зашелъ за Св. Дарами въ храмъ, гдѣ уже собирался народъ къ заутренѣ, и вышелъ къ воротамъ.

— Пожалуйста въ экипажъ,—любезно обратился къ батюшкѣ посѣтитель.

— Вотъ мы какъ—по барски,—подумалъ про себя о. Харлампій, глядя на экипажъ съ резиновыми шинами и крытымъ верхомъ.

Мягкая ѣзда укачивала о. Харлампія; мысли его далеко унеслись отъ прихода, отъ ежедневныхъ заботъ, отъ дѣла, на которое онъ ѣхалъ. Вспоминалось счастливое дѣтство и свѣтлая юность, когда съ такимъ восторгомъ встрѣчалъ онъ праздниковъ праздникъ, когда не ломило спину, не чувствовалось усталости въ каждомъ суставѣ, когда не омрачало радостную встрѣчу праздника сознание того, что цѣлыхъ три праздничныхъ дня придется провести въ приходѣ, нищенски собирая гроши, натываясь порою на неприятности, закрытыя передъ глазами двери, на пьяный праздничный разгулъ.

— Что это мы такъ долго ѣдемъ?—спросилъ о. Харлампій своего спутника:—пора-бы уже и слободкѣ быть.

— Скоро будетъ,—спокойно отвѣчалъ спутникъ.—Скорѣе-бы, товарищъ,—окликнулъ послѣдній кучера.

— Товарищъ?—удивился про себя о. Харлампій,—какой же товарищъ извозчику сѣдокъ?

Мелькомъ выглянулъ онъ изъ экипажа, и легкій холодокъ прошелъ у него по тѣлу.

Ни строений. ни людей близко не было видно; вдали свѣтились огни городскихъ фонарей, но черезъ весеннюю мглу, при быстрой ѣздѣ, опредѣлить мѣсто было трудно. Мостовая уже окончилась, ѣхали по мало просохшей грунтовой дорогѣ.

— Послушайте, куда это мы ѣдемъ?—съ тревогой спросилъ о. Харлампій своего провожатаго.

— Ёдемъ къ больному,—спокойно отвѣчалъ тотъ.—Да вы не тревожьтесь: разберетесь, когда будемъ на мѣстѣ.

У о. Харлампія мелькнула было мысль, выйти изъ экипажа и бѣжать безъ оглядки отъ неизвѣстнаго ему мѣста, отъ человѣка, завлекшаго его въ какую-то непонятную ловушку, туда, гдѣ горятъ огни, гдѣ есть люди.

— Малодушіе, нервы шалятъ,—успокаивалъ онъ себя.

— Вотъ мы и приѣхали,—сказалъ незнакомецъ.

О. Харлампій съ радостью хотѣлъ было выйти изъ экипажа, но спутникъ твердою рукою остановилъ его.

— Минутку, батюшка. Вотъ вамъ платокъ, завяжите себѣ глаза.

У о. Харлампія какъ будто что-то оборвалось внутри; ему вспомнилось, что приговореннымъ къ смерти также иногда завязываютъ глаза передъ разстрѣломъ.

— Зачѣмъ это?—упавшимъ голосомъ, спросилъ онъ,—развѣ нельзя такъ?..

— Нельзя. Вамъ придется быть въ конспиративной квартирѣ; думаю, теперь вамъ понятна нѣкоторая таинственность, какою вы окружены.

Покорно завязалъ себѣ глаза о. Харлампій.

— Что же дальше будетъ?

— А теперь вы меня берите подъ руку, вотъ такъ; намъ еще придется пропутешествовать минутъ 15—20 пѣшкомъ.

Идти было трудно. Липкая грязь большими комьями приставала къ ногамъ, встрѣчались и лужи; тогда спутникъ предупреждалъ о. Харлампія, какъ идти, куда стать.

Конспиративная квартира... думалъ невеселыя думы о. Харлампій, но чья: воровъ, фальшивомонетчиковъ или тѣхъ, что объявили теперь войну правительству и терроромъ хотѣть достигнуть своихъ цѣлей. Хорошо, если бы первые съ ними у о. Харлампія нѣтъ никакихъ счетовъ. Но нѣтъ слова: товаришь, конспирація не изъ воровского жаргона, лицо и выговоръ спутника скорѣе подходятъ къ интеллигентному типу. Но революціонерамъ зачѣмъ я? Вѣдь они объявляютъ войну не только правительству, но и Богу. Атеисты всѣ... Зачѣмъ имъ священникъ?

И вдругъ сознание о. Харлампія прорѣзала одна мысль, волосы на головѣ зашевелились.

— Думаютъ счета свести за все сразу.

О. Харлампію вспомнились всѣ его выступленія противъ освободителей, угрожающія письма, предупрежденія друзей быть осторожнымъ. И снова хотѣлось ему бѣжать отъ вѣрной смерти, грозившей ему, но ноги подкашивались и еле плелись за спутникомъ.

Держа правой рукой своего спутника, о. Харлампій ладонью руки чувствовалъ желѣзные мускулы своего провожатаго; другой стороной руки у него же въ боковомъ карманѣ легко было ощутить гладкій тяжелый предметъ, — не разъ видѣлъ его у знакомыхъ о. Харлампій.

— Семь штукъ въ секунду... Отъ трехъ, четырехъ еще можно уйти, а дальше?... Неминуемая смерть... Мысль о бѣгствѣ показалась дѣтски наивной и смѣшной.

— Въ драповой рясѣ и по вязкой грязи далеко не убѣжишь.

— Судить, вѣроятно, будутъ, милости не жди. Значить смерть, только за что? Не за Христа, не за православную вѣру, всего за политику. Жаль стало о. Харлампію въ эту минуту не себя и не свою семью, а тѣхъ сотенъ народа, что собираются теперь возлѣ храма и съ нетерпѣніемъ ожидаютъ перваго удара колокола.

— Сначала будутъ сердиться, потомъ станутъ искать меня... Часть народа побѣжитъ съ корзинками и узелками къ сосѣднему храму; остальные понуро разойдутся по домамъ и будетъ имъ праздникъ не въ праздникъ.

— Скорѣе бы! — проговорилъ вслухъ о. Харламій, больше для себя, чѣмъ для своего провожатаго.

— Мы уже дома, — спокойно отвѣтилъ спутникъ.

III

По ступенькамъ каменной лѣстницы путешественники спустились куда то внизъ: запахъ сырости и типографской краски обдалъ о. Харламія. Прошли еще нѣсколько шаговъ, провожатый открылъ дверь и остановился.

— Теперь, батюшка, можно и повязку снять. Отдохните.

Въ небольшой комнатѣ, отдѣленной отъ остального помѣщенія досчатой перегородкой, царилъ полумракъ. Здѣсь о. Харламій замѣтилъ два стула, простой столъ, и желѣзную кровать.

— Ко мнѣ, батюшка, пришли, спасибо, — услышалъ онъ тихій голосъ и увидѣлъ человѣка, поднявшаго голову надъ подушкой.

Больной крѣпко пожалъ руку о. Харламія.

Священникъ внимательно всмотрѣлся въ лицо больного и ему стало больно: на него смотрѣли ласковые и глубоко запавшіе глаза; худое, блѣдное, съ ввалившимися щеками лицо, заострившійся носъ — все говорило о томъ, что владѣльцу ихъ мало осталось жить, что онъ заканчиваетъ свои послѣдніе счеты съ жизнью.

— Вотъ, батюшка, — началъ больной, — умираю, лѣтъ десять не былъ въ церкви, теперь подвожу итоги жизни и вспомнилъ дѣтство, молитвы мамы, пасху, какъ мы ее радостно встрѣчали въ дѣтствѣ и меня потянуло къ Богу, къ святымъ минутамъ. Только тамъ, въ дѣтской вѣрѣ было подлинное, настоящее, чѣмъ стоило жить, и, кажется, протянись

моя жизнь дольше, всю бы ее безъ остатка отдалъ Богу въ жертву за мою бесплодно прожитую жизнь, напрасно потраченную молодость...

О. Харламшій приготовилъ запасные Дары и сталъ на молитву.

— Простите, батюшка, я не въ силахъ подняться. Можно мнѣ лежать?—какъ виноватый ребенокъ спрашивалъ больной. Когда нужно было читать молитвы къ причащенію, больной тихимъ голосомъ повторялъ ихъ за священникомъ.

— Я самъ... помню... все забылъ, а эти молитвы съ мамой выучилъ къ первой исповѣди и сейчасъ помню.

На исповѣди предъ о. Харламшіемъ раскрылась обычная исторія молодой загубленной жизни.

Въ старшихъ классахъ гимназіи — чтеніе „хорошихъ“ книжекъ, кружокъ товарищей, руководимый неизвѣстной опытной рукой, туманные призывы прогрессивныхъ преподавателей куда-то впередъ, къ борьбѣ за лучшую жизнь. Въ университетѣ—землячество, работа въ рядахъ крайнихъ лѣвыхъ, исключеніе послѣ исторіи изъ университета, а затѣмъ пропаганда на заводахъ среди рабочихъ, одна изъ первыхъ ролей въ рядахъ товарищей, громкое имя среди своихъ и заботливое вниманіе и поиски со стороны властей. И вездѣ—гоненіе и насмѣшка надъ Богомъ, надъ всѣмъ тѣмъ, что такъ дорого и мило было въ дѣтствѣ. Урывками была и личная угарная и грѣшная жизнь, не дававшая прочной привязанности, подрывавшая и безъ того некрѣпкое здоровье. А дальше—тяжелая болѣзнь; раздумье надъ прожитымъ и горькое разочарованіе во всемъ, чему вѣрилъ и чему служилъ.

— Еще что вы грѣховнаго чувствуете на душѣ? Противъ жизни ближнихъ... крови на вашей совѣсти нѣтъ?

— Лично—нѣтъ, но... каюсь, были случаи, что другимъ помогалъ и воодушевлялъ на преступленія; а самого меня спасла молитва матери. Въ послѣднемъ передъ смертью письмѣ писала: „не дѣлай, мой дорогой мальчикъ, людамъ зла, я буду молиться объ этомъ“.

Съ благоговѣніемъ больной принялъ причастіе.

— Теперь мнѣ совсѣмъ хорошо, легко и радостно на душѣ.

— Вамъ слѣдовало-бы уйти отсюда, отъ этого ужаснаго воздуха, сырости, отъ опасности, которая грозитъ вамъ каждую минуту. При лучшихъ условіяхъ поправитесь, поздоровѣете.

— Куда мнѣ уйти,—съ грустной улыбкой проговорилъ больной.—Бѣжать за границу—силъ не хватить, а отдаться въ руки правосудія—измучаютъ тюрьмой, допросами. И товарищи, кажется, боятся меня больного отпустить. Измученный человекъ можетъ лишнее сказать, проболтаться.

Больной тяжело закашлялся, хватаясь за грудь.

— Воды-бы вамъ выпить.

О. Харлампій вышелъ за водой въ слѣдующую комнату.

Мелькомъ о. Харлампій замѣтилъ, что общая большая комната обставлена была не безъ комфорта.

Подъ стѣнками стояли кассы съ типографскимъ шрифтомъ, на полу лежали дорожки, по стѣнамъ висѣло нѣсколько портретовъ и оружіе. Характеръ постройки угадать было трудно: было-ли это подземелье, заброшенная фабрика или подвалъ большого дома. Одинъ изъ хозяевъ углубился въ книгу, другой что то писалъ. Третій, замѣтивъ появленіе о. Харлампія, быстро подбѣжалъ къ нему, не безъ тревоги спрашивая.

— Зачѣмъ вы сюда? Что вамъ угодно?

— Воды больному дайте.

— Спасибо,—прошепталъ больной къ товарищу, выпивъ нѣсколько гладковъ:—Ваня, досталь ты, что я тебя просилъ?

— Есть, сдѣлалъ все, какъ ты хотѣлъ.

— Голубчикъ, принеси сюда ко мнѣ. Пусть все будетъ какъ было тогда, въ дѣтствѣ...

Товарищъ принесъ узелокъ, гдѣ были небольшой куличъ и полдесятка крашенныхъ яицъ.

— Батюшка, еще васъ попрошу—прочитайте молитву, освятите мой пасхальный столъ,—сталь просить больной.— Такъ всегда у насъ дома дѣлали.

Съ жалостью и грустью смотрѣлъ на все это тотъ, кого называли Ваней. Такъ смотрять на маленькихъ дѣтей старшіе, исполняя какой нибудь дѣтскій капризь или вздорное желаніе, лишь бы не огорчить и не довести ребенка до слезъ.

— Вамъ пора уже, батюшка, на заутреню опоздаете, — съ сожалѣніемъ проговорилъ больной.

Крѣпко пожалъ онъ протянутую ему руку и порывисто стараясь, чтобы это не замѣтилъ стоявшій близко Ваня, поцѣловалъ ее.

Какъ и вначалѣ, о. Харлампію завязали глаза, но теперь ему понятна была эта предосторожность и не внушала страха.

Ѣхали не долго и странно—къ Пескамъ подѣхали со всѣмъ съ другой стороны, чѣмъ выѣхали. По дорогѣ провожатый снялъ повязку съ о. Харлампія и, пожимая ему руку, вручилъ конвертъ.

— Что это такое?

— Это вамъ гонораръ за трудъ и безпокойство.

— Что вы? деньги больному пригодятся на леченіе.

— Не безпокойтесь, деньги не мои и не его—изъ партійной кассы... Пожалуйста не отказывайтесь,—проговорилъ онъ, зажимая конвертъ въ рукѣ священника.

— Товарищъ, теперь уже вы сами доставите батюшку. До свиданія. Я думаю, о скромности васъ предупреждать излишне...

Пожалъ руку и быстрыми шагами скрылся въ ночной мглѣ.

А надъ городомъ въ это время стоялъ уже гулъ колоколовъ, радостно привѣтствовавшій всемірную радость воскресенія Христова.

— Безсовѣстные люди!—изливалъ свое огорченіе передъ о. Харлампіемъ церковный староста Іосифъ Алексѣевичъ.— Можно ли въ такое время тревожить батюшку?... Вотъ и опоздали съ заутреней. Много прихожанъ ушло къ Троицѣ; и свѣчной доходъ потеряли, и сосѣди смѣяться будутъ: скажутъ, на Пескахъ Воскресеніе Христа проспали. Балуете вы, батюшка, народъ чрезмѣрно...

Но радостно было на душѣ у о. Харлампія: онъ зналъ, что въ эту свѣтлую ночь воскресшій Господь воскресилъ потерянную человѣческую душу.

Послѣ богослуженія, когда староста подошелъ поздравить о. Харлампія съ праздникомъ и, трижды облобызавшись, хотѣлъ уже уходить, священникъ окликнулъ его.

— Іосифъ Алексѣевичъ, къ вамъ просьба: вотъ тутъ у меня неожиданный заработокъ,—вынулъ онъ конвертъ изъ кармана,—размѣняйте на мелкое серебро, надо нищихъ обдѣлать.

— Ого, удивился староста вынувъ изъ конверта 25 рублевый билетъ. Гдѣ на Пескахъ такой богатырь отыскался?

Съ видомъ знатока осмотрѣлъ онъ билетъ на обѣ стороны, настоящій-ли?

— Весь размѣнять-то?

— Весь, весь пожалуйста.

— Эхъ,—вздыхнулъ староста.—Всю мелочь заберете у меня, да и нищихъ балуете: все равно пропьютъ—пьяницы извѣстные...

— Нельзя сегодня сердиться, староста, радость-то, радость какая!...

Свящ. В. Пестряковъ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

Открыта подписка на художественное издание въ память 1812 г. „Юбилей“.

Начиная съ 1-го Іюля 1912 г. въ теченіи 6-ти мѣсяцевъ подписчики получаютъ:

Война и Миръ Геніальное произведеніе Л. Н. Толстого, роскошное изданіе на англійской бумагѣ съ иллюстраціями Рѣпина, Васнецова, Мясоѣдова, Маѣовскаго, Карелина, Головина, Сомова и другихъ. 6 томовъ.

Мемуары Наполеона о войнѣ 1812 года, писанные на островѣ Св. Елены и хранившіеся до сихъ поръ не опубликованными въ Британскомъ музеѣ. 4 тома.

Дневникъ Кутузова печатается съ разрѣшенія наследниковъ и впервые появляется въ свѣтъ, черезъ сто лѣтъ. 2 тома.

Дневникъ Баркляя де Толли выйдетъ одновременно съ романомъ „Барклай де Толли“ Княгини Ливенъ, современницы полководца. 2 тома.

За кулисами интригъ Наполеона, Маршалъ Ней. Записки хранящ. въ Парижѣ. 2 т.

Императоръ Александръ I-й Мережковского. 2 тома, съ гравюрами и офортами.

Партизанъ Финнеръ въ 1812 г. по письмамъ и мемуарами А. Бильбасова, съ илл. 2 тома.

Ужасы войны 1812 г. романъ Хрущова—Сокольникова. хранившійся у гр. Уваровой. 2 тома.

Письма митрополита Филарета о войнѣ 1812 года. Подписавшіеся на изданіе „Юбилей“ до 1-го Іюля 1912 г. получать бесплатно премію.

Альбомъ отечественной войны 100 картинъ отпечатан. въ Лейпцигѣ на бристольтѣ въ роскошномъ альбомѣ. Три картины разм. 100 X 58 сант. 1) *Бородино*. 2) *Пожаръ Москвы* и 3) *Въездъ Императора Александра I-го въ Парижъ*.

Изданіе будетъ печататься одновременно: на русскомъ, французскомъ, англійскомъ, нѣмецкомъ, польскомъ, эстонскомъ, финляндск. и латышск. языкахъ.

При подпискѣ просимъ указывать, на какомъ языкѣ желаете получить; безъ указанія будетъ высылаться изданіе на русскомъ языкѣ.

Подписная цѣна на изданіе 6 руб. съ пересылкою. Допускается разсрочка въ 2 срока по 3 руб. Для любителей изящныхъ изданій и для коллекціонеровъ означенное изданіе будетъ печататься въ ограниченномъ количествѣ на мѣловой бумагѣ по цѣнѣ 15 руб. Разсрочка на это изданіе не полагается.

Редакція журнала „Юбилей“ Лиговка 65, въ С.-Петербургѣ.

Редакторъ, Ректоръ Киевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Киевъ, 10-го іюля 1912 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*.

Киевъ. Тип. Акц. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго. Мерлинговская ул. 6

ГОДЪ

ЛIII

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ **№ 30.** Подписка принимается въ редакціи журнала, при Кіевской духовной Семинаріи.
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей.

1912-го года 22-го іюля.

Содержаніе: I. О думскомъ законопроектѣ всеобщаго обученія и о судьбѣ ассигнованій на церковно-приходскія школы. Кир. Тихоміровъ.— II. Къ православному духовенству предъ выборами въ четвертую Государственную Думу (Окончаніе). Новоспасскій Архим. Макарій.— III. Опоздалъ. Свящ. В. Губинъ.

О думскомъ законопроектѣ всеобщаго обученія и о судьбѣ ассигнованій на церковно-приходскія школы.

Вопросъ о судьбѣ законопроекта о введеніи всеобщаго начальнаго обученія, наконецъ, разрѣшился. Государственный Совѣтъ 5-го прошлаго іюня отказался отъ законопроекта, послѣ того, какъ и въ согласительной комиссіи, и послѣ вторичнаго возвращенія законопроекта изъ этой комиссіи въ Государственную Думу разногласія между Совѣтомъ и Думой въ большинствѣ остались неустранимыми. Разногласія эти возникли, главнымъ образомъ, по вопросу о роли церковно-

приходскихъ школъ въ планѣ всеобщаго обученія и вслѣдствіе отказа Думы включить въ этотъ планъ ассигнованія на церковно-приходскія школы.

Законопроектъ, такимъ образомъ, отпаль. Реально это обстоятельство ни въ малѣйшей мѣрѣ не можетъ отразиться на дѣлѣ всеобщаго обученія въ министерскихъ школахъ, такъ какъ Думой уже одобренъ и Совѣтомъ готовится къ обсужденію особый законопроектъ, по которому ассигнуется 8 милліоновъ на надобности народной школы, а одинъ милліонъ на ту же надобность принять законодательными учрежденіями въ смѣтномъ порядкѣ. Иначе обстояло дѣло съ церковно-приходскими школами. Въ Государственной Думѣ опредѣлилось большинство, которое, признавъ „неудовлетворительность“ церковно-приходской школы, предложило оставить ее безъ ассигнованій, т. е. поставить эти школы въ еще худшее положеніе, чѣмъ онѣ находятся сейчасъ.

Но это было бы еще полбѣды. Думскіе либеральные дѣятели пошли дальше; они собирались взять церковно-приходскую школу въ плѣнъ: изъять ее изъ вѣдѣній Вѣдомства Православнаго Исповѣданія и подчинить управленію Министерства Народнаго Просвѣщенія, или, другими словами, отдѣлить эту школу отъ Цркви, устранить духовенство отъ руководства церковно-приходской школой и, наконецъ, въ недалекомъ будущемъ, быть можетъ, совершенно уничтожить религіозный и церковный характеръ воспитанія въ самой же школѣ.

Тысяча лѣтъ существуетъ у насъ Православная Христова Церковь, столько же лѣтъ существуетъ и церковно-приходская школа; Церковь наша независима, самостоятельна, не находится въ подчиненіи у государства, почему независима должна быть и церковно-приходская школа, какъ дочь церкви, какъ ея преддверіе, находящееся съ нею въ органической и самой тѣсной связи. Такъ понимали эту истину наши благочестивые предки и никогда не дерзали нарушать своимъ попираніемъ эту истину. Они изъ чувства уваженія

къ Церкви никогда не позволяли себѣ нарушать этого ея права, дорожили церковно-приходской школой, той школой, которая, по свидѣтельству русской исторіи, воспитала столь великое множество великихъ героевъ, честно исполнившихъ нравственный долгъ, и великихъ столповъ нашей церкви, которые создали наше дорогое отечество. И вотъ теперь, когда послѣ столькихъ вѣковъ церковно-приходская школа достигла расцвѣта своихъ силъ, когда она достигла того положенія, когда и въ качественномъ и количественномъ отношеніи стала на одной ногѣ со школой министерской и земской, въ эту пору, когда духовенство своими усиліями, трудами, заботами и самоотверженіемъ поставило на прочный путь процвѣтанія церковно-приходскую школу, въ эту пору Государственная Дума собиралась взять въ плѣнь церковно-приходскую школу и наложить на нее незаслуженныя оковы. Разумѣется, такая жестокая и странная несправедливость, которую защищать хватало совѣсти у многихъ, можетъ быть объяснено только сильными, хотя и затаенными, враждебными инстинктами. Такіе инстинкты и прорывались у болѣе простодушныхъ представителей думской оппозиціи, — это — желаніе освободить народныя массы отъ религіи, чтобы лучше и скорѣе ихъ социализировать. Новый школьный законопроектъ подавалъ имъ надежду на то, что съ устраненіемъ духовенства отъ непосредственнаго вліянія на школу, легко будетъ ослабить вліяніе Церкви на народъ. Это, разумѣется, первый шагъ; за нимъ послѣдуетъ второй — домогательство, чтобы школа была не вѣроисповѣдная и т. д. Къ чему это поведетъ?! ¹⁾

Очевидно, Государственный Совѣтъ все это взвѣсилъ, оцѣнилъ и еще ближе сталъ на сторону церковныхъ интересовъ и для него, какъ высшаго правительственнаго органа Имперіи, близко освѣдомленнаго о предназначеніяхъ и волѣ Верховной власти, судьба церковно-приходскихъ школъ не

¹⁾ См. объ этомъ подробнѣе нашу статью: „Нѣсколько словъ въ защиту церковно-приходской школы“. „Руковод. д. с. п.“ 1910 г., № 48, стр. 287.

можетъ быть безразличной, и онъ своимъ властнымъ словомъ школьный законопроектъ нашихъ думскихъ либераловъ отклонилъ.

Несомнѣнно, разногласія, возникшія въ согласительной комиссіи для большинства Государственнаго Совѣта въ данномъ случаѣ представлялись неустранимыми, такъ какъ нѣтъ никакихъ данныхъ заподозрить это большинство въ предвзятовраждебномъ отношеніи къ законопроекту, а тѣмъ менѣе можно обвинять его въ томъ, что онъ вообще относится отрицательно къ вопросу о расширеніи начальнаго образованія. Въ данномъ случаѣ Гос. Совѣтъ меньше всего заслуживаетъ упрека въ уступчивости. Напротивъ, онъ весьма охотно шелъ по пути соглашенія съ Гос. Думой, и скорѣе можно поставить въ вину послѣдней, что она въ сговорчивости Совѣта увидѣла для себя лишь благопріятную почву для того, чтобы настаивать на пунктахъ, которые къ дѣлу всеобщаго обученія собственно не имѣли никакого отношенія, а носили характеръ какой-то политической демонстраціи, сочувствовать которой у Гос. Совѣта не могло быть ни охоты, ни серьезныхъ побужденій.

Такой политически-демонстративный характеръ, главнымъ образомъ, имѣло устраненіе церковно-приходскихъ школъ—изъ того ассигнованія, которое являлось осью, такъ сказать, жизненнымъ нервомъ всего законопроекта. Это игнорированіе церковно-приходскихъ школъ, которыя во всякомъ случаѣ объемлютъ значительную область въ дѣлѣ народнаго образованія и являются въ немъ крупнымъ факторомъ, съ которымъ приходится считаться,—выдерживалось Государствен. Думой весьма упорно; но упорство это не оказало никакого вліянія на Государственный Совѣтъ, который предпочелъ совсѣмъ отказаться отъ законопроекта, рискуя вызвать въ извѣстномъ лагерѣ взрывъ болѣе или менѣе хлесткихъ укоровъ, чѣмъ присоединиться къ политикѣ Государственной Думы, допускающей въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ народное образованіе, дѣленіе на овецъ и козлицъ, на родныхъ дѣтей и пасынковъ

Государственная Дума, какъ-бы въ отместку за это со-всѣмъ не обсуждала законопроектовъ, касавшихся ассигнованій на церковно-приходскія школы. Эти законопроекты стояли въ повѣсткѣ послѣдняго засѣданія, но, по инициативѣ октябристовъ, были сняты съ очереди, несмотря на протестъ со стороны членовъ Думы—священнослужителей.

По этому поводу газета „Бирж. Вѣдом.“ передаетъ о той роли, которую сыграли октябристы, когда Государственная Дума въ своемъ большинствѣ рѣшила не разсматривать законопроекты объ ассигнованіяхъ на церковно-приходскія школы.

„За два дня, говоритъ газета, предъ поѣздкой въ Царское Село на аудіенцію у Государя Императора, въ общемъ засѣданіи фракціи октябристовъ было рѣшено во что-бы то ни стало провести ассигнованіе двухъ съ половиной миліоновъ рублей на увеличеніе содержанія учащихъ въ церковныхъ школахъ и не разсматривать остальныхъ законопроектовъ. Когда же октябристы вернулись изъ Царскаго Села, снова составилось засѣданіе фракціи, на которомъ рѣшено не разсматривать даже и этого перваго законопроекта?“ Комментаріи, считаемъ, излишними!...

Между тѣмъ ассигнованія, о которыхъ идетъ рѣчь и которыя вошли уже въ расходную смѣту текущаго года въ видѣ условныхъ кредитовъ, вовсе не такъ ничтожны, чтобы къ судьбѣ ихъ можно было относиться безразлично. Они слагаются изъ слѣдующихъ отдѣльныхъ цифръ: 1) 2,511 тыс. руб. на увеличеніе содержанія учащихъ въ церковныхъ школахъ, вошедшихъ въ школьныя сѣти; 2) 211 тыс. руб. на увеличеніе съ 1-го сентября 1912 года содержанія преподающимъ въ церковно-приходскихъ школахъ Сибири, средней Азіи и Кавказа; 3) 74 тыс. руб. на увеличеніе съ того же срока содержанія преподающимъ въ церковно-приходскихъ школахъ епархій Литовской, Гродненской, Холмской и Варшавской; 4) 104 тыс. руб. на содержаніе во второй половинѣ 1912 года православныхъ сельскихъ начальныхъ училищъ въ Прибал-

тійскихъ губерніяхъ и 5) 500 тысячъ рублей на строительныя нужды церковно-приходскихъ школь.

Такъ какъ третья Государственная Дума фактически уже закончила свою дѣятельность, то естественно, на сцену выступилъ вопросъ о судьбѣ тѣхъ ассигнованій, которыхъ Дума уже самымъ фактомъ отказа отъ ихъ обсужденія въ сущности лишила церковно-приходскія школы. По газетнымъ сообщеніямъ, вопросъ этотъ обсуждался и въ Св. Синодѣ, который, естественно, близко принимаетъ къ сердцу интересы церковно-приходскихъ школь, и въ Совѣтѣ министровъ; результатомъ этихъ обсужденій и совѣщаній, по тѣмъ же газетнымъ извѣстіямъ, должно явиться проведеніе ассигнованій на церковно-приходскія школы въ порядкѣ ст. 87 Основ. Законовъ и ст. 17 смѣтныхъ правилъ. Вѣроятно, такъ оно и будетъ, потому что у правительства нѣтъ иного пути къ тому, чтобы дать церковно-приходскимъ школамъ тѣ средства, въ которыхъ имъ отказала третья Дума, если оно не хочетъ предоставить рѣшеніе вопроса четвертой Думѣ.

Что касается времени опубликованія акта объ отпускѣ упомянутыхъ ассигнованій церковно-приходскимъ школамъ въ порядкѣ 87 ст., то онъ можетъ послѣдовать во всякое время послѣ окончанія текущей сессіи Госуд. Совѣта, и для этого не надо ждать указа объ окончательномъ роспускѣ Гос. Думы, такъ какъ ст. 87 примѣнима и во время перерывовъ въ думскихъ занятіяхъ, а Дума теперь формально и находится на положеніи такого перерыва.

Остается еще вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ ассигнованій на церковно-приходскія школы, послѣ того, какъ они будутъ внесены на утвержденіе четвертой Думы. Но тутъ мы вступаемъ въ область уже чисто гадательныхъ предположеній, отъ которыхъ лучше воздержимся.

Кир. Тихомировъ.

Къ православному духовенству предъ выборами въ четвертую Государственную Думу.

(Окончаніе) ¹⁾.

Чтобы окончательно убѣдить православное духовенство въ томъ, что оно не должно участвовать въ политическихъ партіяхъ, особенно—же правыхъ,—говорять: какъ священникъ, напимѣръ, будетъ исповѣдывать пасомага, принадлежащаго къ другой партіи,—да пойдутъ-ли къ нему на исповѣдь такіе пасомые,—и вообще принадлежность къ той или другой партіи священника можетъ внести расколъ въ приходъ, способствовать развитію непріязни и т. д. Что всего замѣчательнѣе въ этихъ разсужденіяхъ, совѣтахъ, а иногда и властныхъ указаніяхъ, такъ это то, что они преимущественно направляются къ духовенству, находящемуся въ правыхъ партіяхъ; иногда эти указанія доходятъ до откровеннаго приказанія выйти изъ этихъ партій. Но стоитъ хоть немного вдуматься во всѣ эти разсужденія и указанія, чтобы понять, какъ мало въ нихъ и истины, и пониманія задачъ пастырскаго служенія, и вниманія къ всему переживаемому нынѣ русскимъ народомъ.

Невольно, приходя въ общеніе съ такъ разсуждающими людьми, задаешься вопросомъ,—не тѣ-ли же и нынѣ времена, какія переживало человѣчество при Пилатѣ, съ недоумѣніемъ и даже нѣкоторою наивностію вопрошавшемъ—что есть истина? Есть-ли въ самомъ дѣлѣ истина, обязательная для всѣхъ и тѣмъ болѣе для пастырей церкви? Вѣдь, не только въ области отвлеченныхъ вопросовъ знанія, вѣры, права, но и въ области человѣческихъ отношеній, устрояемыхъ Государствомъ, общественною и семейною жизнію, должны быть непререкаемыя истины, обязательныя для всѣхъ,—даже болѣе—защищать которыя обязанность всѣхъ гражданъ даннаго

¹⁾ См. № 29-й за 1912 г.

Государства. Нынѣ русское общество, можно даже сказать — весь русскій народъ подѣлился или стараются его подѣлить на нѣсколько политическихъ партій, другъ другу враждебныхъ, ставшихъ даже между собою въ отношенія открытой войны, оправдывающей будто-бы всякія средства вплоть до средствъ взаимнаго истребленія. Спрашивается, какъ же пастыри Церкви должны относиться ко всѣмъ этимъ партіямъ? Стоять въ сторонѣ или показывать видъ, что они стоятъ въ сторонѣ. Первое невозможно. второе близко граничить съ обманомъ и является носомнѣннымъ лицемеріемъ. Пастыри призваны учить, вести непрестанную борьбу съ грѣхомъ, виды и свойства котораго находятся въ тѣсной связи съ особенностями каждаго въ отдѣльности чловѣка, а равно цѣлыхъ группъ чловѣческихъ. Такъ для того, чтобы священникъ могъ исповѣдывать лица различнаго склада душевнаго, чтобы онъ не опасался отчужденія, — какъ онъ желаетъ или долженъ относиться къ добру и злу, къ особенностямъ той или другой группы своихъ пасомыхъ? Неужели такъ, какъ невѣдающій, какъ чловѣкъ безразлично относящійся къ явному грѣху, явному соблазну? Даже болѣе, — быть можетъ онъ долженъ, чтобы привлечь къ себѣ на исповѣдь людей, явно выдѣляющихся особенностями своей жизни, показывать, что онъ сочувствуетъ имъ? Наша горькая дѣйствительность много печальнаго говоритъ въ этомъ отношеніи. Помнить, вѣроятно, многіе, какъ строго-на-строго когда-то запрещалось священникамъ говорить противъ пьянства; доходъ откупщиковъ и казны могъ пострадать отъ этого! Въ сущности то же самое слышится и теперь въ вышеприведенныхъ словахъ, убѣжденіяхъ и указаніяхъ. Думается, что, если бы православное духовенство не безмолствовало, а вполне опредѣленно въ свое время стало на сторону правды, и на защиту Церкви и Государства, то, вѣроятно, не было бы у насъ многого изъ тѣхъ ужасовъ, которые пережиты и переживаемъ. Во всякомъ случаѣ, крестьянство и рабочихъ въ значительной степени можно было бы спасти отъ тлетворныхъ ученій и раз-

вращающаго вліянія современной желтой печати. И великій грѣхъ на душу приняли и принимаютъ тѣ, которые ходили и ходятъ, такъ сказать, вокругъ Церкви Божіей, говорятъ съ лицемѣрными вздохами о ея благѣ, о необходимости ее охранять и въ то же время всегда боялись и боятся живого слова, тѣмъ болѣе энергичнаго дѣйствования. Русь была свидѣтельница, когда хладнокровіе, граничащее съ безразличнымъ отношеніемъ къ истинѣ, связанное съ привычкою оглядываться постоянно по сторонамъ и освѣдомляться, а не задѣтъ-ли кто, а не рѣзко-ли выражено обличеніе зла и т. д., когда такое хладнокровіе (тоже, вѣдь, своего рода политика, вѣрнѣе политиканство) приводило къ самымъ губительнымъ послѣдствіямъ. Рѣшительно можно утверждать, что вся современная смута—гражданская и церковная—плодъ нашей беззаботности, боязни быть правдивыми, постоянныхъ вліяній между истиною и ложью и нашего недостойнаго стремленія всѣмъ и во всемъ угодить, дабы спасти, конечно—самообманно,—миръ. Церковь, школа, семейная и общественная жизнь, государственное служеніе,—все и вездѣ въ настоящее время въ развалѣ или наканунѣ его. И, несмотря на это, для всѣхъ очевидное зло, многіе стараются теперь, какъ и въ подготовительный періодъ къ этому развалу, внушить православному духовенству необходимость—быть въ сторонѣ, быть со всѣми въ ладу и, подъ опасеніемъ невозможности исполнять существеннѣйшія обязанности пастыря, не выступать открыто противъ явныхъ враговъ и Церкви и Государства. Не значить-ли это—своими руками, никѣмъ и ничѣмъ, кромѣ слабоболія и лицемѣрія, непонуждаемые отдавать врагу на расхищеніе все самое цѣнное сокровище жизни земной и небесной.

Возможны были бы еще сомнѣнія, на чьей сторонѣ православные пастыри должны стоять, если бы не было въ настоящее время совершенно точно извѣстно, что всѣ наши политическія партіи, начиная съ октябристовъ и до крайнихъ предѣловъ лѣвизны,—самые злѣйшіе враги Церкви, ея са-

мостоятельности, ея главенства, а иные изъ нихъ таковыя же враги и вообще всего христіанства. Мало этого. Преслѣдуя свои партійные интересы и цѣли, они въ своихъ приемахъ дѣятельности далеки не только отъ заповѣдей Христовыхъ, но даже и отъ общепринятыхъ началъ общечеловѣческой нравственности; самыя же крайніе въ лѣвомъ лагерѣ откровенно и сознательно служатъ словомъ и дѣломъ полному развращенію народныхъ массъ. Такъ что же? Православному священнику на все это необходимо взирать съ полнымъ хладнокровіемъ и тоже сознательно сторониться тѣхъ партій, которыя еще не потеряли вѣры въ Бога, любви къ православной Церкви, которыя готовы защищать и защищаютъ народъ отъ развращающихъ его современныхъ просвѣтителей и обновителей? Согласно-ли это съ призваніемъ священника, какъ пастыря душъ, съ его для всѣхъ извѣстными обязанностями? Сосредоточивши искусственно, противъ велѣній совѣсти и долга всю дѣятельность православнаго священника только въ храмъ и ограничивши его пастырскія обязанности только требоисправленіемъ и поученіями, тѣмъ самымъ не отдадимъ-ли паству его на расхищеніе хищнымъ волкамъ? Нужно же знать, каково современное состояніе умовъ на Руси; нельзя же забывать, какія могучія средства въ распоряженіи всѣхъ ополчившихся на Церковь и Христово стадо! Совершенно неожиданно даны свободы, особенно же свобода печати и вѣроисповѣданій, внесли въ неподготовленную массу народную такую смуту, что, кажется, всѣ прежніе устои жизни и взаимныхъ отношеній рѣшительно поколебались. Вслѣдствіе именно этой неподготовленности всѣхъ силъ русскаго общества, — силъ сопротивляющихся и охраняющихъ, — а равно вслѣдствіе крайней неоднородности по своему развитію различныхъ слоевъ общества у насъ такъ называемое освободительное движеніе сразу же приняло крайне отвратительный характеръ и отдало все, — и русскую мысль, и русское чувство, и общественные и государственные вопросы, даже вопросы христіанской нравственности и церковныя, —

въ руки инородцевъ, въ частности—евреевъ. Какое развращеніе нравовъ началось, какъ далеко оно проникло—всѣмъ извѣстно. Что всего печальнѣе,—самыя тяжкія явленія распущенности современной проникли въ толщу народную, въ среду крестьянства. И что же? Это послѣднее, менѣе всѣхъ подготовленное къ самоогражденію и болѣе всего податливое на соблазны въ извѣстныхъ вопросахъ—оставлено одно предъ лицомъ искусныхъ и вооруженныхъ всѣми современными способами развращенія соблазнительей. Такъ называемая интеллигенція наша смотритъ на народъ только какъ на орудіе для борьбы съ Правительствомъ, для разрушенія современнаго строя жизни,—если и стремится быть съ народомъ, то ради только этихъ цѣлей. А серьезныя силы, какъ, на примѣръ, дворянство и изъ другихъ сословій люди, вѣрные Родинѣ, Церкви и Государю, которыя могли бы стать около народа въ качествѣ оградителей его,—по какому-то злему року отошли отъ народа. Теперь напрягаются всѣ усилія къ тому, чтобы и православное духовенство отдѣлить отъ народа и даже, быть можетъ, поставить его во враждебное отношеніе къ послѣднему. Вѣдь и теперь изъ среды народной нерѣдко слышится сѣтованіе, что „батюшки“ сторонятся простолюдиновъ, что не „учать“ послѣднихъ, какъ нужно поступать.

При выборахъ же въ четвертую Государственную Думу, когда среди крестьянства, несомнѣнно, возникнутъ самыя разнообразныя теченія, когда разноголосицей этой и вообще всѣми чаяніями его постараются воспользоваться всѣ крайніе разрушители,—помощь лицъ и учрежденій, близко къ крестьянству стоящихъ, будетъ особенно необходима. Спрашивается,—кто же будетъ около него въ эти серьезные дни? Православное духовенство, если слѣдовать указаніямъ лицъ, боящихся дѣятельнаго участія духовенства въ партійной дѣятельности, должно сторониться, дворянство уже отстранилось,—останутся одни только учителя, волостные и сельскіе писаря, да всюду проникающіе евреи. Неужели будетъ согласенъ съ достоинствомъ настыря, если его приходомъ будутъ

руководить въ самыхъ серьезныхъ вопросахъ только что названныя „интеллигентныя силы“! Что-же тогда будетъ? Нельзя себя утѣшать при такихъ обстоятельствахъ даже неизвѣстностію, ибо уже все извѣстно, что будетъ. И намъ кажется, что убѣждающіе духовенство быть на сторонѣ отъ всякихъ партій, разумѣя при этомъ главнымъ образомъ правыхъ,—творятъ волю враговъ Церкви, разлучаютъ пастыря отъ его пасомыхъ и вносятъ въ жизнь Церкви, сознательно или безсознательно, смертельный ядъ. Несомнѣнно, Церковь Божию врата адовы не одолѣютъ, но такъ же несомнѣнно, что вслѣдствіе самоустраненія православнаго духовенства въ рѣшительную минуту жизни духовной отъ руководительства пасомыми въ духѣ охраненія Церкви, ея ученія, Государства и его строя, многіе-многіе изъ пасомыхъ погибнутъ и ихъ гибель ляжетъ тяжкимъ камнемъ осужденія на тѣхъ, кто убоился быть стойкимъ въ правдѣ до конца и кто явился въ этомъ дѣлѣ змѣемъ-искусителемъ.

Все вышесказанное, какъ и вообще вся обстановка нашей современной жизни говоритъ намъ, что православное духовенство все должно участвовать въ выборахъ въ Четвертую Государственную Думу и притомъ не только въ рядахъ правыхъ партій, но и во главѣ ихъ. Употребляемое опредѣленіе тѣхъ партій, съ которыми слѣдуетъ идти православному духовенству, какъ партій—правыхъ, конечно, не точно и собственно говорить только о томъ мѣстѣ, какое занимаютъ въ Государственной Думѣ члены этихъ партій. По крайней мѣрѣ, такой смыслъ придаютъ имъ другіе члены Думы и печать. Было бы цѣлесообразнѣе и болѣе соотвѣтствующе смыслу самаго дѣла лицъ, принадлежащихъ къ правымъ партіямъ, называть правыми потому, что они защищаютъ первое дѣло, правильныя, согласныя съ истиною начала Государственной и Церковной жизни.

Въ чемъ должно выразиться участіе православнаго духовенства въ выборахъ въ 4-ю Государственную Думу?

Прежде всего, оно должно участвовать въ выборахъ лично. Какъ извѣстно, священникамъ и другимъ членамъ

клира предоставлено право участія въ выборахъ, какъ владѣльцамъ извѣстнаго количества земли. Необходимо напередъ точно опредѣлить это количество земли какъ для того, чтобы знать какое количество должно быть выборщиковъ, слѣдовательно—какую силу своими голосами составлять эти выборщики въ общей массѣ всѣхъ другихъ выборщиковъ данной мѣстности. Соотвѣтственно съ этимъ опредѣленіемъ должны быть выработаны и указанія на то, за какихъ лицъ эти выборщики должны подавать голоса. Не трудно понять, какое важное значеніе имѣеть эта предварительная работа,— и потому она должна быть сдѣлана и заблаговременно и точно,— такъ чтобы ни одна десятина земли не могла быть не использована. Потомъ всѣ члены клира, имѣющіе право на непосредственную подачу голосовъ, должны безусловно явиться на выборы и подать непременно свой голосъ. Наше горе и наши неудачи, главнымъ образомъ, объясняются именно тѣмъ, что большинство не является на выборы и чаще всего безъ какихъ бы то ни было уважительныхъ причинъ. Пусть знаютъ всѣ, неявляющіеся къ исполненію своего долга, и въ особенности пастыри церкви, что они этимъ своимъ небреженіемъ даютъ перевѣсъ врагамъ Церкви. Нельзя себя оправдывать и тѣмъ, что одинъ голосъ при массѣ другихъ голосовъ ничего не значитъ: именно, наоборотъ, очень много, а иногда все значитъ: вѣдь, нерѣдки случаи, когда однимъ голосомъ рѣшается судьба самыхъ важныхъ законопроектовъ, побѣда или пораженіе той или другой партіи.

Далѣе,—всѣ лица духовнаго званія, имѣющія на основаніи положенія о Государственной Думѣ право голоса, какъ домовладѣльцы, землевладѣльцы, квартиранты должны использовать это право въ полномъ объемѣ.

Наконецъ, приходскій священникъ долженъ употребить всю силу своего пастырскаго вліянія для того, чтобы прихожане были единомышленны ему, чтобы въ то же время они, какъ и самъ священникъ, всѣ явились на выборы и подали голоса только за тѣхъ лицъ, за которыхъ будетъ подавать

голосъ свой священникъ. Пусть ни одинъ приходскій пастырь не убоится исполненія своего долга—руководить своими пасомыми въ дѣлѣ такой важности, какъ выборы въ Думу, отъ которой зависитъ будущность Церкви и всѣхъ ея учреждений, въ томъ числѣ правовое и матеріальное положеніе самого духовенства. Пусть всѣ пастыри помнятъ, что ежедневныя ихъ молитвы въ храмахъ о мирѣ всего міра должны быть постоянно поддерживаемы и дѣлами, направляемыми на поддержаніе этого мира. Умѣлая, въ духѣ христовой любви дѣятельность пастыря, направленная на объединеніе пасомыхъ въ исполненіи ими первѣйшихъ обязанностей ихъ въ отношеніи къ Церкви и Государству, повѣрьте, никогда не возбудитъ ни особыхъ, тѣмъ болѣе непріязненныхъ препирательствъ между пасомыми и пастырями, не создастъ ни вражды, ни всего того, чѣмъ такъ рады пугать и такъ настойчиво пугаютъ пастырей враги Церкви и православнаго духовенства. Быть въ рядахъ правыхъ партій—вовсе не значить быть носителемъ или возбудителемъ вражды. Необходимо имѣть въ виду, что эти партіи сосредоточиваютъ все свое вниманіе на томъ, чтобы дальнѣйшее развитіе народа и государство шло въ строгомъ согласіи съ исторически выработанными началами русской жизни, защищаютъ эту жизнь какъ отъ кровавыхъ бредней социализма, такъ и отъ подчиненія ея чуждымъ началамъ чуждыхъ народовъ и инородцевъ. Если же внимательно вдуматься въ существо такихъ задачъ, то не трудно будетъ понять, что для вражды, для озлобленія здѣсь мѣста всего менѣе. Вѣдь если теперь часто правымъ партіямъ приписывается т. н. человеконенавистничество, грубость, жестокость, мракобѣсіе и какая-то рабская приверженность къ неподвижности, то вѣдь это все идетъ отъ т. наз. освободителей. Это вѣдь нарочито созданныя легенды, — созданныя съ опредѣленными цѣлями и не безъ разсчета на успѣхъ. Русскій интеллигентный міръ, какъ извѣстно, болѣе всего боится прослыть отсталымъ, заподозрѣннымъ въ недостатокъ гуманности, въ непониманіи великихъ „идей“ свободы. Вотъ по этой

струнѣ били и бьютъ наши освободители, тщательно раскрашивая ужасами дѣятельность правыхъ и еще болѣе тщательно замалевывая дѣйствительно ужасную дѣятельность лѣвыхъ. Съ пѣной у рта вопіютъ въ газетахъ и рѣчахъ о человѣконенавистничествѣ правыхъ, о враждѣ ихъ ко всему новому, а сами въ это же время одни оправдываютъ бомбометанія и даже призываютъ къ истребленію всѣхъ иначе, чѣмъ они, мыслящихъ, другіе боятся осудить открыто звѣрство бомбометателей! Мало того—прислушайтесь и присмотритесь къ дѣйствительности и вы увидите, что нигдѣ не сѣется столько клеветы, вражды, нигдѣ такъ злостно и враждебно не относятся къ чести другого, къ его имуществу, жизни, къ дѣятельности, какъ именно въ рядахъ лѣвыхъ; нигдѣ нѣтъ столько лжи, обмана, лицемѣрія, какъ въ тѣхъ же рядахъ. Достаточно вспомнить послѣдній актъ, закончившій дѣятельность октябристовъ въ третьей Государственной Думѣ. Чтобы, какъ выражаются, сорвать ассигнованіе 1.500.000 руб. на увеличеніе вознагражденія учителямъ церковныхъ школъ, какъ извѣстно, октябристы и всѣ лѣвые ушли изъ зала Думы. Сорванъ былъ вопросъ великой важности для православнаго духовенства, болѣе четверти вѣка совершенно безкорыстно и при условіяхъ крайне тяжелыхъ работающаго непосредственно и въ лицѣ своихъ дѣтей на нивѣ народнаго просвѣщенія. Въ этомъ срывѣ ясно сказалось дѣйствительное отношеніе октябристовъ къ духовенству и его дѣятельности. И что же? Тотчасъ-же послѣ такого выраженія вражды—одинъ изъ представителей октябризма (Каменскій) имѣлъ столько лицемѣрной наглости, что смогъ заявить во всеуслышаніе всей Россіи, что они, октябристы, всегда стояли и стоятъ за интересы православнаго духовенства! Дальше идти по путямъ лжи и обмана трудно. А между тѣмъ изъ этихъ же рядовъ лживыхъ, лицемѣрныхъ представителей (будто бы!) народа идутъ рѣчи о человѣконенавистничествѣ правыхъ.

Нѣтъ, кто искренно и глубоко убѣжденъ въ правотѣ и безусловной необходимости для блага народнаго вѣковѣчныхъ

началь исторической жизни русскаго народа, кто защищает истину Христову и Его Церковь,—тотъ не можетъ быть сѣятелемъ вражды, и совершенно напрасно пугаютъ этими жуледами враги Церкви ея истинныхъ и призванныхъ защитниковъ. Во всякомъ случаѣ—совершенно несравнима между собою дѣятельность правыхъ и лѣвыхъ, и для всѣхъ должно быть совершенно ясно, гдѣ больше вражды и человѣконенавистничества. Но то же самое нужно сказать и относительно тѣхъ, кто причисляетъ себя къ т. наз. виѣпартійнымъ. Стоить только задать себѣ вопросъ: кто бросилъ въ волны человѣческія больше вражды—Пилать-ли, умывшій руки и предавшій Спасителя на смерть, или апостоль Петръ, извлекшій было мечъ и урѣзавшій ухо одному изъ пришедшихъ за Христомъ? Намъ усиленно и подъ разными страхами навязываютъ приемы дѣятельности Пилата, но мы должны постоянно помнить, что эта предательская по отношенію къ истинѣ дѣятельность явилась образцомъ всякаго лицемернаго и слабовольнаго предательства, предательства притомъ такого, за которымъ даже не послѣдовало раскаянія (какъ у Иуды): настолько, значить, усыпляется такимъ лицемеріемъ совѣсть! Все это необходимо имѣть постоянно въ памяти, когда къ защитнику истины подходятъ съ лицемерными увѣщаніями уйти изъ рядовъ правыхъ, ибо-де можетъ явиться вражда.

Если на собраніяхъ приходскихъ въ спокойной, дѣловой рѣчи будетъ разъясняться все нынѣ совершающееся, разъясняться въ освѣщеніи христіанскимъ ученіемъ, исторіей русскаго народа, то гдѣ же здѣсь будетъ мѣсто враждѣ? Если въ такой же формѣ, безъ всякихъ злобныхъ выступле..... (а для нихъ не можетъ быть и побужденій) противъ всѣхъ партій, которыя только и знали, что воевали и воюютъ противъ Церкви и Государства, будетъ пастырь Церкви своимъ пасомымъ разъяснять вредъ и опасность такихъ партій для Церкви и Государства, то какая же здѣсь будетъ почва для вражды? Вѣдь это будетъ дѣлать тотъ пастырь Церкви, который, выслушивая исповѣдь грѣховъ кающагося, нерѣдко

долженъ сурово осуждать грѣхи и согрѣшившаго, долженъ иногда укрѣплять посредствомъ эпитиміи волю ослабѣвшаго сына Церкви.

Пастыри Церкви знаютъ очень хорошо приемы дѣятельности, именно тѣ приемы, которые одновременно несутъ и осужденіе и примиреніе; людямъ, чуждымъ пастырскаго духа, эти приемы не понятны и они готовы все въ жизни священника измѣрять по своему, по своимъ склонностямъ, по своимъ привычкамъ. Это въ лучшемъ случаѣ. А въ другихъ случаяхъ такіе люди нарочито искажаютъ въ своихъ повѣствованіяхъ дѣятельность пастырей Церкви. Но вѣдь не у нихъ послѣднимъ нужно учиться.

Въ заключеніе скажемъ: Церковь и Государство нынѣ ждуть отъ православнаго духовенства дѣятельности энергичной и сообразной съ задачами его служенія. Весь христіанскій міръ, въ томъ числѣ и православный русскій міръ переживаетъ страшный историческій періодъ: идетъ борьба между ученіемъ Христовымъ и язычествомъ; ополчились всѣ силы ада на разрушеніе церкви Божіей на землѣ и теперь не время быть молчаливыми зрителями. Всѣ и во всеоружіи должны стать на защиту Церкви и хранимаго ею ученія и правилъ жизни. Для православнаго духовенства ясны задачи въ предстоящихъ выборахъ: защита Церкви, а потому и безусловная необходимость идти нога въ ногу съ тѣми, кто за Церковь и охраняемые ею Государство и народъ, и противъ тѣхъ, кто открыто или прикрито противъ Церкви и въ защиту ложныхъ, хотя бы и очень крикливыхъ и ласкающихъ самолюбіе людское ученій и тѣмъ болѣе дѣйствованій.

Новоспасскій Архимандритъ *Макарій*.

Опоздалъ.

(Дѣла недавнихъ дней).

I.

Діаконъ Торочанскаго собора Несторъ Городковъ пользуется въ городѣ большою популярностью: духовенство соборное уважаетъ его за добрый нравъ и трудолюбіе, прихо-

жане за обходительность, а всё вообще за громоносный голосъ и хорошее служеніе.

— Діакона, какъ у насъ, почитай, и архіерей не всякій имѣть,—съ гордостью говорятъ о немъ торочанскіе мѣщане и млѣютъ отъ восторга, когда о. Несторъ возглашаетъ многолѣтіе или читаетъ Евангеліе. За всю 15 лѣтнюю службу діаконъ только одинъ разъ огорчилъ и обидѣлъ торочанцевъ.

Какой-то выходецъ изъ Торочи,—пусто бы ему было,—прислалъ Городкову сообщеніе о томъ, что въ сосѣдней епархіи выбираютъ протодіакона, и тѣмъ заронилъ въ его душу честолюбивыя мечты—попытать счастья и явиться на конкурсъ. О своей рѣшимости діаконъ сообщилъ настоятелю, а тотъ кое-кому изъ прихожанъ. Именитое купечество, объединившись на этотъ разъ съ постоянными своими противниками—мѣщанами, рѣшили принять всё мѣры къ тому, чтобы діакона не выпустить изъ Торочи. Снаряженная депутація, съ приношеніями, отправилась къ Городкову и убѣдила его отказаться отъ своего намѣренія, а чтобы дѣло было прочнѣе, организовали возлѣ его дома стражу, чтобы діаконъ не передумалъ и не убѣжалъ.

Такъ и не пришлось діакону воспользоваться прекраснымъ случаемъ людей посмотрѣть и себя показать.

Когда получено было сообщеніе о томъ, что протодіаконъ выбранъ и опасность миновала, церковный староста, изъ Титъ Титычей, укорялъ и утѣшалъ Нестора за шашками и графиномъ крѣпкой настойки.

— Ахъ діаконъ, діаконъ, и кто могъ думать, что ты такой измѣнщикъ и такъ обидишь Торочу? Чего тебѣ у насъ не достаетъ? И деньжонки вертятся у тебя, и спокой полный, и почету нигдѣ ты не будешь имѣть, какъ у насъ.

-- Протодіакономъ быть лестно. Служишь съ архіереемъ, въ кафедральномъ соборѣ, гдѣ весь генералитетъ собирается, гдѣ резонансу много... хорошо!

— Гордыня это, діаконъ. Грѣхъ. А вдругъ и не выбрали бы—человѣкъ ты съ большимъ мнѣніемъ—каково бы тебѣ было?...

Староста правъ—діаконъ съ большимъ самолюбіемъ. У него два предмета гордости, и трудно постороннему человѣку рѣшить, чѣмъ діаконъ больше гордится: бархатнымъ голосомъ или сыномъ Николаемъ?

Самъ Несторъ—науки небольшой—не окончилъ духовнаго училища, и говорить объ этомъ не стѣсняется.

— Въ безднѣ я утонулъ,—говорить онъ въ компаніи пріятелей, объясняя, почему не дошелъ до семинаріи.

Такъ назывались въ бурсѣ во времена Нестора три греческихъ глагола: *ἴμι εἶμι* и *εἴμι*. Въ бурсѣ тогда особенно свирѣпствовали грекъ и любимымъ его конькомъ были три указанныхъ глагола, очень схожихъ по написанію и произношенію, но разныхъ по значенію: спутаться въ нихъ—самое пустое дѣло. Десятки мальчиковъ тонули въ этой безднѣ: тонули малоспособные, сбивались и дѣти одаренныя, отлично успѣвавшіе по другимъ предметамъ, но грекъ былъ безпощаденъ и въ строгости ни на шагъ не поступался. Не безъ трепета ожидалъ Городковъ, когда его сынъ подойдетъ къ безднѣ и каково же было его удивленіе, когда Николай, на робкій вопросъ отца о злополучныхъ глаголахъ отвѣтилъ:

— Пустяки это, папа, и совсѣмъ не такъ трудно.

Легко, безъ задержки дошелъ Николай до 4 класса семинаріи.

— У меня Николай—молодецъ,—хвалился діаконъ прихожанамъ.—Учится хорошо, ведетъ себя отлично, душа радуется, глядя на сына.

— А вотъ кончитъ курсъ—мы ему невѣсту сыщемъ и приданаго тысячъ 5 выхлопочемъ. Меньше, діаконъ, не согласишься вѣдь?

— Рано думать объ этомъ. Полагаю такъ, что Николай и въ академію махнетъ. Парень способный...

И вдругъ діаконскому благополучію и гордости былъ нанесенъ большой ударъ. Безграмотно писала Городкову квартирная хозяйка Николая о томъ, что въ семинаріи творится что-то неладное, что Николаю грозитъ какая то опасность, что діакону безпремѣнно нужно пріѣхать къ сыну.

Время горячее—великій постъ, въ соборѣ каждый день идетъ служеніе и отсутствіе діакона не можетъ не броситься прихожанамъ въ глаза, но дѣлать нечего; наскоро собравшись, діаконъ отправился въ губернской гародъ. Ѣхать нужно было по желѣзной дорогѣ версть около 200; въ вагонѣ было тѣсно и грязно, но діаконъ не замѣчалъ этихъ неудобствъ; пробовалъ онъ заснуть, раза три осушалъ объемистый эмалированный чайникъ, а на сердцѣ все также было неспокойно и безконечной казалась дорога. Безъ конца тянулись поля съ талымъ снѣгомъ; безъ числа пробѣгали мимо почернѣвшія деревни, желѣзнодорожныя будки и станціи.

Станціи за три до города къ діакону подсѣлъ сосѣдъ—видимо, горожанинъ и сталъ читать газету.

Діаконъ попробовалъ затѣять съ нимъ бесѣду.

— Что хорошаго пишутъ въ газеткѣ?—приподнявъ шляпу, заговорилъ онъ съ попутчикомъ.

— Ничего хорошаго; все то же: грабежи, убійства, самоубійства и ничего радостнаго. Люблю газетку почитать, а, кажется, придется отказаться отъ этого удовольствія:

— Не читаешь—меньше знаешь и меньше разстраиваешь себя.

— Виновать, вы, батюшка, нашей епархіи будете?

— Да. А что?

— Прочитайте газетку-то: тутъ и для духовенства сюрпризъ есть...

— Какой?

— Семинаристы наши бунтуютъ; семинарію закрыли.

Дрожащими руками схватилъ діаконъ газету, буквы запрыгали у него передъ глазами. Сообщение было сухо и ко-

ротко: „вслѣдствіе возникшихъ волненій среди воспитанниковъ, мѣстная семинарія закрыта на неопредѣленное время.“

— Васъ, видно, взволновало это сообщеніе?

Какъ не волноваться,—сынъ у меня въ семинаріи учится!

— Думаете—попался?

— Богъ знаетъ... Сынъ у меня смиренный, а въ компаніи товарищей чего не бываетъ: и тихіе на удольство способны бываютъ.

— Ну, времена, знаете, переживаемъ,—укоризненно замѣтилъ собесѣдникъ.—Будущіе руководители народа и пастыри бунтами занялись. Столпотвореніе какое-то!...

Наскоро собралъ діаконъ свои вещи, простился съ собесѣдникомъ и первый выскочилъ на платформу, какъ только поѣздъ замедлилъ ходъ возлѣ станціи.

Николай квартировалъ на окраинѣ города, и Нестору пришлось еще добрыхъ полчаса трястись по разбитой мостовой, пока онъ разыскалъ квартиру сына.

Мироновну,—такъ звали квартирную хозяйку,—знало духовенство почти всей епархіи. Жена городского дьячка, она рано осталась вдовою съ кучей дѣтей. Получая всего 15 рублей пенсіи въ годъ, Мироновна не растерялась и для поддержки своей многочисленной семьи стала брать на столъ и квартиру учениковъ мѣстной семинаріи. Плату она брала ничтожную и все же ухитрялась кормить дѣтей сносно; семинаристы острили, что она могла даже изъ латинскаго лексикона приготовить вкусное жаркое. Въ счетъ платы Мироновна охотно брала продукты всевозможныхъ видовъ и платы за содержаніе никогда назойливо не требовала, умѣя извернуться порой и безъ денегъ и понять неудачи и тяготу жизни духовенства. За чужими дѣтьми Мироновна смотрѣла какъ за родными: ремонтировала ихъ гардеробъ, лѣчила, ссужала деньгами въ трудную минуту. То, что раньше Мироновна взяла на себя изъ нужды, въ старости она неслла, какъ привычный пріятный трудъ, съ которымъ сроднилась и не дѣйствовали на нее соблазнительныя предложенія родныхъ дѣтей, ставшихъ уже на ноги и вышедшихъ въ люди.

— Трудиться я еще могу и нечего мнѣ спѣшить на дѣтскіе хлѣба; опять же и пансіона закрывать не хочется,— не безъ гордости отвѣчала она сыновьямъ и невѣсткамъ, ма- нившимъ ее въ деревню.

Память у Мироновны была великолѣпная: безъ ошибки она могла сказать, кто изъ ея питомцевъ когда окончилъ курсъ, какъ учился, какой приходъ получилъ; особенными ея любимцами были тѣ, что и по выходѣ изъ семинаріи, вспо- миная ея ласку, изрѣдка навѣщали старуху.

Были въ памяти Мироновны и дефекты: иного питомца, прожившаго у нея нѣсколько лѣтъ, она такъ забывала, что напомнить его было невозможно:

И примѣты ей опишутъ, и разные случаи напомнятъ, старуха одно твердить:

— Что-то я запомятовала,—стара стала,—забыла, со- всѣмъ забыла...

Старуха врала: не хотѣла она вспоминать тѣхъ, кто, выйдя въ люди, или обошелся со старухой гордо или забылъ расчитаться съ ней, какъ слѣдуетъ порядочнымъ людямъ; бывали и такіе...

Безъ частныхъ квартиръ для воспитанниковъ мѣстная многолюдная семинарія обойтись не могла и Мироновна была на отличномъ счету у начальства. За долгіе годы ни одинъ, самый ретивый субъ—инспекторъ, даже въ пекчѣ, не могъ найти у нея скоромнаго въ неположенные дни. Три листика и стучолка у Мироновны не могли имѣть мѣста: на карты старуха смотрѣла, какъ на дьявольское изображеніе и со вся- кою попыткою завести у нея картежъ боролась всею своею властью. За самовольныя отлучки старуха такъ намыливала голову и умѣла пригрозить письмомъ родителямъ, что у ви- новатыхъ надолго отпадала охота вольничать.

Было семь часовъ вечера, когда діаконъ прибылъ къ сыну на квартиру и былъ удивленъ тѣмъ, что онъ тамъ за- сталъ: всюду царилъ беспорядокъ, какой обыкновенно бы-

ваетъ при сборахъ школьниковъ на каникулы. На кроватяхъ, столахъ, стульяхъ валялся разбросанный семинарскій скарбъ. Два мальчика складывали вещи, третій, развалившись на кровати, читаль газету. Діаконъ поздоровался съ учениками.

— Отчего у васъ безпорядокъ такой?

— Домой собираемся ѣхать.

— Почему же такъ рано?

— Такъ начальство распорядилось.

— А что-же я не вижу сына своего, Городкова Николая?

— Ушелъ куда-то: можетъ быть въ корпусъ или къ сосѣдямъ на квартиру...

Оставивъ багажъ въ квартирѣ сына, діаконъ направился къ старухѣ на ея половину. Мироновна ему обрадовалась и трижды облобызалась.

— Ой, батюшка, какъ же тебя разнесло и постарѣлъ сильно: совсѣмъ сѣдой сдѣлался.

— За то ты, старая, все та же: ни сносу на тебя, ни старости, какъ на добрую матерію. Что у васъ тутъ дѣлается, я никакъ не разберусь. Николай мой какъ?

— Плохое дѣло, батюшка. Чай слышалъ уже, что семинарію закрыли?

— Слышалъ-то, слышалъ, на долго-ли?

— До пасхи, сказываютъ. Хотятъ, чтобы семинаристы по домамъ разѣхались, а тѣмъ временемъ начальство разбереть, кто изъ нихъ въ чемъ виновать, и кому какое наказаніе положить.

— А какъ мой Николай себя вель?

— Бѣда, о. Несторъ, такая, что и ума не доберусь, Была вчера у ректора: разнесъ онъ меня такъ, что и на свѣтъ Божій не глядѣла-бы. „Ты что-же это, говоритъ, старая хрычевка, за учениками плохо смотришь? Городковъ твой былъ однимъ изъ главныхъ коноводовъ въ безпорядкахъ“.

Ноги подкашивались у діакона.—Господи, простональ онъ. Откуда все это? Николай мой всегда былъ тихій, добрый мальчикъ и вдругъ въ бунтари попалъ!...

— И я на него не пожалуюсь: все больше за книжкой сидить, а въ плохомъ чемъ никогда его не замѣчала.

— Не сошелся-ли съ компаніей какой?

— Не замѣчала. Дружить онъ съ товарищемъ однимъ,— Борецкій фамилія,—заходятъ одинъ къ другому и книжками дѣлятся; что тутъ худого?

— Борецкаго я знаю—землякъ онъ Николаю. А съ посторонними не водится Николай?

— Повадилося было ходить къ Николаю парнишка какой-то изъ городскихъ въ обтрепанномъ пиджачишкѣ; придетъ къ Николаю, разговоры заводять, а о чемъ,—кто ихъ знаетъ?... Ссоры или шума никогда не поднимаютъ. Только я и этого отвадила, какъ онъ меня напугалъ. Слушаю я, какъ они разговоры разговариваютъ, и кажется мнѣ, будто гость этотъ летѣтъ куда-то Николеньку подбиваетъ: знай, твердитъ одно слово: „мы—пролетаріи!!“ Страхъ какъ я напугалась: не подбилъ-бы и въ самомъ дѣлѣ Николая куда летѣтъ: теперь на это мода пошла; сама въ газетѣ видѣла машину такую, будто птица... Отчитала я послѣ этого Николая.—Что ты говорю, Николаша, затѣялъ, Бога ты побойся, никакъ въ пролетатели записался? Кто его знаетъ, какую силою тѣ машины летаютъ; а вдругъ еще несчастье съ тобою случится, или начальство какъ узнаетъ?

Николай только засмѣялся. Мы, говорить, хотя и пролетаріи, но летѣтъ никуда не собираемся...

— А гдѣ, Мироновна, Николаю теперь быть, часъ уже не ранній, пора-бы ему и домой вернуться.

— Нигдѣ, какъ у Борецкаго. Можетъ, послать кого-нибудь изъ мальчиковъ за нимъ? Борецкій живетъ недалеко: домовъ съ десятокъ нужно пройти.

— Нѣтъ, Мироновна, лучше уже я самъ поищу Николая—освѣжусь немного, да кстати у меня къ Борецкому и порученія кое-какія есть отъ отца.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Священникъ В. П.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 16-го іюля 1912 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Аки. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго. Мериановская ул. 6.

ГОДЪ

ЛШ

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть № 31. Подписка принимается въ редак-
цїи журналовъ, съ пересылкою ШЕСТЬ ПЯТЬ руб., при Кіевской духов-
ной Семинаріи. рублей.

1912-го года 29-го іюля.

Содержаніе: I. Отношеніе печати къ предвыборной дѣятельности духовенства. С. Б.—II. Трудный вопросъ. Свящ. А. Введенскій.—III. Опоздалъ (Окончаніе). Свящ. В. П.—IV. Замѣтки: а) Памяти священника-благотворителя.— б) О духовныхъ концертахъ.—

Отношеніе печати къ предвыборной дѣятельности духовенства.

Повременная печать извѣстнаго направленія бьетъ тревогу по поводу тѣхъ дѣйствій, какія предприняло духовенство разныхъ епархій въ виду наступающихъ выборовъ въ четвертую Думу. Казалось бы странно и осуждать кого бы то ни было за активное участіе въ думскихъ выборахъ. Въѣдь это долгъ и право какъ cadaго отдѣльнаго гражданина, такъ и цѣлыхъ сословій. А между тѣмъ выполненіе этого долга духовенствомъ колетъ глаза лѣвой печати, и вотъ она подымаетъ рѣчь даже о томъ, что духовенству-де совершенно неприлично принимать участіе въ политической дѣятельности;

что отъ этого страдаютъ только интересы Церкви; что это, наконецъ, запрещается духовнымъ лицамъ прямымъ смысломъ церковныхъ канонѡвъ. Подумаешь, какіе радѣтели о благѣ Церкви и о точномъ исполненіи ея канонѡвъ нашлись въ прогрессивной печати! Но почему же эта самая пресса молчала и не говорила о нарушеніи канонѡвъ, когда въ первыхъ двухъ думѡхъ оказалось немалое число прогрессивныхъ священниковъ? Почему она даже одобрительно относилась къ ихъ рѣчамъ и поступкамъ? Ясно, что для лѣвой прессы важны не блага Церкви, не цѣлость и выполненіе ея уставѡвъ, а нѣчто другое, именно, — направленіе политической дѣятельности духовенства. Если представители послѣдняго играютъ на руку лѣвымъ газетамъ, то они и правы и обязаны участвовать въ политической жизни родной страны: если же нѣтъ, то они виновны въ нарушеніи церковныхъ правилъ и должны оставить депутатскія мѣста въ Государственной Думѣ. Такова однобокая правда нашихъ газетныхъ прогрессистѡвъ. Но пусть такъ; пусть искренно и нелицемѣрно радѣніе лѣвой печати объ интересахъ Церкви и полной безупречности ея пастырей. Но развѣ званіе священника или епископа совершенно исключаетъ собою право и долгъ гражданина? Вѣдь пастыри прежде всего — люди, живутъ въ условіяхъ земного существованія, въ условіяхъ государственнаго и общественнаго строя, а потому суть такіе же полноправные граждане государства, какъ и всѣ прочіе члены его. Правда, Церковь есть Царство Христово не отъ міра сего, но это только значить, что она конечную цѣль своего существованія полагаетъ не здѣсь, на землѣ, а тамъ, въ потустороннемъ мірѣ. Однако, для того, чтобы достигнуть этой цѣли, Церковь непременно должна воздѣйствовать на земную жизнь, подчинять ее своему вліянію, устроить ее сообразно со своими высшими задачами и назначеніемъ, чтобы въ концѣ концовъ привести всѣхъ ко спасенію. Отсюда, и съ этой стороны Церковь и ея представители не могутъ безразлично относиться къ гражданской жизни и даже должны направлять

ее по тому руслу, которое ведетъ къ жизни вѣчной. Такой свой долгъ прекрасно понимали богомудрые угодники Божіи, въ жизнеописаніяхъ которыхъ мы имѣемъ частые яркіе примѣры того, какъ эти лучшіе представители Церкви стремились воздѣйствовать на общественную и государственную жизнь и не пренебрегали выполніемъ своего гражданскаго долга. А кому же, какъ не имъ, лучше понимать свои права и обязанности, а равно и задачи Церкви? И они, а не лѣвая печать, должны разъяснять намъ эти обязанности и раскрывать смыслъ церковныхъ каноновъ. Но мы уже говорили, что лѣвую прессу заставляеть выступатъ противъ избирательныхъ правъ духовенства не заботливость о благѣ Церкви, а то направленіе, котораго держится въ своей массѣ духовенство, осуществляя свои гражданскія права. Къ лицу ли, однако, либеральной печати, взявшей на себя проповѣдь свободы, стремиться къ лишенію избирательныхъ правъ цѣлаго сословія? Къ лицу ли ей заставляеть послѣднее отказаться отъ своихъ собственныхъ убѣжденій? Вѣдь подобная дѣятельность этой печати есть не что иное, какъ насиліе и измѣна своимъ собственнымъ принципамъ? И замѣчательно, что такую кампанію противъ духовенства ведетъ не только ежедневная пресса, которой, конечно, и удивляться нечего, но и такія изданія, отъ которыхъ, по солидности ихъ, нужно было ожидать хотя нѣкоторой въ данномъ отношеніи справедливости и безпристрастія. Разумѣемъ нѣкоторые ежемѣсячные журналы, изъ каковыхъ для примѣра возьмемъ „Вѣстникъ Европы“.

Открываемъ іюньскую книжку этого журнала и въ отдѣлѣ его „провинціальное обозрѣніе“ находимъ цѣлый рядъ нападокъ по адресу духовенства за его предвыборную дѣятельность. Послѣдняя совершенно не даетъ покоя „Вѣстнику Евр.“, и онъ съ тревогой пишетъ: „среди значительной повсемѣстной апатіи и при большомъ равнодушіи населенія къ выборамъ одно духовенство выдѣляется своей энергичной и организованной дѣятельностью. Можно подумать, что это въ Россіи самая сильная и самая сплоченная дисциплинированная поли-

тическая партія. Чуть ли не за полгода до выборов составляются комитеты, выработываются списки выборщиковъ, намѣчаются кандидаты въ депутаты. Епископы публикуютъ боевые призывы съ обдуманно и всесторонне разработанной тактикой предвыборной борьбы; консисторіи, отложивъ метрическія книги и бракоразводные фоліанты, пишутъ нѣчто въ родѣ сенатскихъ разъясненій и руководствуютъ арміей духовныхъ избирателей "... Цѣлымъ рядомъ примѣровъ журналъ иллюстрируетъ „подготовительную агитацію“ духовенства, указывая, какъ она энергично ведется въ Вятской, Кіевской, Казанской, Пермской и др. епархіяхъ. Конечно, то обстоятельство, что пастыри въ подавляющей своей массѣ единодушны между собою и предвыборную дѣятельность ведутъ въ полномъ согласіи съ основными началами русской государственной жизни, журналъ объясняетъ „внушеніями изъ Петербурга“. „Каждый священникъ крѣпкой ниточкой привязанъ къ епархіальному начальству и всецѣло отъ него зависитъ. Епископы въ подчиненіи у Синода, а Синодъ многолѣтней практикой доказалъ непрекословное повиновеніе государственной власти“. Вотъ отсюда то и вытекаетъ полное согласіе „духовныхъ избирателей“ между собою и принадлежность ихъ къ правымъ партіямъ, по мысли „Вѣстника Европы“. Смѣемъ, однако, увѣрить почтенный журналъ, что каждый отдѣльный священникъ въ предвыборной кампаніи вовсе не является какимъ то слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ властей, а дѣйствуетъ самостоятельно, какъ подсказываетъ его совѣсть, сознаніе своего долга и правильное пониманіе блага и интересовъ св. Церкви. Единодушіе же всѣхъ въ предвыборной дѣятельности объясняется прежде всего тѣмъ, что всѣ пастыри согласно понимаютъ, гдѣ и въ чемъ кроется истинная польза Церкви. Спора нѣтъ, конечно, что духовенство извѣстнымъ образомъ дисциплинировано, представляетъ изъ себя нѣкоторую организацію, но едва ли его можно укорять за это, какъ то дѣлаетъ „Вѣстникъ Европы“. Вѣдь каждое сословіе, каждый служебный классъ составляетъ собою

тоже, конечно, известную организацию, и никому и в голову не приходит упрекать его за это. Почему же только духовное сословие не должно и не может с точки зрения журнала сплотиться и организовать в одну цельную единицу? И уж если говорить о строгом подчинении меньших старшим, о полной зависимости первых от вторых даже в политических убеждениях и взглядах, то не лучше ли взять для примера представителей „либеральных профессий“, а не духовенство? Ведь известно, напр., что помощник присяжного поверенного должен непременно разделять политическое „credo“ своего патрона, если хочет состоять на службе и быть у последнего в милости. И не дай Бог, если бы какой-нибудь неосторожный помощник, забыв, что патрон его кадет, задумал вдруг приписаться к партии националистов. Пропала бы и его карьера и служба навсегда. И такие явления, повторяющиеся на каждом шагу и известные всем, не кажутся „Вестнику Европы“ неестественными и несколько не тревожат его. Нечего и говорить, конечно, за такое „преступление“, как тѣсное сплочение всех воедино для предвыборной деятельности, жестоко достается духовенству от „Вѣстн. Европы“. В чем только оно не обвиняется за это? Ему приписывается „рабій духъ“ предъ начальствомъ, принудительная предвыборная агитация среди учителей церковныхъ школъ, шпионство и доносы на лѣвыхъ собратій-священниковъ, паническій страхъ предъ „подлиннымъ народомъ“ и т. д. и т. д. Понятно, все подобныя качества клира имѣютъ, видите ли, причиной своей духовную слѣпоту священниковъ, и если бы послѣдніе прозрѣли, то освободились бы отъ такихъ свойствъ, порвали бы связь съ реакціей и непременно потянули бы налѣво. Духовенство тогда „поняло бы, что союзъ съ правыми партіями шатаетъ устои Церкви, все больше и больше отчуждаетъ отъ него население, и гонитъ гоинствующее духовенство въ темный оврагъ“. И такъ, хотите, отцы, спасти Церковь,—порвите связь съ правыми партіями и заключайте блокъ съ кадетами;

хотите удержаться на твердой почвѣ и не свалиться въ пропасть, держитесь за руку социаль-демократа. Но кого здѣсь хотятъ обмануть, кого ввести въ заблужденіе? Вѣдь духовенству хорошо уже извѣстно, какая польза для него и Церкви можетъ быть со стороны лѣвыхъ. Горькій опытъ научилъ его безошибочно отличать друзей отъ враговъ. Довольно вспомнить послѣдніе дни третьей Думы, чтобы оцѣнить по достоинству помощь и поддержку Церкви со стороны лѣвыхъ „друзей“. Кто, какъ не они, оттягивали разсмотрѣніе въ Думѣ законопроекта объ ассигновкѣ необходимыхъ суммъ для увеличения содержанія преподавателямъ духовно-учебныхъ заведеній, готовящимъ будущихъ пастырей Церкви? Благодаря такому маневру лѣвыхъ доброжелателей Церкви, эти труженники на нивѣ Христовой остались при прежнемъ крайне незначительномъ жалованьѣ, а кто знаетъ, — придетъ ли имъ на помощь въ этомъ случаѣ будущая 4-я Дума. Кому опять таки Церковь обязана тѣмъ, что остался неразсмотрѣннымъ законопроектъ объ ассигнованіи средствъ на церковныя школы, какъ не тѣмъ же „друзьямъ“ слѣва? Даже октябристы, гонясь за дешевой популярностью, не посовѣстились покинуть залъ засѣданій, чтобы такимъ способомъ провалить законопроектъ. А между тѣмъ матеріальная обезпеченность преподавателей духовно-учебныхъ заведеній и хорошо поставленная церковно-приходская школа — вещи для Церкви чрезвычайно важныя. Церковь прекратила бы повальное бѣгство преподавателей изъ духовнаго вѣдомства и привлекла бы сюда лучшія силы, а вторая послужила бы Церкви еще съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ раньше, въ дѣлѣ просвѣщенія народа въ духѣ вѣры и заповѣданной Христомъ любви. Такова „дружба“ лѣвыхъ, которые, впрочемъ, не только лишаютъ церковную школу необходимыхъ средствъ, но не разъ дѣлали попытку отнять совершенно ее отъ духовенства. Они знаютъ, что закрыть церковно-приходскія школы, это все равно, что уничтожить, по крайней мѣрѣ, половину благотѣльнаго вліянія духовенства на народъ. Нѣтъ, сохрани Богъ, отъ подобной „дружбы!“ Лучше ужъ духовенству оставаться при своей „слѣпотѣ“ и не стремиться къ такому „прозрѣнію“.

С. Б.

Трудный вопросъ.

Когда я учился въ Духовной Семинаріи, то меня всегда интересовалъ вопросъ: „зачѣмъ Богъ сотворилъ человѣка? Зачѣмъ надѣлилъ его свободной волей, когда Онъ зналъ, что человѣкъ во зло употребитъ дарованное ему благо, нарушитъ заповѣдь творца, согрѣшитъ и чрезъ то будетъ вѣчно каяться, постоянно мучиться и страдать? Развѣ Богъ не могъ сохранить свое созданіе отъ зла? Развѣ Богъ не могъ воздержаться отъ творческой дѣятельности? А если могъ, то зачѣмъ же Онъ, олицетвореніе благости и святости, Богъ любви и милосердія, сотворилъ человѣка и дарованіемъ ему свободной воли обрекъ его на жизнь, полную всевозможныхъ бѣдъ и нестроеній?“

Этотъ вопросъ волновалъ не только меня. Товарищи мои тоже были заинтересованы имъ. Они тоже искали отвѣта на него. Читали, думали, спрашивали знающихъ людей, обращались къ преподавателямъ, но все безрезультатно. Книги молчали. Учебники обходили этотъ вопросъ. А преподаватели сами были безотвѣтны.

Такъ мы и не рѣшили означеннаго вопроса. Подумали, поговорили, поспорили, да и перестали. Всѣмъ стало ясно, что онъ не подь силу намъ, что „Божія никтоже вѣсть, точію Духъ Божій“.

И только лѣтъ пятнадцать спустя послѣ такого оживленнаго обмѣна мыслей мы совершенно случайно натолкнулись на болѣе или менѣе ясный, понятный и удовлетворительный отвѣтъ на долго интересовавшій насъ вопросъ. И нашедши его, мы такъ обрадовались, что спѣшимъ подѣлиться своею находкой со всѣми православными пастырями. можетъ быть, они тоже интересовались даннымъ вопросомъ. Можетъ быть, и имъ предлагаютъ этотъ вопросъ любители Слова Божія, набожные старички и старухи, любопытные школьники, задорные рабочіе, раціонализирующіе интеллигенты, во всемъ сомнѣвающаяся молодежь, подобно тому, какъ и намъ

предлагають его гимназисты всѣхъ классовъ, всѣхъ возрастовъ и исповѣданій.

Давно искомый отвѣтъ мы нашли въ книгѣ профессора М. Моравскаго „Вечера надъ Леманомъ“ или „Религіозно-филофскія вечера“. Лейпцигъ. 1899 года¹⁾.

Проф. М. Моравскій такъ рѣшаетъ затронутый нами вопросъ.

То, что Богъ создалъ, если такъ можно выразиться, первымъ взмахомъ, было сплошнымъ добромъ и счастьемъ. Въмѣсто того, чтобы подчинить человѣка боли и смерти, которыя составляютъ законное слѣдствіе его сложной природы, Ему было угодно поднять его сразу на высшую ступень. Онъ поставилъ его въ сверхъестественныя условія, при которыхъ человѣкъ долженъ былъ сначала прожить въ неизмѣнномъ счастьи время испытанія, а потомъ—безъ смерти перейти къ вѣчному блаженству. Человѣкъ своевольно воспротивился. Въмѣсто одного добра онъ захотѣлъ отвѣдать плодовъ добра и зла. Богъ исполнилъ его желаніе, не потому, чтобы Его къ тому принудила власть зла, разрушившая Его планы, а потому, что въ злѣ Онъ видѣлъ средство еще болѣе полного осуществленія своей милосердной воли. „Ступай,—сказалъ Онъ человѣку,—дорогой, которую ты избралъ. Въ наказаніе ты много пострадаешь на ней. Но спасительныхъ предначертаній Моихъ, съ которыми Я создалъ тебя, Я не измѣню. Кривымъ путемъ, который тебѣ такъ понравился, Я еще возвышеннѣе доведу тебя къ этой же цѣли“.

И съ тѣхъ поръ человѣкъ и человѣчество идутъ не прямымъ путемъ отъ правды къ правдѣ, отъ радостей эдема къ небесному блаженству, какъ первоначально предлагалъ имъ Богъ, а странствуютъ съ поникшей головой сквозь „волчцы

---

¹⁾ Эта книга переведена на всѣ европейскіе языки, между прочимъ и на русскій. На нашемъ языкѣ, съ немногими сокращеніями и измѣненіями, она появилась въ видѣ отдѣльныхъ статей на страницахъ „Богословскаго Вѣстника“ за 1910 годъ.

и тернія“, которые даетъ имъ земля. Они ищутъ правды—и идутъ не туда, куда надо. Все глубже запутываются они, попадаютъ изъ одной ошибки въ другую и наконецъ убѣждаются въ томъ, что они обманулись. Тогда они оборачиваются и устремляютъ взоры туда, гдѣ лежитъ первая покинутая ими дорога, они поднимаютъ глаза къ небу.

Будетъ ли Богъ безъ состраданія взирать съ высоты на людскую тоску и блужданіе?

Уже въ тотъ часъ, когда Онъ изгонялъ человѣка изъ рая послѣ перваго грѣхопаданія, Онъ обѣщаль ему съ отеческой благостью придти и протянуть руку помощи. Когда впослѣдствіи начинаетъ исчезать память объ этомъ драгоценномъ обѣтованіи, Богъ сообщаетъ избраннымъ орудіямъ дуповеніе своей силы. Божественнаго происхожденія религія свѣтлымъ лучемъ тянется съ неба черезъ темныя судьбы человѣчества. Слова правды, которыхъ алчутъ души, все чаще и чаще спадаютъ съ Божественныхъ высотъ. Обѣтованіе спасенія, которое принесетъ Самъ Богъ, повторяется все яснѣе. Умы, усталые отъ разочарованій, уже обращаются къ тому свѣтлому лучу. Окоченѣвшія отъ тоски по Богѣ сердца начинаютъ биться скорѣе. Мигъ исполненія обѣтованія настаетъ, Умы достаточно заблуждались и сердца пострадались довольно и убѣдились, что спасеніе можетъ придти только съ неба. Обѣтованіе исполнилось поистинѣ Божественно, въ миллионъ разъ великолѣпнѣе, чѣмъ ждало и могло вообразить себѣ человѣчество.

Религія, принесенная въ миръ Богочеловѣкомъ, проникаетъ въ человѣчество съ побѣждающей силой, но дѣйствуетъ медленно, какъ тѣ міровыя силы, которыя создали вещественный міръ. Она дѣйствуетъ медленно, потому что для Бога—дѣло не въ матеріальной побѣдѣ, а въ приобрѣтеніи убѣжденій, въ завоеваніи сердець. Онъ хочетъ, чтобы человѣчество обратилось къ Нему по доброй волѣ, потому что религія есть союзъ любви между Богомъ, свободно оказывающимъ

милосердіе Своему созданію, и созданіемъ, также свободно несущимъ свою любовь къ Богу. А на это нужно время.

Воплотившійся Богъ стоитъ среди человѣчества во всемъ блескѣ своей Богочеловѣческой красоты, и все больше и больше душъ обращаются, слѣдуютъ за нимъ съ вѣрою и любовью. И всѣ загадки жизни становятся ясны ихъ простой вѣрѣ, всѣ страданія дивнымъ образомъ превращаются для нихъ въ ступени добродѣтели и освященія. Христіане въ своихъ страданіяхъ испытываютъ таинственное единеніе съ распятымъ Христомъ. Они называютъ страданія крестами и такъ глубоко убѣждены въ ихъ искупительной силѣ, что нерѣдко возвышаются до сверхчеловѣческой любви къ этимъ крестамъ. И великое множество дивныхъ, геройскихъ добродѣтелей расцвѣтаетъ на землѣ. Духъ, вступившій въ миръ съ эпохой мученичества, не исчезъ. Онъ вылился въ сотняхъ тысячъ дѣлъ святого самопожертвованія, которыя не такъ очевидны, но въ совокупности даютъ большую суму нравственнаго совершенства.

Много душъ не узрѣли еще воплотившагося Бога и не глядятъ еще въ ту сторону, гдѣ Онъ стоитъ. Онѣ продолжаютъ искать истины на стезяхъ заблужденія и счастья на пути порока. Но и онѣ принадлежать къ стаду, которое пастьеръ въ свое время соберетъ въ свою ограду. И само ихъ заблужденіе заставитъ ихъ повернуть на путь истины. Если не раньше, то во всякомъ случаѣ по описаніи всей необъятной кривой заблужденій человѣчество достигнетъ Божественной истины, отъ которой оно уклонилось съ самаго начала. И насколько крѣпче и искреннѣе ухватится оно за эту истину, зная по опыту, какъ далеко до нея итти изъ безднъ заблужденій! И всѣ религіи падутъ предъ одной истинной религіей. И всѣ науки, идущія въ данную минуту по пути отрицанія, склонятся предъ этой религіей и подадутъ свое свидѣтельство въ пользу ея. И человѣческія изобрѣтенія достигнутъ тогда своей цѣли: онѣ будутъ служить этой жизни и помогать достиженію той, будущей, потому что только горь-

кій опытъ смиряетъ гордыню, изъ за которой теперь многія изобрѣтенія увеличиваютъ человѣческія страданія вмѣсто того, чтобы облегчать ихъ, и вмѣсто свѣта и мира распространяютъ на земномъ шарѣ ложь и ненависть. Не напрасно Творецъ природы и скрытыхъ въ ней силъ, призывая человека къ господству надъ ними, благословилъ его словами: „владычествуй надъ ними“. Общественныя и государственныя формы, полныя языческихъ началъ, въ концѣ концовъ тоже воспримутъ евангельскій духъ, медленно проникающій въ миръ. Евангеліе до сихъ поръ покорило извѣстное число отдѣльныхъ людей, тамъ и сямъ подчинило семью, но въ общественной жизни, въ политикѣ, въ международныхъ отношеніяхъ оно не имѣетъ пока еще никакого значенія. И всетаки оно не только обладаетъ силою свѣщать отдѣльныя личности, но оно есть социальная сила, стремящаяся сложить общество по предначертаніямъ Божиимъ. Эта идущая съ неба власть должна осуществляться!

Книги ветхаго и новаго завѣта одинаково обѣщаютъ царству Христову не что-нибудь половинное, не какое-нибудь государство, ограничивающееся извѣстными народами, а господство надъ всей землею. Одинъ пророкъ говоритъ: „Я дамъ народы въ наслѣдіе Твое и предѣлы земли во владѣніе Тебѣ“ (Пс. 2, 8 ст.). Другой пророчествуетъ: „всѣ народы, племена и языки“ послужать Ему, „и царство Его не разрушится“ (Дан. 7 гл. 14 ст.).

Мы еще очень далеки отъ этой цѣли, можетъ быть— стоимъ только въ началѣ пути. Колебанія, которыя обнаруживаетъ наше движеніе впередъ, производятъ на насъ въ свои крайнія минуты впечатлѣніе, какъ будто мы удаляемся отъ цѣли. Но если мы окинемъ взоромъ все теченіе исторіи, то можемъ убѣдиться, что царство Божіе хотъ и медленными шагами, но въ самомъ дѣлѣ приближается.

Путь, которымъ идутъ миръ и человѣчество (черезъ побѣду надъ заблужденіями къ истинѣ, и черезъ знакомство со зломъ—къ добру), и есть тотъ путь, который человекъ вы-

бралъ, а Богъ преобразовалъ. Человѣчество должно трудиться на этомъ пути дольше и усиленнѣе и терять, быть можетъ, больше, чѣмъ на томъ, который ему сначала указалъ Богъ, но такой путь несравненно величественнѣе: Бога и Его совершенства онъ открываетъ и прославляетъ полнѣе, а человѣку даетъ гораздо большую законченность и блаженство. Поэтому въ пристани вѣчности люди будутъ пѣть о грѣхопадении Адама „O felix culpa“¹⁾.

И именно для того, чтобы такъ вышло, всевѣдущая благодать конечно и допустила ту первую, блаженную вину.

Вотъ въ общихъ чертахъ отвѣтъ проф. Моравскаго на весьма трудный вопросъ.

Отвѣтъ прекрасный, величественный, полный глубокаго смысла, горячей вѣры и безграничнаго оптимизма! Отвѣтъ несравненно выше, чище и совершеннѣе всѣхъ доселѣ существовавшихъ догадокъ, предположеній и объясненій по данному вопросу. Пусть же онъ завоевываетъ себѣ общественно-религіозное вниманіе, пусть проникаетъ въ сознаніе всѣхъ людей: и старыхъ и новыхъ, образованныхъ и непросвѣщенныхъ и пусть заполняетъ собою доселѣ существовавшій пробѣлъ въ исторіи вопроса грѣхопадении нашихъ прародителей.

Законоучитель Одесской 2-й мужской

гимназіи Свящ. А. Введенскій.

¹⁾ „О блаженные вина“.

²⁾ См. № 30 за 1912 г.

Опоздалъ.(Окончаніе)²⁾.

II.

Найти квартиру Борецкаго было не трудно; труднѣе оказалось въ ней кого-нибудь дозвониться. Нѣсколько разъ пришлось звонить діакону, прежде чѣмъ показались признаки жизни за закрытой дверью.

---

¹⁾ „О блаженные вина“.

²⁾ См. № 30 за 1912 г.

— Кто тамъ?—спросилъ встревоженный голосъ за дверью.

— Свой.

— Кто свой?

— Діаконъ Городковъ.

— Что вамъ здѣсь нужно?

— Нѣтъ-ли тутъ моего сына Николая?

— Есть. Сейчасъ вызову.

Черезъ минуту Городковъ услышалъ черезъ запертую дверь голосъ сына.

— Это вы, папа?

— Я, Николай; отчего дверь не откроешь?

— Я сейчасъ выйду.

— Да ты дверь сначала открой: дай посмотрѣть на тебя.

И съ Борецкимъ мнѣ нужно видѣться.

Николай нерѣшительно повернулъ ключъ въ замкѣ, открылъ дверь и, загораживая проходъ въ квартиру, поцѣловался съ отцомъ.

— Сюда, папа, нельзя, у насъ сейчасъ конспиративное собраніе. Я одѣнусь и пойдемъ ко мнѣ на квартиру.

— Что ты глупости, Николай, мелешь: тебѣ можно, а мнѣ нельзя... Чай, и мнѣ интересно посмотрѣть, какое такое конспиративное собраніе бываетъ?

Діаконъ потянулъ къ себѣ дверь, отстранивъ рукою сына съ порога, поднялся на второй этажъ, снялъ шубу и вошелъ въ квартиру Борецкаго. За нимъ виновато вошелъ Николай.

Высокая большая комната была полна молодежи, народъ посолондѣ сидѣлъ за столомъ, другіе расположились на кроватяхъ, подоконникахъ; два мальчика сидѣли прямо на полу. Центральное мѣсто у стола занималъ молодой человекъ, въ черной тужуркѣ,—повидимому, не семинаристъ. Въ комнатѣ царилъ беспорядокъ. На столѣ валялись объѣдки селедки, хлѣба, стояло изрядное количество пустыхъ пивныхъ бутылокъ; было грязно и накурено. Преобладали представители

философій,—3 и 4 класса,—какъ во всѣхъ семинаріяхъ, главные вдохновители исторій и непріятностей для начальства.

— Миръ честной компаніи,—пробасилъ діаконъ.— Искаль сына, нашель пріятное общество. Чай, примете діакона въ компанію?...

— Просимъ,—заявило нѣсколько нерѣшительныхъ голо-совъ.

— Но, господа, у насъ конспиративное собраніе...— попробоваль протестовать молодой человекъ въ тужуркѣ, хмуро глядѣвшій на прибытіе незваннаго гостя.

— Что же изъ того, милый человекъ, развѣ діакону не лестно побывать въ конспиративномъ собраніи? Очень даже интересно...

Діаконъ перезнакомился съ семинаристами; фамилии были все знакомы: два мальчика оказались дѣтьми товарищей діакона; два изъ Торочанскаго уѣзда, стало быть, земляки. Діаконъ разспрашиваль дѣтей о своихъ бывшихъ товарищахъ, вспоминаль свое житье въ духовномъ училищѣ, не упустиль случая рассказать о безднѣ, которая его когда то поглотила.

Разсказали съ прикрасами семинаристы діакону о томъ, что произошло въ семинаріи въ послѣднее время.

— Пора-бы и къ дѣлу перейти,—заявилъ, наконецъ, одинъ изъ семинаристовъ.

— Правильно. Я вамъ помѣшалъ; ну что-жь, съ Богомъ, начинайте,—заявилъ діаконъ и основательнѣе усѣлся въ стулъ, расположившись слушать съ большимъ вниманіемъ.

— Удобно-ли намъ вести работу въ присутствіи посторонняго человека?—заявилъ тотъ же молодой человекъ въ тужуркѣ.

— Что вы, юноша?—діаконъ—и вдругъ семинаристамъ посторонній человекъ... Это все равно, что яблоня и яблоки... Опять же у меня тутъ знакомыхъ во сколько оказалось... А вы говорите—посторонній человекъ?... Я свой и хорошему

дѣлу развѣ могу мѣшать?... Занимайтесь себѣ съ Богомъ, а я послушаю,—можетъ, и самъ поумнѣю...

— Будемъ, господа, продолжать, чего намъ бояться отца діакона? Предсѣдатель, секретарь—открывайте собраніе...

Не безъ гордости діаконъ замѣтилъ, что рядомъ съ ту-журкой, замѣтно конфузясь, занялъ мѣсто его сынъ.

— Ого, стало-быть, мой сынъ—секретарь!..

Николай началъ шуршать какими то бумажками, сложенными въ папку.

— Ишь-ты—подумалъ діаконъ, —и съ портфелемъ! за-правскій секретарь...

Засѣданіе открылъ предсѣдатель.

— Мы собрались сюда, господа, для того, чтобы обсу-дить, какъ намъ реагировать на событія, происшедшія въ се-минаріи. Полагаю, что эти событія только начало дальнѣй-шей нашей работы на благо народа. Сомкнутые ряды про-летаріата планомерно и стройно отбираютъ у правительства одну позицію за другой и недалеко то время, когда по всей линіи оно должно будетъ капитулировать. Въ кровавой борьбѣ, какую ведетъ пролетаріатъ, учащаяся молодежь занимаетъ почетное мѣсто. Многочисленныя духовныя семинаріи, зани-мающія во многихъ губернскихъ городахъ положеніе какъ бы высшихъ учебныхъ заведеній,—старшихъ по развитію и воз-расту,—должны бы идти впереди, воодушевляя другихъ на борьбу. Къ чести X. семинарии нужно сказать, что она сбросила съ себя спячку и лѣнь и выступила на арену активной борьбы, что доказываютъ событія, недавно происшедшія въ се-минаріи... Знамя протеста она подняла высоко; знамя это должно подняться еще выше, а работа передовыхъ борцовъ семинар-скаго движенія должна расти теперь въ ширь и глубь. Пе-редъ вами теперь двѣ цѣли и ихъ вы должны достигнуть. Первая, это—ваши же товарищи; не всѣ они одинаково со-чувственно и сознательно относятся къ семинарскому движе-нію; возможно, что тѣ искры протеста, какія зажглись въ нихъ послѣдними событіями, будутъ потушены и парализо-

ваны буржуазными родителями. Время невольнаго отпуска должно быть вами употреблено на то, чтобы укрѣпить духъ протеста въ семинаристахъ такъ, чтобы послѣ праздникова собралась дружная компактная масса, способная энергично и стойко защищать свои права. Но этого мало. Передъ вами другая цѣль, болѣе высокая. Семинаристы разойдутся по деревнямъ, войдутъ въ общеніе съ крестьянской массой, среди которой они живутъ...

Діаконъ съ напряженнымъ вниманіемъ слушалъ оратора; не все было для него одинаково ясно въ словахъ предсѣдателя, но онъ отлично понималъ, что тотъ не только одобряетъ семинарскія волненія, но и хочетъ ихъ продолженія.

— Позвольте узнать,—побагровѣвъ спросилъ онъ ту-журку, —вы чей сынъ будете?

— Извините, этотъ вопросъ не относится къ дѣлу. Затѣмъ я еще не окончилъ своей рѣчи, а если желаете говорить послѣ меня, подайте записку.

— Какая тамъ записка? Діакону позволительно говорить и безъ записки... Вы говорите такія слова, что ихъ не подобало высказывать семинаристу, человѣку, такъ сказать, у алтаря вскормленному...

— Я васъ призываю къ порядку, строго замѣтилъ предсѣдатель.

— Меня къ порядку, діакона?! Я во всю жизнь никогда въ безпорядкѣ не былъ. Стыдно вамъ, вы еще—мальчишка, а хотите меня учить порядку...

-- Ваше оскорбленіе я возвращаю вамъ; вы совершенно не умѣете держать себя въ дѣловомъ собраніи.

— Я и не въ такомъ обществѣ бывалъ и никто не училъ меня, какъ себя вести; почтенные горожане, купцы именитые меня уважаютъ. А вы еще учиться не кончили, а уже другихъ учите, завтра же расскажу ректору о вашихъ грубостяхъ.

— Руки коротки у вашего ректора.

Самоувѣренность и рѣзкій тонъ предсѣдателя окончательно вывели діакона изъ себя. Къ нему подошелъ сынъ, сталъ его успокаивать и еще больше подлил масла въ огонь.

— Не волнуйтесь, папа, вѣдь это не семинаристъ...

— Какъ не семинаристъ?—вскочилъ окончательно взбѣшенный діаконъ.—Кто же вы такой, позвольте васъ спросить?

— Вамъ какое дѣло?—покраснѣвъ отвѣтила тужурка.

И не успѣлъ предсѣдатель окончить фразы, какъ разсвирѣпѣвшій діаконъ, съ глазами, горѣвшими гнѣвомъ, подбѣжалъ къ нему вплотную.

— Мнѣ какое дѣло? А вотъ какое!...

Широкой дланью схватилъ діаконъ противника за шиворотъ и толкнулъ его за дверь.

— Это насиліе... Товарищи! ко мнѣ... Я протестую, летать предсѣдатель.

Товарищи не двигались съ мѣста. Первоклассники тѣ наблюдали сцену даже не безъ удовольствія, ожидая, чѣмъ она окончится.

— Вонъ!—закричалъ діаконъ.—Николай, вынеси ему пальто и скажи, что я спущу его съ лѣстницы, если онъ еще сюда носъ покажетъ...

Наступило неловкое молчаніе; діаконъ вытиралъ потъ, катившійся съ лица, семинаристы хмуρο молчали.

— Зачѣмъ это, папа?! Развѣ насиліемъ можно чтонибудь доказать?...

— А ты помолчи, какой умный сталъ—отца хочешь учить?.. Ты лучше скажи, кто онъ такой, откуда такой взялся на вашу бѣду?

— Знакомый нашъ общій...

— Студентъ, чиновникъ?

— А кто его знаетъ—такъ въ городѣ живетъ.

— Можетъ быть, жуликъ какойнибудь?

— Нѣтъ, онъ интеллигентный образованный человѣкъ.

— Хорошъ интеллигентный! Развѣ образованный человекъ будетъ такія глупости говорить, какъ онъ сейчасъ? Вѣроятно, этотъ молодецъ васъ и на бунтъ воодушевлялъ и на разныя глупости настраивалъ... И не стыдно вамъ философы, богословы?! Я семинарин и не нюхалъ, а не сталъ бы всякаго проходимца слушать, да по его указкѣ начальству огорченія дѣлать. А ты, Николай, порадовалъ отца, нечего сказать!.. А я было порадовался, какъ увидѣлъ, что ты въ сканпиративномъ обществѣ секретаремъ состоишь, думалъ, что нибудь умное дѣлаете, а ты вонъ чѣмъ занимаешься!..

Діаконъ пересѣлъ на предсѣдательское мѣсто, чтобы удобнѣе было выговаривать сыну.

— Покажи ка, господинъ секретарь, что гуть у тебя еще въ портфель имѣется?

Изъ портфеля высыпалось нѣсколько литографированныхъ прокламацій и подписной листъ. На прокламаціи, написанной на спѣхъ и неразборчиво, діаконъ прочиталъ заголовокъ: „пролетаринъ всѣхъ странъ соединяйтесь“.

Вотъ еще глупость; говорила мнѣ Мироновна объ этихъ полетахъ. Къ Богу душой возноситься вамъ нужно, а не полетами заниматься. Пусть другіе летаютъ, коли есть охота.

Семинаристы прыснули отъ смѣха, что діаконъ принялъ за знакъ одобренія себѣ.

— А это еще что? развернулъ діаконъ листъ и на немъ прочиталъ: — „На пострадавшихъ за политическія убѣжденія“... Это что же—сборъ незаконный?! Эхъ, вы дурни, дурни!... Отцы тяжкимъ трудомъ пяточки собираютъ, какъ нищіе, а вы ихъ на политическихъ жертвуете, бунтъ укрѣпляете. Да знаете-ли вы, что эти политическіе, дай имъ только волю, за вашихъ отцовъ прежде всего примутся? Кому же вы эти деньги сдаете, отъ кого оправдательные документы имѣете?

— А вотъ этому, что былъ у насъ.

— И опять глупо; можетъ онъ ваши денежки, отъ алтаря заработанныя, по рестораціямъ да билліардамъ спускаетъ. Отчетъ то вы отъ него имѣли какой нибудь?... Ну,

да бросимъ эту политику: давайте лучше подумаемъ, какъ намъ семинарскую бѣду поправить, да кашу расхлебать поскорѣе, что вы сдуру заварили.

— Трудно поправить—семинарію закрыли,—съ грустью отвѣтилъ единственный представитель VI класса, явившійся на собраніе.

— Не велика бѣда: закрыли и опять откроютъ; надо только, чтобы вы покорились и начальству повинную принесли. Какъ вы думаете, поможетъ?...

— Можетъ быть, и поможетъ,—нерѣшительно заявилъ шестиклассникъ.

У него уже была невѣста и семинарскія волненія спутали всѣ его жизненные планы.

Нѣсколько минутъ царило молчаніе.

— А ну-ка, секретарь, бери листъ бумаги, да живописуй то, что я тебѣ скажу. Пиши. „Я нижепоименованный общаюсь и клянусь... Нѣтъ—„клянусь“ не идетъ, просто—общаю, что никогда и ни въ какихъ исторіяхъ... Зачеркни „исторіяхъ“—напиши—бунтахъ... Что же ты не пишешь?

— Не могу я, папа...

— Какъ не можешь, что ты грамоту отъ политики забылъ что-ли? Пиши и не разговаривай...

— Не буду, папа, не могу: у меня на то есть свои причины.

— Ну хорошо, дома объ этомъ потолкуемъ... Можетъ быть, вы согласитесь?—обратился діаконъ къ шестикласснику. Тотъ взялся за дѣло.

Повинная кое-какъ была состряпана. Въ ней семинаристы честнымъ словомъ и благополучіемъ своихъ родителей ручались въ покорности, приносили извиненіе и общали никогда ни въ какихъ исторіяхъ не участвовать.

— А теперь подпишитесь. Начинайте вы, г. богословъ.

За шестиклассникомъ, волнуясь и коверкая почеркъ, подписался Николай и остальные конспиранты. Протестовалъ только одинъ Борецкій,—ему не нравилась форма повинной.

— Нечего времени, землякъ, терять попусту, а не подпишешь, непременно папашѣ скажу.

Собравъ подписи и аккуратно сложивъ бумагу, діаконъ спряталъ ее въ обширный карманъ и облегченно вздохнулъ.

— Смотрите только, дѣти, чтобъ все безъ обману было. Честное слово—это святое дѣло и его, какъ и присягу, тяжкій грѣхъ нарушать. Теперь можно и по домамъ. Айда, Николай къ Мироновнѣ!...

— Квартиранты Мироновны также не отказались подписать повинную.

Долго не спалось діакону въ ту ночь; ворочаясь съ боку на бокъ, онъ думалъ о дальнѣйшей судьбѣ своей бумаги.

— Подписей маловато собрано, а какъ ихъ больше собрать и возстановить порядокъ въ семинаріи?

Діакону казалось, что лучше бы всего ему обратиться къ архіерею и его просить вызвать учениковъ къ себѣ группами и расположить ихъ къ раскаянію, но самая эта мысль казалась ему дерзостной и неосуществимой. А, можетъ быть, владыка вмѣсто себя пошлетъ какого-нибудь протоіерея именитаго, благочиннаго премудраго, что сумѣетъ внушить раскаяніе и покорность молодежи?...

— Завтра виднѣе будетъ, когда отъ начальства узнаю, въ чемъ дѣло и что натворилъ мой Николай,—рѣшилъ онъ засыпая.

Рано проснулся діаконъ на другой день и прежде всего направился къ ранней обѣднѣ въ соборъ. Долго молился онъ предъ иконой Богоматери, усердно моля Заступницу рода христіанскаго спасти и вразумить сына, а ему вернуть радость счастливаго отца.

Не радостно встрѣтила діакона семинарія, когда, въ девять часовъ утра, онъ звонилъ у квартиры ректора: не было слышно обычнаго оживленія въ корридорахъ предъ уроками, нахмурены и унылы были семинаристы, изрѣдка проходившіе по корридорамъ.

Протоіерей принялъ діакона ласково: тепло благословилъ его, предложилъ сѣсть; участливо спросилъ, чѣмъ можетъ ему служить, но тотчасъ же измѣнился, какъ услышалъ фамилію Городкова.

— Жалѣю васъ,—сурово сказалъ онъ,—вашего сына ожидаетъ печальная участь.

— Что же мой сынъ сдѣлалъ, чѣмъ провинился?

— Вы знаете, вѣроятно, что воспитанники подали начальству глупую и дерзкую петицію; есть основанія думать, что авторомъ ея или, по крайней мѣрѣ, переписчикомъ былъ вашъ сынъ...

— Можетъ быть, здѣсь ошибка, недоразумѣніе?

— Посмотримъ, дѣло скоро рассяснится, а пока ничего утѣшительнаго сказать вамъ не могу. Сына забирайте домой; о дальнѣйшемъ васъ увѣдомимъ. Свободнымъ временемъ воспользуйтесь для того, чтобы повліять на сына и исправить..

Отъ волненія діаконъ не могъ говорить; крупныя слезы катились у него по лицу; мысль о подачѣ семинарской покаянной сразу вылетѣла у него изъ головы; діаконъ понялъ, что Николай не даромъ отказался писать повинную и что его семинарская судьба рѣшена...

Свящ. В. Пестряковъ.

ЗАМѢТКИ.

а) Памяти священника-благотворителя.

18 ноября 1911 года скончался, „работая до послѣднихъ минутъ своей жизни“, священникъ Усть-Бузулукской станицы Области Войска Донскаго Петръ Мих. Васильевъ.

Покойный всегда близко принималъ къ сердцу людское горе и всегда съ особенною любовью, милосердіемъ приходилъ на помощь нуждающимся. Особенно онъ заботился о сиротахъ своего прихода, часто положительно замѣняя имъ родителей. Въ этомъ была ему помощницей и благородная,

сердобольная жена его. Однимъ онъ скоплялъ денежные сбереженія, необходимыя для замужества, другихъ воспитывалъ въ своей семьѣ, самъ имѣя только сына, дочь, изъ которыхъ первый—нынѣ студентъ университета, а вторая закончила образованіе на высшихъ курсахъ въ Петербургѣ по естественному факультету, и на свои средства пристраивалъ ихъ къ жизни, безшумно, молча раздѣляя ихъ участь и благотворя обездоленнымъ. Дѣтей вообще онъ любилъ какъ-то особенно: его часто можно было видѣть въ ихъ обществѣ, съ ними онъ былъ привѣтливъ, сердеченъ, ласковъ, доходя до удивительной чисто-дѣтской простоты въ обращеніи. Для незнакомаго съ о. Петромъ какъ-то странно было видѣть этого могучаго, серьезнаго человѣка участникомъ дѣтскихъ игръ, устройте-лемъ для нихъ всякихъ забавъ и развлеченій. Игралъ съ ними, какъ дитя, въ тѣ игры, какія знали дѣти или какимъ научилъ ихъ самъ батюшка. И дѣти были привязаны къ нему своими сердцами, какъ къ родному.

На каникулахъ, особенно лѣтнихъ, онъ собиралъ къ себѣ учащихся въ духовномъ училищѣ, семинаріи, студентовъ и студентокъ. Тутъ были и родные и знакомые и, просто, кому удавалось и хотѣлось быть. Всѣхъ онъ кормилъ, поилъ, спѣшилъ доставить удовольствія и радости. Достаточно сказать, что въ домѣ его гостило иногда до 20 и болѣе человѣкъ молодежи въ полномъ довольствѣ.

Надѣленный счастливымъ характеромъ, завидною уравновѣшенностью души, онъ на все смотрѣлъ здоровыми, умными и добрыми глазами. Здоровый, всегда спокойный за судьбу своей семьи, и онъ жилъ со всѣми, поскольку отъ него зависѣло, въ самыхъ желательныхъ, добрыхъ, дружескихъ отношеніяхъ. Домъ его навѣщали и испытали его гостепріимство и радушіе многіе высокообразованные люди въ большихъ чинахъ: тутъ были и военные, и судебные, и другихъ званий люди,—все они считали долгомъ своимъ побывать у добродушнаго батюшки. Со всѣми ими онъ держалъ себя одинаково просто, не умаляя своего достоинства. Всякому онъ

умѣлъ во-время сказать простое, правдивое, но и любезное слово и былъ неистощимымъ собесѣдникомъ. Не даромъ люди высокаго положенія высказывали о немъ самые добрые и почтительные отзывы, а многіе приходили отъ него прямо въ восхищеніе.

Прямодушный, правдивый, честный, благородный, онъ былъ истинною драгоценностью въ своемъ приходѣ. Всегда воздержанный, трезвый, ровный, спокойный, добродушно-веселый, онъ производилъ на всѣхъ впечатлѣніе челоуѣка, около котораго жилось и дышалось легко, челоуѣка, всѣмъ нужнаго, дорогаго, роднаго. Чуждый заносчивости, фарисейства, кичливости, врагъ лжи и искательства, превосходства надъ другими, онъ былъ дорогимъ другомъ духовенства, милымъ товарищемъ. Всю свою недолгую жизнь (57 л.) прожилъ онъ такъ, какъ рѣдко кому удается.

Какъ священнослужитель, пастырь и учитель Церкви, онъ велъ свое дѣло безъ всякой показаности и аффектаціи. Творилъ все для Бога, спасенія своего и другихъ, какъ говорятъ, по Божьему: усердно, смиренно, богобоязненно, благоговѣйно, скромно и не борзяся, не ища ни хвалы ни пощреній. Почти на одни свои средства выстроилъ хорошій домъ церковной школы и усердно трудился въ ней вмѣстѣ съ женою и дочерью (Совр. лѣт.).

О духовныхъ концертахъ.

Высокопреосвященный архіепископъ одесскій Димитрій, предварительно разрѣшенія духовныхъ концертовъ, постановилъ въ непремѣнному исполненію нижеслѣдующія условія: 1) въ программу духовнаго концерта не могутъ входить молитвы и пѣснопѣнія литургія („Иже Херувимы“, „Тебѣ поемъ“ и др.), какъ имѣющія свое особое содержаніе и смыслъ. 2) Строго обдуманый выборъ пѣснопѣній не только со стороны ихъ содержанія, но и со стороны ихъ достоинствъ въ музы-

кальномъ отношеніи. 3) Начинать концертъ и оканчивать пѣніемъ общеупотребительной молитвы („Отче нашъ“, „Царю небесный“), которую присутствующіе на концертѣ выслушиваютъ стоя, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ. 4) Рѣшительно не допускать на концертѣ выраженія чувствъ въ общепринятыхъ формахъ одобренія или неодобренія, т.-е. рукоплесканій, криковъ — „браво“, вызововъ и проч. Требования, изложенныя въ пунктахъ 3 и 4, обязательно въ соответственныхъ мѣстахъ анонсируются въ програмныхъ афишахъ концерта. Вслѣдствіе этого даже общеупотребительнее въ театрахъ иностранное „bis“ на духовныхъ концертахъ не допускается. Вмѣсто „bis“ публика говоритъ спокойно: „просимъ повторить“ („X. E. V.“).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 23-го іюля 1912 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Авд. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго. Мериновская ул. 6.

ГОДЪ

ЛШ

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣотъ
ПЯТЬ руб., съ первою рублюю ШЕСТЬ
рублей.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

№№ 32—33.

1912-го года 5—12-го августа.

Содержаніе: I. Отклики на современность. Н. Гумилевскій.—II. Изъ Епар-
хіальныхъ Вѣдомостей. С. В.—III. Кто были „братья Господни по
плоти?“ Свящ. А. Введенскій.—IV. Неразрывная связь въ Еван-
гелии вѣроченія и правоченія. А. Д—въ.—V. Замѣтка: Кружокъ
пастырей-грезвенниковъ.—

Отклики на современность.

Христіанство не есть только вѣрочительная система;
оно прежде всего есть новая жизнь во Христѣ. Слабая сто-
рона православныхъ христіанъ въ настоящее время состоитъ
въ томъ, что у многихъ изъ нихъ вѣра недостаточно про-
никаетъ ихъ жизнь. Въ этомъ отношеніи важно, чтобы не
только отдѣльные поступки христіанина были согласны съ
требованіями Христова ученія, но чтобы духомъ этого уче-
нія былъ проникнуть и весь жизненный укладъ. Поэтому
православнымъ пастырямъ слѣдуетъ старательно поддерживать
и возобновлять всякіе обычаи и бытовые черты, имѣющіе

религіозный характеръ, и вообще заботиться о проникновеніи религіозности и благочестія не только въ сознаніе, но въ самую жизнь народа.

Центромъ и источникомъ религіознаго просвѣщенія народа должно служить совершаемое въ храмѣ богослуженіе. Поэтому необходимо привлеченіе въ храмы возможно большаго количества молящихся и вмѣстѣ съ тѣмъ устраненіе тѣхъ обстоятельствъ, которыя препятствуютъ прихожанамъ посѣщать храмы. Изъ такихъ препятствій существенно важнымъ является устройство во многихъ селахъ базаровъ и ярмарокъ по праздничнымъ и воскреснымъ днямъ. Въ селахъ обычно базары устраиваются одинъ разъ въ недѣлю въ опредѣленный день, и если такимъ днемъ оказывается воскресенье, то многіе крестьяне, которымъ необходимо побывать на базарѣ, особенно если для этого приходится ѣхать за нѣскольکو верстъ, бываютъ вынуждены отказаться отъ посѣщенія храма. Пишущему эти строки приходилось наблюдать въ одной изъ великороссійскихъ губерній, что въ селѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ котораго устраиваются базары по воскреснымъ днямъ, молящихся въ храмѣ въ эти дни бываетъ значительно меньше, чѣмъ въ другіе праздники. Идешь къ богослуженію, а навстрѣчу тянутся цѣлыя обозы отправляющихся на базаръ. Такое явленіе наблюдается даже въ тѣхъ случаяхъ, когда съ воскреснымъ днемъ совпадаютъ праздники въ честь такихъ почитаемыхъ русскимъ народомъ святыхъ, какъ пророкъ Ілія. Въ юго-западномъ краѣ многими сельскими отдѣлами Союза русскаго народа были возбуждены ходатайства о прекращеніи торговли въ воскресные и праздничные дни ¹⁾, такъ какъ вслѣдствіе этой торговли храмы пустуютъ. Кіевскимъ генераль-губернаторомъ эти ходатайства были на-

¹⁾ Въ юго-западномъ краѣ данный вопросъ имѣетъ особенную остроту вслѣдствіе экономического еврейскаго засилья. Евреи по субботамъ не торгуютъ, и для нихъ было бы крайне невыгодно не торговать, кромѣ того, и по воскресеньямъ.

правлены на разсмотрѣніе всѣхъ уѣздныхъ земскихъ собраній юго-западнаго края, но здѣсь, къ сожалѣнію, во многихъ случаяхъ были отклонены. Замѣчательно, что крестьяне—члены земскихъ собраній въ значительномъ большинствѣ стояли за удовлетвореніе этихъ ходатайствъ; стало быть, они не видѣли для себя и для своихъ работъ никакого существеннаго ущерба отъ перенесенія базаровъ на будніе дни.

Изъ сказаннаго видно, насколько указанное явленіе заслуживаетъ вниманія со стороны духовенства. Правда, въ земскихъ собраніяхъ, отъ которыхъ при настоящемъ положеніи дѣла зависитъ разрѣшеніе даннаго вопроса, духовенство лично имѣетъ ничтожное значеніе. Однако представители духовенства, по крайней мѣрѣ въ отдѣльныхъ случаяхъ, могутъ оказать нѣкоторое воздѣйствіе на членовъ земскихъ собраній, разъяснивши имъ всю важность дѣла. Но духовенство имѣетъ въ своихъ рукахъ и болѣе вѣрное средство для того, чтобы сдвинуть вопросъ о прекращеніи базаровъ и ярмарокъ въ праздничные дни съ мертвой точки. Уже достаточно выяснено въ духовной и свѣтской печати, что духовенство, при дружномъ и энергичномъ участіи въ выборахъ въ Государственную Думу, можетъ оказать значительное вліяніе на исходъ этихъ выборовъ. Если, благодаря содѣйствію духовенства, въ Гос. Думу пройдутъ люди, для которыхъ дороги интересы Православной Церкви, то и данный, существенно важный для Церкви вопросъ можетъ получить общерусское законодательное разрѣшеніе.

Н. Гумилевскій.

Изъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

Памяти великаго апостола Японіи архіепископа Николая.

Печать не перестаетъ дѣлиться съ читателями свѣдѣніями о жизни и особенно о блаженной кончинѣ архіепископа

Японскаго Николая. Во „Владивостокскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ“ архимандритъ Павелъ, свидѣтель кончины и погребенія апостола Японіи, передаетъ слѣдующія воспоминанія о послѣднихъ дняхъ великаго старца.

Среди своихъ предсмертныхъ тѣлесныхъ страданій почившій находилъ для себя великое утѣшеніе въ молитвенномъ призываніи св. Николая, Мирликійскаго чудотв., преп. Серафима Саровскаго и новоявленнаго угодника Божія святителя Іоасафа Бѣлгородскаго. Иногда молитва смѣнялась духовной бесѣдой, которую больной владыка велъ съ окружающими и въ которой онъ проявлялъ необыкновенное свое смиреніе и искренность. Слабѣющимъ голосомъ святитель говорилъ: „Вотъ я оглядываюсь назадъ на пройденный свой жизненный путь... И что же?.. Одинъ мракъ!.. Все сдѣлалъ Одинъ Господь, а я... какая ничтожность!... Нуль, буквально нуль... Но если праведникъ едва спасется, то я, грѣшникъ, гдѣ буду?.. Достоинъ самаго послѣдняго мѣста въ преисподней“... „Духовный страхъ и трепеть обнималъ слушателя при видѣ этого великаго сокрушенія и смиренія великаго старца—апостола, и слушатель восклицалъ со страхомъ: „Владыко!.. Владыко!.. Что вы говорите? Если вы достойны преисподней, то мы то, окаянныя, гдѣ будемъ“? Замѣчательно, что, впадая предъ смертью часто въ безпамятство, святитель всѣ дни принималъ за воскресеніе и сообразно съ этимъ давалъ распоряженіе о служеніи въ храмѣ и спрашивалъ о томъ, много ли было молящихся въ церкви. Дѣлали нѣсколько разъ попытку указать святителю на его ошибку, но безрезультатно. Онъ оставался при своемъ убѣжденіи, и для него послѣдніе дни жизни были, такимъ образомъ, сплошнымъ воскресеніемъ. И это смѣшеніе владыкою дней не было просто забывчивостью, вызванной болѣзнью и истощеніемъ. Нѣтъ, оно было знаменательнымъ явленіемъ, какъ бы отголоскомъ того, что вся жизнь и дѣятельность владыки, какъ апостола Японіи, была тѣсно связана съ центральнымъ и главнѣйшимъ событіемъ христіанской исторіи—Воскресеніемъ Христа.

Послѣднее, являясь исходнымъ пунктомъ благовѣстія апостоловъ, было таковымъ же и для дѣятельности просвѣтителя Японіи. Вотъ почему и храмъ въ Токио, воздвигнутый свястителемъ, посвященъ Воскресенію Христову; и самъ усопшій владыка былъ положенъ во гробъ въ панагии съ изображеніемъ на ней Воскресенія Христа. Насколько обаятеленъ былъ обликъ владыки, насколько громадно было его вліяніе, можно судить по тому, что пользовавшіе его докторъ и сестра милосердія—язычники, тотчасъ же по кончинѣ святого земнымъ поклономъ. При этомъ сестра торжественно заявила окружающимъ, а потомъ отдѣльно преосвящ. Сергію, викарію Японскому: „непремѣнно, непремѣнно окрещусь!.. Я счастлива, что удостоилась прислуживать и ухаживать за такимъ необыкновеннымъ человѣкомъ“. И такая честь отдавалась не только останкамъ святого; даже стружки отъ его гроба разбирались какъ святыня, а многіе язычники еще при жизни владыки молились предъ его портретомъ, какъ предъ изображеніемъ святого. Столь глубоко благоговѣніе предъ великимъ старцемъ и со стороны язычниковъ и со стороны христіанъ!.

(Владим. Епарх. Вѣдомости).

Обратный переходъ изъ магометанства въ православіе бывшаго священника І. Громова.

Измѣнившій было въ 1907 году православію и принявшій магометанство священникъ Іоаннъ Громовъ, по сообщенію „Оренбургскихъ“ и „Екатеринбургскихъ Епарх. Вѣдомостей“, раскаялся и возвратился въ лоно Церкви. Весьма трогательный чинъ присоединенія къ православію, совершенный въ крестовой архіерейской церкви г. Уфы, вызвалъ слезы умиленія какъ у обратившагося, такъ и у всѣхъ, присутствовавшихъ въ этотъ моментъ въ храмѣ. „Плакалъ кающійся грѣшникъ, плакали и свидѣтели сего небывалаго паденія человѣка и его искренняго обращенія ко спасенію“. Давъ

отвѣты на всѣ установленные чиномъ вопросы, кающійся твердо и рѣшительно произнесъ положенныя слова: „отрицаюся Магомета, яко діавольскаго слуги и лживаго пророка, и проклинаю его, и плюю на него“. Послѣ этого онъ прослушалъ божественную литургію и сподобился причащенія Св. Тайнъ.

Въ свое время отпаденіе Громова надѣлало много шума и произвело немалый соблазнъ среди православныхъ инородцевъ. Лѣвыя русскія газеты и татарская печать подняли тогда невообразимую шумиху, злорадствуя по поводу совращенія въ исламъ православнаго пастыря. О Громовѣ писали, какъ объ „ученомъ“ священникѣ, принявшемъ магометанство „по убѣжденію“, хотя вся „ученость“ отпадшаго равнялась программѣ первыхъ двухъ классовъ духовнаго училища, которые только и были пройдены Громовымъ. Въ то же время распространялись во множествѣ среди народа портреты Громова въ двойномъ видѣ: въ одеждѣ православнаго священника съ крестомъ на груди и рядомъ—въ одѣянніи муллы и въ чалмѣ. Но вотъ Громовъ переходитъ обратно въ православіе, и татарская, а за нею и русская лѣвая печать рѣзко измѣняютъ свое отношеніе къ этой личности. Первая трактуетъ раскающагося отступника уже не какъ „ученаго“, а какъ „жалкаго попрошайку“ и, вмѣсто глубокаго убѣжденія, приписываетъ ему сумасшествіе. Такъ газета „Вактъ“ коротко и категорически заявляетъ: „въ г. Уфѣ, въ архіерейской домово́й Крестовой церкви, отпадшій въ мусульманство священникъ Громовъ снова обратился въ старую вѣру, по сумасшествію своему“. А въ другомъ мѣстѣ читаемъ: „Громовъ никого не удивилъ. Въ чалмѣ скитался повсюду, какъ нищій, и исчезъ“. „Онъ годенъ былъ только развѣ въ истопники мечети, или медресе“. Такъ пишутъ татарскія газеты, а лѣвыя русскія благоразумно умолчали о фактѣ возвращенія Громова въ Церковь, ибо торжество послѣдней для нихъ тяжело и идетъ въ разрѣзъ съ ихъ интересами.

*Необходимость борьбы съ сектантскими религіозными
листочками.*

„Волинскія Епарх. Вѣдомости“ (№ 23) останавливаются на вопросѣ: почему на нашихъ крестьянъ такъ сильно дѣйствуютъ распространяемые нѣмцами сектантскіе листки, составленные далеко не интересно и написанные притомъ на малопонятномъ для народа языкѣ. Секретъ подобнаго явленія, по мысли указаннаго органа, заключается въ особомъ приѣмѣ составленія этихъ листовъ. Каждый изъ нихъ непременно начинается особымъ рассказомъ, съ ярко проведенной сектантской тенденціей. Тутъ, напр., повѣствуется о томъ, какъ одинъ безнравственный человѣкъ, пьяница, развратникъ и воръ, совершенно измѣнился, когда сдѣлался сектантомъ. Въ другомъ рассказѣ идетъ рѣчь объ одномъ „счастливецѣ“, познавшемъ истину баптизма и спасшемся одною вѣрою безъ добрыхъ дѣлъ. Въ третьемъ повѣствуется объ умершемъ грѣшникѣ, не получившемъ никакого облегченія въ своихъ загробныхъ мукахъ, несмотря на молитвы за него живыхъ и т. д. Къ рассказу присоединяется вытекающій изъ него выводъ, направленный непременно противъ православія, а въ заключеніе помѣщаются какіе-нибудь „слащавые нѣмецкіе стишки: Прииди, моль, овца, на душистый лугъ, наслаждайся душистой травой“ и т. п. Невзыскательный и довѣрчивый простолудинъ, прочитавъ рассказъ, принимаетъ его за дѣйствительное событіе, имѣвшее мѣсто въ жизни, а потому очень часто безъ всякихъ колебаній соглашается съ тѣмъ выводомъ, который тутъ же, въ листкѣ, дѣлается изъ рассказа. Отсюда легкое соращеніе въ сектантство или же, по крайней мѣрѣ, недовѣрчивое отношеніе къ своей матери—Церкви. Зло, причиняемое, такимъ образомъ, православію сектантскими листовками, велико и не подлежитъ никакому сомнѣнію. Поэтому необходимо выступить на борьбу съ ними, показывая соблазняющимъ всю ложь и низкопробность подобной „литературы“. Это тѣмъ болѣе легко и удобно сдѣ-

лать, что помѣщаемые въ листкахъ рассказы страдаютъ крайней искусственностью и событія, описываемыя въ нихъ, очень далеки отъ жизни и не могутъ произойти при естественныхъ условіяхъ. Вотъ на такую неправдоподобность и неестественность изложенныхъ въ листкахъ рассказовъ миссіонеръ и долженъ указать сектанту или колеблющемуся. И разъ это будетъ сдѣлано, то обаяніе рассказа разсѣется, подорвется вѣра въ правильность вывода, вытекающаго изъ рассказа, а затѣмъ и въ истину самого сектантства. Однако успѣхъ сектантскихъ листовъ среди простолюдиновъ ясно указываетъ, что пользованіе рассказами чрезвычайно важно въ цѣляхъ достиженія успѣха. Поэтому и православнымъ миссіонерамъ, по мысли „Волынскихъ Епарх. Вѣд.“, слѣдуетъ пользоваться такимъ приѣмомъ, избирая, впрочемъ, рассказы не вымышленные, а заимствованные изъ дѣйствительной жизни и преимущественно изъ житій святыхъ. Авторъ, изложившій приведенныя мысли на страницахъ упомянутаго органа, приводитъ слѣдующій примѣръ изъ своей практики, ясно подтверждающій всю пользу указаннаго приѣма при бесѣдахъ съ сектантами. Шла бесѣда у него однажды съ сектантами о почитаніи креста. вмѣсто доказательствъ изъ Св. Писанія авторъ рассказалъ собесѣдникамъ слѣдующій случай, свидѣтелемъ котораго онъ былъ самъ. Пьяные мужики ѣдутъ съ ярмарки и оглашаютъ воздухъ площадной руганью и безобразными пѣснями. Но вотъ на дорогѣ крестъ. Сразу умолкли ругань и пѣсни, мужики присмирѣли, обнажили головы и набожно перекрестились, вспомнивъ про Бога. Закончивъ рассказъ, авторъ спросилъ собесѣдниковъ: „хорошему или плохому научилъ людей видъ св. креста?“ „Хорошему“—отвѣтили они и „больше о крестѣ не возражали“.

С. Б.

Кто были „братья Господни во плоти?“

(По поводу одного министерскаго распоряженія).

Въ послѣднее время въ народную среду проникають все новые и новые рационалистическіе взгляды, идеи, сомнѣнія и возраженія. Они идутъ со всѣхъ сторонъ: и со стороны сектантовъ, и со стороны доморощенныхъ философовъ, и со стороны всѣхъ классовъ интеллигентныхъ лицъ. Конечно, подъ напоромъ критической мысли не всякій крестьянинъ можетъ устоять. Возможно, что вначалѣ онъ будетъ долго колебаться, энергично сопротивляться, но въ концѣ концовъ, несмотря на похвальную самозащиту, онъ все-таки поддастся могучей волнѣ отрицательныхъ идей и совершенно погибнетъ, уйдетъ изъ лона Православной Церкви „въ страну далече“. Въ виду этого, намъ пастырямъ Церкви, нужно всегда стоять на стражѣ православія, зорко слѣдить за всѣми теченіями народной мысли, за всѣми посторонними вліяніями и при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, „временнѣ и безвременнѣ“ освѣщать ихъ съ точки зрѣнія евангельскаго ученія и проводить сквозъ призму самой строгой, безпощадной критики. Въ противномъ случаѣ число вѣранныхъ нашему попеченію крестьянъ будетъ съ каждымъ годомъ, если не съ каждымъ днемъ, все болѣе и болѣе уменьшаться и сокращаться.

Возьмемъ хотя-бы такой случай. Въ одномъ изъ номеровъ весьма распространеннаго и Министерствомъ рекомендованнаго дѣтскаго журнала „Маякъ“ помѣщена картина извѣстнаго художника Верещагина подъ заглавіемъ: „Отрогъ Иисусъ среди своихъ братьевъ“. Сюжетъ картины таковъ. Иисусъ Христосъ занимается плотничествомъ, видимо, помогаетъ своему мнимому отцу Іосифу. Рядомъ съ нимъ сидитъ за рукодѣліемъ Его Матерь. А вокругъ ихъ цѣлая толпа подростковъ дѣтей, одинъ другого меньше.

Что хочетъ изобразить художникъ—понятно. Свою картину онъ какъ бы говоритъ, что Иисусъ Христосъ былъ не

Богомъ, а обыкновеннымъ человѣкомъ, сыномъ Іосифа и Маріи, и что упоминаемые въ Евангеліи „братья Господни“ были дѣтьми святой четы, т. е. Іосифа и Маріи, которые будто бы жили, какъ мужъ и жена.

Такъ поняло картину и Министерство Народнаго Просвѣщенія, которое особымъ циркуляромъ предписало всѣмъ начальствующимъ низшихъ и средне-учебныхъ заведеній изъять эту кощунственную и антихудожественную иллюстрацію изъ выписываемаго ими журнала.

Министерство, конечно, сдѣлало все, что только могло, что отъ него зависѣло. Но оно сдѣлало очень мало. Оно только уничтожило иллюстраціи, да и то не вездѣ, а только въ подвѣдомственныхъ ему заведеніяхъ. Между тѣмъ, журналъ Горбунова-Посадова выписывается не только учебными заведеніями, но и многими болѣе или менѣе интеллигентными семьями, гдѣ только есть дѣти. Тутъ уже никто не можетъ изъять кощунственныхъ иллюстрацій. И потому онѣ будутъ воспитывать грядущее поколѣніе на мысли, что Христосъ Спаситель—сынъ Іосифа и Маріи.

Въ виду этого не мѣшало бы намъ, пастырямъ Церкви, лишній разъ критически оцѣнить аргументы своихъ религиозныхъ противниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ освѣжить въ своей памяти всѣ доказательства традиціоннаго, православно-богословскаго взгляда по данному вопросу.

* * *

Въ Евангеліи Маттея и Марка неоднократно говорится о томъ, что у Христа Спасителя были братья и даже сестры.

Вотъ одно изъ евангельскихъ повѣствованій.

„И пришедъ въ отечество свое (т. е. въ Назаретъ), Иисусъ училъ ихъ (Своихъ послѣдователей) въ синагогѣ... Они изумлялись и говорили, не плотниковъ ли Онъ сынъ? Не Его ли мать называется Маріей и братья Его Іаковъ и Іосія, Симеонъ и Іуда? И сестры Его не всѣ ли между нами?“ (Мате. 13 гл. 54—56 ст.).

Другой евангелистъ, указавъ тѣ же обстоятельства, при какихъ заходитъ рѣчь о братьяхъ Господнихъ, влагаетъ въ уста изумленнаго назаретскаго народа такія слова:

„Не плотникъ ли Онъ, Сынъ Маріи, братъ Іакова, Іосіа, Іуды и Симона?“ (Марк. 6 гл. 3 ст.).

Итакъ, уже изъ этихъ двухъ цитатъ мы видимъ, что у Іисуса Христа было четыре брата.

Какимъ же образомъ появились у Спасителя братья? Неужели это родные братья?

Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. Марія, мать Господа, не была и не могла находиться въ дѣйствительномъ бракѣ съ Іосифомъ, хотя и именуется его женою. И вотъ почему.

Іосифъ, какъ гласитъ св. Преданіе, взялъ Марію для того, чтобы охранять ея дѣвство. Неужели же онъ, старецъ праведный, богобоязненный, вдругъ нарушилъ свои, благочестивые планы, а также дѣвство и непорочность той, которая вѣрена была его попеченію цѣлымъ сонмомъ престарѣлыхъ мужей? Неужели же онъ даже послѣ того, какъ узналъ, „что родившееся въ Ней есть отъ Духа Святаго“ (Мате. 1 гл. 20 ст.), вдругъ дерзнулъ покуситься на то, чтобы воспользоваться сосудомъ, удостоившимся вмѣстить Того, Котораго небо и земля не вмѣщаютъ по преизбытку славы Его? „Если и теперь, говоритъ св. Епифаній, епископъ Кипрскій, дѣвы во имя Христа наперерывъ стараются о томъ, чтобы пребывать въ совершенствѣ, чистотѣ и воздержаніи, то не тѣмъ ли болѣе благочестивы Іосифъ и Марія, „все слагающая въ сердце Своемъ“ (Лук. 2 гл. 19 ст.)? Далѣе, неужели же Іосифъ, видѣвшій ангеловъ, сопровождавшихъ рожденіе Христа и воспѣвавшихъ: „Слава въ вышнихъ Богу“, встрѣчавшій пастырей и волхвовъ, приходившихъ въ вертепъ на поклоненіе Божественному Младенцу, дерзнулъ бы нанести поношеніе св. тѣлу, въ которое вселился Самъ Богъ? Нѣтъ, никогда и ни въ какомъ случаѣ невозможно предположить этого.

Затѣмъ, въ св. Евангеліи, есть одно мѣсто, которое не позволяетъ намъ видѣть въ братьяхъ Христа родныхъ Его братьевъ.

„Когда Спаситель висѣлъ на крестѣ, пишетъ евангелистъ Іоаннъ, Господь обратившись, увидалъ ученика, котораго Онъ любилъ, и сказалъ ему относительно Маріи: „се мати твоя“, а ей: „се сынъ твой“ (19 гл. 26—27 ст.). Если бы у Маріи были дѣти, и если бы былъ у нея мужъ, то, спрашивается, на какомъ основаніи Іисусъ Христосъ передалъ бы Марію Іоанну, а Іоанна Маріи? Евангеліе еще говоритъ: „и съ того времени онъ взялъ ее къ себѣ“. А если бы Она имѣла мужа, имѣла домъ, дѣтей, тогда бы и удалилась она во свояси, а не къ чужому.

Наконецъ, мы ни откуда не знаемъ, чтобы въ теченіи времени отъ Рождества Христова и до Его крестной смерти Іосифъ имѣлъ дѣтей.

Казалось бы, что рѣшительно ничего нельзя возразить противъ такой постановки вопроса и потому нужно было бы совсѣмъ отказаться отъ мысли, что у Христа Спасителя были родные братья.

Но рационалисты не желаютъ принять нашихъ аргументовъ. Они отстаиваютъ свою точку зрѣнія и въ оправданіе ссылаются на слѣдующія слова Евангелія Матѳея:

„Роди (Марія) Сына Своего *первенца*, и не знаеше Ея (Іосифъ) (1 гл. 25 ст.).

„Слово „первенецъ“, говорятъ они, предполагаетъ существованіе другихъ дѣтей, за нимъ послѣдовавшихъ“.

Въ отвѣтъ на такого рода рѣчи и разсужденія св. Епифаній говоритъ:

„Не смущайся, ибо не сказано, что Марія родила первенца, а сказано, что „роди Сына Своего“, потому что изреченіемъ „Сына Своего“ означается рожденіе Его отъ Нея по плоти и къ наименованію „первенца“ не прибавлено слова „своего“, чтобы кто не подумалъ, что Она имѣла родить еще

кого другого“. И если бы Марія родила еще, кромѣ Христа, то надлежало бы здѣсь сказать имена и Его братьевъ“ ¹⁾).

Раціоналисты съ большимъ торжествомъ указываютъ намъ на слова „мужъ и жена“, употребляемая съ. Матѳеемъ по отношенію къ Іосифу и Пресвятой Дѣвѣ Маріи. Объ Іосифѣ говорится: „мужъ Маріи“, „мужъ Ея“ (1 гл. 16, 19 ст.), а о послѣдней читается: „не бойся принять Марію, жену твою“ (1 гл. 20 ст.) и еще; „принялъ Іосифъ жену свою“ (1 гл. 24 ст.). Указывая на эти, выписанныя нами мѣста, раціоналисты утверждаютъ, что рѣчь идетъ здѣсь о брачныхъ отношеніяхъ, именно дается знать, что Іосифъ и Марія жили, какъ мужъ и жена.

По поводу этого возраженія нужно сказать слѣдующее.

Не говоря о томъ, что по іудейскимъ законамъ обрученіе давало обрученнымъ брачныя въ юридическомъ смыслѣ права, и слѣдовательно, кто обручился, тѣ уже признавались мужемъ и женою (Второз. 22 гл. 23--24 ст. „обрученная дѣва“ называется „женою“, а обрученный мужчина „мужемъ“), почему евангелистъ могъ безразлично употреблять и выраженія: „мужъ“, „жена“, „обручникъ“, „обручница“, укажемъ еще на слѣдующее: въ первый разъ евангелистъ называетъ Іосифа „мужемъ Маріи“ при изложеніи родословной Іисуса Христа. Пусть намъ скажутъ раціоналисты: какимъ бы другимъ словомъ они сумѣли бы въ настоящемъ случаѣ замѣнить слово „мужъ“? Неужели же для нихъ не понятно, что въ „родословіи“ Іосифъ только и могъ быть названъ „мужемъ“. И если бы евангелистъ назвалъ его какъ-нибудь еще, то родословіе, имъ описанное, потеряло бы всякое значеніе. Очень естественно и даже неизбежно евангелистъ долженъ былъ именовать и далѣе Іосифа „мужемъ Маріи“, а Марію Дѣву „женою его“. А если бы онъ не сдѣлалъ этого, т. е. сталъ бы тотчасъ послѣ изложенія „ро-

¹⁾ „О ересяхъ“, гл. 17.

дословія“ называть ихъ не мужемъ и женою, но какъ-нибудь еще, то читатель Евангелія необходимо пришелъ бы въ сомнѣніе касательно достовѣрности и цѣнности описаннаго Матеемъ родословія. Въ заключеніе нужно замѣтить, что, кромѣ первой главы, евангелистъ нигдѣ далѣе не употребляетъ выраженій „мужъ“ и „жена“ по отношенію къ рассматриваемой нами двоицѣ, да и изъ остальныхъ евангелистовъ никто не именуется такъ эту послѣднюю.

Раціоналисты придають большое значеніе словамъ евангелиста:

„Не знаяше Ея (Іосифъ) дондеже роди Сына“.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ понимать эти слова? Не свидѣтельствуютъ ли они о брачныхъ отношеніяхъ между Іосифомъ и Марією?

Нисколько. Св. Епифаній, разбирая это возраженіе еретиковъ, соглашается, что настало такое время, когда Іосифъ „позналъ Марію“. Но какъ понимать это? Да, говоритъ св. отецъ, онъ позналъ Марію впоследствии, но не какимъ либо познаніемъ тѣлеснаго употребленія, не познаніемъ совокупленія. Онъ позналъ, начавъ чтить Ее, какъ удостоенную чести отъ Бога, ибо онъ не зналъ, что она сподобилась такой славы дотолѣ, пока не узрѣлъ Господа рожденнымъ отъ жены“¹⁾.

Въ заключеніе одно соображеніе.

При крестѣ Христовомъ Матерь Божія, „душу которой прошло оружіе“ (Лук. 2 гл. 35 ст.), оставалась одна. Ничье родственное сердце не захотѣло раздѣлить Ея безмѣрнаго горя. Правда, возлѣ Нея стояла „сестра Ея“ (Іоан. 19 гл. 25 ст.), но это была сестра лишь по имени²⁾, ибо никакой сестры у Нея не было. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ предположить, что въ ихъ семействѣ двѣ сестры были названы однимъ и тѣмъ же именемъ—Марія. А главное: около Нея при

¹⁾ „Противъ ересей“ гл. 20.

²⁾ Это была жена брата Іосифа, которая дѣйствительно приходилась Пресвятой Дѣвѣ Маріи сестрою.

этомъ не видимъ ни одного изъ такъ называемыхъ „братьевъ Иисусовыхъ“. Почему же ихъ не было? Да, конечно, потому, что они хотя и назывались „братьями Господними“, но ни въ какомъ смыслѣ не были дѣтьми Пресвятой Маріи. Неужели же кто-нибудь позволить себѣ думать, чтобы родные сыновья могли оставить, бросить свою мать въ минуты невыразимой Ея скорби?

Подводя итогъ всему вышеизложенному, мы должны сказать, что никакихъ „братьевъ Господнихъ“ въ домѣ Іосифа не было.

Теперь перейдемъ къ положительному рѣшенію означеннаго вопроса.

Въ Священномъ Писаніи Новаго Завѣта не говорится, что Іосифъ имѣлъ дѣтей. Равнымъ образомъ и о Дѣвѣ не говорится сего. Слѣдовательно, у Иисуса Христа не было родныхъ братьевъ, а были такъ называемые „двоюродные“. И, значить, родителей ихъ нужно искать въ кружкѣ родственномъ или Маріи Дѣвѣ, или Іосифу.

Единственною женщиною, которой только можно признать материнство въ отношеніи братьевъ Господнихъ—это та Марія, которая въ Евангеліи Іоанна называется Клеоповою. Что именно она была матерью Іакова, Іосія, Симона и Іуды,—это видно изъ сличенія повѣствованій четырехъ евангелистовъ.

Такъ, у всѣхъ евангелистовъ встрѣчается перечень присутствовавшихъ при крестѣ женъ. Причемъ, эти жены-мироносицы поименованы различными именами, вслѣдствіе чего вопросъ о матери братьевъ Господнихъ можно рѣшить въ положительномъ смыслѣ.

Для справки мы сдѣлаемъ выписку евангельскихъ свидѣтельствъ.

При крестѣ Иисуса стояли, по свидѣтельству

1) Іоанна: Богоматерь, Марія Магдалина и *Марія Клеопова* ¹⁾),

¹⁾ 19 гл. 25 ст.

- 2) Матѳея: Марія Магдалина, *Марія, матъ Іакова и Іосіи*,
и матъ сыновей Заведеевыхъ ¹⁾,
- 3) Марка: Марія Магдалина, *Марія, матъ Іакова и Іосіи* и
Саломія ²⁾,
- 4) Луки: Марія Магдалина, Іоанна, жена Хузы и *Марія*
Іакова ³⁾.

Такимъ образомъ, синоптики разъясняютъ для насъ, что у Маріи Клеоповой были сыновья и называютъ двухъ старшихъ изъ нихъ, Іакова и Іосію. Имена эти ясно показываютъ, что въ лицѣ этихъ сыновей ея мы должны признать двухъ старшихъ изъ „братьевъ Господнихъ“, носившихъ тѣ же имена.

Этимъ открытіемъ мы обязаны апостолу и евангелисту Іоанну Богослову. Мы глубоко убѣждены, что, изучивъ „повѣствованія“ синоптиковъ, возлюбленный ученикъ Христа, когда писалъ свое Евангеліе, обратилъ вниманіе на неясность для читателей синоптическихъ книгъ: кого же именно нужно понимать подъ именемъ „Маріи, матери Іакова и Іосіи“, „другой Маріи“, „Маріи Іаковлевои“, и счелъ своимъ долгомъ вывести читателей изъ недоумѣнія. Онъ написалъ, повидимому, очень ужъ простыя слова: „при крестѣ Іисуса стояли Матерь Его и сестра Матери Его Марія Клеопова, и Марія Магдалина“; но эти немногія слова сдѣлались свѣтоноснымъ „прожекторомъ“, бросающимъ яркій свѣтъ на многіе листы синоптическихъ Евангелій. Если бы Іоаннъ не начертилъ для насъ вышеприведенныхъ словъ, мы никогда не узнали бы, кто былъ отцомъ и матерью „братьевъ“ Господнихъ, и имѣли бы самыя смутныя представленія объ этихъ носителяхъ столь многознаменательнаго наименованія.

Итакъ, „братья Господни“ были дѣтьми сестры Богоматери, Маріи Клеоповой. Конечно, дѣйствительною сестрою

¹⁾ 27 гл. 56 ст.

²⁾ 15 гл. 40 ст.

³⁾ 24 гл. 10 ст.

этой послѣдней Дѣва Марія быть не могла, потому что Богоматерь никакой сестры не имѣла, а если бы и имѣла, то она Маріей не называлась бы, такъ какъ въ одномъ и томъ же семействѣ одного и того же имени не давали двумъ роднымъ сестрамъ. Посему, необходимо думать, что Марія Клеопова названа у евангелиста „сестрою“ Богоматери чрезъ родство свое съ Нею по своему мужу. Кто же такой былъ Клеопа? Преданіе, восходящее къ срединѣ 2 вѣка удостовѣряетъ, что Клеопа былъ единственнымъ братомъ Іосифа ¹⁾. Значить, Клеопа былъ братомъ Іосифа, а жена его Марія, неизвѣстнаго происхожденія, по родству своему съ Богоматерью именовалась Ея сестрою. Другими словами: Марія Клеопова и Марія, Матерь Іисуса, считались законными женами двухъ родныхъ братьевъ и доводились одна другой „невѣстками“. Что же касается названія „сестра“, то, какъ извѣстно, между невѣстками принято именовать другъ дружку „сестрами“. Да нужно еще помнить, что малочисленные семейства потомковъ Давидовыхъ въ іудейскомъ народѣ чувствовали свою родственность, вѣроятно, сильнѣе, чѣмъ какъ это было въ другихъ семействахъ, а съ точки зрѣнія постороннихъ послѣдніе потомки великаго царственнаго рода являлись всѣ какъ бы дѣйствительными братьями и сестрами ²⁾.

Блаженный Іеронимъ приводитъ много библейскихъ примѣровъ, удостовѣряющихъ, что еврейское обыкновеніе допускало названія „братъ и сестра“ для обозначенія очень различныхъ степеней родства. Съ своей стороны, представимъ слѣдующій интересный библейскій примѣръ. Изъ книги „Товитъ“ ясно видно, что Товія и Сарра находились въ двоюродномъ родствѣ между собою, и однако жъ первый зоветъ вторую свою „сестрою“.

Нѣкоторые изъ святыхъ отцовъ и учителей Церкви рѣшали затронутый вопросъ въ означенномъ духѣ и направленіи.

¹⁾ Игизиппъ у Евсевія (Церк. исторія, III, 11).

²⁾ Творенія его. Т. IV, стр. 112—113.

Прежде всего, св. Иоаннъ Златоустъ. Въ своемъ толкованіи на посланіе ап. Павла къ Галатамъ онъ ясно называетъ Иакова, брата Господня, сыномъ Клеопы, Иосифова брата ¹⁾. А что сказано имъ объ Иаковѣ, то самое нужно сказать и относительно трехъ остальныхъ братьевъ Господнихъ.

Затѣмъ, можно сослаться еще на Игизиппа. Игизиппъ—современникъ, такъ называемыхъ, апостольскихъ мужей, жившій между 115 и 185 годами, родомъ изъ Палестины и, можетъ быть іудеянинъ, обратившійся въ христіанство. Отъ него осталось единственное сочиненіе: „Достопамятности“. Въ этомъ сочиненіи, сохранившемся благодаря церковному историку Евсевию, Игизиппъ пишетъ: „послѣ мученической кончины Иакова Праведнаго епископомъ дѣлается сынъ Его дяди (т. е. дяди Господа), Симеонъ, сынъ Клеоповъ, котораго всѣ избрали, какъ второго двоюроднаго брата Господня“ ²⁾.

Такъ думаетъ и блаженный Θεодоритъ. Въ своемъ комментарий на посланіе ап. Павла къ Галатамъ (I гл. 19 ст.) онъ пишетъ: „Иаковъ называется братомъ Господнимъ, но не былъ Его братомъ. Онъ даже не былъ Иосифовымъ сыномъ, рожденнымъ отъ перваго брака, какъ предполагали многіе, а былъ сыномъ Клеопы и двоюроднымъ братомъ Господу, матерью же имѣлъ „сестру Матери Господней“ (Іоан. 19 гл. 25 ст.)“ ³⁾.

Изъ русскихъ ученыхъ рѣшаютъ означенный вопросъ въ предложенномъ направленіи слѣдующіе лица: 1) бывший профессоръ Московской Академіи и Московскаго Университета А. П. Лебедевъ: „Братья Господни“. М. 1905 г. 1—122 стр. и Ив. Кибальчичъ: „Св. апостоль Иаковъ, братъ Господень“. Черниговъ. 1882 г.

¹⁾ Толкованіе на посланіе къ Галатамъ. Стр. 54—55. Москва. 1842.

²⁾ Кн. III, гл. 32.

³⁾ Твор. въ рус. пер. Ч. VII стр. 380—381. М. 1861.

Въ заключеніе нельзя не сказать: и хорошо сдѣлало Министерство Народнаго Просвѣщенія, изъявъ изъ журнала „Маякъ“ антихудожественную и кощунственную иллюстрацію. По крайней мѣрѣ, меньше будетъ соблазна, меньше ложныхъ и антихристіанскихъ идей.

Законоучитель Одесской 2-й мужской
гимназіи Свящ. *Александръ Введенскій.*

Неразрывная связь въ Евангеліи върученія и нравоученія.

(Противъ современнаго морализма).

Всякій, кто болѣе или менѣе внимательно слѣдилъ за развитіемъ въ послѣднее время научной и публицистической литературы, не могъ, конечно, не обратить своего вниманія на обиліе появившихся въ этомъ періодѣ времени сочиненій по вопросамъ морали. Принципіальные вопросы о сущности нравственности, о задачахъ и цѣляхъ человѣческаго существованія на землѣ, объ отношеніи нравственности къ религіи занимаютъ въ послѣднее время всѣхъ. Прислушайтесь къ голосу нашихъ современниковъ и скажите, что вы услышите? Вы услышите проповѣдь личнаго усовершенствованія, личнаго улучшенія и общественнаго оздоровленія формъ жизни, вы услышите призывъ къ обновленію жизни, къ отысканію заветныхъ идеаловъ, къ осуществленію на землѣ желаннаго царства правды, любви мира. Занятая этическими вопросами современная мысль выражаетъ свое невольное удивленіе предъ высотой, глубиной и универсальнымъ характеромъ христіанской морали и стремится преобразовать жизнь человѣческую по началамъ евангельскимъ. Но, вполнѣ признавая все неопѣнимое значеніе Христова ученія въ дѣлѣ преобразованія и благоустроенія человѣческой жизни, весь несрав-

ненный характеръ евангельскихъ началъ жизни, современный морализмъ по тѣмъ или другимъ причинамъ смущается лежащими подъ этими началами основами догматическими. Въ скрытой и злобно-затаенной враждѣ противъ Церкви и проповѣдуемаго ею вѣроученія, или, по терминологіи современныхъ нравоучителей, противъ „историческаго христіанства“, современный морализмъ всячески стремится отодвинуть на задній планъ христіанское вѣроученіе, онъ желаетъ адогматизировать евангельское нравственное ученіе и такимъ путемъ свести все христіанство къ простой совокупности моральныхъ требованій, заповѣдей, принесенныхъ Иисусомъ Христомъ. Особенно ясно эта тенденція обнаружилась въ послѣднее время въ протестантскомъ рационалистическомъ богословіи, въ частности въ школѣ такъ называемаго ричліанскаго богословія, представителемъ котораго нынѣ является Адольфъ Гарнакъ.

И у насъ въ Россіи раздается проповѣдь о томъ, что догматы излишни, ненужны и бесполезны въ христіанствѣ, что они служатъ тормазомъ въ развитіи и ростѣ христіанскаго самосознанія и дѣятельности, непосредственно утверждающихся и основывающихся на Евангеліи. Нынѣ особенно модной теоріей считается такъ называемое „адогматическое христіанство“, проповѣдуемое извѣстными писателями Мережковскимъ и Розановымъ и провозглашаемое за „послѣднее слово этической мудрости“. — „Съ догматомъ намъ ровно нечего дѣлать, говоритъ Мережковскій, ровно нечего дѣлать ни въ государствѣ, ни въ семьѣ, ни въ культурѣ, ни въ искусствѣ... Онъ несоизмѣримъ ни съ нашимъ разумомъ, ни съ нашимъ сердцемъ, ни съ нашей волей, надо оставить его или отказаться отъ разума и воли... Наступилъ моментъ въ нашемъ сознаніи, когда мы почувствовали потребность внести догматы въ жизнь. Но въ дѣйствительности, что можетъ сдѣлать современный человѣкъ, напимѣръ, съ догматомъ Троицы? Какъ примѣнить его къ жизни, къ самымъ жгу-

чимъ вопросамъ 1)?.. Мережковскому непонятно, для чего вѣровать въ догматы,—въ эти абсолютно—непостижимыя для человѣческаго разума истины, ничего не открывающія намъ о тайнахъ Божественной жизни; почему безъ этой вѣры нельзя спастись? И онъ спѣшитъ отдѣлить мораль отъ вѣроученія христіанскаго, провозглашаетъ принципъ нравственнаго развитія, свободный отъ какихъ бы то ни было догматическихъ истинъ и ставитъ евангельское нравоученіе на безусловно самостоятельный путь внѣ всякаго вліянія и связи съ догматическимъ ученіемъ. Еще далѣе идетъ Розановъ. Разсуждая о догматическомъ развитіи и религіозномъ творчествѣ въ христіанствѣ, Розановъ совсѣмъ отрицаетъ значеніе догматовъ для развитія нравственности христіанской, называетъ Евангеліе адогматическимъ и центръ тяжести евангельской истины переноситъ въ „умилительность“, въ идеаль полевыхъ лилій. Истинными христіанами называетъ онъ наивныхъ и немудрыхъ отшельниковъ ѳиваидскихъ, цвѣтшихъ предъ Богомъ, какъ полевая лилія, а не отцовъ Церкви, свившихъ изъ этихъ лилій верви догматовъ 2).

Ученіе Христа, говорятъ современные моралисты, заключаетъ въ себѣ систему идей съ преобладающимъ нравственнымъ содержаніемъ, облеченныхъ въ форму общихъ всѣмъ религіямъ конкретно—образныхъ представленій. — „Христосъ принесъ на землю новую религію, пишетъ адогматистъ Яковлевъ. До какой степени она была нова? Нѣчто безусловно новое и неизвѣстное возвѣщалъ Онъ людямъ, или старое, забытое? Несомнѣнно послѣднее. И не религію принесъ Онъ, ибо религія, въ смыслѣ религіознаго благоговѣнія и преклоненія предъ высшимъ, правящимъ міромъ Существомъ, никогда не покидала человѣка. Онъ принесъ лучшее пониманіе религіи. Онъ возвращалъ осуетившееся,

1) „Новый путь“, 1903 г. м. ноябрь. Записки религіозно-философскихъ собраній въ С.-Петербургѣ, стр. 426, 445.

2) Ibid, м. апрѣль. Минскій. О двуединствѣ нравственнаго идеала. стр. 78.

измельчавшее религиозно человечество къ истиннымъ понятіямъ о Богѣ и религиозной жизни. Онъ напоминалъ человечеству нѣчто далекое, смутно имъ сознаваемое теперь, давно утерянное. Онъ вызывалъ изъ глубины его осуетившагося сознанія нѣчто дорогое и родное, напоминавшее сны золотого дѣтства, радостное, успокоительное... Посмотрите на птицъ небесныхъ, на лиліи полевая, какъ онѣ растутъ. Вѣдь и люди должны также довѣрчиво относиться къ жизни. Вѣдь и они въ Богѣ, они—родъ Божій. Нужно успокоиться отъ этого языческаго трепета предъ беспорядочностью и видимой хаотичностью поверхностной стороны жизни, нужно смотрѣть на нее изнутри, нужно слышать біеніе общаго пульса вселенной и видѣть надъ ней одного попечительнаго Отца. Нужно также бросить іудейскій законническій взглядъ на задачи жизни, исчерпываемыя будто бы исполненіемъ однихъ внѣшнихъ предписаній. Есть болѣе важная задача жизни, есть сама жизнь въ Богѣ и съ Богомъ, жизнь, подобная жизни полевыхъ лилій... Христось открылъ людямъ Бога—Отца міра, Христось показалъ въ Себѣ истинную жизнь, дотолѣ неизвѣстную людямъ. Вотъ Его главное дѣло. Своею жизнью Онъ напомнилъ людямъ давно забытыя ими райскія видѣнья и люди воочію стали видѣть со Христа небо отверстымъ надъ землею“¹⁾.

Такъ опредѣляется у современныхъ моралистовъ евангельское христіанство. Оно только „новое сознаніе“, только настроеніе, только непрерывное исканіе истины, а не полное и совершенное открытіе и воплощеніе ея во Христа Богочеловѣкъ. Вслѣдствіе такого пониманія христіанства современные моралисты отрицаютъ присутствіе всякаго догматическаго элемента въ Евангеліи и не хотятъ видѣть въ его правоученіи религиозно-теоретической основы.

Но Евангеліе вовсе не есть одна только этическая система. „Если христіанство есть одна только этика, пишетъ

¹⁾ „Новый путь“. 1904 г. м. май. В. Яковлевъ. Къ вопросу о догматахъ и догматическомъ развитіи Церкви, стр. 106, 108, 109.

проф. прот. Д. И. Богдашевскій, то, пожалуй, въ немъ немного новаго: возвышенныя нравственныя правила и заповѣди находятся во всѣхъ религіяхъ и ими, конечно, исполнены Ветхій Заветъ, частище, писанія пророческія. Сила не въ нравственныхъ требованіяхъ и правилахъ, а въ томъ, что лежитъ въ ихъ основѣ, къ кому они обращаются... Христіанство возродило нашу природу, измѣнило кореннымъ образомъ наши отношенія къ Богу, дало намъ новую благодатную жизнь, поставивши насъ въ благодатную среду Церкви... Богосыновство, принадлежащее во Христвъ Іисусѣ каждому изъ насъ вѣрующихъ,—это высочайшее благо, дарованное христіанствомъ. Мы имѣемъ дерзновеніе предъ Богомъ и не посрамимся (1 Іоан. 2, 28; Іоан. 14, 13, 14); мы крѣпко вѣруемъ въ силу, торжество добра, въ возможность исполненія его съ нашей стороны, ибо введены Христомъ въ новую благодатную жизнь, стали во Христвъ новою возрожденною тварью (Іоан. 3, 5, 6; 2 Кор. 5 17). „Такъ Богъ возлюбилъ міръ, что отдалъ Сына Своего Единороднаго, дабы всякій, вѣрующій въ Него, не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную“ (Іоан. 3, 16)¹⁾.

Такая необычайная религія должна была принести и свое особое, дотолѣ міру неизвѣстное, міровоззрѣніе. Христвъ Спаситель, дѣйствительно, и принесъ на землю Свое ученіе, которое было такъ возвышенно, величественно и свято, что скоро затмило собою и совсѣмъ побѣдило всѣ современныя христіанству нравственныя системы. Побѣдило христіанство именно своимъ вѣроученіемъ, своими догматическими истинами, которыя красной нитью проходятъ чрезъ всю нравственную его систему и запечатлѣваютъ своимъ Божественнымъ характеромъ все Евангеліе.

Вотъ почему никоимъ образомъ невозможно обособлять въ Евангеліи догматическій и нравственный элементъ и тѣмъ

¹⁾ Проф. прот. Д. Богдашевскій. О Евангеліяхъ и евангельской исторіи. Кіевъ, 1902 г., стр. 23.

болѣе ограничивать его одними моральными правилами, однимъ этическимъ ученіемъ. Въ Евангеліи вѣроученіе и нравоученіе такъ тѣсно связаны между собою, что почти не представляется возможнымъ опредѣлить, гдѣ въ немъ начинается нравоученіе и гдѣ кончается вѣроученіе. Между ними такая живая, такая органически необходимая связь, что разрушите, разорвите ее, и на вашихъ глазахъ завянетъ и поблекнетъ великое дѣло Богочеловѣка. „Подобно тому, говоритъ Берсье, какъ нельзя указать такой части человѣческаго тѣла, изъ которой не вытекала бы кровь, если бы ее пронзили мечемъ, также точно нельзя указать и такого евангельскаго ученія, изъ котораго живой, плодотворной струей не исходила бы нравственность. Они такъ тѣсно, такъ неразрывно связаны здѣсь, что скорѣе можно отдѣлить вѣтку отъ дерева, лучъ отъ солнца и рѣку отъ источника, чѣмъ христіанскую нравственность отъ христіанскаго догмата“ ¹⁾. Уже въ самомъ конкретно-общемъ понятіи догмата, догматической истины мыслятся неразрывно оба элемента—религіозный и этический. Въ самомъ дѣлѣ, если человѣкъ вѣритъ, что есть Богъ, что Онъ—высочайшая Истина, Добро и Красота, то, вѣдь, онъ долженъ и въ своей жизни неотступно стремиться ко всему истинному, доброму и прекрасному. Если человѣкъ вѣритъ; что Богъ есть высочайшая Любовь, то любовью должна быть проникнута вся жизнь его, любовь должна быть и началомъ и концомъ всѣхъ взаимоотношеній людскихъ: „по тому узнаютъ всѣ, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою“ (Іоан. 13, 35). Если человѣкъ вѣритъ, что Іисусъ Христосъ есть путь, истина и животъ (Іоан. 14, 6), то онъ долженъ и идти этимъ путемъ, стремиться къ этой истинѣ и надѣяться на этотъ животъ. Въ противномъ случаѣ, всякое вѣроученіе, всякій догматъ теряетъ тогда свое истинное значеніе и искусственно отрывается отъ ума и сердца человѣка. Онъ становится тогда

¹⁾ Берсье. Вѣсѣды, т. III, СПб. 1893 г., стр. 41.

той вѣрой, о которой говорить ап. Іаковъ, что ея имѣютъ бѣсы (Іак. 2, 19). Теоретическія убѣжденія, вѣрованія оказываютъ всегда громадное вліяніе на весь ходъ жизни человѣка и, слѣдовательно, на его нравственность.

И высочайшее евангельское нравоученіе безъ вѣры, безъ извѣстныхъ теоретическихъ убѣжденій и догматическихъ предпосылокъ становится лишенной всякой опоры для себя. Какъ человѣкъ можетъ идти прямымъ путемъ, когда онъ не видитъ вѣхъ, по которымъ должна направляться его нравственная жизнь; какъ стремиться къ истинѣ, когда человѣкъ не знаетъ, что есть истина; на что надѣяться, если нѣтъ предмета чаяній, во что вѣрить, если нѣтъ вѣроученія? „Вѣруйте въ Бога и въ Меня вѣруйте“, говоритъ Іисусъ Христосъ (Іоан. 14, 1). Но развѣ можетъ человѣкъ вѣровать въ то, чего не знаетъ, развѣ можетъ онъ вѣровать во Христа, если не знаетъ ученія о Немъ, какъ Богочеловѣкъ? Какъ вѣровать и идти за Христомъ, если мысль наша недоумѣнно и съ сомнѣніемъ спрашиваетъ: „Ты ли Тотъ, Который долженъ придти, или ожидать намъ другаго“ (Мѡ. 11, 3)? Какъ сказать: „вѣрую, Господи, помоги моему невѣрію!“ если мы не знаемъ этого Господа, что Онъ: безконечная ли Любовь или грозный Судія? Всепрощающее или грозное Существо, Всемогущій ли Сердцевѣдецъ (Іоан. 21, 17) или такой же слабый человѣкъ, какъ и всѣ? Откуда же намъ знать объ этомъ, какъ не изъ вѣроученія христіанскаго? Вотъ почему въ христіанствѣ вѣроучительный элементъ мы должны поставлять всегда на первомъ планѣ, такъ какъ отъ него зависитъ и на немъ основывается вся морально-практическая сторона нашей религіи.

Въ религіозной области, какъ и въ другихъ областяхъ духовной жизни человѣка, чувство всегда должна исходить изъ извѣстныхъ основныхъ истинъ и положеній. Такими и являются въ христіанствѣ догматическія истины. Догматы въ христіанствѣ — это нормативные принципы, исходныя регулятивныя начала, которыми долженъ руководиться христіанинъ

въ своей религіозной жизни, дабы не заблудиться въ далекихъ горизонтахъ и широкихъ перспективахъ этой универсальной области человѣческаго духа. То правда, что на зарѣ своего существованія христіанство усвоилось внутреннимъ опытомъ христіанина. Примѣръ Иисуса Христа и совершенное Имъ дѣло какъ бы непосредственно переживались, чувствовались вѣрующей душой и христіанство являлось тогда для послѣдователей Распятаго Богочеловѣка живымъ настроеніемъ. Но съ теченіемъ времени, когда христіанская жизнь мало-по-малу усложнялась вмѣстѣ съ постепеннымъ увеличеніемъ христіанъ, христіанство все болѣе, все острѣе чувствовало насущную потребность въ нормирующихъ жизнь принципахъ, ибо дыханіе Духа Божія, непосредственная живость дѣла Христова постепенно отходила въ даль вѣковъ прошедшихъ. Къ тому же въ нѣдрахъ молодой Церкви Христовой стали появляться разные лжеучители, по тѣмъ или другимъ причинамъ искажавшіе и превратно толковавшіе ученіе и дѣло Сына Божія. Такъ скоро явилась необходимость въ догматахъ вѣры, которые были бы надежными регулятивами внутренняго опыта христіанъ и тѣмъ самымъ предупреждали бы всякую возможность уклоненія отъ истиннаго и праваго пути на путь ложный и неправый. Но въ догматическихъ вѣроопредѣленіяхъ отцовъ Церкви мы не найдемъ ни одного слова, которое не было бы заимствовано изъ Евангелія, и тѣ, кто умиленный евангельскій языкъ считаетъ доказательствомъ адогматизма, не видятъ того, что святые слова Евангелія содержатъ въ себѣ золото тѣхъ же догмъ, какъ и опредѣленія соборовъ, но только не въ окончательномъ отвердѣвшемъ, а, такъ сказать, въ расплавленномъ, умиленномъ, вдохновенномъ состояніи ¹⁾. Не такъ представляютъ дѣло современные моралисты. Догматическій элементъ въ христіанствѣ они считаютъ внѣшнимъ, чуждымъ этическому духу Евангелія придаткомъ греческой культуры по преимуществу

¹⁾ „Новый путь“, 1903 г. м. Апрель. Минскій. Двудеиство нравственнаго идеала, стр. 88.

интеллектуализма и философской спекуляціи ¹⁾. Адольф Гарнакъ въ цѣломъ рядѣ своихъ сочиненіи ²⁾ подробно обосновываетъ и проводитъ этотъ взглядъ.

Имѣемъ ли мы въ Евангеліи, спрашиваетъ Гарнакъ, дѣло съ ученіемъ Христа или съ ученіемъ о Христѣ или, выражаясь конкретнѣе, есть ли въ Евангеліи вѣрочительный, догматико-теоретическій элементъ, требуетъ ли оно вѣры въ Личность Іисуса Христа или всецѣло исчерпывается одною общою моралью? Адольфъ Гарнакъ рѣшительно утверждаетъ послѣднее. — „Евангеліе, пишетъ онъ, не составляетъ теоретическаго ученія или мірской мудрости; ученіемъ его можно признать только потому, что оно учитъ существованію Бога — Отца. Оно благовѣствованіе, обещающее намъ вѣчную жизнь и показывающее намъ цѣну тѣхъ предметовъ и силы, съ которыми мы имѣемъ дѣло. Обсуждая вѣчную жизнь, оно намъ даетъ указанія и для веденія земной жизни. Оно намъ говоритъ, какую цѣнность имѣютъ душа, смиреніе, милосердіе, чистота, крестъ, — и какую ничтожность составляютъ земныя блага и забота о поддержаніи земной жизни. Оно даетъ упованіе, что, несмотря на борьбу, миръ, упованіе и внутренняя несокрушимость увѣнчаютъ праведную жизнь. Чѣмъ же инымъ при такихъ условіяхъ можетъ быть „исповѣданіе“, какъ не исполненіемъ Божьей воли съ упованіемъ, что Онъ — и Отець, и Воздаятель?“ ³⁾. Объ иномъ „исповѣданіи“ Христось, по мнѣнію Гарнака, никогда не говорилъ. Даже когда Онъ говоритъ: „Всякаго, кто исповѣдуетъ Меня

¹⁾ Учебно-богословскіе и церковно-проповѣдническіе опыты студентовъ Кіевской духовной Академіи LIX курса (1906 г.). Вып. IV. П. Степановъ. О значеніи догматическаго элемента въ нравственномъ христіанскомъ ученіи, стр. 56.

²⁾ Lehrbuch der Dogmengeschichte VI—III. Freiburg. B. 1888—1890 гг. Grundriss der theologischen Wissenschaften. Abtheilung. III. 1898 г.; Das Wesen des Christenthums. Leipzig. 1900 г. и др.

³⁾ Общая исторія европейской культуры, т. V. Изд. Брокгаузъ-Ефрова подъ редакціей проф. Гревса, Зѣлинскаго, Карѣва и Ростовцева. СПб. А. Гарнакъ. Сущность христіанства, стр. 94.

предъ людьми, того исповѣдую и Я предъ Отцомъ Моимъ Небеснымъ“, Онъ подразумѣвалъ „подражаніе“, исповѣданіе въ образѣ мыслей и дѣйствій ¹⁾). Поэтому, говоритъ Гарнакъ, „какъ далеко уходятъ отъ Его направленія и Его указаній, когда передъ Евангеліемъ ставятъ „христологическое исповѣданіе“ и учатъ, что, прежде чѣмъ приступить къ Евангелію, надо правильно мыслить о Христѣ! Это—извращеніе. О Христѣ можно мыслить и учить правильно только въ той мѣрѣ, въ какой жизнь направлена по Его Евангелію“ ²⁾). Все дѣло въ Евангеліи, по мнѣнію Гарнака, въ религіи и нравственности; Евангеліе даетъ живого Бога, признаніе Его—въ вѣрѣ и въ исполненіи Его воли. И тутъ единственное исповѣданіе: такъ мыслилъ Христосъ. Вотъ почему въ Евангеліи самое главное „переживаніе“. „Только пережитая въ глубинѣ души религія должна быть исповѣдуема; всякое другое исповѣданіе, по мнѣнію Христа, и лицемѣрно и пагубно. Въ Евангеліи мы не найдемъ какого бы то ни было „ученія о религіи“, еще менѣе того—указанія предпочесть всему готовое ученіе и исповѣдать его“ ³⁾). Сущность всего Евангелія нигдѣ не выражается точнѣе, чѣмъ въ молитвѣ „Отче нашъ“. Евангеліе по этой молитвѣ есть богосыновство, охватывающее всю жизнь, внутреннее приобщеніе къ Божьей волѣ и Божью Царствію, радостная увѣренность въ обладаніи вѣчными благами и въ защитѣ отъ зла ⁴⁾). „Иисусъ, пишетъ Гарнакъ, близко подвелъ людей къ великимъ вопросамъ, обѣщаль имъ милосердіе Божіе и потребовалъ у нихъ рѣшительнаго выбора между Богомъ и маммоной, вѣчной и земной жизнью, тѣломъ и душою, смиреніемъ и упованіемъ на собственную праведность, любовью и себялюбіемъ, истинною и ложью“ ⁵⁾). Кругомъ этихъ вопросовъ исчерпывается,

¹⁾ Ibid, стр. 94—95.

²⁾ Ibid, стр. 95.

³⁾ Opus cit. А. Гарнакъ. Сущность христіанства. стр. 95.

⁴⁾ Ibid, стр. 64.

⁵⁾ Ibid, стр. 90—91.

по мнѣнію Гарнака, все содержаніе Евангелія. Очевидно, съ его точки зрѣнія не можетъ быть рѣчи о присутствіи догматическаго элемента въ Евангеліи. Евангеліе занимается исключительно вопросами практической нравственности; оно обращается будто-бы къ человѣку „въѣ времени“, къ человѣку, свободному отъ всякихъ культурныхъ, философскихъ и религіозныхъ предпосылокъ, считаясь только съ данными психологіи и съ нравственнымъ чувствомъ человѣка. „Нисколько не унижая Евангелія, пишетъ Гарнакъ, можно представить его этическимъ возвѣщеніемъ и сосредоточить все благовѣствованіе Христа въ циклѣ этическихъ мыслей“¹⁾. Въроученіе, по мнѣнію Гарнака, входитъ въ Евангеліе только въ качествѣ религіознаго элемента, поскольку оно говоритъ о Богѣ Отцѣ, всеблагомъ и всемогущемъ, Котораго открылъ людямъ Христось. Ученіе же о воплотившемся Богѣ, о Христѣ-Богѣ или догматъ Богочеловѣчества совсѣмъ не входитъ въ содержаніе Евангелія. „Не Сынъ, но только Отецъ составляетъ предметъ благовѣствованія, провозвѣщеннаго Христомъ“²⁾. „Изреченіе „Я есмь Сынъ Божій“ не помѣщено въ Евангеліи Самимъ Христомъ, и кто его вставляетъ туда наравнѣ съ другими, тотъ самъ нѣчто прибавляетъ къ Евангелію“³⁾. Проповѣдуя Евангеліе, Христось „не хотѣлъ иной вѣры въ Свою личность и иного общенія съ нею, кромѣ того, которое обусловливается исполненіемъ Его заповѣдей. Даже въ четвертомъ Евангеліи, гдѣ личность Христа часто ставится много выше содержанія Евангелія, мы находимъ ясно формулированную мысль: если любите Меня, соблюдайте Мои заповѣди. Христось уже во время Своей дѣятельности долженъ былъ испытать, что многіе Его почитатели Ему довѣряли, но ничуть не заботились о содержаніи Его проповѣди. Къ нимъ относится карающее слово: „Не

¹⁾ Op. cit., стр., 66.

²⁾ Ibid., стр. 93.

³⁾ Ibid., стр. 94.

всякій, говорящій Мнѣ: Господи! Господи! войдетъ въ царство небесное, но исполняющій волю Отца Моего Небеснаго“. Слѣдовательно, у Него отнюдь не было намѣренія создать независимо отъ Евангелія „ученіе“ о Своей личности и Своемъ достоинствѣ“ ¹⁾. Да и могъ ли Иисусъ Христосъ требовать религіознаго отношенія и почитанія Своей личности, когда Онъ Самъ по природѣ былъ только человѣкомъ и находился въ такихъ же отношеніяхъ къ Богу-Отцу, какъ и всѣ люди? „Господа Бога неба и земли Онъ называлъ Богомъ и Отцомъ, Величайшимъ, единственно совершеннымъ. Онъ убѣжденъ, что и дары, и задачи,—все исходитъ отъ этого Отца. Ему Онъ молится, Его волѣ Онъ покоряется: въ горячей борьбѣ Онъ пытается познать и исполнить ее. Цѣль, сила, познаніе, успѣхъ и неумолимый долгъ,—все Ему дано Отцомъ. Такъ сказано въ Евангеліяхъ; тутъ ничего нельзя переиначивать и перетолковывать. Это чувствующее, молящееся, дѣйствующее, борющееся и страдающее Я,—это человѣкъ, который и передъ Своимъ Богомъ чувствуетъ Свое единеніе съ другими людьми“ ²⁾.

Итакъ, съ точки зрѣнія Адольфа Гарнака силы Евангелія обращаются исключительно къ духовно-нравственному, внутреннему міру человѣка, „къ самымъ сокровеннымъ основамъ человѣческаго существованія и только къ нимъ“ ³⁾ и не требуютъ отъ своихъ послѣдователей признанія уже готовой вѣры во Христа, какъ Сына Божія, готоваго ученія о Христѣ, какъ Богѣ. Евангельское христіанство есть нѣжное понятіе внутренняго переживанія и личнаго преображенія и ему чужды догматическія истины, которыя внесены въ Евангеліе подъ вліяніемъ эллинизма, представляютъ собою догма-

¹⁾ Op. cit., стр. 87.

²⁾ Ibid., стр. 87.

³⁾ Ibid. стр. 86.

тическую спекуляцію и только извращают и вносят порчу въ истинный духъ евангельскаго благовѣстія ¹⁾.

Мы нарочно почти полностью выписали рядъ разсужденій Адольфа Гарнака, съ помощью которыхъ онъ пытается доказать полное отсутствіе въ Евангеліи того, что онъ называетъ „христологіей“, т. е. ученія о роли и значеніи Самой Личности Іисуса Христа для человѣчества. Не трудно замѣтить, какъ близко подошелъ Гарнакъ въ своихъ разсужденіяхъ къ основной точкѣ зрѣнія нашего русскаго моралиста графа Л. Н. Толстого. Центръ тяжести евангельскаго христіанства, по мнѣнію Толстого, также лежитъ въ ученіи Христа о нравственности, въ заповѣдяхъ смиренія, любви къ ближнему и непротивленія насилию. Христосъ явился проповѣдникомъ истиннаго ученія о смыслѣ жизни. Въ этомъ и единственно въ этомъ Его миссія, за которою не скрывается ничего сверхъестественнаго, ничего чудеснаго. Христосъ — великій учитель жизни и больше ничего ²⁾. Онъ, думаетъ Толстой, призываетъ людей надъ всѣмъ возвысить „сына человѣческаго“, т. е. то божественное начало, тотъ разумъ, который свѣтитъ въ человѣчествѣ. Онъ указываетъ единственную истинную жизнь, Онъ зоветъ въ жизни для другихъ ³⁾. И въ этомъ, по мнѣнію Толстого, заключается вся сущность христіанства. Вся же догматическая его сторона въ томъ числѣ и главный догматъ о Божествѣ Христа, объ искупленіи Имъ человѣчества является несущественной „надстройкой“ и въ значительной мѣрѣ позднѣйшимъ добавленіемъ.

А. Д—въ.

(Окончаніе слѣдуетъ)

¹⁾ Dogmengeschichte, стр. 1—2—см. у П. Степанова „О значеніи догмат. элемента въ христ. нравств. ученіи „въ Учено-бог. и церк.-проповѣдн. опытахъ, вып. IV, стр. 68.

²⁾ См. у Б. Титлинова. „Христіанство“ гр. Л. Н. Толстого и христіанство Евангелія. СПб. 1907 г. стр. 27.

³⁾ Ibid., стр. 30—31, 34 и дал.

Кружокъ пастырей трезвенниковъ.

Въ настоящее время въ свѣтской печати принято отмѣчать только темныя стороны изъ жизни и дѣятельности духовенства. Всѣ же свѣтлыя явленія среди нашего клира или замалчиваются, или истолковываются превратно. А такихъ свѣтлыхъ примѣровъ между тѣмъ встрѣчается не мало. Они только не извѣстны, потому что о нихъ не кричатъ, не рекламируютъ ихъ. Такъ, въ прошломъ году среди священниковъ псковскаго благочинническаго округа образовался кружокъ трезвенниковъ, которые, въ видахъ нравственнаго перевоспитанія своей паствы, рѣшили вовсе не употреблять спиртныхъ напитковъ, не угощать ими своихъ прихожанъ и вообще бороться за отрезвленіе народа.

Было бы весьма желательнымъ, чтобы къ кружку присоединились и другіе священники и низшіе члены округа, а самая дѣятельность кружка послужила бы примѣромъ и для другихъ епархій. Тогда съ полнымъ воздержаніемъ духовенства отъ употребленія алкоголя и выступленіе его на дѣло насажденія трезвости среди прихожанъ, у нашихъ враговъ было бы отнято главное орудіе къ нападкамъ на Церковь и ея служителей, а вмѣстѣ съ этимъ, несомнѣнно, положеньемъ было бы предѣль распространенію сектантства, проповѣдники котораго часто успѣхъ своей пропаганды строятъ на настоящихъ слабыхъ сторонахъ жизни духовенства (Совр. Лѣт.).

Редакторъ, Ректоръ Киевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 2-го августа 1912 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акц. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго. Меринговская ул. 6.

ГОДЪ

ЛIII

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣотъ **№ 34.** Подписка принимается въ редакціи журнала, при Кіевской духовной Семинаріи.
ПЯТЬ руб., съ перевозкою ШЕСТЬ публей.

1912-го года 19-го августа.

Содержаніе: I. Изъ сектантской печати. Н. Гумилевскій.—II. Цалестинскіе виноградники и притча о злыхъ виноградаряхъ. П. П—ій.—III. Неразрывная связь въ Евангеліи върученія и правоученія. (Продолженіе). А. Д—въ.—IV. Замятка: О продажѣ причтовыхъ домовъ.—

Изъ сектантской печати.

Одной изъ наиболѣе непривлекательныхъ чертъ баптистовъ является ихъ крайнее самомнѣніе и горделиво-пренебрежительное отношеніе ко всѣмъ небаптистамъ. Считаая однихъ себя спасенными и святыми, они не допускаютъ возможности, чтобы христіане другихъ исповѣданій имѣли въру или любовь къ Богу. Такъ, нѣкій М. Дьячковъ рассказываетъ, какъ онъ, переселившись по дѣламъ своей службы въ Бердянскъ, образовалъ тамъ небольшую баптистскую общину, и при этомъ патетически восклицаетъ: „давно ли было то

время, когда въ г. Бердянскѣ ни единой души не было любящихъ Господа!“ („Баптистъ“, 1911 г., № 3), т. е. не было ни одного баптиста. А наименованіе „вѣрующіе“ въ баптистскихъ изданіяхъ всегда употребляется, какъ вполнѣ тождественное съ наименованіемъ „баптисты“. Въ „Баптистѣ“ часто попадаются заявленія баптистскихъ проповѣдниковъ, что въ томъ или другомъ городѣ или селеніи православной Россіи до ихъ прихода не было вѣрующихъ во Христа. Такимъ образомъ, православные трактуются баптистами, какъ „невѣрные“. Особенно рѣзко это выражено въ статьяхъ о смѣшанныхъ бракахъ, т. е. о бракахъ баптистовъ съ православными („Баптистъ“, 1912 г., № 6, № 8). Авторы этихъ статей, доказывая невозможность браковъ „вѣрующихъ“ (т. е. баптистовъ) съ „невѣрующими“ (т. е. православными), прямо ссылаются на слова ап. Павла: „какое согласіе между Христомъ и Веліаромъ или общеніе вѣрнаго съ невѣрнымъ?“ (2 кор. 6, 15). Не говоря уже о явной лживости утвержденія, будто православные не вѣруютъ во Христа, сопоставленіе православныхъ съ Веліаромъ есть верхъ кощунства. Остается только удивляться, какъ подобныя выраженія допускаются къ печатанію и распространенію! Развѣ никто не наблюдаетъ за сектантской печатью? или такъ трудно сообразить, кого въ данномъ случаѣ баптисты приравниваютъ къ Веліару? А въ статьѣ „Освобожденіе“ („Баптистъ“, 1912 г., № 8) ученіе о призваніи святыхъ называется „богословіемъ сатаны“.

Такъ „угнетенные“ баптисты отзываются о господствующей въ Россіи Православной Церкви. Но изъ ихъ собственныхъ свидѣтельствъ видно, что сами они далеко не представляютъ идеала совершенства. Такъ, видные руководители баптизма В. Фетлеръ и И. Непрашъ въ своемъ письмѣ, помѣщенномъ въ № 6 „Баптиста“ (1912 г.), жалуются, что во многихъ баптистскихъ общинахъ устраиваются исключительно „призывныя“ собранія, т. е. проповѣди обращаются только къ грѣшникамъ, еще не обратившимся, не увѣровавшимъ, съ

призывомъ ихъ къ покаянію и обращенію (проще говоря, — происходитъ запрещенное нашими законами совращеніе православныхъ въ баптизмъ), а не устраиваются „назидательныя сѣзды, на которыхъ баптисты могли бы получать „духовное воспитаніе, внутреннее освященіе и усовершенствованіе“. (Удивительно, какое это освященіе и усовершенствованіе нужно святымъ и спасеннымъ!). Отсутствіе такихъ назидательныхъ собраній, по свидѣтельству авторовъ письма, приводитъ къ плачевнымъ результатамъ: „не удивительно, что въ такихъ мѣстахъ вѣрующіе еле-еле волочатъ свое духовное существованіе, носятъ все еще имя, думаютъ, что живы, но въ дѣйствительности—мертвы... вмѣсто духовныхъ въ такихъ мѣстахъ находишь лишь *душевныхъ* ¹⁾ христіанъ“. Очевидно, что зло достигло значительныхъ размѣровъ, если сами вожди оказались вынужденными открыто признать его существованіе. Редакторъ „Баптиста“ Д. Мазаевъ вполне соглашается съ авторами письма относительно необходимости „назидательныхъ“ сѣздовъ, очевидно, признавая указанную характеристику многихъ баптистскихъ общинъ справедливой. Ту же характеристику подтверждаетъ и извѣстный баптистскій дѣятель В. В. Ивановъ: „можно и теперь уже замѣчать“, говоритъ онъ, „что нѣкоторыя общины остановились и не идутъ къ совершенству ни въ духовномъ, ни въ земномъ отношеніяхъ... многіе богатые братья, не имѣя мѣста для разумныхъ и производительныхъ приношеній, предпочитаютъ тратить деньги на роскошь въ пищѣ и одеждѣ и на другія плотскія цѣли“ („Баптистъ“, 1911 г., № 9). Далекое не „святые“ люди попадаются не только среди рядовыхъ сектантовъ, но и среди ихъ проповѣдниковъ. Я уже имѣлъ случай приводить свидѣтельства „Баптиста“ о нѣкоторыхъ баптистскихъ проповѣдникахъ ²⁾. Приведу еще слова нѣкоего Р. Д. Х.

¹⁾ Курсивъ подлинника.

²⁾ См. „Богосл. библиограф. листокъ“, 1911 г. вып. 12—„Изъ сектантской печати“, 371—373 стр.

„Однажды“, говоритъ онъ, „одна женщина сказала мнѣ о своемъ мужѣ, когда онъ, во время библейскихъ собесѣдованій, отличался краснорѣчіемъ и знаніемъ слова Божія: *по-слушали бы вы его, когда онъ дома!* ¹⁾). Больше объясненій не требовалось. Непривѣтливый, себялюбивый по отношенію къ своей женѣ, суровый къ дѣтямъ, деспотически относящійся къ служащимъ—все это было сказано этими короткими словами“ („Баптистъ“, 1911 г., № 43). И такіе люди, какъ волки въ овечьихъ одеждахъ (Матѣ. 6, 15), стараются о спасеніи православныхъ, какъ еще „не увѣровавшихъ“ и „не любящихъ Господа“!

Н. Гумилевскій.

---

¹⁾ Курсивъ подлинника.

Палестинскіе виноградники и притча о злыхъ виноградаряхъ.

Библия сообщаетъ намъ довольно подробныя свѣдѣнія о виноградникахъ, причеиъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Библии, напр., Ис. 5 гл. 1—5, Мѣ. 21 г. намѣчены почти всѣ существенныя черты процесса разведенія виноградниковъ, а въ другихъ—только отдѣльные моменты этого процесса.

Если разсматривать эту отрасль еврейскаго земледовства исторически, то придется обратиться къ самымъ первымъ страницамъ Библии: въ 9-ой главѣ Библии дается первое и ясное мѣсто относительно разведенія виноградниковъ. Въ этой главѣ о Ноѣ замѣчается, что онъ началъ воздѣлывать землю и насадилъ виноградникъ (10 ст.). И начиная съ этого мѣста на всемъ протяженіи Библии и почти въ каждой книгѣ разбросаны обильныя историческія замѣчанія о виноградникахъ. И эти историческія данныя утверждаютъ винодѣліе, какъ общепринятую и важнѣйшую отрасль еврейскаго земледовства. Какъ таковая, эта отрасль уже свидѣтельствуетъ о Палестинѣ, какъ странѣ вполне благопріятной для разведенія виноградниковъ. И дѣйствительно, Священное Писаніе гово-

рить о Палестинѣ, наполненной виноградными лозами, именно отъ виноградной лозы, наполнившей землю (Палестинскую, разумѣется) взялъ пр. Давидъ образъ народа Еврейскаго, перенесеннаго Богомъ изъ Египта и наполнившаго землю (Пс. 79, 9—10). То же подтверждается и свѣтскими писателями. По словамъ Schegg'a, солнечныя высоты, сухая почва, но достаточно орошаемая зимними дождями и источниками, не высокая температура, влажный морской воздухъ дѣлали не только Иудейскую гору, но и всю Палестину, за незначительными исключеніями, страной вина въ возвышенномъ смыслѣ слова ¹⁾.

И по свидѣтельству Гейки „Палестина очень благоприятная страна для разведенія винограда, ея покатоности покрыты известнякомъ, который легко пропускаетъ дождь, оставляя сухую подпочву, жара во время дня и густые туманы превратили страну въ самую благоприятную для этого растенія ²⁾. Изъ отдѣльных мѣстностей Палестины виноградниками славилась долина Есхоль. Именно въ этой долинѣ еврейскіе соглядати срѣзали виноградную кисть такой величины, что должны были нести ее двое на шесть (числь 13, 24). О плодородіи виноградниковъ Енгедскихъ, упоминаемыхъ въ П. Пѣсней (1, 13), можно судить по тому, что нынѣшніе путешественники говорятъ о многочисленныхъ сохранившихся отъ библейскихъ временъ террасахъ съ виноградниками и о высѣченныхъ въ скалахъ цистернахъ. Пророки Исаія (16, 8) и Иеремя (48, 32) согласно говорятъ о виноградникѣ долины Сивмы, вѣтви котораго простирались до Іазера и переходили за море. Холмы и возвышенная плоскость Іудей—настоящія мѣстности для винограда. О рослости и изобиліи виноградниковъ Іуды (въ Іудеѣ) картинно говоритъ Библия: онъ (Іуда) привязываетъ къ виноградной лозѣ осленка своего и къ лозѣ лучшаго винограда сына ослицы своей; моетъ въ винѣ одежду

¹⁾ Его сочиненіе: *Biblische Archäologie* 173 стр.

²⁾ Его сочиненіе: *Святая земля и Библия* 311 стр.

свою и въ крови гроздовъ одѣяніе свое“ (Быт. 49, 11.). Славное вино Ливанское служить въ Св. Писаніи образомъ благополучія Израильтянъ (Ос. 14, 8).

Вслѣдствіе благопріятной для винограда почвы Палестяны виноградники съ равнымъ удобствомъ разводились и на горахъ, холмахъ и долинахъ. Разводились они и совсѣмъ въ сырыхъ мѣстахъ и въ такихъ то сырыхъ мѣстахъ выростали иногда прямо-таки знаменитые виноградники.

Когда виноградъ разводился на склонахъ горъ и холмовъ, то для удобнаго разсаживанія виноградныхъ черенковъ склоны эти раздѣлялись уступами, или террасами. Объ этихъ уступахъ, или террасахъ, думается, говорятъ Соломонъ (Пѣс. Пѣс. 5, 13) и Іезекіиль (17, 10), говоря о грядахъ. Еще и теперь на холмахъ, которые по своей крутизнѣ, казалось бы, не могли быть воздѣлываемы, видны слѣды уступовъ, восходящихъ до вершины; по нимъ-то и сажали виноградныя лозы. Разведеніе виноградниковъ и выращиваніе ихъ не требовало большихъ трудовъ и тщательнаго ухода. Обыкновенно Евреи, выбравши мѣсто для виноградника, окапывали кругомъ и взрыхляли почву или руками, или, какъ говорится у пр. Исаи, „бороздниками“ (7, 25), затѣмъ очищали ее отъ камней (Ис. 5, 2). Въ такую взрыхленную и очищенную отъ камней почву сажали виноградную лозу, причѣмъ лоза выбиралась самая лучшая „отборная“ (Ис. 5, 2). Лучшими лозами (евр. „сорекъ“ Ис. 5, 2; Іер. 2, 21) считались тѣ, которыя давали наибольшія овальныя ягоды съ нѣжными и мало примѣтными сѣмечками. Очень часто Евреи сажали виноградную лозу подлѣ какого нибудь дерева, чаще всего подлѣ фиговаго или смоковницы. Дерево сначала защищало отъ солнца молодые побѣги лозы, а потомъ своими вѣтвями поддерживало обремененныя плодами вѣтви виноградныя. Имѣя это въ виду, воспрещеніе закона Моисеева не засѣвать виноградника двумя родами сѣмянъ (Вт. 22,9) нужно относить къ сѣменамъ полевыхъ плодовъ и овощей.

Если виноградныя лозы садились прямо безъ всякаго дерева, то въ этомъ случаѣ очень часто вѣтви ихъ разстилались прямо по землѣ. Число лозъ въ виноградникѣ доходило до тысячи, и чѣмъ больше было лозъ въ виноградникѣ, тѣмъ цѣннѣе былъ онъ. По словамъ Исаи (7, 23) каждая лоза стоила сребренникъ.

Виноградникъ кругомъ обносился оградой (Ис. 5, 2) или, какъ по славянски, „оплотомъ“ (Ме. 21, 33). Ограда бывала разная или изъ плетня (Ис. 5, 5 здѣсь стоитъ еврейское слово „месюка“, что значитъ плетень), или каменная (Притчи 24, 31) изъ полевыхъ и горныхъ камней въ ихъ необдѣланномъ видѣ. Необходимость ограды для виноградника обуславливалась многочисленностью враговъ у виноградника. Врагами этими были и домашнія, и хищныя животныя. Домашній скотъ сильно опустошалъ незащищенные виноградники. Случай опустошенія скотомъ полей или виноградника предусмотрѣнъ закономъ Моисеевымъ: если кто потравитъ поле или виноградникъ, пустивъ скотъ свой травить поле чужое (смотря по плодамъ его, пусть заплатитъ со своего поля, а если потравитъ все поле), пусть вознаградитъ лучшимъ изъ поля своего и лучшимъ изъ виноградника своего (Исх. 22, 5). Пророкъ Давидъ говоритъ о лѣсномъ вепрѣ, который подрываетъ виноградникъ (Пс. 79, 14), а Суламита проситъ ловить лисицъ и лисинячь, которыя портятъ виноградники (Пѣс. Пѣс. 2, 15). Были у виноградника и еще враги, которыхъ не удерживала и ограда—это черви и особенно саранча. О полномъ опустошеніи виноградника червями и саранчей говорятъ пророки Іоиль (1 гл.) и Амосъ (4, 9).

Необходимою принадлежностью виноградника было жилище сторожа. Жилище это извѣстно подъ разными именами: башня (Ис. 5, 2), шатерь (Ис. 1, 8), куца и пр. Жилище, по словамъ Іова (XXVII, 18), сторожа дѣлають себѣ сами. Судя по словамъ Суламиты: поставили меня стеречь виноградникъ (Пѣс. Пѣс. 1, 5) можно заключить, что у Евреевъ должность сторожей исполняли иногда и женщины.

У Гейки—автора вышеупомянутаго сочиненія—на стр. 308 находимъ нѣсколько интересныхъ замѣчаній относительно должности сторожа. Вотъ что онъ говоритъ. „Стеречь виноградникъ—дѣло не легкое, потому что приходится цѣлый день подвергаться палящему солнцу. Это и заставило Суламиту сказать: не смотрите на меня, что я смугла, ибо солнце опалило меня (Пѣс. Пѣс. 1, 5). Вообще пріютъ состоитъ только въ деревянной лачугѣ, покрытой вѣтками, такъ что Іовъ могъ сказать о бренности и превратности упованій нечестивыхъ: онъ строитъ, какъ моль, домъ свой, и какъ сторожъ, дѣлаетъ себѣ шалашъ (XXVII, 18), и Исаія, сравнивая Іерусалимъ, опустошенный войной, имѣлъ основаніе сказать: осталась дщерь Сіона, какъ шатеръ въ виноградникѣ, какъ шалашъ въ огородѣ (Ис. 1, 8). Сторожа обыкновенно вооружены дубинами; они очень вѣрны и часто подвергаютъ свою жизнь опасности, защищая виноградникъ. Но не всегда легко найти людей, желающихъ исполнять эту обязанность, потому что она не только опасна, но и трудна, такъ какъ, тщательно оберегая свой виноградникъ, сторожъ и ночью не имѣетъ ни сна, ни покоя; поэтому даже самые старательные ждутъ утра. Псалмопѣвецъ указываетъ на это, когда говоритъ: душа моя ожидаетъ Господа болѣе, нежели стража утра“ (109, 6).

Послѣ обнесенія виноградника оградой выкапывалось въ немъ точило (описаніе точила дадимъ ниже). Этимъ и заканчивался первый кругъ работъ по винограднику, но вообще, работы далеко еще не кончались. Во все продолженіе роста виноградника требовался тщательный уходъ за нимъ—это непремѣнное условіе плодovitости виноградника. Почву во время роста виноградника еще взрыхляли (Ис. 5, 6). У виноградныхъ лозъ сухія вѣтви отрѣзались, а хорошія очищались, чтобы, какъ сказалъ Спаситель, хорошая вѣтвь принесла еще больше плода (Ев. Іоан. XV, 2). Подчистку лозъ производили нѣсколько разъ въ годъ и производили подчистки ножомъ, о чемъ говоритъ Исаія: прежде собирація винограда, когда онъ отцвѣтеть и гроздь начнетъ созрѣвать, Онъ (Господь) отрѣ-

жетъ *ножомъ* вѣтви и отнѣмѣть, и обрубить отрасли (18, 5). Да и самыя лозы въ первые три года послѣ посадки подрѣзывались, чтобы въ четвертый и слѣдующіе годы онѣ выросли сильными и большими. И дѣйствительно, въ очень значительной степени, благодаря именно тщательному уходу, лозы палестинскія достигали очень значительной величины и крѣпости. На большой ростъ и крѣпость лозъ указывается въ Св. Писаніи, когда говорится, что Іуда „привязывалъ къ виноградной лозѣ осленка своего и къ лозѣ лучшаго винограда сына ослицы своей“ (Быт. 49, 11), и что подъ виноградными лозами спокойно почивалъ каждый израильтянинъ не только во времена Соломона, но и гораздо позднѣе: во времена пророка Михея, согласно со словами послѣдняго: каждый (израильтянинъ) будетъ сидѣть подъ своею виноградною лозою и подъ своею смоковницею (4, 4). Въ виноградникахъ сырыхъ, болотистыхъ мѣстахъ лозы выросли въ цѣлыя деревья.

У пророка Іезекіиля въ нѣсколькихъ мѣстахъ (17, 8, 19, 10—11) засвидѣтельствовано, что именно при обиліи хорошей воды вырастаютъ огромныя и плодovitыя лозы, такъ что, по его словамъ, вѣтви такихъ лозъ годны на скипетры властителямъ (19, 11), тогда какъ вѣтви другихъ лозъ годны только на „сѣденіе огню“ (15).

На тщательный уходъ за виноградникомъ указываетъ уже и то, что этотъ уходъ служилъ для Іисуса Христа и библейскихъ писателей очень удобнымъ символомъ для изображенія заботъ Бога о Церкви, и въ Св. Писаніи нерѣдко Церковь Божія изображается подъ символомъ отлично устроеннаго виноградника, напр.: въ Ев. Мѡ. 21, 31—44; Ис. 5, 1—7, 27, 2—6 и др. А какія превосходныя лозы выращивались тщательнымъ уходомъ, можно еще видѣть изъ того, что народъ Божій—Евреи уподобляется въ Св. Писаніи благородной лозѣ, разросшейся и съ громадными вѣтвями (Іер. 2, 21; Пс. 79, 9—15), и уподобляется именно со стороны идеальной, т. е. какимъ онъ долженъ бы быть, а какимъ онъ бывалъ въ дѣйствительности—непокорнымъ, нечестивымъ—

уподобляется въ словахъ Іереміи „дикой отрасли чужой лозы“ (2, 21) или у Исаіи—„лозь, принесшей дикія ягоды“ (5, 2) и еще сильнѣе у Моисея—винограду Содома и Гоморры съ ядовитыми ягодами.

Виноградъ поспѣвалъ не въ одно время. На горахъ Іуды уже въ іюлѣ виноградъ былъ вполне спѣлый, но вообще, во всѣхъ мѣстностяхъ виноградъ поспѣвалъ въ началѣ сентября. Тогда же начиналось и собираніе винограда. Если былъ обильный урожай винограда, то собираніе его затягивалось до конца октября, а въ началѣ ноября при благоприятныхъ дождяхъ производился посѣвъ хлѣба. Слѣдовательно, если было обиліе винограда и выпадали ранніе дожди, благоприятные для посѣва, то вполне оправдывалась тогда картина изобилія—обѣщаніе Божіе Израильтянамъ,—описанная Моисеемъ (Лев. 26, 4—5) и пр. Амосомъ (9, 13), что собираніе винограда продолжится до посѣва. Собираніе винограда было временемъ веселья и радости. На это указываетъ пророкъ Исаія, когда однимъ изъ признаковъ страшнаго опустошенія страны, ея запустѣнія считаетъ то, что въ виноградникахъ не поютъ и не ликуютъ (16, 10). Собиратели винограда, выходя на дѣло, брали съ собою корзины, куда и клали снимаемые грозды (Іер. 6, 9). Нужно замѣтить, что законъ Моисеевъ (Лев. 19, 10 и Вт. 24, 21) изъ гуманныхъ мотивовъ не позволялъ Евреямъ обирать до чиста виноградникъ и подбирать попадавшія ягоды; все это должно было итти въ пользу вдовъ, сиротъ и пришельца. Кстати нѣсколько замѣчаній о спѣлыхъ кистяхъ. Сообразно съ величиною лозы и спѣлыя виноградныя кисти достигали значительной величины. Мы уже упоминали о еврейскихъ соглядатаяхъ, которые срѣзали въ долинѣ Есхоль кисть такой величины, что должны были нести ее на шестѣ двое (Чис. 13, 24). И это вполне подтверждается показаніями путешественниковъ послѣднихъ временъ. Одинъ французскій путешественникъ приводитъ разсказъ монаха палестинскаго, передававшего, что у нихъ кисти бываютъ такой величины, что едва два чело-

вѣка могутъ нести одну кисть ¹⁾. Шульцъ въ селеніи Бейт-синъ, около Птолемаиды видѣлъ виноградъ, кисти котораго вѣсили отъ девяти до двѣнадцати фунтовъ ²⁾. Нѣсколько же подобныхъ примѣровъ величины виноградныхъ кистей приведено и у Schegg'a въ его *Biblische Archäologie* стр. 174. Именно согласіе въ показаніяхъ разныхъ лицъ не позволяютъ сомнѣваться въ достовѣрности показаній.

Спѣлые грозды получили у Евреевъ разнообразное употребленіе, но главнымъ образомъ изъ нихъ добывалось вино. Общепринятымъ способомъ добыванія вина былъ способъ топтанія виноградныхъ гроздь въ точилахъ, говоримъ общепринятымъ потому, что въ каждомъ виноградникѣ непременно было точило. Точила принадлежать къ интереснѣйшимъ памятникамъ Святой земли и суть почти единственные остатки древней культурной жизни и неопровержимое свидѣтельство винодѣлія въ тѣхъ странахъ, по которымъ теперь только Бедуины кочуютъ. По свидѣтельствамъ путешественниковъ, изсѣченныя въ скалахъ точила находятся почти во всѣхъ частяхъ Іудеи: на холмахъ южной Іудеи, на восточной сторонѣ Кармила, около Хеврона, но особенно много ихъ въ Галилеѣ.

Точило, обыкновенно, состояло изъ корыта и чана. Корыто помѣщалось внизу и плотно входило въ грунтъ, а вверху надъ нимъ помѣщался чанъ съ дырочками, причемъ дно чана было ровное. Робинзонъ нашелъ на пути изъ Сихема въ Яффу при Габле древнее совершенно сохранившееся точило и вотъ какъ онъ его описываетъ. „Для точила выбирался каменный утесъ, на верхней сторонѣ къ югу выбивался ровный уступъ 8 футовъ въ квадратъ и 15 долей глубиною, дно котораго слегка склонялось къ сѣверу, причемъ толщина камня, оставленнаго на сѣверномъ концѣ, простиралась только на одинъ футъ. Ниже двумя футами въ этой же сторонѣ пскаывался другой небольшой чанъ 4 футовъ въ квадратъ

¹⁾ Саратовскія Епархіальныя Вѣдомости за 1867 г., № 2.

²⁾ Библ. словарь Верховскаго, стр. 307.

и 3 футовъ глубины. Грозды растапывались въ верхнемъ ровномъ чанѣ и сокъ бѣжалъ въ низшій чанъ черезъ дыру во днѣ, которую еще можно было видѣть въ открытомъ памятникѣ¹⁾.

Именно, какъ говорить и Робинзонъ, въ верхній чанъ и сносились спѣлые грозды. Сюда входило потомъ нѣсколько мужчинъ и топтало грозды. Топтать виноградъ, какъ видно изъ 24 гл. 11 ст. кн. Иова представлялось бѣднымъ, такъ какъ работа эта очень тяжелая. Довольно ясное понятіе объ общемъ характерѣ работы можно составить на основаніи нѣкоторыхъ мѣстъ Св. Писанія. Пророкъ Исаія описываетъ время народнаго бѣдствія словами: исчезло съ плодоносной земли веселье и ликованье, и въ виноградникахъ не поють, не ликуютъ, виноградарь не топчетъ винограда въ точилахъ, прекратилъ ликованіе (16, 10). А устами пр. Іереміи Господь говоритъ: радость и веселье отнято отъ кормила и отъ земли Моава. Я положу конецъ вину въ точилахъ, не будутъ болѣе топтать въ нихъ съ пѣснями, крикъ брани, а не крикъ радости (48, 33). Насколько шумно было ликованіе при топтаніи, можно судить по тому, что тотъ же самый пророкъ именно крикъ топчашихъ взялъ образомъ того, какъ возгремитъ Господь страшно на селеніе свое и воскликнетъ на всѣхъ живущихъ: шумъ дойдетъ до конца земли (26, 30—31). Всѣ эти мѣста создаютъ такое представленіе объ общемъ характерѣ работы, что хотя она была тяжелая, но вмѣстѣ и радостная, шумная, веселая. Съ какимъ усердіемъ и ревностію топтались грозды, можно усматривать изъ того, что топтаніемъ писатели библейскіе пользовались, какъ живымъ образомъ пораженія враговъ (Ис. 63, 1—6; Апок. XIX, 15).

Одежды топчашихъ, естественно, забрызгивались каплями сока и дѣлались красными. Именно въ червленыхъ ризахъ шествовалъ Господь послѣ топтанія враговъ (Ис. 63, 1).

¹⁾ Библейская археологія Кейля 148 и еще у Schegg. Цитир. сочиненіе, 177 стр

Сокъ, выдавливаемый топчачими, стекаетъ чрезъ дырочки въ нижнее корыто. Сокъ этотъ и служилъ основой винограднаго вина.

Сокъ изъ гроздь добывали и другимъ способомъ, именно: кисти виноградныя высушивали, потомъ поливали ихъ водою и чрезъ нѣсколько минутъ выжимали изъ нихъ сокъ. Вино получалось сладкое, но вмѣстѣ съ тѣмъ и крѣпкое, отъ котораго вполне можно было опьянѣть. Сокъ изъ сырыхъ виноградныхъ кистей, добываемый при помощи топтанія въ точилѣ, прямо изъ корыта, наливался или въ кожаные мѣха (Мѡ. 9, 17, Іовъ 32, 19. 1 Цар. 10, 3 и др.) или въ глиняные сосуды (Іер. 48, 11). Вино, влитое въ мѣха, сначала кипитъ, какъ бы разгорячаемое сильнымъ жаромъ, такъ что можетъ прорвать плохіе мѣха, почему Спаситель и совѣтывалъ новое вино вливать въ новые мѣха (Мѡ. 9, 17). Если вино хотѣли сохранить на долгое время, то, наливши въ мѣха или кружки, закупоривали ихъ и долго держали въ земляныхъ ямахъ или въ особенныхъ кладовыхъ. Въ закупоренныхъ же мѣхахъ вино перевозилось и переносилось. Вино по красному цвѣту виноградныхъ кистей само получало красный цвѣтъ, отсюда употребительны въ св. Писаніи выраженія: кровь гроздовъ (Быт. 49, 11): кровь виноградныхъ ягодъ (Вт. 32, 14), кровь винограда (Сир. 50, 17). Вино иногда приправлялось ароматическими (розой, миррой) для запаха, и горькими эссенціями для крѣпости. Даже вливали въ вино бальзамъ (драгоцѣнное, эфирное масло) или пили вино изъ чашъ, въ которыхъ прежде былъ бальзамъ. Вино съ миррою было нѣжное, малоопьяняющее, почему и было любимымъ напиткомъ женщинъ. Вино, такъ приготовленное, смѣшивалось съ водою: лѣтомъ съ холодной, а зимой съ теплою. Отношеніе смѣшенія зависѣло какъ отъ свойства вина, такъ и отъ вкуса пьющихъ: иногда вино и вода брались въ равныхъ частяхъ, обыкновенно 2 части вина и 1 часть воды, или даже 3 части вина и 1 часть воды. О смѣшанномъ винѣ упоминается въ Притчахъ, гдѣ Премудрость растворила вино

(9, 2) и приглашала пить его (9, 5). Вино ароматное упоминается въ Пѣс. Пѣсней (7, 3), а вообще приправленное у Исаіа 65, 11 и Прит. 23, 30. Смѣшеніе вина съ водой происходило уже въ столовой комнатѣ предъ тѣмъ, какъ подавать его на столъ, тогда какъ вино являлось уже фальшивымъ, если оно разбавлялось водой еще въ мѣхахъ и сосудахъ, что практиковалось при торговлѣ. Въ этомъ именно обличаетъ Исаіа своихъ современниковъ говоря: серебро твое стало изгарью, вино твое испорчено водой (1, 22).

Виноградный сокъ не весь сполна давалъ чистое вино; худшіе элементы сока образовывали уксусъ, горькій напитокъ, отдаваемый рабамъ и солдатамъ. Уксусъ, между прочимъ, выдавался, какъ жалованье римскимъ солдатамъ, почему распятому Иисусу Христу и поднесли его воины. Уксусъ служилъ напиткомъ для жнецовъ; въ него же они макали и хлѣбъ свой. Такъ Воозъ пригласилъ Руѳъ, собиравшую на его полѣ колосья, вмѣстѣ съ жнецами ѣсть хлѣбъ и обмакивать его въ уксусъ (кн. Руѳъ 2, 14). Въ числѣ предметовъ, отъ которыхъ отказывался Назорей, былъ и уксусъ (Чис. 6, 3).

Спѣлыя грозды не всѣ были сносимы въ точило для выдѣлки вина; не малое количество ихъ высушивалось и сдавливалось въ массу, что и давало изюмъ. Св. Писаніе много разъ упоминаетъ объ изюмѣ. Такъ Авигея, жена Навала, чтобы сгладить грубость обращенія мужа своего съ Давидомъ, поднесла послѣдному много съѣстнаго, и между прочимъ, сто связокъ *изюма* (1 Цар. 25, 18); еще объ изюмѣ упоминается въ 1 Цар. 30, 12; 2 Цар. 16, 1 и 1 Пар. 12, 40. Изъ высушенныхъ же виноградныхъ ягодъ приготовлялось пирожное—виноградныя лепешки, какъ сказано у пр. Осіа въ 8-й гл. 1-мъ стихѣ.

Мы нарисовали по возможности полную картину воздѣлыванія винограда. Картина эта въ высшей степени знакомая евреямъ. За это говорятъ разбросанныя въ св. Писаніи и нѣсколько разъ нами приводившіяся сравненія и подобія, заимствованныя отъ свойствъ и особенностей винограда и

его продуктовъ, отъ всего, что имѣло отношеніе къ воздѣлыванію этого прекраснаго растенія и что стояло въ связи съ заботами о его сохраненіи. Сравненія и подобія эти переходили и въ разговорную рѣчь, становясь ея постояннымъ достояніемъ и служа въ устахъ евреевъ образнымъ выраженіемъ тѣхъ или другихъ мыслей. Хорошій примѣръ употребленія сравненій и подобій въ разговорной рѣчи представляетъ намъ книга Судей. Геденъ, на упрекъ Ефремлянъ, почему онъ не взялъ ихъ на войну съ Мадіанитянами, отвѣчалъ: сдѣлалъ ли я что такое, какъ вы нынѣ? не счастливѣе ли Ефремъ добиралъ виноградъ, чѣмъ Авіезеръ обиралъ? (8, 2), давая тѣмъ самымъ понять, что Ефремяне очень удачно преслѣдовали разбитыхъ Геденомъ Мадіанитянъ, принеся Гедену головы двухъ князей Мадіанитскихъ—Орива и Зива.

Имѣя въ виду полное знакомство евреевъ съ нарисованной нами картиной воздѣлыванія виноградника, мы поймемъ, почему Господь въ притчахъ своихъ пользовался образомъ и отъ виноградника. Въдъ притчами къ народу Господь говорилъ потому, что, какъ сказалъ Онъ на вопросъ апостоловъ, народу не дано знать тайнъ царствія Божія, т. е., что истины царствія Божія въ изложеніи ихъ отвлеченнымъ языкомъ непонятны народу. И вотъ, чтобы сдѣлать ихъ понятными для народа, Господь излагалъ ихъ подъ наглядными, конкретными, вполне понятными народу образами. И когда Іисусъ Христосъ въ притчѣ о злыхъ виноградаряхъ бралъ образъ отъ виноградника, то Онъ былъ вполне понятенъ народу, такъ какъ Онъ въ этой притчѣ нѣсколькими штрихами безъ всякихъ только подробностей обозначилъ именно ту картину воздѣлыванія виноградника, которая такъ хорошо была знакома евреямъ.

II. II—ii.

Неразрывная связь въ Евангеліи въроученія и нравоученія.

(Противъ современнаго морализма).

(Продолженіе ¹⁾).

Никакой христологіи, никакого исповѣданія лица Іисуса Христа, кромѣ подражанія Его примѣру, кромѣ исповѣданія дѣломъ и настроеніемъ Евангеліе не знаетъ. Не слишкомъ ли, однако, смѣло такое утвержденіе Гарнака и не найдется ли тогда въ Евангеліи массы такихъ фактовъ, которые будутъ лишены всякаго здраваго смысла, всякой естественной самостоятельности? Главенствующей въ евангельскомъ ученіи несомнѣнно является идея Христа, какъ Бога. Она именно и составляетъ краеугольный камень всего евангельскаго христіанства. Христіанство, по Евангелію, есть прежде всего историческій безпримѣрный фактъ и, поэтому оно неизмѣнно на всѣ вѣка и эпохи человѣческаго существованія. „Слово стало плотію и обитало съ нами, полное благодати и истины, и мы видѣли славу Его, славу какъ едиnorodнаго отъ Отца“ (Іоан. 1, 14). Вотъ въ чемъ сущность христіанства. Евангеліе и есть радостная вѣсть объ этомъ событіи, оно есть проповѣдь о распятомъ за насъ Богочеловѣкѣ, Его ученіи, Его дѣлахъ. „Сіе же написано, дабы вы увѣрвали, что Іисусъ есть Христосъ, Сынъ Божій, и, въруая, имѣли жизнь во имя Его“ (Іоан. 20, 31). Это основной центръ всей евангельской исторіи, начало и конецъ всего христіанства, какъ религіи Богооткровенной. „Для насъ, говоритъ проф. прот. Лепорскій, положительно многое остается совершенно необъяснимымъ и непонятнымъ въ Евангеліи, если мы, слѣдуя Гарнаку, сведемъ все евангельское ученіе къ этикѣ и отвергнемъ истину боговоплощенія. Кто, напримѣръ, изъ людей когда-нибудь усвоилъ себѣ авторитетъ, равный божественному?“

¹⁾ См. №№ 32—33 за 1912 г.

Но Христось говорилъ ученикамъ, что для нихъ есть только одинъ Учитель и Наставникъ—именно Онъ, какъ есть и одинъ только Отець, Который на небесахъ. Прощаль ли кто на землѣ грѣхи не во имя Бога, а собственно своею властью? Но о Христѣ съ недоумѣніемъ вопрошали: „кто это, что и грѣхи прощаетъ?“ Укажетъ ли исторія другое лицо, которое утверждало бы, что оно своимъ вѣдѣніемъ превосходить не только кого бы то ни было изъ людей, но даже ангеловъ? Былъ ли среди рожденныхъ женами хотя бы одинъ, кто не называлъ бы Бога своимъ Творцомъ и Господомъ? Но прочтите Евангелія и вы не найдете этихъ названій въ устахъ Иисуса изъ Назарета. „Мой Отець“, „Мой Богъ“—таковы Его обычные названія Бога, когда онъ говоритъ о Своемъ отношеніи къ Нему.. Кто изъ простыхъ сыновъ Израиля осмѣлился бы заявлять исключительное право на званіе Сына и Наслѣдника Великаго Царя въ отличіе отъ всѣхъ другихъ, какъ только Его слугъ и рабовъ? И однако Христось не только выражаетъ такое самосознаніе въ притчахъ, но и прямо прилагаетъ къ Себѣ, какъ къ Сыну и Наслѣднику, всѣ ветхозавѣтныя изреченія, относящіяся къ Иеговѣ“... 1). Можно, только намѣренно закрывши глаза, не видѣть во всѣхъ рѣчахъ и дѣлахъ Иисуса Христа отраженія яркихъ лучей Его Божества.

„Изреченіе „Я есмь Сынъ Божій“ не помѣщено въ Евангеліи Самимъ Христомъ, говоритъ Адольфъ Гарнакъ. Христось не хотѣлъ иной вѣры въ Свою личность и иного общенія съ нею, кромѣ того, которое обуславливается исполненіемъ Его заповѣдей“ (см. выше). Но всякій, кто внимательно и непредубѣжденно читалъ Евангеліе, не могъ не вынести изъ этого чтенія полной, непоколебимой увѣренности, что Иисусъ Христось представляется въ немъ не иначе, какъ

1) Христіанское чтеніе. 1903 г. м. февраль. П. Лепорскій. Христіанство и современное міровоззрѣніе, стр. 217.

только Богомъ. Иисусъ Христосъ ясно и опредѣленно говорилъ о Себѣ, какъ о Сынѣ Божиѣмъ, какъ о Богѣ: „никто не восходилъ на небо, какъ только спедшій съ небесъ Сынъ Человѣческій, сущій на небесахъ“ (Іоан. 3, 13); „прежде нежели былъ Авраамъ, Я есмь“ (Іоан. 8, 58); „и нынѣ прославь Меня Ты, Отче, у Тебя Самого славою, которую Я имѣлъ у Тебя прежде бытія міра“ (Іоан. 17, 5); „Я сошелъ съ небесъ“ (Іоан. 6, 38); „Я хлѣбъ живой, сходящій съ небесъ“ (Іоан. 6, 51); „Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходитъ къ Отцу, какъ только чрезъ Меня“ (Іоан. 14, 6). На вопросъ іудеевъ: „Кто Ты?“ Иисусъ Христосъ отвѣчалъ: „отъ начала Сущій... Когда вознесете Сына Человѣческаго, тогда узнаете, что это Я... Пославшій Меня есть со Мною; Отецъ не оставилъ Меня одного“ (Іоан. 8, 25, 28, 29). На вопросъ первосвященника: „Ты ли Христосъ, сынъ Божій?“ Иисусъ говоритъ ему: ты сказалъ; даже сказываю вамъ: отнынѣ узрите Сына Человѣческаго, сидящаго одесную силы и грядущаго на облакахъ небесныхъ“ (Мѡ. 26, 63—64; Мар. 14, 61—62). И никто ничего не могъ Ему сказать на эти Его слова, кромѣ того, что Онъ богохульствуетъ (Мѡ. 26, 65). Иисусъ Христосъ, по ученію Евангелія, единосущенъ Отцу (Іоан. 10, 30); Ему принадлежитъ та же власть и сила, что и Богу Отцу (Іоан. 5, 21), то же поклоненіе и почитаніе (Іоан. 5, 23). Онъ—Сынъ Единородный (Іоан. 3, 16), дающій вѣчную жизнь (Іоан. 3, 15, 16; 5, 24; 6, 35, 48); Ему принадлежитъ послѣдній судъ надъ міромъ (Іоан. 3, 17; 5, 22, 27); только чрезъ вѣру въ Него возможно спасеніе (Іоан. 3, 17; 5, 25; 6, 39, 40, 44; Мѡ. 18, 11); къ Нему относятся всѣ ветхозавѣтные пророческіе глаголы (Іоан. 5, 39); Онъ прямо говоритъ о Себѣ: „все Мое Твое, и Твое Мое“ (Іоан. 17, 10), „о чемъ ни попросите Отца во имя Мое, и дастъ вамъ“ (Іоан. 16, 23); „всякаго, кто исповѣдаетъ Меня предъ людьми, того исповѣдую и Я предъ Отцомъ Моимъ Небеснымъ“ (Мѡ. 10, 32); „Отецъ Мой возлюбитъ его, и Мы придемъ къ нему и обитель у него сотворимъ“ (Іоан. 14, 23).

Такимъ образомъ въ Евангеліи мы находимъ ясное и опредѣленное ученіе о Божествѣ Іисуса Христа. Игнорировать Божество Іисуса Христа, читая Евангеліе, невозможно. Христово Евангеліе безъ ученія о Христвѣ, какъ Богѣ, есть нѣчто преднамѣренно измышленное, нелѣпое, мертвое, никогда не существовавшее и не существующее. „Огонь говоритъ Гарнакъ, зажигается только отъ огня, личная жизнь — только отъ личныхъ силъ“¹⁾. Отъ кого же загорѣться въ человѣкѣ огню новой жизни, какъ не отъ вѣры въ Сына Божія, которую преподааетъ Евангеліе. Не что иное, а именно христіанство, по словамъ Лекки, поставило предъ міромъ въ лицѣ Іисуса Христа такой идеальный образъ, который зажегъ въ сердцахъ миллионовъ людей самую пламенную любовь, оказываетъ въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ могущественное вліяніе на жизнь человѣчества, является истинной причиной всего лучшаго и чистѣйшаго въ ней и служитъ неизсякаемымъ источникомъ духовнаго возрожденія для людей²⁾. Если бы скрыть отъ человѣка спасительное евангельское ученіе о лицѣ Іисуса Христа и говорить ему только о любви, о смиреніи, о праведности, о нравственной жизни, отнюдь не упоминая о Христвѣ, Его словахъ, Его чудесныхъ дѣяніяхъ, неужели бы Евангеліе сдѣлалось могучимъ фактомъ моральной жизни человѣчества, неужели бы въ человѣкѣ зажегся огонь новой жизни? Всѣ усилія правителей, законодателей и обществъ къ улучшенію человѣческой жизни показываютъ, какъ трудно безличнымъ мотивамъ бороться съ чловѣческой животностью. И, наоборотъ, тамъ, гдѣ увѣровали во Христа, какъ Богочеловѣка, тамъ зажигается огонь и свѣтъ истинно-христіанской жизни, жизни по Евангелію, и міръ приходитъ

¹⁾ Общая исторія европейской культуры; т. V. Изданіе Брокгаузъ-Ефрона подъ редакціей проф. Гревса, Зѣлинскаго, Карѣва и Ростовцева. СПб. А. Гарнакъ. Сущность христіанства, стр. 92.

²⁾ Sittengeschichte Europas, II, s. 7—см. у Гусева „О сущности религиозно-нравственнаго ученія Л. Н. Толстого“. Казань. 1902 г., стр. 150.

и дивится. Представимъ на минуту, что Евангеліе не учитъ о Божествѣ Иисуса Христа, допустимъ, что Христосъ забыть. Какой невыразимой тоской и скорбью за человѣка наполняется сердце! Нѣтъ этого свѣточа, нѣтъ этого возлюбленнѣйшаго образа, нѣтъ этого утѣшенія въ высшей правдѣ, нѣтъ этой духовной отрады въ истинѣ Его рѣчей. И гдѣ тогда христіанинъ найдетъ обязательный стимуль къ исполненію евангельскихъ заповѣдей? Какую же обязательную силу можетъ тогда имѣть для христіанина евангельское нравоученіе: Вѣдь всякій нравственный законъ, т. е. законъ, опредѣляющій дѣйствія свободныхъ существъ, способныхъ сообразоваться съ нимъ или не повиноваться ему, не иначе можетъ быть обязательнымъ для этихъ существъ, какъ когда Онъ истекаетъ отъ высшей силы, отъ Творца, Который самимъ этимъ закономъ опредѣлилъ нормальныя условія ихъ дѣятельности. Иисусъ Христосъ даетъ міру нравственный законъ. Но гдѣ и въ чемъ полагаетъ Онъ авторитетъ, какою властью запечатлѣваетъ Онъ Свое нравоученіе? „Не думайте, что Я пришелъ нарушить законъ или пророковъ: не нарушить пришелъ Я, но исполнить“ (Мѡ. 5, 17). И Своимъ авторитетомъ, Своею властью дополнялъ нравственный законъ Ветхаго Завѣта: „Вы слышали, что сказано древнимъ: „не убивай; кто же убьетъ, подлежитъ суду“ (Исход. 20, 13). *А Я говорю вамъ*, что всякій, гнѣвающійся на брата своего напрасно, подлежитъ суду... Вы слышали, что сказано древнимъ: „не прелюбодѣйствуй“ (Исх. 20, 14). *А Я говорю вамъ*, что всякій, кто смотритъ на женщину съ вожделѣніемъ, уже любодѣйствуетъ съ нею въ сердцѣ своемъ... Сказано также, что если кто разведется съ женою своею, пусть дастъ ей разводную книгу (Втор. 24, 1). *А Я говорю вамъ*: кто разводится съ женою своею, кромѣ вины любодѣянія, тотъ подаетъ ей поводъ прелюбодѣйствовать... Еще слышали вы, что сказано древнимъ; „не преступай клятвы, но исполняй предъ Господомъ клятвы твои“ (Левит. 19, 12; Второз. 23, 21). *А Я говорю вамъ*: не клянись вовсе... Вы слышали, что ска-

зано: „око за око, и зубъ за зубъ“ (Исх. 21, 24). *А Я говорю вамъ*: не противься злему... Вы слышали, что сказано: „любви ближняго твоего и ненавиль врага твоего“ (Левит. 19, 17—18). *А Я говорю вамъ*: любите враговъ вашихъ“... (Мѣ. 5, 21, 22, 27, 28, 31, 32, 33, 34, 38, 39, 43, 44). Вотъ нравоученіе, преподанное Иисусомъ Христомъ. И, однако, Онъ, какъ Божественный законодатель, говоритъ здѣсь отъ Своего имени и Своимъ авторитетомъ санкціонируетъ нравоученіе: „*А Я говорю вамъ*“. И никому это не кажется неестественнымъ или смѣшнымъ. Напротивъ, какъ повѣствуетъ евангелистъ Матѣей, „народъ дивился ученію Его, ибо Онъ училъ ихъ, какъ власть имѣющій“ (Мѣ. 7, 28—29).

Илагаая ясное и опредѣленное ученіе о Божествѣ Иисуса Христа, Евангеліе поставляетъ въ зависимость отъ вѣры въ это ученіе всю нравственную жизнь человѣка. Евангеліе ясно свидѣтельствуеть, что безъ вѣры во Христа, какъ Богочеловѣка, невозможно быть нравственнымъ человѣкомъ, способнымъ дѣлать истинно добрыя дѣла. Уже Свою миссіонерскую проповѣдь къ народу Иисусъ Христосъ началъ именно не только призывомъ къ покаянію и исправленію жизни, къ послушанію волѣ Отца Небеснаго и исполненію Его заповѣдей, но и къ вѣрѣ въ то Евангеліе, которое принесъ Онъ на землю: „Покайтесь и вѣруйте въ Евангеліе“ (Мр. 1, 15), говоритъ Спаситель и этимъ призывомъ требуетъ отъ людей вѣры въ Свое Божество. Когда однажды іудеи спросили Христа: „что намъ дѣлать, чтобы творить дѣла Божіи? Иисусъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: вотъ дѣло Божіе, чтобы вы вѣровали въ Того, Кого Онъ послалъ“ (Іоан. 6, 28—29). И во все время Своего миссіонерскаго служенія различными путями, и Своимъ необыкновеннымъ (Іоан. 6, 46; Мѣ. 7, 28) Божественнымъ словомъ и Своими сверхъестественными дѣлами убѣждалъ какъ отдѣльныя личности, такъ и весь народъ вѣровать въ Него, какъ въ Сына Божія, какъ въ Свѣтъ, пришедшій въ міръ (Іоан. 12, 36, 46). Такимъ образомъ, соблюденіе евангельскихъ заповѣдей имѣеть свой корень въ вѣрѣ

и любви къ Иисусу Христу, какъ Сыну Божію: „Если любите Меня, соблюдайте Мои заповѣди“ (Іоан. 14, 15). Для христіанина, располагающаго свою жизнь по Евангелію, Иисусъ Христосъ имѣеть не то только значеніе, что Онъ возвѣстилъ человѣчеству возвышенное нравственное ученіе, но главнымъ образомъ то, что въ Своей жизни Онъ далъ для всего человѣчества реальный идеаль нравственнаго совершенства. Евангеліе предлагаетъ намъ не систему нравственныхъ правилъ и предписаній, не нравственные теоріи часто неприложимыя къ жизни. Оно предлагаетъ намъ самый воплощенный идеаль нравственности въ лицѣ Иисуса Христа, какъ непремѣнный нравственный критерій, съ которымъ каждый христіанинъ долженъ сообразовать свою жизнь и осуществлять его въ ней. Здѣсь мы слышимъ не мертвое слово, здѣсь предъ нами предстоить самая жизнь.— „Приидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ. Возьмите иго Мое на себя и научитесь отъ Меня; ибо Я кротокъ и смиренъ сердцемъ“ (Мѡ. 11, 28, 29). „Нравственное христіанское ученіе, говоритъ католическій богословъ Геттингеръ, не пустое мечтательное произведеніе фантазіи, разсыпающееся въ прахъ при внимательномъ изслѣдованіи, не простая идеалогія или обстрактная мораль, но живое изображение Иисуса Христа, этого божественнаго образца и живого нравственнаго идеала, который явился въ исторіи и сталъ человѣкомъ, который жилъ чисто человѣческою жизнію, „будучи во всемъ намъ подобенъ кромѣ грѣха“, и всякое нравственное величіе состоитъ только въ приближеніи къ этому конкретному чисто человѣческому первообразу человѣческой жизни, который при всей недоступной для насъ высотѣ своей въ то же время и вполне близокъ намъ“¹⁾. Приидите ко Мнѣ... и научитесь отъ Меня (Мѡ. 11, 28, 29). Почему именно человѣку должно научиться исполнять нравственный законъ у Христа Господа нашего? Не потому ли, что онъ предсталъ предъ людьми уже осуществившимъ этотъ

¹⁾ Аналогія христіанства, ч. I, стр. 277—278.

нравственный законъ, уже воплотившимъ въ жизни высокія идеи проповѣдуемаго Имъ ученія? Не потому ли, что Христосъ—Богъ и вмѣстѣ человѣкъ? „Будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ Небесный“ (Мѡ. 5, 48). Это послѣдняя цѣль, къ которой устремляется евангельское нравоученіе. И въ лицѣ Иисуса Христа открывается предъ нами дѣйствительность, а не призрачность высокаго евангельскаго идеала нравственной жизни. Здѣсь Богъ открылъ Себя въ совершенствѣ человѣка, и совершенный человѣкъ явилъ собой намъ Бога. Здѣсь явилось снисхожденіе всесовершеннаго Божества къ несовершенному человѣчеству. Здѣсь совершилось восхожденіе къ Божеству, воспріятіе и усвоеніе въ немощную человѣческую природу божественной силы и божественной премудрости. Вотъ почему евангельское нравоученіе не есть нѣчто самостоятельное, существующее само по себѣ и ради себя, могущее быть отрѣшеннымъ отъ лица Иисуса Христа, но, напротивъ, органически связано съ Нимъ, неотдѣлимо отъ Него, къ Нему относится и на Немъ утверждается. Объ этомъ живомъ, постоянномъ и непосредственномъ взаимоотношеніи нравственной жизни со Христомъ, Богочеловѣкомъ, очень ясно говорится въ Евангеліи. Иисусъ Христосъ Самъ говоритъ о Себѣ народу и Своимъ ученикамъ: „Кто вѣруеть въ Меня, у того, какъ сказано въ Писаніи, изъ чрева потекутъ рѣки воды живой“ (Іоан. 7, 38; ср. Ис. 12, 3; Іоила 3, 18). „Я есмь хлѣбъ жизни; приходящій ко Мнѣ не будетъ алкать и вѣрующій въ Меня не будетъ жаждать никогда“ (Іоан. 6, 35). „Я есмь дверь: кто войдетъ Мною, тотъ спасется, и войдетъ, и выйдетъ и пажить найдетъ“ (Іоан. 10, 9). „Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходитъ къ Отцу, какъ только чрезъ Меня“ (Іоан. 14, 6). „Пребудьте во Мнѣ, и Я въ васъ. Какъ вѣтвь не можетъ приносить плода сама собою, если не будетъ на лозѣ: такъ и вы, если не будете во Мнѣ. Я есмь лоза, а вы вѣтви; кто пребываетъ во Мнѣ, и Я въ немъ, тотъ приноситъ много плода; ибо безъ Меня не можете дѣлать ничего. Кто не пребудеть во Мнѣ, извергнется вонъ, какъ вѣтвь, и засохнетъ; а

такія вѣтви собирають и бросаютъ въ огонь, и онѣ сгорають. Если пребудете во Мнѣ, и слова Мои въ васъ пребудутъ“ (Іоан. 15, 4—7). Въ этихъ словахъ ясно указывается на внутреннюю, неразрывную связь нравственной жизни съ божественною жизнью, явленною намъ во Христѣ. И эта связь не умопредставляемая только, она не основана лишь на отвлеченномъ понятіи высочайшаго нравственнаго идеала въ святѣйшемъ лицѣ Господа Іисуса Христа. Это не простая интуиція, гдѣ съ одной стороны находится Богочеловѣческая личность Іисуса Христа, какъ объектъ нравственнаго сознанія человѣка, а съ другой—нравственная человѣческая личность, какъ субъектъ, созерцающій и воспринимающій евангельскій законъ нравственной жизни, выраженной во Христѣ. Нѣтъ, въ евангельскомъ освѣщеніи нравственная жизнь человѣческой личности реально, существенно и, такъ сказать, органически всегда соединяется съ божественною жизнью Христа Бога, какъ вѣтвь дерева со стволомъ и корнемъ¹⁾. Вотъ почему Евангеліе „смотритъ на Христа не только какъ на Законодателя и Основателя религіи, но скорѣе какъ на самую религію, воплощенную въ Его божественной личности“²⁾. „Богочеловѣкъ Христосъ Іисусъ, смирившій Себя даже до смерти, смерти же крестныя (Филип. 2, 8) и Своею смертію и воскресеніемъ искупившій, возродившій, прославившій насъ по вѣрѣ въ Него,—вотъ сущность евангельской исторіи“³⁾. Значить, чтобы принять нравочленіе, проповѣданное Христомъ, чтобы осуществить въ жизни морально-практическія требованія Евангелія, для этого необ-

¹⁾ Свящ. І. Филавскій. Сущность христіанской нравственности въ отличіи ея отъ матеріальной философіи графа Л. Н. Толстого. Вѣра и Разумъ. 1893 г., № 11, стр. 731.

²⁾ Успокоеніе души человѣка въ единеніи съ Христовою церковью. Чтеніе VIII изъ Вортстворта; перев. свящ. М. Воздвиженскаго. Православное обозрѣніе, 1886 г., № 12, стр. 694.

³⁾ Прот. Д. И. Богдашевскій. О Евангеліяхъ и евангельской исторіи. Кіевъ. 1903 г., стр. 22.

ходима религіозная вѣра въ божественную природу Иисуса Христа. Ибо религіозная вѣра въ Божество Иисуса Христа составляетъ первую ступень нравственной жизни, безъ которой она не можетъ начаться и развиваться. Только вѣра во Христа Богочеловѣка способна одушевить человѣка тѣмъ высокимъ и непрестаннымъ стремленіемъ къ истинной любви и величайшимъ подвигамъ, которые заповѣдуетъ евангельское нравоученіе. Только тогда, когда изъ глубины вѣрующаго сердца исторгнется „Господь мой и Богъ мой“ (Іоан. 20, 28), только тогда христіанинъ можетъ „творить истину“ и исполнять завѣты своего Учителя. Такъ учить Евангеліе, такъ заповѣдуетъ Иисусъ Христосъ. Въ нагорной проповѣди, которая всѣми признается за образецъ нравственнаго ученія Христа, ясно слышится и чувствуется необходимость вѣры въ Божество Спасителя. „Будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный“ (Мѣ. 5, 48)—вотъ смыслъ и значеніе нагорной проповѣди. Богъ Отецъ поставляется цѣлью, къ которой должно стремиться. А достиженіе нравственнаго совершенства возможно только путемъ евангельскихъ заповѣдей, данныхъ Иисусомъ Христомъ. Поэтому, признавая безусловно истинность и обязательность евангельскихъ заповѣдей, мы, по Евангелію, должны имѣть въ виду ихъ неразрывную связь съ Богочеловѣческимъ лицомъ Христа Спасителя. Признавая одно, нельзя отвергать другое, ибо Иисусъ Христосъ никогда не говорилъ о Себѣ иначе, какъ въ связи съ Своею проповѣдью объ отношеніяхъ людей къ Богу и о томъ искупительномъ подвигѣ, къ которому призвалъ Его Отецъ.

Любопытно, что Адольфъ Гарнакъ, отрицая въ Евангеліи „христологію“ и сводя его къ этикѣ, съ своимъ капитальномъ научномъ трудѣ по исторіи христіанской догмы, представляющемъ, по его собственнымъ словамъ, сводъ результатовъ всѣхъ его научныхъ изслѣдованій, высказываетъ по вопросу о значеніи Личности Христа въ Евангеліи мысли, значительно отличающіяся по существу отъ взглядовъ, высказы-

ваемых имъ въ его публичныхъ лекціяхъ „о сущности христіанства“. Въ своей исторіи догмъ Гарнакъ прямо, рѣшительно и откровенно заявляетъ, что для него лично величайшимъ соблазномъ въ Евангеліи являются не чудеса, которыя онъ отвергаетъ, но противорѣчіе между проповѣдью Иисуса о смиреніи и провозглашеніемъ Имъ же Себя Сыномъ Божиимъ, Спасителемъ и Судьей міра ¹⁾. Далѣе Гарнакъ положительно говоритъ о томъ, что Иисусъ Христосъ называлъ Себя Мессіей, Сыномъ Божиимъ, между Нимъ и Отцомъ существуетъ какое-то особое, единственное въ своемъ родѣ отношеніе ²⁾. Гарнакъ признаетъ и „добровольную смерть Христа“, которая имѣла искупительное значеніе, говоритъ также и о второмъ пришествіи Иисуса Христа во славу, чтобы судить міръ ³⁾. Да и въ своемъ сочиненіи „о сущности христіанства“, Гарнакъ, объявивъ, что Иисусъ Христосъ „не входитъ въ Евангеліе“, видимо и самъ чувствуетъ всю чудовищную ложность такого рѣшенія вопроса, и вотъ вслѣдъ за „отрицательнымъ отвѣтомъ“ онъ спѣшитъ дать и „положительный отвѣтъ“ на тотъ же вопросъ и, къ немалому изумленію нашему, говоритъ объ Иисусѣ Христѣ языкомъ, близкимъ къ языку Евангелія, равно какъ и всякаго, кто чтитъ и поклоняется Иисусу Христу. „Такъ, какъ Онъ, пишетъ Гарнакъ, знаетъ Отца, никто еще не зналъ, и это познаніе Онъ приносить другимъ людямъ: этимъ Онъ совершаетъ несравненную услугу многимъ. Онъ ведетъ ихъ къ Богу не только чрезъ Свое слово, но и еще больше чрезъ то, что Онъ есть и что дѣлаетъ, и, наконецъ, чрезъ то, что страдаетъ... Онъ есть путь къ Отцу, и, какъ назначенный Отцемъ, Онъ есть также и Судія... Онъ знаетъ, что благодаря Ему наступаетъ новое время... Онъ знаетъ, что черезъ

¹⁾ Dogmengeschichte, т. I, стр. 59.

²⁾ Ibid., стр. 59.

³⁾ Ibid. стр. 54 и слѣд.

Него тысячи найдутъ Отца и приобретутъ жизнь... Онъ знаетъ, что Онъ свѣтель, свѣющій доброе свѣмя; и нива Его и свѣмя Его, и плодъ Его¹⁾. А. Д—въ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

---

¹⁾ Общая исторія европ. культуры; т. V Изд. Брокг. Ефр. А. Гарнакъ. Сущность христіанства, стр. 93—94.

ЗАМѢТКА.

О продажѣ причтовыхъ домовъ.

На Калужскомъ Епархіальномъ сѣздѣ обсуждался вопросъ о томъ, что многіе члены причта при поступленіи на мѣсто встрѣчаютъ затрудненіе въ приобрѣтеніи себѣ жилищъ. Въ то же время и члены причта, переходящіе на другія мѣста, также испытываютъ притѣсненія отъ своихъ преемниковъ, желающихъ за безцѣное приобрѣсти постройки.

Постановили: просить Его Преосвященство утвердить для общаго обязательнаго руководства слѣдующія правила:

1) Въ случаѣ, если между новымъ членомъ причта и владѣльцемъ находящихся на церковной землѣ построекъ не состоится взаимнаго соглашенія по продажѣ и покупкѣ этихъ построекъ, то продавецъ и покупатель обращаются къ посредству комиссіи, которая составляется изъ трехъ лицъ: благочиннаго или лица его замѣняющаго и двухъ лицъ по избранію сторонъ.

2) Оцѣнка этой комиссіи обязательна какъ для продавца, такъ и для покупателя.

3) Если продавецъ не будетъ согласенъ уступить своихъ построекъ по оцѣнкѣ комиссіи, то онъ обязанъ немедленно снести принадлежащія ему строенія; если же покупатель откажется приобрѣсти постройки по цѣнѣ, установленной

комиссіей, то онъ не имѣеть права требовать сноса этихъ построекъ, при чемъ постройки не могутъ сдаваться въ арендное содержаніе. Это послѣднее правило соблюдается только въ случаѣ, если будетъ указано мѣсто для постройки новому члену причта.

4) Измѣненіе въ сихъ правилахъ представляется епархіальному съѣзду по ходатайству большинства окружныхъ благочинническихъ собраній.

Резолюція Его Преосвященства: „Консисторія обсудить, нѣтъ ли препятствій ввести эти правила въ обязательство духовенству; о послѣдующемъ объявить для свѣдѣнія чрезъ епархіальный органъ“ («Калуж. Церк. Общ. Вѣст.»).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій .

Печатать дозволяется. Кіевъ, 17-го августа 1912 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акц. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго. Мерниговская ул. 6 .

ГОДЪ

XLIV.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 35.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1903 года, августа 31-го.

Содержаніе: Постоянныя школьныя дачи при мужскихъ духовныхъ училищахъ, ихъ устройство и организація.—Воспоминанія о годахъ служенія на послѣднемъ приходѣ (продолженіе). — Изъ области недомѣльныхъ вопросовъ.—Важность сознанія своего долга для пастыря.— О многихъ воспріемникахъ при крещеніи.

Постоянныя школьныя дачи при мужскихъ духовныхъ училищахъ, ихъ устройство и организація.

(Практическія замѣтки).

I.

Современный бытъ учениковъ мужскихъ духовныхъ училищъ, по сиротству или по бѣдности и отдаленности мѣста жительства родителей остающихся на каникулярное и вакаціонное пасхально-рождественское время въ училищныхъ общежитіяхъ.

Тяжела и мало отрадна жизнь остающихся въ училищномъ общежитіи учениковъ на праздникахъ. Приближается Рождество. Бьетъ послѣдній звонокъ съ урока. Уроки кончились. Здѣсь и тамъ по коридору ходятъ ученики. Мелькаютъ

священническія рясы, ковровыя платки матушекъ, полушубки мужичковъ-ямщиковъ. Слышится говоръ, что шумъ волны. Радостны лица дѣтей, — несуть дѣти тючки съ немудреными пожитками: двумя-тремя книжками, платьемъ и еще кое-чѣмъ. Усаживаются въ сани, иныя ѣдутъ на желѣзнодорожную станцію. Скрипитъ снѣгъ подъ полозьями, и постепенно жизнь, до того шумная, замираетъ въ училищѣ. Опустѣли большія комнаты, темно и сыро на длинномъ коридорѣ. Только въ одномъ-двухъ классахъ тускло горитъ лампа, около которой сидитъ нѣсколько унылыхъ мальчиковъ. Кто они и почему остались, — грустная исторія. Вотъ бѣлокурый мальчикъ лѣтъ 12, блѣдный и задумчивый. Оперся онъ на локти, и слезинка блеститъ на его рѣсницахъ. Дума его далеко унеслась на угрюмый сѣверъ. Тамъ, въ занесенномъ снѣгомъ селѣ его добрый отецъ и нѣжная мама, да маленькая сестренка. Тепло и уютно въ тихомъ священническомъ домикѣ. Мерцаютъ лампадки у образовъ старинныхъ, весело горитъ лампочка: папа читаетъ въ слухъ, мама шьетъ, а сестра играетъ съ бѣлолапчатымъ котеночкомъ... Вотъ бы теперь туда, да нельзя: далеко-далеко и долго ѣхать, да и денегъ у панычѣтъ... Вотъ другой, черный, съ кудрявыми волосами, мальчикъ; его взглядъ суровъ и дикъ. Грустно его прошлое: давно умерли его родители, спятъ они въ сырой землѣ, а ихъ сына сердобольный дьячекъ свезъ въ училище, и уже четвертый годъ онъ не покидалъ этихъ стѣнъ. Онъ свыкся, сроднился, его уже не тянетъ въ деревню. Душа его замерла и очерствѣла. Смѣло бьетъ онъ товарищей и, какъ хищный ястребъ, ждетъ приѣзда товарищей изъ дома: то-то полакомится онъ ихъ домашними гостинцами!.. Да и какъ не ожесточиться, не замкнуться въ себя при такихъ условіяхъ? Жизнь питомцевъ не радостна въ училищѣ въ свободное отъ уроковъ время.

Присмотримся къ времяпровожденію и быту учениковъ, остающихся въ училищномъ общежитіи, лѣтомъ и о праздникахъ Рождества Христова и Пасхи.

На лѣтнія каникулы воспитанниковъ-сиротъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ оставляютъ въ училищѣ, въ другихъ—отдаютъ за плату кому-либо изъ наставниковъ, въ иныхъ—отправляютъ съ товарищами къ ихъ родителямъ, наконецъ—посылаютъ въ какой-либо монастырь на прожитіе. Самое сравнительно лучшее — это когда дѣти ѣдутъ съ товарищами къ ихъ родителямъ: по крайней мѣрѣ, они хотя проживутъ на лонѣ природы, хотя отчасти подышатъ семейною атмосферою. То же слѣдуетъ сказать и о тѣхъ случаяхъ, когда дѣтей берутъ наставники. Хуже, когда дѣтей или оставляютъ въ училищѣ, или отвозятъ въ монастыри. Первое худо потому, что дѣти и въ теченіе лѣта не изолируются отъ вреднаго вліянія городской жизни. Обыкновенно призоръ за дѣтьми бываетъ крайне слабъ. Да, строго говоря, и услѣдить за ними не легко: отпросятся въ городъ погулять, а сами пойдутъ и на базаръ или на рѣку покупаться съ барокъ, половить раковъ. Гдѣ за ними услѣдить? А научиться худому—легко!.. Лѣтняя жара давитъ: не до чтенія и занятій чѣмъ-либо тогда. Гимнастика, если только есть, надоѣла. Дѣлать нечего. Смотришь: завелись карты; сначала идетъ игра въ дурачки; а потомъ и больше. Не лучше, когда отправляютъ въ монастыри. Призора со стороны училищнаго начальства не бываетъ почти совсѣмъ или мало. А насколько не воспитаны послушники нашихъ монастырей, не рѣдко уволенные изъ того же училища ученики, всякому извѣстно. Ясно, что при такой постановкѣ дѣла пребываніе учениковъ въ монастыряхъ нельзя считать благодѣтельнымъ. Вообще же, всѣ эти способы лѣтняго содержанія остающихся на попеченіи училищнаго начальства учениковъ имѣютъ одинъ главный недостатокъ, дѣлающій ихъ недостигающими цѣли—воспитанія дѣтей, который состоитъ въ ихъ безсистематичности и неорганизованности, и въ недостаткѣ надзора со стороны тѣхъ, кому бѣдныя дѣти ввѣрены въ годы ученія и воспитанія. Въ 1893 году къ смотрителю Сиб. Александро-Нев-

сваго духовнаго училища, іеромонаху Иннокентію пришель одинъ старецъ — извѣстный всему Петербургу протоіерей о. Алексѣй Петровичъ Колоколовъ, человѣкъ высокоблагочестивой жизни, рѣдкій благотворитель. Питомецъ этого же училища эпохи Помяловскаго, который былъ его школьнымъ товарищемъ, въ годы сиротливаго дѣтства испытавшій всѣ невзгоды жизни лѣтомъ и зимою въ грустной долѣ сироты, онъ чуткимъ сердцемъ понялъ горе юной души, лишенной лѣтомъ родительскаго крова, и обратился съ просьбою отпустить къ нему въ имѣніе на дачу на лѣто всѣхъ воспитанниковъ-сиротъ, при чемъ непремѣннымъ условіемъ ставилъ только одно: чтобы былъ съ дѣтьми надзиратель. Этимъ мудрымъ требованіемъ онъ какъ-разъ восполнялъ недочеты прежней практики. Просьба его была съ удовольствіемъ исполнена, и дѣти отправились къ нему подъ наблюденіемъ достойнѣйшаго тогдашняго надзирателя, нынѣ священника Смоленской кладбищенской Сиб. церкви, о. А. А. Измайлова. И потомъ въ теченіе цѣлыхъ девяти лѣтъ ѣздили они лѣтомъ къ „отцу Алексѣю“, и былъ для нихъ „Успенскій островъ“—что домъ родной. Когда же умеръ этотъ истинный отецъ сиротъ, у питомцевъ Александро-Невскаго духовнаго училища уже была готова своя дача въ Теофиловой пустыни...

Еще болѣе горька доля дѣтей, не ѣздящихъ „домой“ о праздникахъ Рождества Христова и Пасхи. Довынѣ есть еще училища, гдѣ казеннаго чая ученикамъ „не полагается“, а о булкѣ и подумать нельзя. Можно судить, какъ грустно сиротамъ, у которыхъ и чаю-то попить въ праздники не на что, да и сходить къ кому-либо не возможно. Развлеченій не много. Хорошо, если есть горка или катокъ и коньки, если нѣтъ, поневолѣ потянетъ въ городъ. А городскихъ соблазновъ зимою и о Пасхѣ больше, чѣмъ лѣтомъ. Балаганы, карусели, уличные представленія и т. п.—почти вездѣ. Сколько ни запрещайте дѣтямъ ходить туда, они уйдутъ. Скука преодолѣетъ страхъ и повлечетъ туда. А сколько пьяныхъ по улицамъ, и чего-чего только не насмотрятся дѣти! Необходимость хотя

нѣсколько восполнить недочеты современнаго порядка вещей уже сознается, и, какъ проблески этого сознанія, являются елки и литературные вечера въ училищахъ о праздникахъ, а также чтенія съ туманными картинами. Конечно, это прекрасно, но не вполне достигаетъ цѣли. Нерѣдко бываетъ, что елка больше служитъ удовольствію гостей и дѣтямъ учителей и начальства и является средствомъ для начальства блеснуть знаніемъ учениковъ въ чтеніи и пѣніи. Несравненно задушевнѣе тѣ елки въ духовныхъ училищахъ, которыя устраиваются въ строго-скромномъ и семейномъ духѣ, когда, кромѣ начальства и корпорациі, никого не бываетъ. Это мы испытали по собственному опыту, когда, до устройства постоянной дачи, наши питомцы о праздникахъ жили въ училищѣ, и когда мы нѣсколько лѣтъ такъ устраивали елку, что постороннихъ никого не бывало... Дѣти сами убирали елку и украшали, сами разбирали, сами были и чтецами, и пѣвцами, и „публикою“, которая щедро награждала хорошихъ пѣвцовъ и чтецовъ и задушевно смѣялась, когда неловкій „муравей“, сказавъ: „такъ иди же, попляши“, сходя съ возвышенія, оступившись, растягивался на полу, конфузливо поднимался и скрывался въ средѣ товарищей... Много удовольствія доставляло дѣтямъ ежедневное чтеніе нами книгъ религіозно-нравственнаго содержанія и подходящихъ произведеній изящной словесности. Иногда мы покупали лото, горку для катанія личекъ и друг. игры. Но, не разъ бесѣдуя съ дѣтьми, мы убѣждались, что этимъ не наполняется жизнь ученика, и тоска по домѣ крѣпко точитъ дѣтское сиротливое сердце. Невольно, — сознавались провинившіеся ученики, — тянуло ихъ къ дурнымъ проступкамъ. Отъ праздности иной покурить или еще что сдѣлаетъ дурное. Безусловно надоѣдаетъ и постоянно казенная обстановка училища, которая, къ тому же, по большей части, довольно неказиста, такъ какъ, при постоянномъ пребываніи учениковъ, и „убрать“ зданія кореннымъ образомъ лишній разъ нельзя. Да и самое торжественное богослуженіе въ дни Страстной седмицы и въ праздники Рождества Христова, Новаго года и

Богоявленіи теряетъ для дѣтей многое въ сѣрой учебной обстановкѣ.

Итакъ, оторванность отъ семьи, слабость воспитательнаго вліянія и надзора, скука, доступность вредныхъ городскихъ развлеченій, вредное вліяніе городской жизни, постоянная казенная обстановка, недостаточность разумныхъ развлеченій— вотъ чѣмъ характеризуется жизнь воспитанниковъ, не ѣздящихъ домой лѣтомъ и о праздникахъ, по остающихся „на попеченіи училищнаго начальства“. Не удивительно, если изъ этихъ - то безпріютныхъ учениковъ и вырабатываются дѣти, черствыя душою, жестокия, лѣнныя, которыя и другихъ заражаютъ своими пороками и недостатками и во многомъ содѣйствуютъ пребыванію въ училищахъ остатковъ,—мѣстами и очень еще значительныхъ,—того, что принято осмѣивать, не вникая въ причины, и называть „бурсою“, „помяловщиною“, но что было вполне естественно и вызывалось духомъ времени и тяжелыми условіями тогдашняго быта духовенства. Не винить мы должны прошлое съ его недостатками,—то прошлое, которое и изъ „бурсы“ выпустило много великихъ сыновъ Россіи: Филаретовъ, Иннокентіевъ и мн. др. Не забудемъ, что и Тихонъ, святитель и чудотворецъ, былъ питомцемъ старой школы. Сознывая потребности настоящаго и имѣя средства, не будемъ лишь сидѣть, сложа руки и только все осуждая, но сдѣлаемъ хотя не многое. И прежде всего, необходимо позаботиться о сиротахъ-ученикахъ нашихъ духовныхъ училищъ и измѣнить къ лучшему ихъ бытъ въ то самое,—продолжительное, замѣтимъ,—время, когда ихъ сиротство особенно ощутительно давитъ юное сердце. И путь къ такому обновленію ихъ жизни показанъ уже покойнымъ о. Алексѣемъ Колоколовымъ, устроившимъ первую лѣтнюю правильно поставленную дачу для учениковъ-сиротъ. Необходимо лишь это начинаніе расширить, дѣлая дачу постояннымъ вспомогательнымъ учрежденіемъ при училищѣ, гдѣ дѣти проводили бы не только лѣто, но и пасхальныя и рождественскія вакаціи. Необходимы постоянныя школьныя дачи для учениковъ духовныхъ училищъ, которыя бы замѣнили родную семью лишеннымъ ея.

II.

Необходимость постоянныхъ школьныхъ дачъ при мужскихъ духовныхъ училищахъ въ цѣлхъ воспитательно-учебныхъ, гигиеническихъ, хозяйственно-экономическихъ и общегосударственныхъ.

Хороши и полезны и зимнія экскурсіи для учениковъ, остающихся въ училищахъ о праздникахъ Рождественскихъ, лѣтнія—для остающихся лѣтомъ, но ими восполнить указанные недочеты нельзя: ихъ мало, и онѣ по необходимости не продолжительны, а если дѣлать экскурсіи продолжительными, то получится почти то же, что устроить дачу. Необходимость постоянныхъ школьныхъ дачъ мы вполне уяснимъ себѣ, когда увидимъ, какъ съ устройствомъ ихъ устраняются невыгодныя стороны пребыванія учениковъ въ вакаціонное время въ общежитіи.

Уже самое названіе „дача“ предполагаетъ нахождение ея внѣ города. Съ устройствомъ дачи и пребываніемъ учениковъ на дачѣ устраняется самое главное неблагопріятное послѣдствіе для дѣтей въ вакаціонное время (такъ будемъ называть все время трехъ продолжительныхъ ученическихъ отпусковъ): дѣти извлекаются изъ сферы вреднаго вліянія города. Живя вдали отъ города съ его суетою и массою далеко часто не нравственныхъ развлеченій, дѣти освѣжаются и физически и нравственно. Жизненные продукты на дачѣ, конечно, свѣжѣе городскихъ. Больше времени дѣти проводятъ на свѣжемъ деревенскомъ воздухѣ. Польза дачи въ гигиеническомъ отношеніи понятна сама собою. Благодѣтельное вліяніе въ этомъ отношеніи дачи на здоровье учащихся скажется въ свѣжемъ видѣ лица, большей оживленности, веселости, спокойности, отсутствіи раздраженія, увеличеніи силъ и общей поправкѣ сравнительно съ обычнымъ учебнымъ временемъ. Это является результатомъ слѣдующихъ вліяній: воздуха, лѣса, лѣтомъ—кунанья, зимою—катанья по льду, игръ и развлеченій на свѣжемъ воздухѣ, и—само собою понятно—хорошаго питанія. Нераздѣльно съ этимъ извлече-

нiемъ изъ городской атмосферы дѣти выходятъ и изъ постоянного гнета училищной казенной обстановки. Нѣтъ тѣхъ опустѣлыхъ о праздникахъ стѣнъ классовъ, партъ, доски, щетки, сѣрой лампы и большихъ—часто безъ шторъ или съ разорванными шторами—оконъ, выглядывающихъ по вечерамъ въ тусклой комнатѣ большими темными пятнами. Когда въ апрѣлѣ текущего года мы впервые повезли воспитанниковъ на Страстную и Свѣтлую седмицы изъ Петербурга въ Теофиловскую пустынь на „свою дачу“ и, выѣхавъ со станціи Бѣлой (Варш. ж. д.), поѣхали лѣсомъ, радости дѣтей не было границъ. Звонъ колокольчиковъ и бубенцовъ, простыя деревенскія сани, лѣсная дорога — все это ихъ глубоко трогало. Самые грубые мальчики, которыхъ въ училищѣ трудно было „пронять“, были неузнаваемы. Драчуны мило бесѣдовали съ малышами, а капризные „римляне“, какъ звали мальчиковъ изъ Рима, были благодущны. Сами они высказывали, что ихъ радуетъ новизна обстановки. Когда же прибыли въ пустынь и стали устраиваться въ домѣ, наемномъ до устройства своего дома, тѣ, кто прежде никогда даже бумажекъ подъ собою не хотѣли прибрать безъ принужденія со стороны воспитателя, теперь сами усердно подметали комнату, другіе опраивляли лампадку, третьи шли на кухню съ предложеніемъ старичку-повару своихъ услугъ почистить картофель. Извлеченіе изъ городской сферы сразу же будить въ дѣтяхъ дремлющія семейныя привычки и склонности; а съ оживленіемъ ихъ ослабѣваетъ замкнутость, холодность учащихъся, создающаяся годами школьной жизни вдали отъ родного крова. Особенно благодѣтельно для дѣтей, если на дачѣ есть домашнія животныя. Не прошло дня, какъ мы прибыли въ пустынь, а дѣти уже нашли на селѣ только-что появившихся на свѣтъ щенковъ и каждый день ходили ихъ смотрѣть, укрывали сѣномъ, кормили мать, когда же щенки начали смотрѣть и ходить, дѣти пристали съ просьбою взять трехъ къ себѣ. Разрѣшеніе было дано. Съ торжествомъ три щенка были водворены на кухню. Поднялся вопросъ объ именахъ. Назвали одного „Дач-

никомъ“, другого „Бѣлкою“ и третьяго — „Какъ-вась“. Два изъ щенковъ, оказавшихся хорошей породы, и теперь въ училищѣ, а одинъ попрежнему на дачѣ, и „Дачникъ“ — непрѣмннй спутникъ дѣтей во всѣхъ прогулкахъ и на каткѣ. Въ одинъ изъ слѣдующихъ разовъ разыскали дѣти двухъ хорошихъ котятъ и ихъ воспитали игривыми. Мы разрѣшали это въ цѣляхъ пріученія дѣтей къ гуманному обращенію съ животными. Живя въ училищѣ, вдали отъ природы, дѣти обыкновенно ожесточаются, и помучить животное — для нихъ доставляетъ даже удовольствіе. Хотя такой ожесточенности намъ въ нашемъ училищѣ не приходилось замѣчать, но нельзя было не замѣтить, что со времени дачныхъ поѣздокъ ученики стали особенно добры къ животнымъ. Надзоръ за дѣтьми на дачѣ несравненно легче, чѣмъ въ городѣ, въ училищѣ. Дѣти всегда и всѣ на глазахъ воспитателя. Никуда они не могутъ уйти и скрыться. Ничего худого не удается сдѣлать. Накурился — попался, ушелъ — разыщутъ, — лучше слушаться. Одинъ изъ шаловливыхъ учениковъ IV класса прямо говорилъ: „худо на дачѣ, — во всемъ попадешься начальству“. Съ возможностью постоянно видѣть учащихся на дачѣ воспитателю является прекрасная возможность и воспитывать учениковъ, наставляя ихъ и удерживая отъ всего дурного. Это одно изъ главнѣйшихъ и благодѣтельныхъ преимуществъ дачнаго вакаціоннаго времяпровожденія. Чрезъ это воспитываются сироты, дѣти забытыя; отъ нихъ же не заражаются дурнымъ и прочія дѣти. А такой результатъ стоитъ того, чтобы не жалѣть на дачное дѣло расходовъ. Но, строго говоря, дача полезна и въ училищно-экономическомъ отношеніи. Чрезъ пребываніе — приблизительно до четырехъ мѣсяцевъ — дѣтей внѣ училища, зданія училищныя могутъ быть неоднократно хорошо провентилированы, „почищены“, убранъ со двора снѣгъ, все приведено въ порядокъ. Да и самые расходы не будутъ больше обычныхъ. Но преимущества, доставляемые дачею, несравненно больше. Устройство дачъ будетъ благодѣтельно и въ общей нашей жизни. Чрезъ дачи меньше будетъ увольняемыхъ изъ

училища, поднимется благосостояніе многихъ скромныхъ мѣстечекъ, увеличится благолѣпіе богослуженія въ нихъ, давъ будетъ лишній заработокъ и бѣдному люду, чрезъ заборку продуктовъ, пользованіе лошадьми и т. д. Дачи не разъ спасутъ дѣтей отъ горя и несчастной доли и принесутъ не малую помощь бѣдному мужичку. Надо только устраивать ихъ во имя Божіе, приступая къ этому дѣлу съ сердцемъ чистымъ, и имѣть цѣлью не личную выгоду, а благо и счастье сиротствующихъ дѣтей.

III.

Мѣсто для постоянныхъ школьныхъ дачъ при духовныхъ училищахъ и соображенія, какими необходимо руководствоваться при его выборѣ.

Первое, что необходимо имѣть въ виду при устройствѣ постоянной дачи, удачный выборъ мѣста. Во многомъ успѣхъ или неуспѣхъ дѣла обусловится самымъ мѣстомъ. Если дача устроится въ мѣстности дачной вообще, не удивительно, что могутъ встрѣтиться различныя неудобства: стѣсненность въ играхъ для дѣтей, столкновенія съ сосѣдями, возможная близость мѣста общихъ прогулокъ и развлеченій и т. п. И духъ городской жизни, отъ котораго бѣжали, опять застигнетъ. Безусловно необходимо выбирать мѣсто вдали отъ общихъ дачныхъ мѣстъ. Училища духовныя цѣлью своею имѣютъ воспитывать дѣтей въ духѣ строгой религіозности. Въ разныхъ же мѣстахъ много есть закрытыхъ монастырей, гдѣ почиваютъ и мощи ихъ святыхъ первоначальниковъ. Обителей уже давно не существуетъ, на мѣстахъ ихъ развилась сельская приходская жизнь, но, по большей части, поселеніе около бывшей обители не велико. И лѣса еще часто окружаютъ ту мѣстность. Вотъ такія-то мѣста и слѣдовало бы выбирать по преимуществу для дачъ. Такимъ выборомъ, прежде всего, дачѣ сразу же придавался бы потребный религіозный характеръ. Воспитанники, пріучаясь начинать каждый день молитвою у раки преподобнаго—съ дѣтства привыкали бы почитать отечественныхъ

святыхъ, и смотрѣть на мѣстнаго святаго, какъ на своего незримаго отца и покровителя. Участвуя же въ чтеніи и пѣніи въ церкви, тѣмъ самымъ вносили бы оживленіе и въ мѣстную приходскую жизнь и увеличивали бы благолѣпіе богослуженія, что назидало бы и поклонниковъ мѣстной святыни. Преподобные были замѣчательно чутки возвышеннымъ духомъ своимъ къ красотамъ Божьяго міра, и мѣста старинныхъ обителей почти всегда поражаютъ своею живописностью, такъ что, выбирая мѣстомъ для дачи мѣсто закрытаго монастыря, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, выберемъ и мѣсто живописное. Конечно, гдѣ этого нельзя найти, придется выбирать мѣсто безъ святыни, но нужно устраивать въ церкви или образъ—копію съ какой-либо чудотворной иконы Божіей Матери, или образъ какого-либо святаго, освещенный на его ракъ, чтобы этотъ образъ былъ своею святынєю, и молитвою предъ нимъ начинать день дѣтей.—Второе, что нужно имѣть въ виду при выборѣ мѣста для дачи, близость какого-либо медицинскаго пункта, въ противномъ случаѣ—необходимо брать съ собою училищнаго фельдшера. Это само собою понятно: гдѣ дѣти, тамъ на всякій случай необходима и медицинская помощь: порѣзы же и ушибы, вывихи, даже поломы костей при паденіи часто бываютъ съ дѣтьми. Затѣмъ необходима рѣка. Къ особенно большимъ рѣкамъ стремиться не слѣдуетъ: больше потребуется надзора за дѣтьми. Рѣка или озеро необходимы лѣтомъ для купанья и, если возможно, для прогулки на лодкѣ, зимою же—для катанья на конькахъ. Лѣсъ по близости также необходимъ. Лѣсъ—прекрасное мѣсто для лѣтнихъ прогулокъ, а если есть въ немъ тропинки, то и для зимнихъ. Въ лѣсу дѣти будутъ собирать грибы и ягоды. Мѣста для дачъ подлѣ полотна желѣзной дороги опасны: дѣти легко могутъ попасть подъ поѣздъ. Само собою, необходимо принимать во вниманіе и пути сообщенія съ училищемъ и городомъ. Отдаленность при наличности желѣзной дороги не имѣетъ особаго значенія и не можетъ служить препятствіемъ: поѣздъ безплатенъ въ силу тарифа № 31 й 1902 г. Не далеко, если и

на лошадахъ придется ѣхать нѣсколько десятковъ верстъ: такая дорога очень освѣжить дѣтей, а попутное духовенство всегда дастъ пріютъ юнымъ путникамъ. Первая постоянная подобная дача Спб. Александро-Невскаго училища устроена на основаніи такихъ именно соображеній. Мѣстомъ для нея была избрана „Ѳеофилова пустынь“ въ Лужскомъ уѣздѣ (своей епархіи, такъ какъ нахожденіе дачи не въ своей епархіи не удобно въ многихъ отношеніяхъ). На мѣстѣ томъ былъ нѣкогда Успенскій монастырь, основанный преп. Ѳеофиломъ, Омучскимъ чудотворцемъ (память 8 іюня и 29 декабря), мощи коего и почиваютъ въ церкви села. Подлѣ самой церкви находится мѣстный земскій врачебный покой, живетъ постоянно докторъ и фельдшеръ, и есть тутъ же маленькая сельская община сестеръ милосердія. Подлѣ же церкви протекаетъ маленькая горная рѣчка Омуча, удобная для купанья. За рѣчку расположена небольшая дереvушка. Около же самой церкви расположены дома причта и еще три-четыре домика; параллельно общинѣ и священническому дому строится и свой дачный домъ. Вся пустынь окружена густыми удѣльными лѣсами и пресѣкается Варшавскимъ шоссе и упирающимся въ него Новгородскимъ, на углу пресѣченія которыхъ и строится училищная дача. Удобство этого мѣста уже оправдалось опытомъ. Особенно ясно сказалась польза близости медицинской помощи. Минувшимъ лѣтомъ одинъ ученикъ-иностранецъ, оступившись, сломалъ руку; докторъ немедленно вправилъ ее, и черезъ двѣ-три недѣли больной былъ уже здоровъ; а не будь близко врача, дѣло значительно осложнилось бы. Осенью 1902 года Александро-Невское училище было закрыто на полтора мѣсяца по случаю скарлатинной эпидеміи, и оставшіеся воспитанники были отвезены на дачу. Когда же и здѣсь обнаружился случай скарлатиннаго заболѣванія, опять помощь врача пригодилась. Все было продезинфекцировано, больной изолированъ, скоро оправился, и все окончилось прекрасно. Этотъ же самый случай эпидеміи еще разъ засвидѣтельствовалъ пользу устройства дачъ и ихъ пригодность и на подобный случай, не частый, но бывающій въ жизни нашихъ училищъ.

IV.

Нѣсколько словъ о постоянныхъ школьныхъ дачахъ, устраиваемыхъ при монастыряхъ существующихъ; замѣчанія о бесплатныхъ дачахъ частныхъ благотворителей.

До сего времени мы говорили, имѣя въ виду устройство дачъ заново самостоятельно, а не при другихъ учрежденіяхъ, какъ-то: монастыряхъ, дачахъ монастырскихъ, фермахъ, дачахъ архіерейскихъ домовъ. Но, понятно, не вездѣ и не всегда возможно устраивать дачи заново. Иногда же было бы и удобно и посильно устроить дачу при монастырѣ, при архіерейской дачѣ, только въ такомъ случаѣ необходимо заблаговременно многое предусмотрѣть и предупредить надлежащимъ образомъ. Мы уже выше говорили о томъ, какъ неблагоотворно бывало отправленіе дѣтей на лѣто въ монастыри. Но тамъ же мы указывали и причины тому, чтобы устройство дачи при другомъ учрежденіи было не вредно въ воспитательномъ отношеніи, необходимо такъ устраивать дачу: помѣщеніе для воспитанниковъ должно быть изолировано отъ помѣщеній обители; для воспитанниковъ, затѣмъ, должно быть отведено опредѣленное мѣсто для прогулокъ и игръ, равно мѣсто въ храмѣ; точно выяснены взаимныя отношенія обители и ея начальства къ дачникамъ и ихъ начальству; точно опредѣлить въ подробностяхъ все, что будетъ бесплатно давать обитель. Эти взаимныя отношенія могутъ быть выражены въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) ученики обязаны оказывать узаконенное почтеніе монастырскому начальству: при встрѣчѣ съ о. настоятелемъ—въ первый разъ подходить подъ благословеніе, въ прочіе же разы—почтительно кланяться, снимая шапку; при встрѣчѣ съ оо. іеромонахами и старцами—почтительно кланяться, съ иноками начинающими и прочими, кто самъ поклонится, то же вѣжливо кланяться. 2) Если въ обители есть святыня — святыя мощи или икона,—воспитанники ежедневно утромъ и вечеромъ прикладываются въ узаконенное время. 3) Къ богослуженію ходятъ къ поздней литургіи, всенощной или утренѣ

по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ; въ будни — когда и кто пожелаетъ, безъ всякаго съ чьей-либо стороны понужденія. 4) Въ чтеніи и пѣніи при этомъ участвуютъ не иначе, какъ по соглашенію училищнаго начальства и монастырскаго; при этомъ книгами пользуются своими или монастырскими— по соглашенію. 5) Живутъ ученики въ помѣщеніи, отводимомъ по взаимному соглашенію начальствъ, изолированномъ, и притомъ разъ навсегда одномъ, и пользуются мѣстами для прогулокъ и игръ, также избранными по взаимному соглашенію начальствъ. 6) Количество, качество, мѣра и объемъ отпускаемыхъ монастыремъ продуктовъ точно опредѣляются по взаимному соглашенію, послѣ того, какъ таковое соглашеніе состоится и будетъ проведено журналомъ училищнаго правленія, съ непремѣннымъ приложеніемъ къ нему собственноручнаго настоятельскаго заявленія, и утверждено мѣстнымъ Преосвященнымъ, никто не имѣетъ права его нарушать: ни находящееся при ученикахъ начальство — требовать большаго, ни монастырское — отпускать хуже и меньше. 7) Въ случаѣ недоразумѣній, дѣло рѣшается взаимнымъ соглашеніемъ между наличнымъ начальствомъ обѣихъ сторонъ или переносится на разсмотрѣніе правленія, а въ важныхъ случаяхъ— енархіальнаго владыки. 8) Ни училищное начальство не имѣетъ права вмѣшиваться въ дѣла обители, ни монастырское въ дѣла училищной дачи. Въ случаѣ недоразумѣній, дѣло переносится на разсмотрѣніе преосвященнаго. 9) Ни монастырское начальство безъ разрѣшенія наличнаго училищнаго начальства не имѣетъ права, безъ особо важныхъ случаевъ, входить въ занимаемое помѣщеніе учащихся, ни учащіеся въ келліи иноческія, ни начальство училищное въ какія бы то ни было монастырскія. 10) Наблюдающее за учениками лицо поступаетъ во всемъ согласно съ инструкціею, какую дастъ ему правленіе на этотъ случай.

Когда такимъ образомъ все будетъ предусмотрѣно и обсуждено взаимно, не будетъ мѣста никакому недоразумѣнію, и всякій монастырскій служба не посмѣетъ обозвать учени-

ковъ дармоѣдами или послать на какую-либо черную работу: равно настоятель не приведетъ празднолюбопытнаго купца посмотреть на „призрѣваемыхъ“. По устройствѣ дачи и епархіальное начальство, конечно, дастъ надлежащее указаніе монастырскому начальству на этотъ случай. Постоянный надзоръ воспитателя не дастъ возможности ученикамъ подпасть вредному вліянію послушнической среды; пребываніе же въ обители, подъ осѣненіемъ святого, будетъ благотѣльно для дѣтей. Но для самаго благоустройства дачи будетъ еще лучше, когда духовенство будетъ платить обители хотя бы ту самую сумму, какую оно расходовало бы на учениковъ, держа ихъ въ училищѣ за время вакаціонное, сдѣлавъ подробную раскладку напередъ. Черезъ это выше бы смотрѣли на учениковъ, и мысль, стѣснительная и горькая, о „призрѣваемости“ была бы оставлена навсегда...

Возможны, наконецъ, и такіе случаи, когда дѣтей-сиротъ, по примѣру о. Ал. Колоколова, станутъ приглашать къ себѣ отдѣльные благотворители. Но... безусловно, такія предложенія нужно деликатно отклонять. Отцовъ Алексѣевъ не много ихъ единицы; а людей, желающихъ отличиться, множество. Отпуская дѣтей къ частному благотворителю, мы тѣмъ самымъ всецѣло отдали бы ихъ на произволь этихъ благотворителей. Да, строго говоря, училищное начальство этого безъ сѣзда духовенства сдѣлать и не имѣетъ права. Духовенство вѣряетъ намъ своихъ дѣтей, передавать попеченіе о нихъ частному лицу и права мы не имѣемъ безъ согласія духовенства. А духовенство никогда не согласится на эту передачу... Поэтому, самое лучшее—всѣмъ такимъ благотворителямъ давать такой безобидный отвѣтъ: спасибо за предложеніе, но воспользоваться имъ мы не можемъ. Духовенство насъ не уполномочило передавать попеченіе о его сиротахъ частному лицу. Отсылать же за полученіемъ разрѣшенія къ мѣстному Владыкѣ—значитъ ставить Владыку въ неловкое положеніе.

Но самое лучшее, когда только возможно, и гдѣ только есть подходящее мѣстечко, — устраивать *свою* особую, само-

стоятельную, хотя и небольшую, дачу, гдѣ бы училищное начальство было никѣмъ и ничѣмъ не стѣсняемо въ своихъ дѣйствіяхъ и заботахъ по устройству быта сиротъ-учениковъ. И мы въ дальнѣйшемъ будемъ имѣть въ виду преимущественно устройство и организацію *своей* особой дачи.

Архимандритъ *Никодимъ*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

¹) См. № 34 с. г.

Воспоминаніе о годахъ служенія на послѣднемъ приходѣ.

(продолженіе ¹).

III.

Особенно много пришлось употребить усилій при упорядоченіи совершенія таинства брака. Прежде всего скажу о вознагражденіи за совершеніе этого таинства. Платилось 5 р. за обыскъ деньгами, двѣ ковриги хлѣба, два *мѣста* мяса и три бутылки водки. Съ первыми двумя приносами еще можно было мириться, послѣдніе же были прямо возмутительны, тѣмъ болѣе, что низшіе члены причта, по полученіи ихъ, являлись къ совершенію таинства въ непристойномъ видѣ.

На второй годъ приходитъ ко мнѣ крестьянинъ изъ деревни Григоровки Тихонъ Осиповъ, проситъ повѣнчать его сына и спрашиваетъ,—что возьму за свадьбу?

— Что платили до меня, то и мнѣ заплати,—сказалъ я.

Отдаетъ 5 руб.

— Теперъ я къ тебѣ обращусь, Тихонъ Осиповъ, съ усердною просьбою.

— Что такое, батюшка? Съ радостью исполню вашу просьбу, если только смогу.

— Вполнѣ можешь.—Скажи мнѣ: двѣ ковриги хлѣба, которыя ты намъ долженъ отдать, *стѣятъ* рубля?

¹) См. № 34 с. г.

— Стоять.

— А два мѣста мяса?

— За рубль не купишь,—отвѣчаетъ.

— А три бутылки водки?

— Не меньше рубля.—А къ чему вы все это спрашиваете, батюшка?

— Къ тому,—отвѣчаю,—что хочу тебѣ предложить и просить: отдай намъ за все это 3 р.

— Извольте.

Поблагодаривъ его отъ души за согласіе и получивъ отъ него 8 руб., я уже всѣмъ сталъ предлагать подобную замѣну—и, къ утѣшенію своему, ни отъ кого почти не встрѣчалъ несогласія, такъ что черезъ нѣсколько лѣтъ о приносахъ забыли совершенно.

Всѣмъ извѣстно, что никогда такого безобразнаго пьянства не бываетъ у крестьянъ, какъ при бракахъ. Пьютъ до брака („пропой“), упиваются на свадьбѣ (гулянье свадебное), продолжаютъ пьянствовать и послѣ свадьбы („почестные“). Пріѣзжаютъ однажды вѣнчаться. Входятъ въ храмъ поручители, или дружки: одинъ изъ нихъ подходитъ ко мнѣ съ просьбою повѣнчать. Вижу—онъ порядочно уже подвыпилъ; платье въ грязи; за поясомъ—съ одной стороны заткнуты рукавички, съ другой кнутъ.

— Куда ты, другъ мой, пришелъ?—спрашиваю его.

— Куда?—знамо, въ церкву,—отвѣчаетъ онъ, нисколько не смутившись.

— Да развѣ въ церковь Господню въ такомъ видѣ богобоязненный человѣкъ дозволить себѣ явиться? Въ церковь являются со страхомъ Божиимъ и благоговѣніемъ, съ вѣрою, что въ ней невидимо присутствуетъ Богъ, Которому со страхомъ и трепетомъ предстоятъ свв. ангелы на небесахъ. Ты же, несчастный, дерзнулъ явиться въ это святилище Божіе не только безъ всякаго страха и благоговѣнія, а даже въ нетрезвомъ видѣ, весь въ грязи, съ заткнутыми за поясъ рукавицами и кнутомъ! Такому человѣку мѣсто не въ храмѣ, а

на конной, на базарѣ, и поручителемъ можно быть не *молодыхъ*, желающихъ вступить въ бракъ, а продающихся лошадей.

— Э, батюшка, что вы все насъ учите, да *уличаете* всегда?

— На то и поставлень, другъ мой, чтобы учить, а гдѣ нужно—и *уличать* васъ.

— Прежніе священники насъ такъ не урезонивали и не укоряли.

— Вѣроятно, зная вашъ строптивый нравъ, они не надѣялись, что вы со смиреніемъ и кротостію примите ихъ вразумленія; а можетъ быть—опасались дерзости и оскорбленій съ вашей стороны, къ чему, какъ я замѣчаю, вы очень склонны. Я же, что бы мнѣ ни пришлось встрѣтить, не перестану указывать вамъ на ваше неблагоповеденіе, которымъ вы скверните свои души, унижаете себя и оскорбляете Господа Бога... Прощу тебя оставить меня, выйти изъ храма и при совершеніи таинства не присутствовать. Не послушаешься меня, я вѣнчать не буду. Если же и другіе поручители окажутся такими же, какъ ты, то я совсѣмъ не стану вѣнчать, пока не будутъ подысканы другіе поручители.

Вижу—подошли двое изъ поѣзжанъ, взяли его и вывели изъ храма; затѣмъ подошли ко мнѣ и начали просить о повѣнчаніи. Оказалось, что—это тоже поручители, но непьющіе.

— А третій поручитель гдѣ же?—спрашиваю ихъ.

— Тоже, батюшка, выпимши.

— Найдите,—говорю,—двухъ замѣнъ нетрезвыхъ, тогда и буду вѣнчать.

Нашли, и свадьба была повѣнчана.

Пошла, понятно, молва по приходу, что „попъ—строгій“. Я, не обращая ни на что вниманія, не переставалъ преслѣвать свою цѣль, когда приходили до свадьбы съ просьбою о повѣнчаніи, то ставилъ непремѣннымъ условіемъ повѣнчанія—чтобы „со свадьбою“ являлись къ литургіи, и чтобы поручители были или совсѣмъ непьющіе, или же благоразумные, воздержные и являлись къ повѣнчанію въ совершенно трез-

вомъ видѣ, въ противномъ случаѣ вѣнчать не буду. Такъ и поступалъ, и пріучилъ пріѣзжать въ трезвомъ видѣ.

Искреннее желаніе было и совѣмъ вывести свадебный пьянственный разгулъ. Кромѣ безобразій и грѣха, онъ крайне разорителенъ для крестьянина. Имѣть или не имѣть достатокъ крестьянинъ, а непременно долженъ пріобрѣсть къ свадьбѣ нѣсколько ведеръ вина, чтобы выполнить всѣ укоренившіеся „запой“, „пропой“ и послѣсвадебныя „почествованія“. По понятію крестьянъ, достоинство свадьбы въ томъ и состоитъ, если вино будетъ литься рѣкою, и всѣ въ концѣ концовъ перепьются и передерутся.

— Хороша ли свадьба была?—спрашиваю однажды почтеннаго, испьющаго крестьянина.

— Какое хороша!—отозвался: никого не стонвило, и никто не подрался.

И для такого-то безобразнаго разгула свадебнаго нерѣдко крестьянинъ входитъ въ большіе долги и отдаетъ сына года на два впередъ въ работники къ тому, кто ссужаетъ деньги, при чемъ отдаетъ, понятно, не за надлежащую цѣну. Печально это, а отстать крестьянинъ отъ унаслѣдованныхъ обычаевъ не соглашается.

Приходитъ разъ одинъ прихожанинъ съ просьбою о повѣнчаніи сына, и спрашиваетъ, что возьму за свадьбу?

— Что положено,—говорю:—8 руб.

— Дорого,—говоритъ,—батюшка.

— Совершенно вѣрно,—отвѣчаю,—дорого. И самъ не знаю, за что беру, тѣмъ болѣе, что обязанъ даромъ вѣнчать. И тебя повѣнчаю даромъ, только сдѣлай свадьбу такъ, какъ я тебѣ укажу.

— Какъ?—спрашиваетъ.

— Пусть женихъ и невѣста придутъ съ поручителями и родными въ церковь къ литургіи. Хорошо бы сдѣлали, если бы предъ литургіею исповѣдались, а за литургіею пріобщились св. Христовыхъ Таинъ: тогда бы они, какъ истинные христіане, приступили къ таинству брака, съ полною надеж-

дою получить благодать Св. Духа для жизни христіанской, богоугодной и благословенному рожденію и христіанскому воспитанію дѣтей. Послѣ литургіи я ихъ повѣнчаю; и пусть они идутъ или ѣдутъ къ тебѣ въ домъ. Ты же припаси, если уже совсѣмъ нельзя безъ вина обойтись, бутылки двѣ; выпейте за обѣдомъ по рюмочкѣ—другой съ родными, — на томъ и кончите. И не убыточно, не разорительно, тихо, спокойно, благочестно, безъ грѣха, и потому богоугодно, пройдетъ твоя свадьба. Глядя на тебя, можетъ быть, найдется и другой, который послѣдуетъ твоему примѣру; и такимъ образомъ ты явишься виновникомъ уничтоженія въ приходѣ пагубнаго пьянства, за что, несомнѣнно, получишь отъ Христа Бога *велию милость*.

— О, нѣтъ! Какъ же можно такъ! Что будутъ говорить родные невесты? Что будетъ говорить *міръ*? Засмѣютъ всѣ!...

— Вотъ ты боишься *міра*, его грѣховнаго осужденія и осмѣянія, а не боишься Господа Бога, Котораго будешь оскорблять пьянствомъ. Не боишься того, что за это безобразное пьянство Господь лишитъ и тебя и молодыхъ своего благословенія и тѣхъ благъ, какія молитвами Церкви будутъ испрашиваться имъ во время вѣнчанія. Мы часто жалуемся на горькую, исполненную нуждъ и лишеній жизнь; а кто виновникъ такой жизни, какъ не мы сами?—Сами мы виноваты, что дѣти насъ не почитаютъ; потому что сами пьемъ и учиваемся, и дѣтей своихъ приучаемъ къ тому же; а пьянство до добра никогда не доведетъ.

— Что дѣлать, батюшка!—отвѣтилъ крестьянинъ:—не нами заведено, не нами и кончится.

— И я тебѣ на это отвѣчу твоими же словами: не мною заведено брать съ васъ за свадьбу, не я, видно, и кончу это у васъ. Повѣнчалъ бы съ удовольствіемъ сына твоего даромъ, да что скажетъ остальной причтъ, который тѣмъ только и живетъ?

Думается, что если бы земскіе начальники, на обязанности которыхъ лежитъ, между прочимъ, и поднятіе нрав-

ственности народной, вошли въ болѣе тѣсное общеніе съ священниками и въ согласіи и единеніи съ ними заботились о нравственности народной, то не такъ трудно было бы прекратить пьянственный разгулъ вообще и свадебный въ частности ¹⁾. Но едва ли кому-либо изъ нихъ подобное и на умъ приходило: да и едва ли они согласятся дать въ этомъ дѣлѣ какое-либо значеніе священнику. Одному же священнику настойчиво стремиться къ искорененію всего этого даже, пожалуй, не безопасно: сейчасъ породить недовольство въ приходѣ, и смотришь—на тебя поступило коллективное прошеніе къ епархіальному начальству; назначается слѣдствіе—это величайшее зло въ жизни священника, и чего добраго—окажешься, по слѣдствію, притязательнымъ, немиролюбивымъ, строптивымъ, неуживчивымъ, вымогателемъ, о чемъ тебѣ же, ревнителю нравственности и благосостоянія народнаго, и приплюютъ указъ *съ внушеніемъ* или и больше того. Примѣры этому бывали.

Если мнѣ и не удалось совершенно вывести пьянства во время свадебъ, то, къ утѣшенію своему, замѣтилъ, что оно значительно сократилось и по количеству забираемаго вина,—и по времени гулянья. Прежде къ свадьбѣ бралось пять-шесть ведеръ, гуляли три, четыре дня; а потомъ слышу—начали брать по три, по два ведра и того меньше, и гулянье оканчивалось на другой день. Можетъ быть, такое измѣненіе зависѣло и отъ обѣднѣнія крестьянъ? Но отъ чего бы ни зависѣло это, а уменьшеніе разгула свадебнаго отрадно. И дай Богъ нашему крестьянину отставать хотя понемногу отъ пьянства. Тогда только и можетъ онъ улучшить свое благосостояніе и возвыситься нравственно.

Защитный священникъ II. *Малининъ.*

(Продолженіе будетъ).

---

¹⁾ Можетъ быть, это когда-либо и будетъ, вѣ силу послѣдствія Высочайшаго манифеста.

Неразрывная связь въ Евангеліи вѣроученія и правоученія.

(Противъ современнаго морализма).

(Продолженіе ¹).

Такимъ образомъ взглядъ Адольфа Гарнака на Личность Иисуса Христа, какъ только человѣка, и рѣчи его о томъ, что Иисусъ Христосъ „не входитъ въ Евангеліе“, не только не оправдываются самими же Евангеліями, но и противорѣчатъ сами себѣ, и далеки отъ истинныхъ интересовъ Христова ученія. Господь нашъ Иисусъ Христосъ прежде всего преподалъ людямъ Свою Божественную истину—все то, что составляетъ общее вѣроученіе Евангелія: о троичности лицъ въ Богѣ, о Богочеловѣчествѣ Христа, о первородномъ грѣхѣ, о воплощеніи, искупленіи, освященіи, воскресеніи изъ мертвыхъ, будущей блаженной жизни и др. Но такъ какъ не одно озареніе ума человѣческаго свѣтомъ истины было цѣлью пришествія Иисуса Христа на землю, а всецѣлое возрожденіе, обновленіе и спасеніе человѣка, то и содержаніе Его ученія составляютъ не только вѣроучительныя истины, но вмѣстѣ и правила нравственной жизни. Сообщить правильное понятіе о томъ, во что должно вѣровать, просвѣтитъ умъ человѣка истиннымъ богопознаніемъ нужно было именно потому, что это просвѣщеніе ума естественно ведетъ къ благоустроенію всего внутренняго міра человѣка — воли и сердца, а затѣмъ и къ благоустроенію и всей внѣшней его дѣятельности. Въ Евангеліи догматы — это именно вѣхи на пути нравственной жизни человѣка, указывающія ему путь къ познанію истины, говорящія ему: иди именно въ этомъ направленіи, стремись къ такому-то горизонту, постепенно углубляйся въ него внутреннимъ существомъ мысли и ты познаешь истину и истина освободитъ тебя. Не такъ пред-

¹) См. № 34 за 1912 г.

ставляютъ дѣло современные адогматисты Яковлевъ, Мережковскій, Розановъ и др. Съ ихъ точки зрѣнія въ христіанствѣ догматы мыслимы только какъ „внутренніе принципы жизни, идущіе изнутри ея, но не опредѣляющіе ее извне“¹⁾. По мнѣнію адогматистовъ, догматъ, какъ нѣчто, выражающее сущность христіанства, нельзя понимать въ смыслѣ какой-либо внѣшней формулы, дающей опредѣленные теоретическія представленія. Догматъ по существу своему „истина невидимая, внутренняя и только, какъ такая, она становится опредѣляющимъ началомъ истинно-христіанской жизни“²⁾. Поэтому, никакихъ внѣшнихъ нормъ вѣры нѣтъ и не можетъ быть, потому что догматъ растетъ изнутри христіанина по мѣрѣ развитія его новой свободной христіанской мысли.— „Царство Божіе, говоритъ Мережковскій, совершается въ сердцахъ нашихъ. Въ каждомъ трепетѣ сердца существуютъ откровенія и эти откровенія движущіяся, дѣйствєнные, а не такія, какъ въ историческомъ христіанствѣ: неподвижные, бездѣйственные догматы, запечатлѣнные источники“³⁾. Въ такихъ догматахъ, говорятъ адогматисты, не нуждается истинное христіанство. Христось не давалъ догматовъ какъ внѣшняго руководства жизни христіанской для вѣчнаго и неизмѣннаго храненія⁴⁾. „Евангеліе, пишетъ Розановъ, нѣчто утратило бы въ себѣ и утратило бы существенное, въ чемъ и открылся людямъ его небесный характеръ, если бы мы исключили изъ него тѣ нѣсколько словъ Спасителя, гдѣ Онъ начерталъ цѣлостный образъ угоднаго Ему человѣка, далъ фигуру ученика Своего, вѣрнаго Своего: „взгляните на лиліи полевая, они не имѣютъ одеждъ, но истинно говорю вамъ,

1) „Новый путь“, 1904 г. м. Май. В. Яковлевъ. Къ вопросу о догматахъ и догматическомъ развитіи Церкви, стр. 85.

2) Ibid., стр. 87.

3) „Новый путь“ 1903 г. м. Ноябрь. Записки рел.-фил. собраній въ СПб., стр. 436; Вопросы жизни, 1905 г. кн. XI. О новомъ религіозномъ дѣйствиіи, стр. 376.

4) Новый путь 1903 г. м. Ноябрь, стр. 457.

что и Соломонъ не былъ прекраснѣе ихъ въ убранствахъ своихъ; взгляните на птицъ небесныхъ, которыя не сѣютъ. не жнутъ, и Отецъ Небесный питаетъ ихъ“. Но не удовлетворился человѣкъ этимъ, ему захотѣлось „одеждъ“. Онъ вознамѣрился стать несравненно красивѣе этихъ евангельскихъ лилій, рыбаковъ Петра и Андрея, Наѳанаила и Іоанна и вотъ, какъ Адамъ, не послушавшій Господа, началъ шить себѣ одежды,—такъ, не послушавшись предостереженія Спасителя о лиліяхъ и птицахъ, христіане между IV и VII вв. начали шить полотнища догматовъ. Галилейскіе рыбаки Петръ и Андрей смѣнились Оригенами и Климентами. Растительное христіанство начало обращаться въ каменное, по видимому болѣе твердое, но не живое“¹⁾. Такъ евангельское благовѣстіе замѣнила мертвая догматика и убила живой евангельскій духъ. вмѣсто усвоенія всѣмъ сердцемъ этого духа лилій Христовыхъ, люди попусту спорили на улицахъ и площадяхъ, занимались пустымъ словопреніемъ и „въ нѣжное и неизяснимое евангельское благовѣстіе привнесли смертное начало, „неодушевленную глину“ къ юному тѣлу первоизданнаго христіанства... Великолѣпное слово Евангелія передѣляли въ сравнительно гнилое слово догматики“²⁾.

Конечно, если механически расчленять христіанство, если обособлять его нравственное и догматическое ученіе, то, пожалуй, догматы вѣры Христовой, дѣйствительно, обратятся въ сухія внѣшнія формулы, дающія только извѣстныя теорическія представленія, питающія только разумъ человѣческій и ничего болѣе. Отдѣлите въ какой угодно религіи правоученіе отъ вѣроученія и разсуждайте о нравственномъ ученіи какой-либо религіи, не имѣя въ виду его догматическихъ предпосылокъ, и предъ вами предстанетъ не правоученіе, претендующее войти въ жизнь человѣческую и

¹⁾ Ibid., стр. 456—457.

²⁾ „Новый путь“, 1903 г. м. ноябрь. Записки религіозно-филос. собр. въ СПБ., стр. 456—457.

согрѣть ее своими заповѣдями, измѣнить, возвысить и преобразовать ее, а безсмыслица, которая навѣтъ на челоуѣчество тупиѣъ, разочарованіе и неодумѣніе. Дайте, наоборотъ, челоуѣчеству одно лишь религіозное міросозерцаніе, одно вѣроученіе и не говорите ему о тѣхъ обязанностяхъ, какія налагаетъ на него это вѣроученіе, другими словами, не говорите ему о нравственной жизни, сообразной съ вѣроученіемъ, и вы, дѣйствительно, убьете живой духъ всякой религіи. Религія есть синтетическое единство всѣхъ дѣятельностей духа; она не ограничивается одною какою-либо стороною души челоуѣка. Нельзя сказать, что она въ умѣ, или въ сердцѣ, или въ волѣ. Она коренится въ глубинѣ челоуѣческаго духа и есть самая интенсивная его дѣятельность. Тѣмъ болѣе нельзя ограничивать одною областью души величайшую религію христіанскую, религію универсальную, религію, отвѣчающую всѣмъ запросамъ духа челоуѣческаго. Христіанство есть величайшая истина для нашего ума, высочайшая жизнь для нашего сердца, святѣйшій путь для нашей воли. Развѣ можно такъ анатомировать и расчленять его, какъ то дѣлаютъ современные моралисты? Развѣ можно ограничивать его однимъ правоученіемъ? Развѣ можно говорить о нравственности безъ догматики и о догматикѣ безъ нравственности? Что и гдѣ въ христіанствѣ вѣроученіе? Что и гдѣ въ немъ правоученіе? Эта святая религія вся зиждется на вѣрѣ въ непостижимую любовь Бога къ міру, столь великую и безпредѣльную, что Богъ, движимый ею, приноситъ Сына Своего въ жертву Себѣ Самому за созданный Имъ міръ, приноситъ сію святую жертву на алтарь этого же міра. И для насъ здѣсь кончается область ума и начинается область безграничной любви, готовой душу свою положить за друзей своихъ и требующій отъ насъ, чтобы мы жили такъ, какъ жилъ Христосъ Богочелоуѣкъ, страдали такъ, какъ Онъ страдалъ. „Кто любитъ Меня, тотъ соблюдетъ слово Мое; и Отецъ мой возлюбитъ его, и

Мы придемъ къ нему, и обитель у него сотворимъ“ (Іоан-14, 23). Вотъ опытъ нравственной жизни христіанской, опытъ истины во Христѣ и жизни въ Немъ, съ Нимъ и для Него. Въ христіанствѣ, можно сказать, сливается воедино и вѣроученіе, и нравоученіе. Здѣсь—все истина, все жизнь, все любовь, здѣсь — цѣлостный организмъ, возглавляемый Іисусомъ Христомъ.— „Христіанская догматика и нравоученіе, говорить прот. Е. А. Аквилоновъ, это въ высшей степени поразительный духовный космосъ, построенный съ соблюденіемъ стройной пропорціональности частей и гармоническаго ихъ взаимоотношенія. Въ этомъ чудномъ космосѣ есть свое духовное солнце—Богъ, на Его тверди красуются безчисленныя звѣзды и планеты, управляемая законами высшей духовной жизни, есть свои стремленія и средства къ ихъ достиженію. Исторгните изъ духовной тверди хоть одну наименьшую звѣздочку,—и тотчасъ рушится вся система“¹⁾.

Если мы подойдемъ къ Евангелію съ такой точкой зрѣнія на взаимоотношеніе вѣроученія и нравоученія, то увидимъ, что Христосъ Спаситель не только преподавалъ догматы, но и поставлялъ ихъ въ неразрывную связь съ нравоученіемъ Своимъ. „Если Я сказалъ вамъ о земномъ, и вы не вѣрите; какъ повѣрите, если буду говорить вамъ о небесномъ?“ (Іоан. 3, 12). Такъ, по собственнымъ словамъ Іисуса Христа, все его ученіе заключаетъ въ себѣ двѣ части: одну, относящуюся къ земному человѣческому, т. е. все Его нравственное ученіе, имѣющее цѣлью возродить, освятить и спасти человѣчество, и другую,—относящуюся къ небесному, сверхестественному, пли что то же—ученіе о такихъ религіозныхъ истинахъ, которыя человѣкъ долженъ воспринять вѣроу, долженъ увѣровать въ нихъ—это вѣроученіе, это тѣ истины вѣры, которыя и послужили основой для всей послѣдующей

¹⁾ Христіанское чтеніе. 1903 г. м. февраль. Е. Аквилоновъ. О Божественности христіанства и о превосходствѣ его надъ буддизмомъ и мохаммеданствомъ, стр. 206.

церковной догматики. „Никто не восходилъ на небо, какъ только Сшедшій съ небесъ Сынъ Человѣческой, Сущій на небесахъ“ (Іоан. 3, 13). И этотъ Сынъ Человѣческой, Сшедшій съ небесъ, съ увѣренностью говоритъ о вещахъ, вполнѣ превосходящихъ наше человѣческое міровоззрѣніе. Онъ намъ открываетъ Бога, говоритъ намъ о тринности лицъ въ Богѣ, изъясняетъ міроуправленіе Божіе, Его промыслъ о всѣхъ твореніяхъ, Его благія намѣренія для спасенія человѣчества. Иисусъ Христосъ возвѣщаетъ намъ о необходимости для человѣчества Своей смерти и прямо проповѣдуетъ о Своемъ искупительномъ подвигѣ, прямо говоритъ, что принесетъ Себя въ жертву для спасенія людей. „Такъ возлюбилъ Богъ міръ, что отдалъ Сына Своего Единороднаго, дабы всякій вѣрующій въ Него не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную“ (Іоан. 3, 16). И въ этихъ немногихъ словахъ Онъ обнаруживаетъ весь планъ Божественнаго домостроительства. Спаситель учитъ, что смерть Его привлечетъ къ Нему всѣхъ людей, и одинаково возвѣщаетъ и Свое воскресеніе и Свою побѣду надъ дьяволомъ. Онъ, какъ живое воплощеніе Бога, говоритъ о Своей личности и открываетъ Себя ученикамъ Своимъ, чтобы они признавали Его за Того, въ Кого нужно вѣрить, Кого нужно любить превыше всего и въ Комъ міръ долженъ искать утѣхи, покоя и спасенія. Спаситель возвѣщаетъ о будущемъ судѣ, описывая его, каковъ онъ будетъ; Онъ говоритъ о воскресеніи изъ мертвыхъ, о будущей жизни, давая этимъ знать человѣчеству, что цѣль жизни его въ единеніи съ Богомъ въ вѣчныхъ блаженныхъ селеніяхъ неба. Все это—высшая, небесная сторона Христова ученія,—можно сказать, то догматическое зерно, въ которомъ уже существовала вся послѣдующая система христіанства. Современный морализмъ почему-то игнорируетъ эту вѣроучительную сторону въ Евангеліи, одновременно выдвигая въ немъ нравственный моментъ. Но нравоученіе въ Евангеліи всегда стоитъ въ самой тѣснѣйшей связи и зависимости отъ вѣроученія; поэтому затѣнять послѣднее значитъ забывать въ

Евангеліи самое главное, основное и существенное, значить призывать къ жизни по евангельскимъ принципамъ, обезкрыливъ эти принципы и лишивъ ихъ самой возможности стать жизнью и духомъ.

А. Д—въ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКИ.

а) Кредитные кооперативы въ Рязанской епархіи.

Въ деревняхъ Рязанской губерніи, какъ и всякой другой, сельское хозяйство ведется самыми первобытными приѣмами. Проблески культуры, стремленіе вести хозяйство разумно и цѣлесообразно можно наблюдать только изрѣдка. Естественно, что у крестьянина вѣчная нужда, что онъ бьется въ тискахъ у мѣстныхъ кулаковъ-міроѣдовъ. Въ послѣднее время на помощь крестьянамъ пришли кооперативы. Ихъ моральное и социальное значеніе громадно. Кромѣ непосредственнаго подъема хозяйства, кооперативы преслѣдуютъ и другую цѣль—борьбу съ ростовщичествомъ. Видную роль въ дѣятельности кредитныхъ кооперативовъ играетъ ихъ посредническая роль по приобрѣтенію и сбыту сельско-хозяйственныхъ предметовъ и продуктовъ. Духовенство Рязанской епархіи хорошо сознаетъ важное значеніе кооперативовъ для крестьянскаго быта, принимаетъ въ нихъ энергичное участіе и, для навстрѣчу запросамъ и нуждамъ деревни, тѣмъ самымъ укрѣпляетъ свою связь съ приходомъ, поднимаетъ его общее благосостояніе, внося живую струю въ застоявшуюся жизнь деревни. Въ Рязанской епархіи есть села, гдѣ руководящую роль въ кооперативахъ занимаетъ духовенство. Въ качествѣ примѣра можно указать на село Колыбельское, Ранненбургскаго уѣзда. Здѣсь предсѣдателемъ повѣрочнаго совѣта въ кредитномъ товариществѣ состоитъ свящ. Ф. Богослов-

скій, который отмѣчаетъ продуктивную работу товарищества, ростъ его капитала и вкладовъ. Свои прибыли товарищество расходуетъ на выписку газетъ и журналовъ, на покупку въ школу наглядныхъ пособій, на устройство сельско-хозяйственнаго склада, потребительской лавки и т. д.

в) Умилительная картина церковно-приходской жизни.

Кому не извѣстенъ тотъ широкій разгулъ, какимъ сопровождается въ нашей православной матушки Руси послѣдняя приготовительная недѣля къ св. четыредесятницѣ, именуемая у насъ „широкою масленицей“? Какъ прискорбно бываетъ для сердца истиннаго христіанина все это шумное веселье, все это не кстати праздничное настроеніе, словомъ — весь этотъ традиціонный обычай, унаслѣдованный нами отъ предковъ — язычниковъ и поддерживаемый на протяженіи слишкомъ девяти столѣтій! И что всего печальнѣе, такъ это то, что чѣмъ ближе подходятъ св. дни Великаго поста, тѣмъ разгулъ увеличивается сильнѣе и сильнѣе и, наконецъ, въ послѣдній день во многихъ мѣстностяхъ достигаетъ своего апогея. Многимъ, я думаю, приходилось наблюдать, какъ вереницы катающейся молодежи и толпы пьяныхъ, съ громкими пѣснями, бранью, шумомъ и гамомъ не смущаются даже призывнымъ благовѣстіемъ къ вечерней молитвѣ и продолжаютъ свои безобразія до поздней ночи. Въ большинствѣ сельскихъ храмовъ за вечернимъ богослуженіемъ въ этотъ день молящихся бываетъ очень и очень незначительное число — десятокъ другой-третій какихъ-нибудь благочестивыхъ старичковъ да старушекъ, а молодое поколѣніе обычно въ это время блистаетъ своимъ отсутствіемъ. Грустныя, печальныя картины!

Явленіе совершенно противоположнаго характера я встрѣтилъ еще въ одномъ изъ сель Сарапульскаго уѣзда, гдѣ „волею судьбы“ привелось мнѣ провести нынѣшнюю сырную недѣлю. Не скрою, что и здѣсь не забыть и не заброшенъ обычай празднованія масленицы, и вообще не буду отрицать также и того, что религіозно-нравственное состояніе прихода этого села оставляетъ желать еще многого; но меня пріятно поразили слѣдующій фактъ, достойный быть отмѣченнымъ и потому невольно заставившій взяться за перо.

Послѣ шумно-проведенныхъ двухъ дней—пятницы и субботы, жители этого (скажу мимоходомъ, только что вновь открытаго въ минувшемъ году) села послѣдній масленичный день провели гораздо скромнѣе, а задолго еще до вечерни и совсѣмъ стихли. Часовъ съ трехъ по-полудни начали подъѣзжать къ храму прихожане единственныхъ въ приходѣ двухъ деревень, отстоящихъ отъ села одна—на разстояніи 1¹/₂ вер., а другая—5 версть, изъ первой многіе шли даже пѣшкомъ. Наконецъ, въ 4 часа начался благовѣсть, и народъ густыми толпами шель въ церковь, изъ села. Шли старые и молодые, не исключая даже и дѣтей. Довольно просторный храмъ уже къ началу вечерни былъ переполненъ молящимися, какъ въ день св. Пасхи. Нельзя было безъ особеннаго умиленія смотрѣть на эту массу людей, сошедшихся для общей молитвы въ преддверіи Великаго поста. Глубокіе покаянные вздохи вырывались, изъ многихъ грудей при чтеніи священникомъ молитвы: „Господи и Владыко живота моего“...

По окончаніи вечерни и повечерія, мѣстнымъ священникомъ было сказано глубоко-назидательное слово на тему о прощеніи обидъ вообще и о всеобщемъ примиреніи въ настоящій день въ особенности, а въ заключеніе пастырь просилъ прощенія у всѣхъ, кто что-либо имѣетъ противъ него. „Господь тебя проститъ, насъ прости, батюшка“! раздалось во всемъ храмѣ.

Послѣ этого настала самая трогательная минута: при полномъ освѣщеніи храма, вспыхнули свѣчи въ рукахъ у

всего народа, и вышедшими на средину храма священникомъ и псаломщикомъ съ хоромъ пѣвчихъ были торжественно пропѣты, совмѣстно со всѣми молящимися, пасхальные стихиры: „Да воскреснетъ Богъ“ до словъ: „и тако возошѣмъ“. Нужно ли говорить, какое сильное впечатлѣніе производили на души молящихся эти побѣдныя пѣснопѣнія при всей описанной обстановкѣ!

Далѣе, послѣ заключительныхъ словъ изъ послѣдней пропѣтой стихиры: „простимъ вся воскресеніемъ“, священникъ сказалъ отпущъ и приложилъ всѣхъ ко св. кресту, при чемъ прикладывающіеся испрашивали у своего духовнаго отца прошенія своихъ грѣховъ противъ него, а затѣмъ прощались и взаимно другъ съ другомъ.

Въ высшей степени отрадно встрѣчать подобные примѣры проявленія религіозности, особенно въ переживаемое нами время безвѣрія и всевозможныхъ на этой почвѣ заблужденій. Честь и хвала пастырю, посѣявшему такія добрыя сѣмена въ сердца своихъ пасомыхъ (Вят. Е. В.).

З. — Свѣ.

с) Обь общемъ пѣніи въ церквахъ.

Духовенство Пермской епархіи, озабоченное вопросомъ, какими мѣрами содѣйствовать успѣшному введенію всенароднаго пѣнія въ церквахъ, выработало слѣдующія правила: 1) „Чтобы освоить прихожанъ съ мыслию о всенародномъ пѣніи, привить охоту и привычку къ такому пѣнію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и устранить необходимыя и вполнѣ естественныя на первыхъ порахъ смущеніе и неувѣренность въ своихъ голосахъ и познаніяхъ, нужно заранѣе постепенно привлекать прихожанъ къ участію въ пѣніи при различныхъ требоисправленіяхъ въ ихъ домахъ, крестныхъ ходахъ, проходахъ покойниковъ, на внѣбогослужебныхъ чтеніяхъ и собесѣдова-

ніяхъ. 2) Въ виду трудности этого дѣла, вводить и изучать церковныя пѣснопѣнія постепенно, понемногу; сначала, напр., можно ограничиться пѣніемъ, такъ называемымъ, отвѣщательнымъ (когда народъ отвѣчаетъ на возглашенія діакона или священника) на эктеніяхъ; по достаточномъ (на службахъ) повтореніи указаннаго пѣснопѣнія, перейти къ слѣдующему и т. д. 3) Для бѣльшаго успѣха при введеніи общаго пѣнія руководителямъ необходимо пользоваться услугами школьникоу, особенно церковно-приходскихъ школь; они знаютъ простѣйшія пѣснопѣнія и охотно и смѣло поють ихъ въ храмѣ. Поставленные предъ собою вмѣстѣ съ клиромъ, они могутъ, особенно въ началѣ дѣла, быть и хорошими помощниками руководителямъ и примѣромъ для старшихъ, присутствующихъ въ храмѣ. 4) Съ тою же цѣлью обезпеченія успѣха при введеніи общаго пѣнія опытные руководители послѣдняго рекомендуютъ тамъ, гдѣ есть хоръ, разставлять пѣвчихъ въ разныхъ мѣстахъ храма среди молящихся, чтобы они своимъ примѣромъ смѣлости и знанія руководили несмѣлыми и малознающими. 5) При увеличеніи количества пѣснопѣній, исполняемыхъ всенародно, для бѣльшаго усвоенія ихъ и согласованности и стройности пѣнія, необходимы спѣвки“ (Перм. Еп. Вѣд.).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій

Печатать дозволяется. Кіевъ, 23-го августа 1912 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акц. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго. Маринговская ул. 6.